

XX военные
тайны
века

В.Г. Гончаренко

БЕЛОЭМИГРАНТЫ МЕЖДУ ЗВЕЗДОЙ И СВАСТИКОЙ

Москва
«Вече»
2005

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24.
Издательство «Вече».

Телефон: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74
Тел./факс: 188-16-50, 188-88-02, 182-40-74, 182-60-47

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>,
www.100top.ru

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ—НН»
тел.: (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел.: (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ—КАЗАНЬ»
тел.: (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ ГАЛЛИПОЛИ В 1920—1921 ГОДАХ

Когда суда, наполненные до отказа отступившими войсками и невероятным количеством беженцев и войск Русской армии, были уже в море, среди покидавших Отечество свое едва ли нашелся хоть кто-нибудь, чье сердце не дрогнуло бы при виде удалявшихся родных берегов. Неоднократно повторявшийся у многих мемуаристов мотив тоски и полной безнадежности сквозил во всех разговорах и беседах, ведущихся на кораблях. По ходу движения флотилии прочь от родных берегов, выяснилось, что запасы провизии и воды на кораблях не рассчитаны на всех, кому посчастливилось на них оказаться: «Не хватало продуктов... В день на человека выдавалось по стакану жидкого супа и по несколько галет. Буханку хлеба, там, где он был, делили на 50 человек. Через четыре дня такого питания те, кто не имел с собой никаких съестных припасов, уже не могли подниматься, чтобы глотнуть свежего воздуха».¹

На докладе у Врангеля, генерал-лейтенант Павел Алексеевич Кусонский, бывший до отъезда начальником штаба 2-й армии, бодро рапортовал Главнокомандующему о боевом духе погрузившихся на транспорты донских и кубанских казаков: «Настроение казаков на редкость бодрое. Ваше превосходительство, я уполномочен командующим армией, просить вас не разоружаться в Константинополе. Я верю в настроение казаков...

— Но ведь это невозможно, генерал...

— Все же, ваше превосходительство. Я вас покорнейше прошу, я вас умоляю... С такими солдатами, с таким настроением мы можем и будем чудеса делать... Главнокомандующий убеждает генерала Кусонского в абсурдности и невозможности выполнения этого решения».²

В Черном море мерно шли: линкор «Генерал Алексеев», крейсер «Генерал Корнилов» и вспомогательный крейсер «Алмаз». За ними, едва видимые из-за высокой волны, неслись эскадренные миноносцы «Цериго» и «Гневный». В легкой дымке угадывались силуэты миноносцев «Капитан Сакен», «Звонкий» и «Жаркий». Надводным курсом тянулись за вышедшей в море флотилией подводные лодки Белого флота. Рассекая волны, скользили одна за другой «Буревестник», «АГ 22», «Тюлень» и «Утка», некогда обратившая в бегство батумский пароход, полный красноармейцами и комиссарами, когда летом 1920 года тот следовал в Гагры для ареста и расправы над кубанцами генерала Фостикова, интернированными грузинскими войсками на берегу моря.

С большой осадкой шли три вооруженных ледокола «Илья Муромец», «Джигит» и «Гайдамак». В их компании чувствовали себя защищенными четыре тральщика и пять посыльных судов, одному из которых, «Лукуллу», судьбой было уготовано стать в недалеком будущем штаб-квартирой Главнокомандующего. Резал форштевнем черноморскую воду тяжело нагруженный линейный корабль «Георгий Победоносец», а за ним, стараясь не отстать, изо всех сил плыли два посыльных катера, лоцманское судно «Казбек», буксирно-спасательный пароход «Черномор», транспорт «Рион» и транспорт-мастерская «Кронштадт». Все суда двигались под Андреевским флагом.

В день прибытия русских кораблей в Константинополь, барон Врангель пригласил на совещание командующего Белым флотом вице-адмирала Михаила Александровича Кедрова, и, по его прибытии, вышел тому навстречу, горячо пожал адмиральскую руку, обратившись со словами искреннего признания: «Адмирал, Армия знает, кому она обязана

своим спасением! И я знаю, что буду обязан только вам, что мне удалось вывести с честью Армию, согласно моему обещанию, данному ей при моем вступлении». ³ Кедров, едва скрыв волнение, на обращенные к нему слова Главнокомандующего, ответил крепким рукопожатием Врангелю.

Еще до того, как часть Белого флота уйдет через Мраморное море и узкий Дарданелльский пролив к далекой африканской Бизерте, Михаилу Александровичу Кедрову придется приложить немало сил в борьбе с союзными представителями за сохранение целостности русского флота. Много дней и месяцев проведет он в непрерывных заботах о судах и их командах, а также их многочисленных пассажирах-беженцах.

В чужом порту, он не перестанет хлопотать и об улучшении быта и жизни обыкновенных людей, оказавшихся в непривычной и тяжелой для многих из них судовой обстановке. А еще о поставке провианта для всех, вывезенных из России, о частичной разгрузке транспортов и перемещении сухопутных частей Русской армии на берег. Все это будет чуть позже, после прибытия, а пока русские корабли все еще идут в море и до турецкого берега пока не так близко. В каюте Главнокомандующего не протолкнуться: здесь собрались представители командования, представители гражданской администрации Крыма, общественные деятели и, конечно же, представители иностранной прессы, жадно ловящие новости от самого Главнокомандующего и тут же, в тесных каютах, бегло записывающие свои сенсационные репортажи о последних днях Русской армии, покинувшей свое Отечество. Барон поручил последнему генерал-квартирмейстеру Русской армии Герману Ивановичу Коновалову взять на себя труд вести дела собственной канцелярии. Работа эта проходит в спокойной, деловой обстановке. Канцелярия и почти все чины штаба Главнокомандующего, как и прежде, готовят приказы, отдают распоряжения о переводе иностранных телеграмм в адрес барона; адъютанты, благо они расположились рядом, организуют прием посетителей: «В ка-

юте у генерал-квартирмейстера уже кипит работа. Зашифровывают радиотелеграмму, стучит пишущая машинка, приносят какие-то бумаги. Постоянно входят адъютанты Главнокомандующего и начальника штаба, и то и дело слышится: «Главком приказал», «Начальник штаба просит это переписать», «Вас вызывает Главнокомандующий»... Спешно переписывается и переводится письмо Главнокомандующего к графу де Мартелю... Письмо подписано... Но тут происходит заминка с номером... все исходящие и входящие журналы, все делопроизводство брошено или сожжено в Севастополе. Какой ставить номер на эту историческую бумагу?.. Недоразумение разрешает генерал К.: — Чего там долго думать? — обращается он к офицеру Генерального штаба, — вы какой одеколон употребляете? — Полковник не сразу догадывается и несколько удивленно отвечает: — № 4711. — Ну и великолепно. Отлично! Ставьте этот номер и отправляйте бумагу, черт ее дери...»⁴ Прибывших встречают «парные» часовые у входа в кают-компанию, элегантно обтянутую светлым шелком. Посетители Главкома не всегда прибывают к нему с радостными известиями. До Врангеля доходят слухи, что почти все суда перегружены, и что условия пребывания на них людей ухудшаются час от часу: «Какой-то генерал дрожащим голосом рассказывал, как ему пришлось эвакуироваться... — Я был комендантом на миноносце «Грозный». Вы только подумайте! В эту маленькую скорлупку набилось 1015 человек. Не хватает угля, не было воды. Некоторые сошли с ума от этих условий. Продуктов не хватало. Пришлось реквизировать у тех, кто имел запасы. Была всего лишь одна уборная. Очередь у нее стояла по нескольку часов. Ведь это ужас».⁵ Посетители «походной приемной» Главнокомандующего то и дело приходят и уходят, передавая все новые подробности нечеловеческих условий существования на кораблях. Их принимают, выслушивают, докладывают об их сообщениях Врангелю. Однако помочь людям сейчас, во время пути, почти невозможно: свободных транспортов нет, и в любую минуту может ра-

зыгаться шторм, грозящий потоплением переполненным судам. Канцелярия продолжает работу. Готовится приказ о реорганизации армии в три корпуса: Донской, Кубанский и 1-й регулярных войск. Пересматриваются и сокращаются штаты Русской армии, упраздняются некоторые должности, расформируются военные и гражданские учреждения. Подготовлен приказ о военно-полевых судах. Верстаются информационные бюллетени для ознакомления с ними чинов армии, флота и гражданских ведомств. Тем временем, на ледоколе «Илья Муромец», куда ему удалось попасть стараниями знакомых офицеров флота, покидал в эти дни родные берега генерал-лейтенант Яков Александрович Слащев, успевший разместить на нем немногочисленных чинов своего родного Лейб-гвардии Финляндского полка, увозящих теперь с собой в изгнание свое полковое знамя. Находясь в раздерганных чувствах, легендарный белый командир корпуса, уже подумывал о том, чтобы объясниться с Врангелем, которого считал причиной почти всех своих бед и всех тех несчастий, произошедших с Русской армией и Крымом в последние месяцы. Честолюбивые замыслы уже не снедали Слащева как прежде, и в будущей армии, какой бы она не приняла вид, он был готов поделиться лаврами «легендарности» с другими заметными фигурами. Сам же он предпочел открыться публике за рубежом с новой для себя стороны публициста и общественного бичевателя несовершенства врангелевского управления. Управление частями изгнанной армии желал получить в свои руки энергичный Александр Павлович Кутепов, доверительно обратившийся к боевому товарищу в Константинополе. Между генералами произошел примечательный разговор: «Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся. — О, это я могу сделать с удовольствием, — ответил я. — Твое имя настолько непопулярно, что еще скорее разложит армию. — И написал рапорт, который Кутепов повез Врангелю».⁶ Дол-

гий крестный путь Русской армии продолжался. Многие участники того длительного морского перехода свидетельствуют, что, несмотря на внешне одинаковое положение эвакуировавшихся людей, далеко не все из них находились на борту уплывавших кораблей в равных условиях: «Некоторые успели перед погрузкой пограбить склады и неплохо обеспечить себя, а эвакуировавшиеся из Ялты запаслись вином и им пытались заглушить горечь поражения и страх перед будущим... В кают-компаниях, где, как правило, размещались штабники, были в пьянство, и карточные игры, и даже танцы под фортепьяно. На транспорте «Саратов», например, для высших чинов корпуса подавались обеды из трех блюд, готовились бифштексы и торты. На броненосце «Алексеев» видели даму, выгуливающую собачку».⁷

Очевидцы оставили немало свидетельств того, что на уходящих в неизвестность транспортах, как никогда, резко обозначился «классовый» подход в распределении свободных мест. Касалось это, главным образом, погруженных на борта чинов армии: «Сразу бросались в глаза три категории: высшее начальство и их семьи... Полковники, штабное офицерство, штатские пшюты, всевозможных калибров предприниматели, богатые коммерсанты с семьями, банкиры и «прочая в этом роде». Вторая категория — обыкновенные жители Севастополя... мирные, запуганные обыватели — мещане, ...и, наконец, третья категория — просто военные, рассеянные и отступившие на Севастополь с фронта войсковые части... военные школы и прочая публика в этом роде».⁸

Буквально на третий день пути, согласно приказу по кораблям, гражданским лицам, нижним чинам и беженцам было предписано освободить каюты и занимаемые ими кают-компании для высших чинов армии. Без особого энтузиазма, публика подчинилась приказу, грозившим ей? в случае неподчинения, наказанием, постепенно переместившись в проходы между каютами и наружные коридоры. Кто-

то оказался на палубе; немногие счастливицы нашли себе места на медных решетках, закрывавших «кочегарки» гражданских судов.

«А когда наступала ночь и густая тьма окутывала небо, море...из кают-компаний несло пьяное разухабистое пение цыганских романсов, и доносился до нас характерный звук вылетающих пробок из бутылок пенного шампанского. Там цыганскому пению вторил визгливый, раскатистый женский смех... Так плыли мы и «они». Поразительно, но подобные примеры классовой сегрегации пережили не только сам поход через Черное море, но еще долгое время оставались живы и в других средах зарубежной общественной жизни русской эмиграции: «...в Париже можно было увидеть окаменелости бюрократического мира и восковые фигуры представителей большого света в уголке яхт-клуба, перенесенного в Париж, во всем своем нетронутым виде со своими неискоренимыми навыками, с роскошными обедами, с неизжитой психологией, с протягиванием двух пальцев людям другого круга, с понятиями, не шедшими дальше того, что все должно быть восстановлено на прежнем месте, как было, яхт-клуб, прежде всего, а все остальное после... Когда после тонкого завтрака за чашкой кофе, с ликерами, с коньяком, с сырами разных сортов и фруктами среди разговора о благотворительном спектакле, о литературной новинке и последней лекции Пуанкаре мимоходом обмолвятся: «ну, что бедняга Врангель? Как, Армия еще существует! Разве не все разбежались?»⁹

Тяготы корабельного быта, теснота и грязь кают и палуб не могли идти в сравнение с тревожными мыслями, что одолевали почти всех. Мысли эти приходили в головы людям, вне зависимости от их принадлежности к какому бы то ни было классу: «что ожидает нас там, впереди?». Определенный ответ на этот вопрос могли дать лишь очень немногие, те, для которых турецкие берега готовились стать лишь перевалочным пунктом на пути в Западную или Южную Европу. Тем, кто обладал устойчивыми родственными связями за

границей или значительным состоянием, позволявшим свободное перемещение по миру, исход из России казался тяжелым, но не безнадежным предприятием. Многие из них надеялись на возвращение, пусть даже не скорое, и чувства этих людей, а также их мысли не занимало то настроение безысходности, охватившее всех, кому оставалось лишь полностью положиться на командование армии, предоставляя ему быть вершителем вверенных ему человеческих судеб.

Большинство нижних чинов армии было уверено, что командованием уже составлен план действий, и что их отплытие за границу будет лишь одним из отвлекающих маневров на пути к победному возвращению в Россию для окончательного изгнания духа большевизма. Встречаемые на этом пути трудности — лишь одни из тех, многих уже пережитых в этой длинной череде дней, недель и месяцев борьбы за правое дело.

Всегда существовавшие трения с союзниками, не позволяли Врангелю надеяться на то, что их помощь за границей будет более действенной, чем та, что они оказывали Русской армии в России, однако их согласие предоставить для Русской армии сравнительно близкую к российским границам турецкую территорию, можно было расценивать, как большую удачу дипломатии Врангеля. Приближавшиеся час за часом турецкие берега рассматривались Главнокомандующим, как плацдарм для будущего похода на большевистскую власть. Географическая близость к России означала, что после нескольких месяцев отдыха и переформирования, части обновленной Русской армии будут готовы к высадке на ее южных или иных рубежах, там, где осуществить это позволит оперативная обстановка и вновь продолжить войну с большевизмом. И вот, наконец, уже ближе к вечеру, после раннего захода солнца, впередсмотрящие на мостиках кораблей русской флотилии начинают различать бегущие и мерцающие огоньки. Корабли берут курс на свет дальних огней, и вскоре становятся различимы маяки Босфора. Темное пространство пролива постепенно приближается, и вот

уже вскоре с двух сторон берега, вспыхивая во тьме, подмигивают огоньки Буюк — Дерё. По кораблям флотилии отдается приказ становиться на якорь из-за запрета иностранным судам проходить Босфор в ночное время, и до девяти утра следующего дня все корабли замирают в томительном ожидании своей судьбы. «Свыше 120 кораблей флотилии Врангеля усеяли этот рейд. Это был клочок плавучей России, не пожелавшей оставаться под большевистским ярмом». ¹⁰

Однако утром продвинуться далее по проливу союзники и турецкие власти разрешили лишь одному крейсеру «Генерал Корнилов», поднявшему заранее французский флаг. Высадка пассажиров с других судов на берег откладывалась на неопределенное время. Вокруг ставших на якорь русских судов по прозрачной водной глади то и дело сновали юркие ялики и самодельные турецкие лодки. Сидевшие в них турки предлагали мучившимся от голода и жажды пассажирам стоявших транспортов менять личное оружие или имевшиеся у некоторых комплекты чистой одежды на самую незатейливую еду и сравнительно чистую воду. За отдельную плату турки брались доставлять родственников с берега, ожидавших прибытия своих из России. Лодочники ловко маневрировали между застывшими глыбами судов и застывали, покачиваясь в волнах, у их бортов, пока пассажиры выкрикивали имена и фамилии тех, кого они столь трепетно ожидали. Приезжавшие на турецких лодках к кораблям русские обращались к собравшейся многолюдной толпе на палубах, прося разыскать такого-то и такого. Попутно они рассказывали пассажирам городские новости, и охотно делились слухами относительно судьбы вновь прибывших эмигрантов из России. Услышанное не производило на беженцев благоприятного впечатления: становилось понятно, что в своем новом качестве здесь они нежеланные гости, и что видимого просвета в начавшейся череде их скитаний, увы, не предвидится. Среди пассажиров поднялся ропот. Дошедшие до военного командования слухи, заставили штаб Глав-

нокомандующего принимать экстренные меры по наведению порядка. За упадок дисциплины у подчиненных, Александр Павлович Кутепов провел показательное снятие с должности генерал-лейтенанта Петра Константиновича Писарева, еще недавно, в августе 1920 года, принявшего у самого Кутепова 1-й армейский (добровольческий корпус), и считавшегося его боевым соратником. Нарядам марковцев, ставших в изгнании опорой и «гвардией» Кутепова, было приказано не допускать приближения лодок и маломерных судов с посторонними к стоящей на рейде флотилии. В случае отказа частных лодок покинуть акваторию вблизи судна, нарядам на кораблях было предписано открывать огонь. Вскоре началась разгрузка судов. С них начали снимать больных и раненых. На берег сошли и некоторые казачьи подразделения. Союзные иностранные миссии уведомили Врангеля, что одним из условий размещения прибывших в Турцию чинов Русской армии станет безоговорочная сдача оружия союзным войскам. «Впоследствии, по соглашению с французами, воинским частям оставили одну двадцатую часть стрелкового оружия. В итоге французы все же изъяли 45 тысяч винтовок и 350 пулеметов, 12 миллионов ружейных патронов, 330 снарядов и 60 тысяч ручных гранат. Неплохо поживились они и другими запасами. С кораблей сгрузили 300 тысяч пудов чая и более 50 тысяч пудов других продуктов. Кроме того, французы изъяли сотни тысяч единиц обмундирования, 592 тонны кожи, почти миллион метров мануфактуры. Общая цена всего этого составила около 70 миллионов франков».¹¹

Изъятие у Русской армии оружия оправдывалось французскими союзниками тем непомерным бременем содержания сравнительно большой Русской армии. Французы утверждали, что ими ожидалось всего лишь до полутора десятка тысяч человек. В действительности численность прибывших русских частей оказалась почти в десять раз больше. Места размещения русских войск были согласованы Врангелем с Турцией и союзным командованием, одна-

ко, едва ли Главнокомандующий мог представлять себе заранее, какими на самом деле окажутся отведенные его частям территории. Что это будут за места, где его войскам предстояло сойти на берег и расположиться походным порядком, в палатках, под открытым небом, без доступа к городским инфраструктурам и элементарным бытовым удобствам.

Лишь со временем станет все более очевидным, что со многими недавними героями борьбы с большевизмом, ступившим на эти безжизненные, Богом забытые галлиполийские камни, произошли перемены, сделав их совсем другими людьми. Злой наблюдатель свидетельствовал, что населявшие лагеря солдаты и офицеры, под воздействием внешних неблагоприятных факторов, перенесенных бедствий и утратив веру в благополучный исход своей судьбы, «превратившись из «спасителей Отчества» в несчастную беженскую орду, из милости принятую на французские хлеба..., как бы в виде насмешки, на чужбине были водворены в таких пунктах, где земная поверхность еще носила на себе следы недавних великих битв и где неудачным войскам отводилась роль сторожей знаменитых исторических кладбищ».¹²

Галлиполи, где расквартировывались дроздовцы, корниловцы, алексеевцы и марковцы, было известно, как место захоронений британских и французских солдат и офицеров, погибших при неудачном десанте и попытке захватить проливы у Турции в 1915 году. Остров Лемнос, куда был направлен Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова и остатки корпуса генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Шкуро, еще недавно был лишь временной базой союзнических флотов, действовавших против Германии и ее союзницы Турции, в Эгейском море. Донской корпус оказался на Чатаджинских высотах. Там, где еще семь-восемь лет назад шли бои с переменным успехом двух враждующих армий — болгарской и турецкой. Схватки эти проходили на пути болгар к столице Османской империи, и именно там

болгарские войска были остановлены неистовым сопротивлением янычар, потопивших своих противников в крови.

Отдельная бригада генерал-лейтенанта Александра Петровича Фицхелатурова, состоявшая из подразделения калмыков и 18-го Донского Георгиевского полка была отведена на север, на станцию Кабакаджа, оставив в селении Чилингир 3-ю Донскую дивизию генерал-лейтенанта Адриана Константиновича Гусельщикова, с которой он впоследствии перебрался в королевство СХС.

«Для жительства казакам ...отвели несколько громадных скотских хлевов и сараев, в которых разводят шелковичных червей... Тысячи людей валялись прямо на грязных улицах отвратительной восточной деревни. Кое-где горели костры. Возле них лежали или бродили измученные и истерзанные казаки, и офицеры самых различных частей и учреждений».¹³

В Галлиполи командованием было принято решение о размещении пехотных частей и артиллерии по левому берегу горного ручья, а правый было решено предоставить кавалерийским частям. У самого моря наметили место для батальона беженцев. В городке предполагалось размещение штаба корпуса, офицерского собрания, технического полка, школы артиллеристов и эвакуированных военных училищ. Кроме них там же должны были расположиться интендантские учреждения, гауптвахта и военная комендатура. Для командующего корпусом генерала-от-инфантерии Кутепова был оставлен небольшой дом, стоявший на морском берегу. Начальник его штаба генерал-лейтенант Евгений Исаакович Доставалов устроился в бараке галлиполийского лагеря, откуда мог наблюдать и быть свидетелем новых тягот армейской жизни в изгнании: «Жизнь в лагере монотонная, скучная, наполненная с утра до вечера сплетнями, воспоминаниями, ожесточенной борьбой за паек и пособие и безумными, исступленными надеждами и мечтами на будущее... Появились маньяки и сумасшедшие. Число их быстро растет... Развелось бесчисленное количество спиритов.

Главными медиумами являлись бывший нововременец Гофштетер, два полковника, один художник и контрразведчик с подходящей фамилией Жохов. По ночам они собирались в пустых заброшенных бараках и вертели столы до утра. Ежедневно освежали лагерь новостями из потустороннего мира... Безумие и отчаянье надвигаются на забытый, брошенный лагерь, где собрались изломанные, все потерявшие, беспомощные и озлобленные осколки старой России».¹⁴

Отдавая должное наблюдательности генерала Доставалова, точно схватившего ситуации и образы галлиполииского лагеря, тем не менее, стоит не забывать того, что, несмотря на общее настроение безысходности и подавленности, свойственное в те месяцы многим беженцам и чинам вывезенной Русской армии, работа над боеспособностью вооруженных сил не прекращалась ни на один день. Замыслы, относительно будущего формирования современной ударной армии, рождавшиеся еще в переходе через бездну Черного моря, именно здесь, на турецких берегах, находили свое прямое воплощение. Свыше 25 тысяч человек еще оставались на службе после того, как по частям был оглашен приказ Главнокомандующего, разрешавший покинуть армию престарелым и раненым офицерам, а также всем штаб-офицерам, которым после сведения частей не осталось строевых должностей. Право на увольнение из рядов Русской армии предоставлялось и офицерам, имеющим высшее образование. Эти 25 тысяч людей и предстояло еще организовать в новое соединение. В него на правах полков были влиты Алексеевская, Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии и Отдельный Гвардейский батальон. Оставшихся без подчиненного личного состава офицеров направляли в формировавшиеся офицерские батальоны. Из шести артиллерийских дивизионов была создана бригада под командованием будущего героя Кастелиано-Арагонского легиона в Испанской войне генерал-майора Анатолия Владимировича фон Фока. Старый артиллерист был назначен Кутеповым генерал-инспектором артиллерии 1-го армейского

корпуса и по совместительству заведующим делами Сергеевского артиллерийского училища. Отдельным поручением Кутепова Анатолию Владимировичу фон Фоку, известному в армии своей увлеченностью гимнастикой, было вменено в обязанность руководство спортивной жизнью армии и организация физкультурных соревнований, в том числе и «товарищеских» футбольных матчей. Во главе образованной из различных частей Кавалерийской дивизии, Кутеповым был поставлен генерал-лейтенант Иван Гаврилович Барбович, а двое других легендарных кавалерийских генерала — Федор Федорович Абрамов и Михаил Архипович Фостиков возглавили соответственно Донской и Кубанские корпуса. Командование всеми пехотными полками, которые были сведены в 1-ю пехотную дивизию, поручалось генерал-лейтенанту Виктору Константиновичу Витковскому. Его начальником штаба был назначен произведенный в скором времени в чин генерал-майора Федор Эмильевич фон Бредов. Марковский полк дополнил отряд в 100 человек, состоявший из гренадеров и офицеров Северной армии Е.К. Миллера, Бог знает как оказавшихся на турецких берегах. Кавалером ордена Св. Николая Чудотворца генерал-майором Михаилом Алексеевичем Пешней вновь образованный полк был принят под свое командование. «Началась уставная лагерная жизнь и занятия. Устроена церковь, театр, баня. Составился струнный оркестр из самодельных инструментов, драматическая труппа, хор «Братьев Зайцевых»... С началом тепла и сухой погоды образовались разные спортивные команды. Принимались меры к составлению полкового духового оркестра».¹⁵

Командиром Корниловского полка Кутепов назначил молодого генерал-майора Николая Владимировича Скоблина. Начальник корниловцев лишь недавно вернулся в строй после ранения, полученного им еще на недавних фронтах борьбы с большевизмом, под Роганчиком. Вскоре приказом по корпусу генерал Кутепов приказал представить к наградам и производству в чины всех отличившихся в последних боях в Крыму. В Гвардейском кавалерийском полку к чину кор-

нета были представлены немало унтер-офицеров и даже рядовых кирасир, кавалергардов и эскадрт-юнкеров. Особо отличившиеся унтер-офицеры, показавшие в Крыму примеры исключительной доблести, были награждены орденами Св. Николая Чудотворца. В день своего Полкового праздника, командир кирасирского эскадрона полковник Михаил Еврафович Ковалевский, не имея на празднование казенных средств, продал турецким спекулянтам ордена своего покойного отца и на эти деньги начал подготовку к празднованию. В день Полка кирасирский эскадрон был построен в 3 девятирядных взвода на плацу, перед палатками. На правом фланге построения был помещен приглашенный оркестр Алексеевского пехотного полка. «После молебна командир полка поздравил эскадрон и поднял чарку за Кирасир Его Величества; затем эскадрон прошел церемониальным маршем. После парада состоялся обед. Кирасиры имели своими гостями всех кавалергардов, своих постоянных друзей от Галлиполи до Нового Сада — последнего этапа... Праздник удался на славу. Пели песенники, кирасиры качали своих офицеров, и чувствовалась тесная и дружная связь между всеми».¹⁶ В июле 1921 года приказом Главнокомандующего Гвардейская кавалерия была выделена в Галлиполи в отдельный дивизион под командованием полковника Константина Валерьяновича Апухтина, Улана Ее Величества. Баронесса Врангель, приехавшая к гвардейским кавалеристам, привезла с собой одежду, одеяла и белье. «Дивизион стал приодеваться. Построили бескозырки, побелили ремешки, выкрасили в синий цвет рейтузы, сшитые из одеял. Вместо сапог надели американские высокие брезентовые гетры, выкрашенные в черный цвет. В строю вид был очень пристойный. На всех парадах и смотрах Кирасиры Его Величества принимали участие».¹⁷ На эскадрон кирасир были возложены и церемониальные караулы при лагерном театре: у входа, около рампы и ложи начальника дивизии представлялись парные часовые. Духовная жизнь Белого воинства в Галлиполи началась почти сразу после того, как гречес-

кий митрополит Константин предоставил один из местных храмов для проведения православных богослужений. Митрополит не только открыл возможность русскому духовенству совершать в нем ежедневные службы, но призвал свою паству оказывать посильную помощь русским. Постепенно стали создаваться полковые храмы и в иных лагерях. «Из готового материала для них были только бараки, а все остальное делалось самым примитивным образом из консервных банок. Богослужебные книги и иконы писались и рисовались на местах. Так, икона Божьей Матери в церкви Корниловского ударного полка написана сестрой милосердия Левитовой».¹⁸

И все же давящее порой отчаяние и непривычный образ жизни повлиял на решение многих чинов 1-го корпуса оставить службу и уехать из Турции. Некоторые из них отправлялись в Америку. Другие, поддавшись пропаганде большевиков, не без участия прилагавших все силы к распылению русской армии французов, вернулись в Россию.

«Приказ по корпусу не противился этому (возвращению в Советскую Россию — *Авт.*) и только дал определенный срок, после которого уходящие считались преступниками».¹⁹ Мотивы оставления людьми армии были разнообразны, как и люди, оставлявшие своих товарищей в неизвестности, вдали от родных берегов. С иными из отъезжавших искренне прощались, память о других среди однополчан быстро улетучивалась. Дороги бывших соратников неумолимо расходились. По статистике, приводимой очевидцами исхода, из прибывших в Галлиполи 26590 тысяч, армию покинула лишь одна седьмая ее личного состава — 4650 человек солдат и офицеров.

Среди таковых уже в 1923 году оказался двоюродный дед автора, донской казак станицы Новоекатери́нинской войсковой старшина Митрофан Яковлевич Свеколкин. Прошедший огненные дороги войны с Донским корпусом до его эвакуации и впоследствии еще три года живший и трудившийся на далеких турецких берегах. Подобно многим рус-

ским людям, Митрофан Яковлевич тяжело переживал разлуку с Отчеством и родной станицей. Следуя наставлению епископа Вениамина, прибывшего в лагерь 13 декабря 1920 года для служения Божественной литургии, он проявлял терпение, не роптал на Бога, не падал духом, приободрялся, сколько мог и оставался подтянутым и готовым к защите своей чести.

Кстати, незадолго до приезда епископа, при попытке французов выселить донцов из отведенной им для проживания Чаталджи, казаки оказали колониальным силам неожиданно сильное вооруженное сопротивление. Это заставило французскую администрацию оставить казаков в покое на некоторое время.

Конфликты русских военных эмигрантов с французами, начавшись исподволь, зачастую перетекали в короткие победоносные столкновения, в ходе которых почти всегда побеждали плохо вооруженные и обмундированные, но более сильные духом русские солдаты и офицеры.

7 декабря 1920 года начальник штаба Главнокомандующего барона Врангеля генерал-от-кавалерии Павел Николаевич Шатилов сообщал войскам, что «Главнокомандующий твердо решил добиваться сохранения армии как силы для борьбы с большевиками и как ядра будущей русской армии» и что «главная цель армии не изменилась, это борьба с большевиками».²⁰

Таким образом, впервые была официально декларирована основная цель пребывания армии в Галлиполи и указано направление развития дальнейших событий. Жизнь армии в лагерях объявлялась более не вынужденной эмиграцией, а стратегическим ходом командования, готовившего будущую опору освобожденной от большевизма Родины — современную русскую армию. Спустя одиннадцать дней барон Врангель выехал из Константинополя на встречу с войсками. На параде в лагере Главнокомандующий сообщил своим войскам, что получил известие о признании армии. Он с воодушевлением произнес: «Я приму все меры,

чтобы наше положение было улучшено. Мы имеем право не просить, а требовать, потому что то дело, которое мы защищали, было общим делом и имело мировое значение... Мы выполнили наш долг до конца, и мы не виноваты в исходе этой борьбы. Виновен весь мир, который смотрел на нас и не помог нам».²¹

Это обращение Врангеля к частям русской армии было встречено ими торжествующими криками «ура!».

Приезды Врангеля в армию поначалу воспринимались всеми как проблески надежды на изменение общей ситуации к лучшему. Люди ждали, что вождь вот-вот позовет их в бой, обнадежит, поделится утешающими новостями. Однако с течением времени, сам факт приезда Главнокомандующего к войскам уже не вызывал всеобщую радость, которая была так часто описываема мемуаристами: «На поле стоят в каре войска. Врангель, Кутепов, четыре французских генерала и два английских офицера стоят перед войсками. На командующем черкеска. На голове кубанка. Узкая талия перетянута ремнем, окованном серебряными бляшками. Сбоку изогнутая шашка- кубанка, вдетая в ножны из серебра. Врангель высокого роста, статен, держится очень прямо и надменно...

— Здорово, орлы! — Вдруг кричит Врангель. — Что, еще не закисли в этой дыре, не разучились стрелять?

Он впился острым взглядом в лица людей, и начал быстро наступать на фронт... Неожиданно толпа расступилась, и кинематографический аппарат стал делать съемку. К нему быстро подбежали два офицера и замахали руками... Греки-кинооператоры, тотчас же подхватили свой треножник с ящиком и скрылись.

— Ишь, боится, сукин сын, чтобы его не пристрелили. Я обернулся. За мной стояла группа солдат... Там, на этом парадном поле, искусственно взвинчивались нервы, поднималось всякими артистическими приемами “надлежащее настроение,” а тут... кипело подлинное настроение всей солдатской массы».²²

И все же для большинства солдат и офицеров, визиты Главнокомандующего были желанным и долгожданным событием. Эти короткие встречи главнокомандующего со своей армией продолжали поддерживать отчаявшихся людей, оделяя их каждый раз верой в непременную победу духа над тяготами галлиполийской жизни. Но время шло, а положение армии оставалось неизменным. Парады, принимаемые командованием, подтверждали готовность войск к дальнему походу, но большинству галлиполийских сидельцев была по-прежнему неизвестна дата и направление главного удара. Русские люди в этих гиблых для всякого живого существа местах производили впечатление монолитной и грозной силы. Прибывший для ознакомления с положением дел командир французского оккупационного корпуса генерал Шапри 1 марта 1921 года разочарованно признал, что вместо дезорганизованного табора беженцев в Галлиполи его встретила ... армия. Это наблюдение генерала всерьез озаботило союзников. Сильная, прошедшая горнило испытаний армия невольно напоминала французам о необходимости поскорее разрушить ее прочный фундамент и по возможности распылить весь личный состав армии-союзницы по странам и континентам. В противном случае, вся эта очевидная русская военная мощь могла стать весьма опасной силой, способной не только постоять за себя, но и потенциально защитить русские геополитические интересы на Балканах и в проливах, случись к тому повод или необходимость. Конечно, французы были далеки от мысли, что советские вожди станут использовать русскую армию в Галлиполи в собственных интересах, ибо подобный альянс был невозможен. Однако ими учитывалось, что именно в то время советскую империю сотрясали тамбовское восстание и мятеж в Кронштадте. И что Дальний Восток еще не был подвластен коммунистической власти, а на Камчатке большевики терпели одно за другим поражение от антибольшевистских повстанческих отрядов. В самом большевистском капище, Москве и Петрограде, местная «чрезвычайка» то и дело сталкива-

лась с законспирированными ветвями подпольных организаций. Казни следовали одна за другой, и стороннему наблюдателю могло показаться, что озверевшая власть находится на последнем своем рубеже. Недаром, уже в 1960-е годы при разборе бумаг кремлевского кабинета Якова Свердлова, служащими музея были обнаружены несколько бланков заграничных паспортов, выписанных на разные имена с фотографиями большевистского вождя. Там же были найдены различные суммы в иностранной валюте и другие вещи, необходимые для быстрого и эффективного бегства за границу.

Случись так, что восставший народ изгонит узурпаторов власти в России, ее внешняя политика по отношению к некогда предавшим ее иностранным союзникам может измениться радикально. И закаленная в боях армия Врангеля лишь исполнит то, что прикажет ей избранное законное российское правительство.

Возможно, подобный ход развития российских и мировых событий не исключался аналитиками в союзных миссиях, отчего на всякий случай одной из их главных целей становилось обязательное разоружение всей русской армии.

Союзное командование придавало большое значение и пропаганде. Им последовательно проводилась политика убеждения отдельных чинов Русской армии относительно переезда в иные, желательно далекие страны с непривычным для большинства русских климатом. Следующим, по замыслу союзников, шагом стало бы окончательное вытеснение остатков армии и беженцев со стратегических галлиполийских территорий. С весны 1921 года французское правительство усилило свой нажим на Врангеля с целью повлиять на Главнокомандующего распустить армию. Сам Врангель находился почти что под домашним арестом на своей яхте «Лукулл»: союзническое командование, как могло, препятствовало его частым появлениям в лагерях, визитам к соотечественникам, находившимся в Константинопо-

ле на излечении, казакам и войскам. Под предлогом обеспечения личной безопасности Главнокомандующего для любого мало-мальски значимого визита французскими офицерами требовалась санкция высшего французского командования. На «Лукулле» Врангель принимал приехавших с визитом представителей эмиграции, там же им обсуждались вопросы издания русских газет и, в особенности, «Русской мысли», издание которой было принято возобновить именно за границей, отдав газету под редакторское попечение П.Б. Струве. На яхте бывали сам П.Б.Струве, В.В. Шульгин, Н.Н. Чебышев, курирующий бюро русской прессы в Константинополе. Гостем Главнокомандующего бывал иногда и майор Такахаси — представитель единственной страны, оставившей к 1921 году при штабе Врангеля своего представителя, — Японии. «У Врангеля было редкое соединение: он импонировал и в то же время привлекал к себе сердца. И в сношениях с людьми не упускал никогда русского интереса, во время беседы ли с американским адмиралом, или с маленьким беженцем, явившемуся к нему с просьбой. Под теплой оболочкой личного обаяния он хранил холодный расчет государственного человека, соотносящего свои поступки с будущим вверенных ему судьбой масс и далекой страны, к которой стремились его помыслы»,²³ — отмечали современники барона.

Они же утверждали, что имя Врангеля гремело от советского Петербурга до временно освободившегося от большевиков Владивостока. Из далекого Петрограда к Врангелю привозили икону с письмом прихожан, а дальневосточное национальное правительство слало ему приветственный адрес. Большевики не могли не замечать популярности их главного противника, но средств и сил для его устранения ко времени описываемых событий у них было не столь много. Требовалось время и главное — план действий, позволявший им добраться до популярного Белого вождя, по ошибке изображаемого коммунистической пропагандой крупным помещиком и землевладельцем, готовым идти до

конца в борьбе за свою собственность и капиталы иностранных своих покровителей. На деле, «крупный землевладелец» коротал дни в аскетической обстановке яхты, служившей ему и домом и штабом одновременно. Его быт был куда как менее вычурен и вызывающе дорог в сопоставлении с некоторыми его соотечественниками, успевшими устроить за рубежом свою жизнь, а порой столь же нелеп и безотраден, как у многих чинов русской армии, вынужденной пребывать в типичной для азиатской обстановки антисанитарии и бедности. «Однажды я застал его (Врангеля — *Авт.*) в возбужденном состоянии. Он шагал по каюте и, вооружившись жестяной коробкой, бил тараканов, бегавших по облицовке красного дерева. Врангель выразил удовольствие, что живет теперь среди темных стен. Среди них он отдыхал от белесоватой внутренней окраски «Корнилова».²⁴

Под сенью этих «темных стен» им не прекращалась работа над практическими задачами по сохранению армии, а также по выработке противодействия разлагающему влиянию, как большевистских эмиссаров, так и против деструктивной политики французского правительства, все активнее придумывающего новые способы уничтожения русской армии. Требования французской стороны к Русской армии простирались от незамедлительной сдачи всего оружия до запрещения петь русские песни в городе. «Однажды патруль сенегальцев за пение в городе арестовал двух русских офицеров, избил одного прикладами до крови и отвел арестованных во французскую комендатуру. Начальник штаба тотчас пошел к коменданту и потребовал освобождения арестованных. Комендант отказал и вызвал караул в ружье. Начальник штаба вызвал две роты юнкеров, и сенегальский караул бежал, бросив два пулемета. Арестованные были освобождены, и французы перестали высылать свои патрули по Галлиполи».²⁵

Проигрывая и уступая в мелочах, французы не оставили усилий по нажиму на русскую армию по другим, более существенным поводам. Как-то командование экспедицион-

ного корпуса потребовало в категорической форме от генерала-от-инфантерии Кутепова сдать все имеющееся в армии оружие, упомянув невзначай, что французский экспедиционный корпус намеревается провести большие учения сенегальцев при поддержке с моря силами французского флота. Кутепов парировал: «Какое совпадение! У меня на этот день тоже назначены маневры в полном боевом снаряжении!»²⁶ Осознав, что оружие у русских может быть отнято лишь силой, союзники решили действовать иначе. В лагерях стали попадаться официальные объявления французского командования о том, что армии генерала Врангеля больше не существует и что ни сам главнокомандующий, ни назначенные им начальники более не имеют полномочий отдавать приказания. Все чины русской армии объявлялись беженцами, подчиненными французскому коменданту Галлиполи. Лиц, выразивших желание покинуть армию, и ее лагерь в Галлиполи, французы перемещали в создаваемый лагерь беженцев, откуда те могли либо вернуться в Советскую Россию, либо уехать в Бразилию и другие дальние страны. Для увеличения числа «падших духом» солдат и офицеров армии Врангеля, французами был сокращен продовольственный паек, выдаваемый ее чинам, но, несмотря на это, количество желающих стать «беженцами» оставалось незначительным. Наряду с этими мерами, командование французского корпуса проводило активную вербовку русских добровольцев в Иностранный легион, но любезно предоставляемая возможность погибнуть в африканских пустынях за расплывчатые интересы безликого французского правительства прельщала далеко не многих. Главным препятствием на пути разрушения армии французы справедливо считали самого Петра Николаевича Врангеля. Барон успешно отражал нападки и противостоял союзническому давлению, потому что всегда мог опереться на стойкость своей армии. «Его позиция была тем более сильна, что его требования и чувства разделялись тысячами, продолжавшими повиноваться ему как командиру».²⁷

И когда по армии поползли первые слухи о том, что Врангель, находившийся в Константинополе, может быть подвержен аресту французскими властями, союзническая администрация тут же услышала в ответ, что «...русские полки двинутся на Константинополь в случае насилия над Главнокомандующим».²⁸

Новый военный комендант Галлиполи, назначенный французским командованием подполковник Томассен, прибывший на смену прежнему — Вейлеру, нанес визит временно исполняющему обязанности командира 1-го корпуса генерал-лейтенанту Владимиру Константиновичу Витковскому, чтобы передать русскому командованию следующие новости. В сущности, они мало, чем отличались от уже озвученных французской стороной ранее замечаний, касающихся армии в целом. Томассен повторил Витковскому тезисы об изменении статуса русских частей, о том, что считающаяся теперь беженцами армия не может иметь никаких начальников, и что вся беженская масса подчиняется теперь только ему, как французскому коменданту. Спокойное возражение генерала Витковского о том, что армия не только не является фикцией, но и сможет постоять за себя, взволновало французского коменданта, ответившего Витковскому, что предпримет ряд мер. Данные меры, добавил Томассен, будут направлены на то, чтобы пожелания французского Оккупационного командования исполнялись в полном соответствии с требованиями коменданта. Генерал, отказывающийся выполнять законные требования командования, по заверению Томассена, будет доставлен в Константинополь, что недвусмысленно намекало на арест Витковского.

Когда Владимир Константинович вместе с сопровождавшим его полковником Комаровым прибыли в штаб своего корпуса, они не замедлили отдать несколько распоряжений, необходимых на случай объявления военной тревоги, а также при необходимости занятия ключевых точек в городе, включая телеграф. Стоявший на внешнем рейде бронено-

сец «Георгий Победоносец» получил секретное сообщение Витковского о возможном предстоящем таране расположившейся на рейде неподалеку французской канонерской лодки. Лодка эта была хорошо видна с берега. Ее таран мог оказаться необходимым для того, чтобы вместе с ее крушением лишить французов возможности связаться по радио с основными силами и вызвать подкрепление. Между генералом Витковским и командиром «Георгия Победоносца» было условлено, что таран произойдет после получения особого сигнала, которые русские моряки получают с берега. Французский комендант в свою очередь отдал приказ об установке колючей проволоки по периметру сенегальского гарнизона. Холодное противостояние сторон продолжилось до православного Рождества Христова. Во время богослужения в греческом соборе к Владимиру Константиновичу подошел комендант Томассен и чины его штаба, просившие его принять поздравления по случаю православного праздника. Подобный жест французов показывал, что инцидент между сторонами считался исчерпанным. Тем самым признавалась решимость и сила русских войск. Главнокомандующий в письме на имя генерала Витковского благодарил его за проявленную выдержку и выражал поддержку действиям временно исполняющего обязанности командира корпуса. Генерал Кутепов, как только вернулся в строй после болезни, также выразил свое удовлетворение поведением Витковского. Однако и позже французы не оставляли попыток выдавить русскую армию иными, теперь уже экономическими способами. На встречах с русским командованием французские представители горестно сетовали на то, что изнуренная войной Франция не может бесконечно помогать русской армии, на питание которой ежемесячно французским командованием расходуется 41 млн. франков, что превосходит гарантированное возмещение французских расходов русскими, стоимость которого не превышает тридцати миллионов. По отчетным ведомостям французского интендантства, масштабы расходов на русскую армию не пре-

вышли 1 млн. 700 тыс. франков в месяц. Имущество, отобранное французскими властями у прибывших на чужбину русских войск, равнялось 133 с половиной миллионов франков. За период с 15 ноября 1920 года по 1 мая 1921 года французами было израсходовано лишь 44 млн. франков, а остаточный баланс средств русской армии, находившихся в руках у французов, составлял 105 млн. франков. Однако это не особенно смущало французские политические круги. На официальных встречах они продолжали сетовать на непомерные расходы по содержанию своих русских союзников. Русскому командованию становилось все более ясным, что так продолжаться больше не может, что со временем французами будет непременно найдено еще какое-нибудь средства давления или шантажа командования русской армии, не исключая даже возможных попыток физического устранения лиц, стоявших во главе Русской армии. Что оставалось делать?

Будучи человеком решительным и энергичным по природе своей, Александр Павлович Кутепов, в беседах с начальником штаба генерал-майором Борисом Александровичем Штейфоном и Владимиром Константиновичем Витковским, нередко поднимал вопрос о том, какие действия могут быть ими предприняты в случае, если в один прекрасный день французы полностью прекратят выдачу продовольствия армии.

По мнению собеседников Кутепова, одним из достойных выходов мог стать уход Русской армии из Галлиполи, однако эвакуации, подобной крымской, могло бы и не получиться: отсутствовал необходимый тоннаж. Оставалась возможность ухода походным порядком. Но направление этого исхода не представлялось тогда обсуждающим сторонам еще вполне ясным. Кутепов предложил совершить отвлекающий маневр. Заявить французам о намерении командования двинуть корпус пешим порядком в Болгарию, однако, достигнув константинопольской параллели, повернуть на восток и форсированным маршем овладеть Чатаалджинской пози-

цией, а затем войти в Константинополь, охраняемый колониальными, а, следовательно, не слишком подготовленными войсками. Марш-бросок на Константинополь мог стать демонстрацией всему миру русской силы, вынужденно прозябающей в безлюдье Галлиполи, и подвигнуть руководство европейских держав пересмотреть дальнейшую судьбу забытой армии. Детальная разработка плана была поручена Кутеповым генералу Штейфону, занявшегося тщательной рекогносцировкой местности и сбором статистических данных, необходимых для учета при предстоящем походе. Штейфону удалось наладить связи с греками, являвшимися юридическими и фактическими хозяевами положения на полуострове и сочувствовавшими тайному плану русского командования, в некоторые детали которого посвятил их Борис Александрович Штейфон. Им были также приняты меры по соблюдению секретности в отношении разрабатываемой русскими операции для сокрытия истинных намерений от вездесущих французских контрразведчиков. На секретных переговорах с греческой стороной, между представителями русского командования и греческой администрацией было условлено, что греческие военные власти окажут полное содействие для выхода русских войск из Галлиполи. Для подготовки к внезапному выступлению и тренировке войск, Кутепов предложил использование «ночных тревог», перед проведением которых войскам будет необходимо разъяснить о необходимости быть готовыми к выступлению походным порядком в условленный день и час. Проведение частых ночных тревог русским командованием объяснялось французам как необходимость постоянной подготовки личного состава для дальнего похода в виду отсутствия необходимого корабельного тоннажа для отправки частей морем. Стараниями русских генералов союзники были почти уверены в том, что выход Русской армии в Сербию или Болгарию может быть осуществлен лишь походным порядком. Первые же «тревоги», поднявшие в первую же ночь на ноги весь французский колониальный гар-

низон изрядно напугали военную администрацию союзников. В ответ на их запросы, Кутепов неизменно отвечал, что «тревоги» вызваны все той же потребностью: готовить корпус к уходу с территории лагеря. Для него было совершенно очевидным, что в основе постоянно оказываемого нажима на Русскую армию лежал расчет уничтожить русскую национальную вооруженную силу как таковую, сделав это по возможности наиболее «естественным способом». Конечно, публичное отбытие русских перед лицом грозящего армии голода, могло отозваться и для самой Франции крупным европейским скандалом. Сознавая последствия, в качестве попытки сгладить острую ситуацию, французская администрация предприняла усилия убедить русских в невозможности выхода из Галлиполи «походным порядком». «Дабы показать, как ими надежно закрыт выход из Галлиполи, на миноносец был приглашен присутствовать на маневрах генерал Карцов, бывший в роли переводчика при генерале Кутепове. Получив от последнего указания, генерал Карцов обратил особое внимание на действительность стрельбы по перешейку (Булаирскому — *Авт.*) и установил совершенно точно, что благодаря топографии местности, снаряды миноносца или перелетали дорогу, или попадали в гряды, прикрывавшую дорожку с моря».²⁹

Тем самым, благодаря оплошности французов, невольно открыв русским невозможность удачного обстрела уходящего походным порядком корпуса со стороны моря. Таким образом, русским командованием были получены окончательные сведения. Они явились весьма важным дополнением для всестороннего учета развития ситуации, в случае попыток французов остановить уход русских войск с моря.

Штейфон был секретно командирован в Константинополь для секретного доклада Главнокомандующему о деталях разработанной операции. Выслушав начальника штаба Кутепова, Врангель согласился с предложенным планом и в общих чертах одобрил план операции, поблагодарив Штей-

фона за проведенную подготовительную работу. Через посредство Штейфона, Врангель предоставил Кутепову свое одобрение на осуществление этого смелого шага. Теперь перед Кутеповым стоял вопрос, связанный с непосредственными исполнителями этого беспрецедентного плана маршброска, призванными воплотить его в жизнь. По замыслу командующего и его начальника штаба, русские части внезапным ночным ударом окружали и разоружали расположенный за городом сенегальский батальон. По выполнению этой задачи, отряд, разоруживший сенегальцев, мог бы выступить в качестве авангарда, отправившись по направлению к Чаталджинским позициям. Эти позиции оставались последним препятствием для форсированного марша на Константинополь. Следом за авангардом должны были двигаться основные силы Русской армии. Им отводилась роль основной поддержки авангарда, которая серией энергичных ударов позволит армии двигаться безо всякой остановки к намеченному пункту назначения. Отряд, на который командованием возлагались арьергардные задачи, должен был изолировать французские колониальные войска в городе, прервать их связь с миноносцем на рейде и тем самым лишить их возможности снестись с основными силами в Константинополе. Кроме того, на арьергард возлагались задачи по захвату и вывозу интендантских, артиллерийских и прочих запасов, необходимых Русской армии в ходе ее марша на Константинополь, а в случае прибытия помощи или высадки десанта для удержания позиций. Это было необходимо для того, чтобы дать возможность основным силам корпуса проложить свой марш на турецкую столицу. Кутепов посчитал, что с теми задачами, которые возлагались на авангард, могут прекрасно справиться дроздовские части под командованием генерал-майора Антона Васильевича Туркула — давнего своего боевого соратника. Главными силами, по замыслу командира корпуса, должен был командовать бесстрашный Владимир Константинович Витковский, получивший под свое начало одну пехотную и одну кавалерийс-

кую дивизии, некоторые вспомогательные части и военно-медицинские учреждения. При главных частях должны были находиться и семьи чинов армии. На Бориса Александровича Штейфона возлагалась задача по командованию арьергардом, состоявшим из учащихя всех имевшихся в Русской армии юнкерских училищ: Константиновского — имевшего особые заслуги перед Белым движением и награжденного особыми знаками отличия на головных уборах, а также серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, а также Сергеевского артиллерийского, Алексеевско-Николаевского инженерного и Николаевского кавалерийского училищ.

21 июля 1921 года Александр Павлович Кутепов пригласил на секретное совещание всех назначенных руководителей колонн, а также начальника Кавалерийской дивизии Ивана Гавриловича Барбовича и начальника Сергиевского артиллерийского училища генерал-майора Николая Андреевича Казмина, чье училище располагалось в непосредственной близости к сенегальскому гарнизону, для согласования действий всех составных частей готовящегося похода. Однако Истории было угодно, чтобы этот великий план не состоялся. К концу лета 1921 года, переговоры, проводимые «Русским Советом» при участии Врангеля с парламентами Сербии и Болгарии, принесли неожиданно положительные результаты. В письмах к болгарскому царю Борису и сербскому королевичу Александру, подписанных Главнокомандующим и переданных им через посредство генерала Шатилова, тот просил балканских монархов о незамедлительном принятии «русских патриотов, взоры и сердца которых направились на братские народы и на их Державных вождей».³⁰

Сравнительно успешно прошла дипломатическая миссия Русской армии в столицах двух балканских государств. В ходе переговоров отличился начальник штаба Главнокомандующего генерал-от-кавалерии Павел Николаевич Шатилов, которому на переговорах поручалось предоставить

монархам любые дополнительные сведения о состоянии армий, в случае их заинтересованности.

На фоне этого успешного переговорного процесса, сам вопрос о вооруженном захвате Константинополя, как формы протеста против бесчеловечных условий содержания русских войск, отошел на второй план и растворился в вихре иных событий.

Прибытие в Белград генерала Шатилова и казачьих атаманов Африкана Петровича Богаевского и Вячеслава Григорьевича Науменко, имело главной своей целью наладить отношения с председателем правительства королевства СХС Николой Пашичем. Предполагалось, что через него будет передано письмо, адресованное Врангелем югославскому королевичу- регенту. Далее Шатилову предписывалось нанести визиты всем министрам королевства и встретиться со всеми представителями сколь бы то значимых политических партий. Вместе с императорским посланником В.Н. Штрандтманом, Шатилов принялся наносить визиты в министерства королевства. Очень скоро оказалось, что окончательное решение по принятию партии русских эмигрантов в стране все равно остается за председателем правительства Пашичем. Прибывшие вместе с Шатиловым генералы А.С. Хрипунов и Н.Н. Львов, занялись подготовкой сербского общественного мнения, организовав курс публичных лекций, рассчитанный на широкий круг слушателей о положении Русской армии в галлиполийских лагерях. Генерал Шатилов также присутствовал на этих лекциях и выступал с докладами о положении армии и усилиях союзников по ее распылению. В своих выступлениях Шатилов особо подчеркивал необходимость сохранения армии в качестве боевого резерва, что представлялось возможным осуществить лишь в славянских странах. Участвовавший в этих лекциях атаман Богаевский приковал внимание слушателей своими живыми рассказами о бедственном положении казаков, в котором те вынужденно прибывают на Лемносе. Наконец, представители Русской армии смогли встретиться с председателем Скуп-

щины, на встречу с которым, помимо Шатилова, отправились оба атамана, а также Львов и Хрипунов. Шатилов вручил главе парламента обращение Главнокомандующего к Скупшине и кратко обрисовал создавшееся положение вокруг Русской армии. Председатель, отвечавший Шатилову по-сербски, выразил полное понимание и сочувствие русским людям и не преминул заметить, что окончательное решение по вопросу размещения русских воинских частей все же остается в ведении всесильного Пашича. Шатилов и атаманы просили председателя парламента обсудить эти вопросы с Пашичем, но тот отделался уклончивым ответом и поспешил попрощаться с русской делегацией. Шатилов направил Пашичу просьбу о назначении ему часа приема с приложенным письмом барона Врангеля королевичу Александру, однако председатель правительства не торопился отвечать врангелевскому посланнику. Шатилов нервничал, прося императорского посланника Василия Николаевича Штрандтмана написать еще одно письмо и лично доставить его в секретариат Пашича. Письмо дошло по назначению, и Пашич неожиданно скоро отвечал на него, что примет генерала в помещении своего служебного кабинета, расположенного в коридорах Министерства иностранных дел. «Это был глубокий старик, небольшого роста, довольно плотный, с серой бородой и с добрыми, потухшими глазами... Мы разговаривали на русском языке, который Пашич понимал совсем хорошо, и на котором понятно изъяснялся... Я просил Пашича дать мне определенный ответ. Пашич этого сделать не хотел и лишь обещал сделать все возможное, чтобы оказать нам помощь в тяжелое для нас время. Однако я к нему так пристал, что он должен был дать мне обещание в ближайшее же заседание Совета министров провести вопрос о принятии на работы первой партии наших контингентов в числе 5 тысяч человек».³¹

Председатель сербского правительства выразил Шатилову свое согласие о принятии еще нескольких человек на службу в пограничную стражу королевства, рекомендовав

генералу обсудить квоты принимаемых людей с военным министром СХС Йовановичем. Что же касалось оставшихся частей, Пашич обещал подумать об этом чуть позже, когда будут определены задачи, которые могут быть поставлены перед прибывающими русскими войсками. Кроме того, при гарантиях предоставления Русской армии средств на ее содержание, Пашич дал твердое обещание Шатилову обеспечить русским приют на территории королевства. Визит генерала Шатилова к главе югославского правительства завершился на относительно положительной ноте, и днем позже уже сам военный министр королевства СХС Йованович подтвердил Шатилову свое решение о привлечении чинов Русской армии для службы в сербской пограничной страже. Шатилов дипломатично заверил министра, что для обеспечения высокого уровня службы, русское командование предоставит в его распоряжение наиболее дисциплинированные и организованные части. Военный министр определили квоту в 5—7 тысяч вакансий для русских военнослужащих, которых сможет трудоустроить военное министерство в течение лета 1921 года. На следующий день Шатилова уведомили, что спустя сутки он будет принят королевичем Александром. Генерал занялся подготовкой справки для югославского монарха о положении дел в Русской армии, составив ее в двух экземплярах, и внес необходимые редакторские исправления в сам текст документа. В назначенный час посланник Русской армии прибыл в резиденцию королевича и был принят им в гостиной. Беседа началась по-русски, однако, видя затруднения Александра поддерживать разговор на русском, Шатилов предложил ему перейти на тогдашний язык международного общения — французский, чем королевич с радостью и воспользовался. Беседа сторон прошла в деловой и благожелательной обстановке, тон которой задавал сам Александр, бывший воспитанник русского кадетского корпуса, сочувствующий Белому движению и даже порывавшийся направить в 1918 году две-три диви-

зии в помощь Добровольческой армии, на что получил от штаба Деникина деликатный отказ. Вспоминая свой визит к монарху, Шатилов даже уподобил его манеру разговора той, что помнилась генералу еще со времен его собственной службы в императорской гвардии, когда ему самому доводилось беседовать с Государем императором Николаем Александровичем. «Не хватало только того ясного и бесконечно доброго взгляда, выражение которого подкупало всех, видевших Государя (Николая Второго — *Авт.*) впервые».³²

Югославский королевич обещал содействовать принятию Русской армии на территории королевства с последующим определением части прибывших на службу в пограничную стражу и выявлению других вакантных мест в государственной системе для размещения в них остальных. И, хотя это не снимало массу других вопросов, накопившихся к тому времени в Русской армии, равно как и не гарантировало прием 100% чинов русского корпуса, Шатилов покидал резиденцию королевича с чувством облегчения и радости. Генерал пребывал в полной уверенности в том, что, наконец, возникла вполне ощутимая возможность изменить что-либо в положении армии и, возможно, даже попытаться сохранить ее в первозданном виде. Теперь можно было направиться в Софию для начала переговорного процесса с болгарским правительством. Перед отбытием в Софию, Шатилов написал письмо-обращение к бывшему императорскому посланнику в Вашингтоне Б.А. Бахметеву, призвав того выполнить свой патриотический долг и осуществить обеспечение средствами весь ход переезда и пребывания на первых порах в королевстве СХС частей русской армии, вынужденно запертой союзниками в Галлиполи. Через некоторое время посол Бахметев письменно отвечал Шатилову, через посредство своего коллеги в Белграде Штрандтмана, что сделает все возможное для финансирования переезда и пребывания частей русской армии в Сербии. Путь «дипломатической миссии» Русской армии лежал в столицу Болгарии. По приезде Шатилова в Софию, генерала предупредили о возможных

пробуксовках переговорного процесса из-за болезни председателя болгарского правительства А. Стамболийского. В связи с этим, переговоры русской делегации начались на уровне второстепенных правительственных чиновников. Шатилов попросил аудиенции болгарского царя Бориса, не возлагая особых надежд на результат встречи. По мнению людей, хорошо знавших обстановку, царь находился под сильным влиянием своего премьера, действовавшего на него напором, состоявшим из грубости и хитрости. Полномочия Стамболийского были тем более велики, что страной управляло партийное правительство, а председателем земледельческой партии, правившей Болгарией, в то время как раз и был Стамболийский. Доступа к премьеру у Шатилова пока не находилось, но, к удивлению, генерал обнаружил среди своих неожиданных сторонников болгарского епископа Стефана, и другого большого друга России и дуайена дипломатического корпуса при дворе царя Бориса, французского посланника русофила Жоржа Пико. Последний, как оказалось, обладал исключительным влиянием на болгарское правительство. В числе лиц, первоначально сочувствующих Русской армии оказался и начальник штаба болгарской армии генерал Топалджиков. Русский императорский посланник в Болгарии Петряев также стремился помочь генералу Шатилову в успешном осуществлении его миссии, стараясь помочь, чем мог. Его усилиями была организована аудиенция у болгарского монарха. Борис принял генерала Шатилова и сопровождавшего его генерала Валентинова и посвятил им около получаса монаршего времени. В течение приема он искренне недоумевал по поводу французской политики распыления Русской армии и обещал генералам оказать посильную помощь в пределах его конституционных прав. Иными словами, Борис мог обещать лишь то, с чем мог бы согласиться его премьер Стамболийский. «Говорили мы с царем по-русски, частью по-французски. Он извинился, что плохо говорит по-русски, и ссылался на недоста-

ток практики. Впечатление на нас он произвел необычайно симпатичное... Выходя от него, я ясно почувствовал, что нами исполнен акт вежливости, который ни на шаг не продвинет наше дело».³³

И все же, в результате переговоров, проведенных ранее с полковником Топалджиковым и министром общественных работ, Шатилов условился с ними о приеме нескольких тысяч человек для направления их на работы по исправлению болгарских шоссе и дорог. Этот вопрос Шатилов просил вынести на рассмотрение ближайшего совещания Совета министров Болгарии, которое должно было состояться сразу же после выздоровления Стамболийского. Затем «дипломатический представитель» Русской армии отбыл назад, в Константинополь для обстоятельного доклада Врангелю. Накануне своей поездки на Балканы, Шатилов поручил своему заместителю генерал-лейтенанту Павлу Алексеевичу Кусонскому проработать возможности обсуждения о приеме русских частей в Греции, Венгрии и Чехословакии на условиях определения чинов армии на какие-либо общественно-полезные работы. Военный представитель в Будапеште, весьма активный полковник Алексей Александрович фон Лампе так и не смог договориться с венграми о приемлемых условиях принятия чинов Русской армии. Генерал Леонтьев в Праге, не проявив никакой активности вообще, тем более не смог обсудить подобную возможность с чехословацкими уполномоченными лицами. Представителям Русской армии пришлось самим искать выходы на делегацию членов пражской Особой комиссии, приехавших в Константинополь для приглашения нескольких тысяч беженцев на сельскохозяйственные работы в Чехословакию. Греческая военная миссия сама обратилась к казачьему генерал-лейтенанту Александру Петровичу Фицхелатурову с просьбой предоставления 3—4 тысяч человек на службу в греческую пограничную стражу. В плавучем штабе Главнокомандующего на «Лукулле» не оставляли и мысли о привлечении казаков — уроженцев Сибири — к борьбе с большевиками,

путем отправки их на Дальний Восток. Однако вопрос доставки добровольцев по-прежнему стоял очень остро: французы не могли предоставить свободных транспортов, российское общество пароходства и торговли не могло предоставить помощи, ибо давно уже находилось в состоянии упадка. Несмотря на большой поток желающих биться с большевизмом на Дальнем Востоке, эту идею пришлось отложить, так как материальных возможностей для ее осуществления у Русской армии на тот момент не имелось. Тем временем процесс приема Балканскими странами чинов армии набирал силу. Через сербского дипломатического представителя в Константинополе штаб Врангеля получил подтверждение о разрешении прибыть на работы в Сербию отрядов в 3500 и 1500 человек. Генерал Е.К. Миллер, обосновавшийся в Париже, доносил Врангелю об ассигновании требуемых средств Б.А. Бахметьевым в размере 400 тысяч долларов САСШ на нужды, связанные с переездом армии в Балканские страны. Очень скоро последовало сообщение генерала Вязьмитинова из Болгарии о готовности принять 1000 человек на различные работы в Бургас. 22 мая 1921 года состоялась первая пробная отправка части русских войск в Сербию и Болгарию. Следом за этим сербское правительство затребовало еще полторы тысячи человек для работы по сбору военной добычи, брошенной немцами и болгарами на Салоникском фронте. В Сербию отправлялось 5000 чинов корпуса. «За исключением 400 человек Конвоя Главнокомандующего, все эти 5000 должны были, по приказанию генерала Врангеля, грузиться с Лемноса. Для этого были предназначены гвардейские казаки (Лейб-гвардии Казачий дивизион и Лейб-гвардии Атаманский), Кубанская дивизия и Донской технический полк... Гвардейские казаки и Конвой Главнокомандующего составляли особый Гвардейский казачий отряд, во главе которого был поставлен полковник Упорников. Для командования Кубанской казачьей дивизией был назначен генерал Фостиков».³⁴

Болгария приняла изначально 2000 казаков из бригады генерал-лейтенанта Адриана Григорьевича Гусельщикова, но когда речь заходила о больших количествах, то в качестве основного условия болгарской стороны выдвигалось требование содержания переезжающих за счет Русской армии. Шатилов, по согласованию с Главнокомандующим, обещал болгарским властям перечислить через дипломатического представителя Петряева 300 тыс. долларов. «Наш посланник Петряев не принадлежал к дипломатическому корпусу, а состоял до революции консулом. Но, несмотря на это, он завоевал исключительное положение как среди дипломатов других стран, так и среди болгарских властей. Человек это был общительный, очень умный и большой знаток болгарской психологии».³⁵

С направлением чинов Русской армии на службу в болгарскую армию, Шатилову очень помогал генерал-лейтенант Василий Ефимович Вязьмитинов, успевший в краткие сроки освоить болгарский язык и поддерживавший тесные рабочие отношения с начальником штаба болгарской армии Толпиджиковым. По мнению знавших его русских генералов, «...это был глубоко образованный человек. Очень спокойный, крайне симпатичный».³⁶ Часть штаба генерала Шатилова, откомандированного Врангелем в Сербию, в местечко Сремски Карловцы, возглавлялась генералом Архангельским, в прошлом дежурным генералом Деникина и Врангеля. Оттуда путь Шатилова лежал в Париж, где вместе с военным представителем барона Врангеля Евгением Карловичем Миллером, известным Павлу Николаевичу еще по Великой войне, генералы посетили у М.Н. Гирса, главы бывшего Императорского дипломатического корпуса. Будучи масоном высокого градуса посвящения, Гирс не мог не поддерживать генеральной линии своего общества. А оно стояло на позиции необходимости уничтожения русских национальных формирований. «В разговорах с ним чувствовалось желание ликвидации военной организации, что,

прежде всего, по его понятию, должно было бы облегчить наше расселение».³⁷

Посетители Гирса, слабо разбиравшиеся в тайных организациях, едва ли ясно представляли роль своего собеседника в мировой масонской иерархии. Оба генерала — Шатилов и Миллер отнесли высказанное дипломатом мнение лишь на счет его неосведомленности в армейских делах. В качестве альтернативы, визитеры нанесли визит русскому посланнику во Франции Маклакову, а затем отправились в штаб французского маршала Фоша. Во время описываемых событий Фошу еще были подчинены все войска, остававшиеся после Великой войны вне территории Франции. Там Шатилов и Миллер были приняты начальником штаба маршала генералом Вейганом. «Результат от этого визита все же сказался, и вопрос о сохранении пайка и ликвидации довольствия в лагерях фактически не осуществился».³⁸ После двух незначительных встреч в Париже с Кривошеиным и Гучковым, возлагавшим большие надежды на правительство братьев Меркуловых на Дальнем Востоке, Шатилов отбыл назад на Балканы. Вопрос, который надлежало продумать после того, как часть армии будет перевезена из Турции, — как сохранить военную организацию, воссозданию которой усердно противились французы и англичане. Через своих посланников в Балканских странах, они старались повлиять на решения балканских правительств. И, хотя никакой непосредственной опасности русские части, переехавшие из Галлиполи, для англичан и французов не представляли, «французы действовали в желании поддержать авторитет Константинопольского штаба, англичане же, вероятно по установившейся традиции, не допускали расширения русского влияния на Балканах».³⁹ Сам перевоз частей Русской армии осложнялся и довольно строгими требованиями от принимающей стороны. Так, например, болгарское правительство, несмотря на получаемую плату за пребывание русских на своей территории, выдвинуло требования о приеме только тех частей, которые имеют полную воинскую организацию и за

дисциплинированность которых ручается Главнокомандование. Сербия не выдвигала строгих требований, так как первая партия русских воинов была направлена на довольно непривлекательную работу по расчистке полей после боев и сбору брошенного имущества и вооружения. Сербь также не препятствовали ношению русскими своей военной формы, а устав сербской пограничной стражи не подразумевал каких-то особых требований по организации русских частей, входящих в нее ротами (четами — *Авт.*) и иногда более крупными соединениями. Сербские власти также разрешили русским офицерам ношение личного оружия. В Париже генерал Миллер получил известия об ассигновании дополнительно 200 тыс. долларов САСШ и 1 млн. франков на обустройство жизни и быта русских частей в Балканских странах. Штаб Главнокомандующего состоял в переписке с военными представителями в европейских странах — фон Лампе и Леонтьевым, однако результатом их «титанических» усилий явилось решение Чехословакии принять 1000 человек и Венгрией еще 200. Заботу о больных и раненных Русской армии, по рекомендации небезызвестного посла Гирса в Париже, Главнокомандование передало Международному Красному Кресту. Это позволило открыть его отделения и в тех Балканских странах, где размещались лечебные учреждения, в которых находились на излечении раненые солдаты и офицеры Русской армии. В августе 1921 года королевство СХС снова разрешило принять у себя 3000 человек для «общественных работ» по проведению новых железнодорожных линий. Следом за этим Болгария проявила неожиданно щедрый жест, пригласив для проживания 7000 человек. 6000 человек прибыли в Болгарию из Галлиполи, за которыми последовала 1000 человек с острова Лемнос. С ними прибывали штаб генерала Витковского и штаб Донского корпуса во главе с генерал-лейтенантом Сергеем Федоровичем Абрамовым. Кавалерийская дивизия во главе со своим начальником Иваном Гавриловичем Барбовичем поступала на службу в пограничную стражу

СХС королевства. Постепенно, к концу сентября 1921 года, согласно плану, большая часть Русской армии со своими штабами покинула турецкие берега, а 15 октября 1921 года около 5 часов дня яхта Главнокомандующего «Лукулл» была протаранена пароходом «Адрия», шедшим из Батуми (!) под итальянским флагом. «Адрия» врезалась в правый борт яхты и разрезала ее пополам. От страшного удара небольшая яхта «Лукулл» стала быстро погружаться в воду и затонула в течение двух минут. Выдержка и спокойное поведение Конвоя Главнокомандующего и экипажа яхты дало возможность погрузить в шлюпки находившихся на ней людей и доставить их на берег. За час до происшествия сам барон Врангель и командир яхты отбыли на берег. Все морские офицеры и оставшиеся на яхте матросы до момента погружения оставались на палубе и только, видя неотвратимость ее потопления, бросились за борт и были подобраны подоспевшими катерами и лодочниками. Вместе с яхтой ушел в морскую пучину дежурный офицер мичман Сапунов, матрос Ефим Аршинов и корабельный повар Краса, орудовавший в момент удара «Адрии» на камбузе и не успевший выбраться из-под завалов, образовавшихся при столкновении. Удар «Адрии» пришелся в среднюю часть яхты и вихрем прошел через кабинет и спальню Главнокомандующего. Вместе с «Лукуллом» ушли на дно документы Врангеля, и погибло все его личное имущество. Никаких мер для спасения людей «Адрия» не принимала: не было спущено ни одной шлюпки, не были брошены концы или спасательные круги... Спустя год, один из русских эмигрантских авторов, проживавший в то время в Германии, поведал своему знакомому одну историю, отчасти проливавшую свет на происшествие, случившееся на европейском побережье Босфора 15 октября 1921 года. «С ноября 1922 года Х. жил в Саарове под Берлином. Там же в санатории отдыхал Максим Горький, находившийся в ту пору в полном отчуждении от большевиков. Однажды Горький сказал Х. про Елену Феррари:

— Вы с ней поосторожнее. Она на большевичков работает. Служила у них в контрразведке. Темная птица. Она в Константинополе протаранила белогвардейскую яхту». ⁴⁰

Многие пассажиры «Адрии» вспоминали впоследствии, что незадолго до отбытия яхты из порта Батуми, по городу ходили слухи о приезде из центра нового состава городской Чрезвычайной комиссии. Вполне вероятно, что некоторые ее сотрудники оказались на «Адрии» и с нее управляли всей операцией по затоплению яхты, подвергнув опасности жизни невинных людей. Одной из сотрудниц ЧК была, по всей вероятности, некая Елена Феррари, дамочка, подвизавшаяся в берлинских околосексуальных кругах начала 1920-х годов прошлого столетия. Подобная многим своим современницам, всю свою жизнь балансировавшим между советскими органами госбезопасности и литературными салонами, Елена Феррари курсировала между двумя столицами, стремилась к расширению своих знакомств в литературной среде и где-то даже проговорила о своих сомнительных заслугах. Далее ее следы теряются. Вероятно, что советская госбезопасность поняла пагубность ее привычки делиться служебными делами давно минувших дней даже спустя многие годы, и... Елена Феррари исчезла, как и многие, ей подобные, поглощенная водоворотом Гулага.

«Слова Горького я считал долгом закрепить здесь для истории, куда отошел и Врангель, и данный ему большевиками под итальянским флагом морской бой, которым, как оказывается, управляла советская футуристка с девятью пальцами!» ⁴¹

Барон Врангель расценил происшествие со штабной яхтой, как вызов, брошенный ему из далекого коммунистического логова. Расстроенный Главнокомандующий переехал в здание русского посольства в Константинополе. Союзники начали проводить расследование обстоятельств гибели «Лукулла», а русская пресса выразила надежду на то, что когда-нибудь следствие прольет хоть какой-нибудь свет на происшествие. Их надеждам не удалось сбыться. Не дал особен-

ных комментариев и русский военно-морской следователь, участвовавший в работе следственной союзной комиссии. Вскоре прием остатков частей Русской армии продолжился, и Главнокомандующий стал перед выбором страны своего пребывания. Нахождение частей армии в двух государствах и различные условия существования рассеянных по балканским странам групп заставили Врангеля провести реорганизацию работы его штаба. Подобная раздвоенность штаба давала возможность Главнокомандующему при ожидавшихся его переездах из страны в страну сохранять при себе стратегический орган в виде представительства своего штаба. «Местом своего постоянного пребывания генерал Врангель наметил Королевство СХС, предполагая выезжать в Болгарию только для посещения войск». ⁴²

Председатель Скупщины тут же счел своим долгом добавить ложку сербского дегтя в бочку меда «давних дружеских отношений двух славянских народов»: «Генерал Врангель будет нашим высоким гостем, но признать его Главнокомандующим мы не можем!» — заявил во всеуслышанье Пашич. В ноябре 1921 года генерал Шатилов написал Гирсу в Париж, что к концу 1921 года в Болгарии будет сосредоточено 17300 чинов Русской армии, а в королевстве СХС — 9700 человек, к которым добавится еще 2500 тысячи с начала нового 1922 года. Вместе с армией в королевство СХС были перевезены три кадетских корпуса и два женских института, которые командованию удалось устроить на государственную дотацию королевства. Часть войск, не получивших возможности служить, как тех их соратники, что были приняты на службу в пограничную стражу, содержалась на средства, ассигнованные Бахметевым. Первоначально их количество в королевстве достигло нескольких тысяч человек, но командование старалось подыскать им подходящую работу и со временем их количество уменьшилось. И пусть был горек чужой хлеб и круты чужие лестницы, по единодушному признанию современников «..армия ушла из лагерей с чувством наступающего избавления от моральных

невзгод и материальных лишений. Будущее давало надежду на лучшие материальные условия, и состоявшиеся перевозки вносили моральное удовлетворение одержанного успеха в борьбе за свое сохранение. С прибытием в славянские страны части армии, закаленные суровыми испытаниями, вступили в новую фазу жизни и борьбы за свое существование». ⁴³ Задача по переселению русских частей на Балканы была полностью выполнена их Главнокомандованием. Раздробленная на мелкие подразделения в нескольких странах, армия продолжала свое существование, а ее формальные лидеры перешли скорее в категорию лидеров духовных, разделяя с ней горький хлеб изгнания. Нельзя сказать, что произошедшая с армией перемена обрадовала ее французских и английских союзников, раздосадованных военным усилением балканских стран. То, что не получилось полного распыления русских частей, по-прежнему тревожило советскую ЧК-ОГПУ, а главное — были живы и деятельны военные руководители армии, готовые к новым походам. Дипломатическому представителю сообщества бывших императорских посланников за границей Гирсу не удалось финансово задуть армию под предлогом охраны материальных ценностей империи до появления нового законного правительства, и это заставляло искать новые формы окончательной ассимиляции и дезорганизации Русской Национальной армии уже в новых странах. С достоинством вышедшая из галлиполийских злоключений, армия неизбежно двигалась к новым, еще более изощренным и скрытым. Ее противники, несмотря на идеологические различия, были даже готовы к временному объединению с тем только, чтобы от дееспособной армии генерала Врангеля оставалось вскоре лишь одно воспоминание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПУТИ РУССКОЙ АРМИИ НА БАЛКАНАХ, В АФРИКЕ И СССР. 1920-е ГОДЫ

Еще один исход Русской армии позади. И хотя за морем ей был оставлен неласковый «берег турецкий» и дикие греческие острова, новый поход изгнанников «за море» разрешил лишь часть проблемы места пребывания русских военных частей. Однако это совсем не приблизило русских солдат, офицеров и генералов к долгожданному часу победы над большевизмом и торжеству правды. В России по-прежнему властвовали большевики, поэтапно укрепляя свое влияние на всех ее широтах — от хмурых берегов Балтики до гавани Петропавловска. С узурпировавшими государственную власть большевиками еще продолжали борьбу совсем немногочисленные группы повстанцев, чье поражение в затихающей Гражданской войне оставалось лишь вопросом времени. В ответ на борьбу народов бывшей Российской империи, новые власти лишь усиливали классовый террор, силились искоренить традиционную веру и занимались переустройством концентрационных лагерей, словно бы готовя их для долговременного массового использования в самом недалеком будущем. В ней принимали участие люди почти всех национальностей, населявших империю. Евреи принимали деятельное участие в этой войне с обеих сторон. Сражавшиеся на стороне белых еврей-офицеры смогли принести большую пользу Белому Движению своими военными знаниями, а простые добровольцы — своим мужеством и при-

мером. Однако в ходе борьбы с последними очагами сопротивления советской власти, силы большевиков увеличивались в геометрической прогрессии и надежды на благополучный исход каких-либо военных действий на всех географических широтах России против большевизма ждать не приходилось. Зарубежные страны словно бы закрыли глаза на сам факт незаконности новой власти в России и не стремились вмешиваться во «внутренние дела» российского государства. Возможно, именно после очередного перехода через море, Врангелю вспомнились известные в ту пору слова покойного императора всероссийского Александра III, обращенные некогда к наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу о том, что у России есть лишь два надежных союзника — ее Армия, и ее Флот, а все остальные обязательно и многократно предадут. И, хотя по-крупному предавали пока что лишь немногие, еще меньше оставалось тех, кто не был бы готов предать переселившиеся русские войска в расчете на получение политических и иных дивидендов в быстро меняющейся конъюнктуре европейской жизни 20-х годов прошлого столетия. Бывшие вассалы императорской России на время позабыли о своей прежней угодливо-просящей роли в собственной внешней политике, которую они вынужденно, но прилежно играли перед могучим российским государством еще менее десяти лет тому назад.

«Ни одна страна, как правило, не давала нам въездных виз, все двери были перед нами наглухо закрыты, а государственные и законодательные учреждения повсеместно заботились лишь о том, чтобы, где только возможно, урезать нас в правах, которыми пользовались граждане всех других стран мира»,⁴⁴ — вспоминали русские беженцы и военнослужащие, которым посчастливилось живыми выбраться «с другого берега».

И вот теперь правительства европейских стран, наблюдая трудности, с которыми продолжала стойко сражаться Русская армия, хладнокровно прикидывали, какую еще вы-

году могли бы принести им проживавшие в принявших скитальцев странах русские переселенцы. Обсуждали на парламентских слушаниях список тех непривлекательных задач, которые можно было бы переложить на плечи прибывающих в их страну военных беженцев, и выполнять которые зачастую гнушалось мало-мальски обеспеченное коренное население этих стран. Именно эти работы и планировалось поручить людям, у которых почти не осталось иного выбора, как браться за любое предложенное дело. Им, эмигрантам, оказавшимся вне Отчества. Настроения местного населения, часто подверженные быстроменяющимся политическим ситуациям и экономическим колебаниям рынка труда, были весьма неустойчивы и простирались от ностальгических вздохов о былом единстве славянских народов, до неожиданной истерики: «...часов в десять утра прибыли в хорватскую столицу Загреб. Тут гостеприимные братья хорваты заблаговременно организовали нам теплую встречу: перрон был густо заполнен разношерстным сбродом, который, едва остановился наш поезд, принялся бесноваться вокруг него, с дикой руганью и криками, из которых нам удалось понять лишь то, что мы проклятые белогвардейцы, всю жизнь пившие русскую народную кровь, а теперь приехавшие пить кровь хорватскую. В двери наших теплушек было даже запущено несколько камней...»⁴⁵ В Болгарии на первых порах пребывания там русских частей ситуация была несколько иной: «Болгары в массе своей относились к нам доброжелательно, и...мы чувствовали себя как дома».⁴⁶ Благожелательное или, по крайней мере, нейтральное отношение к русским военным эмигрантам в Болгарии сохранялось лишь до некоторых пор. Однако очень скоро правительство Стамболийского установило дипломатические отношения с СССР перешедшие вскоре после этого в некое подобие дружбы между этими двумя неравноправными партнерами в политической игре.

Персонал первых советских учреждений, появившихся вскоре в болгарской столице, стал в массе своей вдохнови-

телями и инициаторами активных действий против белоэмигрантов, граничащих с вмешательством во внутренние дела «дружественного государства». Болгарские политические деятели, не разделявшие эйфории правительства Стамболийского по поводу дружбы с СССР, были высланы им за пределы страны или были вынуждены скрываться от политических преследований. Царю Борису левые парламентские деятели порекомендовали не вмешиваться ни во что и фактически изолировали его от внешнего мира, рекомендуя не покидать пределы дворца, чтобы не провоцировать «возмущения пролетариата». Тридцатитысячная русская армия, расквартированная частями и гарнизонами по всей Болгарии и сохранившая при себе все оружие, кроме артиллерии, вызывала крайние опасения у Стамболийского и его советских кураторов. Они предполагали, что при определенном развитии событий и при отсутствии противодействия закаленной в боях последних лет Русской армии, болгарские монархисты могли легко выбить власть у социалистов и демократов, что и не замедлило случиться впоследствии.

И хотя в примечании к Договору о приеме русских войск в Болгарию, подготовленном совместными усилиями болгарского правительства и генералом-от-кавалерии П.Н. Шатиловым говорилось, что «русские части не могут принимать никакого участия во внутренних делах страны или ее внешних недоразумениях, равно как и не могут быть привлекаемы в таких случаях кем бы то ни было»,⁴⁷ гром над болгарскими коммунистами все же не замедлил грянуть. Конечно, этому событию предшествовало множество неприятностей, которые ориентированные на сближение с СССР болгарские левые постарались доставить русскому военному командованию и чинам Русской армии.

Все началось в апреле 1922 года, во время поездки на съезд старших начальников в штаб корпуса Русской армии, располагавшийся в Велико Тырнове. Поезд, в котором ехали на этот съезд генералы Анатолий Владимирович фон Фок, Петр Никитич Буров, Михаил Михайлович Зинкевич, Вла-

димир Константинович Витковский, Михаил Николаевич Ползиков, Владимир Павлович Баркалов, Михаил Алексеевич Пешня, Николай Владимирович Скоблин, Антон Васильевич Туркул, Федор Эмильевич фон Бредов и полковник Евгений Ильич Христофоров, при подъезде к станции Павлекени, потерпел крушение.

Как выяснилось позже, причиной аварии стали развинченные кем-то рельсы. К счастью, никто из русских командиров не пострадал. Менее месяца спустя, в мае 1922 года, в столице страны полиция провела обыск в помещении русского военного представителя полковника Самохвалова, подвергнувшегося побоям полицейских, отправивших сопротивлявшегося военного в участок. Там же Самохвалов был посажен под арест. Наконец, 12 мая 1922 года болгарские власти арестовали Александра Павловича Кутепова, предварительно вызвав его в помещение военного министерства Болгарии по незначительному поводу. Та же участь ожидала и Павла Николаевича Шатилова, под каким-то предлогом приглашенного к начальнику штаба болгарской армии Топилджикову и там же угодившему под арест.

15 мая 1922 года подразделения болгарской армии оцепили казармы Корниловского полка, расположенные в Горно-Паничере и прибывшие представители болгарской политической полиции начали череду обысков, продолжившихся на русском военном аптечном складе в Тырнове и корпусном лазарете в Арбанасе. По всем русским военным учреждениям прокатилась волна обысков и арестов, продолжавшихся все лето 1922 года. Всплески насилия по отношению к Русской армии порой доходили до того, что в середине июля того же года болгарские жандармы, напав на ничего не подозревающую группу юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, убили одного из них и ранили четверых.

Спустя четыре дня после ареста три арестованных генерала: Кутепов, Шатилов и Вязьмитинов были высланы за пределы Болгарии. Место военного представителя в Болга-

рии Вязьмитинова занял генерал-лейтенант Иван Алексеевич Ронжин. В конце лета болгарские чиновники потребовали запретить ношение форменной одежды чинами различных русских полков. 31 августа 1922 года, встреченные болгарскими жандармами молодые офицеры Николаевского офицерского училища, возвращавшиеся в казармы в форме, были ими жестоко избиты. В начале сентября 1922 года под домашний арест угодил генерал-лейтенант Владимир Константинович Витковский. Политические репрессии против генералов, офицеров и солдат русской армии в Болгарии набирали силу. Болгарские власти депортировали Витковского, и тому пришлось вынужденно переселиться в соседнюю Сербию. Депортации Витковского предшествовал один примечательный случай. Незадолго до высылки генерала на его имя пришло письмо от некоего офицера по фамилии Щеглов, про которого тому было лишь известно, что этот человек был исключен из рядов Русской армии по решению военно-судебных органов за ряд серьезных проступков. В письме Щеглов настаивал на личной встрече с генералом, в которой ему отказано не было. Владимир Константинович неохотно пригласил своего настойчивого корреспондента для встречи в одну из софийских гостиниц, где сам генерал проживал во время описываемых событий. Витковский вспоминал: «На мой вопрос, какое у него важное дело, Щеглов ответил, что он уполномочен советской властью, предложить мне, как командующему в настоящее время 1-м армейским корпусом, перейти со всем корпусом к ним, причем советская власть гарантирует оставление в неприкосновенности всей организации и состава корпуса, во главе со мною и всеми начальствующими лицами». Не без труда подавив естественное желание тотчас же выгнать возможного провокатора прочь, Владимир Константинович стал подробно расспрашивать Щеглова о том, каким образом советской власти удастся распоряжаться настолько свободно в чужой стране, на что тот не без гордости отвечал генералу, что болгарское правительство находится полностью под контролем

московских большевиков. В разговоре Щеглов пошел дальше, сообщив Витковскому для придания значимости собственной персоне, что в советском посольстве в Софии уже имеются подробные документы о попытке частей Русской армии свергнуть законное правительство Болгарии, которым незамедлительно будет дан ход по дипломатическим каналам, если Витковский откажется от сотрудничества с большевиками. Генерал сделал вид, что согласился, попросив Щеглова прибыть к нему на следующий день для ознакомления с его окончательным решением. За это время Владимир Константинович надеялся изыскать технические средства официально зафиксировать речи Щеглова и передать их болгарскому полковнику Топилджикову в качестве изобличающих советских агентов сведений. О своем плане Витковский сообщил болгарскому начальнику штаба армии, но хитроумный болгарский полковник, пообещав прислать от себя представителя для тайного прослушивания разговора со Щегловым, этого делать не стал. На следующий день, когда советский парламентар вновь явился к нему в гостиницу, Витковскому пришлось высказать Щеглову возмущение его предательством и, призвав большевистского агента к раскаянию в совершенной измене Белому делу. Осознав, что его разговор с Витковским окончен, Щеглов безмолвно ретировался ни с чем. Впоследствии генерал Витковский сообщил обо всем подробно в своем донесении генералу Врангелю, включив этот эпизод в ход своего повествования о крайне недоброжелательной атмосфере, сложившейся в последнее время в Болгарии по отношению к Русской армии. Что случилось, конечно, не без обоюдных стараний советских органов разведки и болгарских коммунистов. Ознакомившись с донесением Витковского, Главнокомандующий дал поручение профессору А.А. Башмакову подготовить по имевшимся у него изобличительным материалам брошюру. А затем велел перевести ее на французский язык, для издания в качестве иллюстрации подрывной деятельности коммунистического интернационала

в Европе. Брошюра эта была позднее использована представителями русской военной эмиграции в ходе их общения с европейскими дипломатами и еще долгое время оставалась весомым аргументом против их доводов об относительной безвредности советской власти для европейских стран. Брошюра эта увидела свет в 1923 году и сразу же стала библиографической редкостью.

Во второй половине июня 1923 года, в виду бедственного положения с финансами находящейся в изгнании армии, бароном Врангелем было издано распоряжение о направлении военнослужащих Русской армии на различные работы для самообеспечения. Эта отчаянная мера была призвана собрать хоть какие-нибудь деньги для проживания частей армии за границей, ибо средства, выделенные еще недавно бывшим императорским послом в США Бахметевым, а также те, что удалось собрать уполномоченными армии из других источников, были на исходе. Стоимость содержания частей в балканских странах оказалась для командования Русской армии непосильной ношей. «В таких тяжелых условиях приходилось проводить устройство наших чинов на частные работы, преимущественно на шахты, наибольшая из которых была угольная шахта «Мина Перник» к югу от Софии». ⁴⁸ - вспоминал генерал Витковский. Как и следовало ожидать, вакансий на изнурительную и опасную для жизни работу в болгарских шахтах было более чем достаточно. Местное население не стремилось поступать на столь малопривлекательные работы, к тому же мало оплачиваемые, но для русских военных и такая работа оказалась приемлемой, ибо спасала на какое-то время от преследования местной жандармерии и властей, не рисковавших высылать людей, занятых столь необходимым для небольшой страны трудом. «Нам приходилось довольствоваться только физической работой, да и то преимущественно такой тяжелой и грязной, за которую неохотно брались местные рабочие. И при этом нас еще на каждом шагу упрекали, что мы у кого-то отбираем хлеб», ⁴⁹ — вспоминал один из русских эмигрантов. Пер-

воначально надежды некоторых военных слегка пошатнулись, и люди стали отчаянно искать выходы, пытаясь выбраться в страны Западной Европы и даже другие континенты. Очевидец свидетельствовал: «Паспорта Лиги Наций, которые нам выдавали, правильнее всего было бы назвать волчьими, а не нансеновскими (беженским отделом Лиги Наций заведовал норвежский путешественник Фритьоф Нансен, подписывавший наши паспорта), ибо он фактически обрекали нас на полную беззащитность и бесправие... Через границы приходилось пробираться нелегально, иной раз с опасностью для жизни (например, через болгарско-сербскую), а о получении какой-нибудь службы мы не могли и мечтать».⁵⁰ На общем фоне бедственного положения военных эмигрантов, в Болгарии продолжались повальные репрессии, инспирируемые и поддерживаемые правительственными чиновниками страны и болгарским государственным аппаратом, направленные против всех без исключения русских военных. Из Болгарии были высланы начальник Корниловского военного училища генерал-майор Михаил Милошевич Георгиевич вместе со всем преподавательским составом этого учебного заведения. За этим последовал арест и высылка генерал-майора, командира марковцев Михаила Алексеевича Пешни вместе с 12 штаб-офицерами его полка. Не миновали обыски и аресты корниловцев, расположившихся в летних казармах болгарской гвардии в селе Горно-Паничерово. Накануне было послано несколько анонимок и командиру корниловцев, генерал-майору Николаю Владимировичу Скоблину. Их авторы сообщали генералу, что в канун праздника солидарности всех трудящихся 1 мая 1923 года он будет убит. Скоблин переживал, но еще большими переживаниями сопровождались его бесконечные разговоры с женой, известной певицей Надеждой Плевицкой, которой не сиделось в этом Богом забытом селе Горно-Паничерово. Надежду Васильевну влекли иные сцены и блеск европейских столиц, и, следуя устремлениям жены, Скоблин отправился за ней, сопровождать певицу на гастролях,

по язвительному замечанию их современника Прянишникова, «подобно верному пажу». Постепенно «в угоду ей стал он пренебрегать своими обязанностями, не раз покидая корниловцев в трудные моменты их бытия. По настоянию жены, отпросился он у командира корпуса (Витковского — *Авт.*) в заграничный отпуск»⁵¹ — отмечал наблюдательный недоброжелатель генерала. Неукротимая жизненная энергия влекла Надежду Васильевну Плевицкую по странам Европы, где она не раз бывала тепло принимаема слушателями и русской аудиторией. Ее импресарио Юрий Боркон немало потрудился над тем, чтобы череда гастролей певицы позволила пронестись ей, подобно яркому метеору, по концертным залам Прибалтики и Польши, Чехословакии, Германии и Бельгии. В берлинском зале имени Бетховена она впервые исполнила ставшую гимном русской эмиграции лирическую песню «Замело тебя снегом, Россия», глубоко взволновавшую душу русских изгнанников. Триумф и заслуженное признание сопровождали ее повсеместно. В театре Виктора Гюго в Ницце, выступая перед изысканной аудиторией русской аристократии, еще не успевшей до конца прожить свои средства, Надежда Плевицкая впервые исполнила песню о томящемся под коммунистическим игом русском народе. «Патетически произнесенные последние слова песни «и будет Россия опять!» так потрясли слушателей, что несколько дам лишилось чувств. По требованию взволнованной до глубины души публики певица повторила эту песню несколько раз...»⁵² Генералу Скоблину льстило всеобщее признание таланта его супруги. Стараясь поддерживать определенный образ жизни и уровень знакомств, семейная пара сошлась близко с довольно состоятельным берлинским дельцом Марком Эйтингоном и его женой, бывшей московской актрисой. Эйтингоны, не жалевших денег и сил для того, чтобы поддержать приятельство с Плевицкой, скоро стали их близкими друзьями, стараясь проводить время вместе со знаменитостью и ее мужем. Своим новым друзьям Эйтингоны оказывали необременительную для них помощь

и разнообразные мелкие услуги. Они не только иной раз поддерживали советом малоопытных эмигрантов, каковыми являлись Плевицкая и ее муж-генерал, но и представили их кругу состоятельных людей в Германии. Скоблина, а более него Надежду Плевицкую радовала неожиданно свалившаяся на них возможность «зажить по-человечески». После бытовых неудобств и тревоги за свое будущее в повседневности своей недавней болгарской жизни, Скоблин на время утратил чувство бдительности и не задумался о причинах столь преувеличенного внимания не только к жене, что было объяснимо ее популярностью, но и к собственной персоне. Ведь в «светской жизни», по общим наблюдениям, Скоблин мог играть роль лишь приложения к яркой личности супруги. Разумеется, генерал не мог знать, что один из родственников его нового берлинского знакомого, проживающий в СССР, Наум Эйтингон является одним из руководителей агентурной сети ОГПУ за границей. Эта сеть не была связана в своей деятельности с официальными представителями советских организаций и миссией за рубежом и оставалась глубоко законспирированной. Вдохновитель политических убийств, интеллектуальный центр многих акций физического устранения неугодных для советской власти фигур Белого движения за рубежом, Эйтингон уже давно искал выходы на руководство Белой армии для создания нового агентурного источника на самом высоком уровне. «Семья Эйтингонов принадлежала к самым бедным слоям общества, однако в Европе у них были весьма состоятельные родственники»,⁵³ — косвенно в своих мемуарах объяснил успех вербовки Скоблина и его супруги штатный террорист органов внешней разведки СССР Павел Судоплатов. Вполне возможно, что родственники, разделенные железным занавесом, политическими системами, и придерживались разнообразных жизненных ценностей, но когда интересы дела одной из сторон требовали помощи, таковая оказывалась без промедления.

В лице Скоблина перед ИНО ОГПУ в 1920-е годы открывалась прекрасная возможность получить своего ин-

форматора, а возможно, и инструмент воздействия на верхушку РОВС в необходимом для ОГПУ направлении. В случае определенной потребности, Скоблина можно было использовать хотя бы и для того, чтобы посеять в РОВС раскол и смуту, расшатать эту общественную организацию до той степени, когда она перестанет быть опасна для большевиков и полностью подчинится их контролю. Вероятно, берлинскому родственнику Эйтингона был дан сигнал из-за другой стороны «железного занавеса» укреплять это как нельзя кстати, возникшее знакомство всеми силами. Находясь под впечатлением новой для себя жизни, Скоблин не вернулся из отпуска к своему полку в срок, за что получил строгий выговор командования по своему прибытию в болгарское царство.

И все же главная проблема существования Русской армии в Болгарии была неожиданно устранена внутренними болгарскими событиями. В ночь с 8 на 9 июня 1923 года в стране произошел переворот, организованный и проведенный несколькими организациями, включая фашистскую организацию «Военная Лига». В результате энергичных действий повстанцев, Стамболийский и несколько его министров были арестованы, а к власти пришло новое правительство профессора Цанкова. Указом нового болгарского правительства прокоммунистические министры, включая Стаболийского, были расстреляны. Узнав про свершившееся возмездие, Врангель направил профессору Цанкову запрос о возможности возвращения высланных ранее из Болгарии начальствующих лиц армии в распоряжение своих частей, на что получил положительную резолюцию нового главы болгарского правительства.

К этому времени поправившийся после болезни Александр Павлович Кутепов, по его прибытию в Сербию, был назначен в распоряжение великого князя Николая Николаевича, перестав числиться командиром 1-го армейского корпуса. Командование корпусом было передано в ведение Вла-

димира Константиновича Витковского. Он прибыл в Софию уже в конце июля 1923 года, где вплотную приступил к формированию штаба корпуса и выстраиванию отношений с новой болгарской властью. Александру же Павловичу Кутепову, вступившему в новую для себя должность, работа давалась непросто. «Некоторые его невзлюбили за то, что он пользовался доверием и вниманием великого князя. Против него велись интриги, но Александр Павлович оставался к этим недоброжелателям таким, каким он был с ними раньше... В докладах он был всегда правдив и чистосердечен, свои мысли стойко отстаивал, приводя всегда подтверждения, на основании которых он делал свои выводы. Признавал он, конечно, и чужое мнение, если правильность его была ясно и доказательно формулирована», ⁵⁴ — замечал симпатизировавший Кутепову мемуарист.

Кутепов отдался новой работе всей душой и всегда был готов оказать всевозможную помощь Великому князю не только в служебных, но и в частных делах. Одним из первых шагов Кутепова на новом поприще было преобразование охраны Великого князя, состоявшей ранее лишь из назначенного французским правительством полицейского агента для наружной безопасности и казачьего конвоя, нанятого для внутренней охраны. К ним Кутепов прибавил и охрану из офицеров-галлиполийцев, выбрав их по принципу наибольшей сплоченности из одной части. Все офицеры были артиллеристами, прошли галлиполийские лагеря, познали тяготы военных походов и не утратили ни силы духа, ни изрядной физической подготовки. Новые охранники Его Высочества получали распоряжения лично от Кутепова. Дежурство их было устроено таким образом, чтобы круглые сутки несколько человек находились в распоряжении Великого князя, вели учет посетителей, проверяли помещения, где он проживал, и отмечали любых подозрительных личностей, появлявшихся в их поле зрения, пришедших на аудиенцию или просто доставлявших корреспонденцию в здание. Сам Кутепов нередко приезжал с проверками днем или ночью в

помещение в доме, где проживал великий князь Николай Николаевич, специально оборудованное для охранников. Все охраняющие Его Высочество офицеры получали содержание от великого князя и были лично ему представлены. Каждое воскресенье и в праздничные дни офицеры охраны, не находившиеся в наряде, приглашались к обедне или в домовую церковь великого князя или к нему на завтрак. Охрана просуществовала с 10 декабря 1924 года по 23 декабря 1928 года, когда великого князя не стало. Кутепов лично прибыл в курортный южно-французский городок Антиб, где неожиданно скончался великий князь, находившийся там с визитом у своего брата великого князя Петра Николаевича. Там же Александр Павлович участвовал в траурной церемонии погребения Его Высочества. После кончины великого князя, Александр Павлович Кутепов обратился к русскому военному зарубежью с предложением о пожертвованиях на сооружение мемориальной доски в честь покойного великого князя. На одной стороне мемориальной доски, на ее серебряной половине, были выгравированы по издавна установленному уставу списки полков и названия воинских частей, принимавших участие в пожертвованиях на ее сооружение, а на другой стороне — серебряный венок, перевитый Георгиевской лентой, сделанной из эмали. В центре этого венка помещена надпись: «Верховному Главнокомандующему Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу Русское Зарубежное Воинство 23 декабря 1928 года — 5 января 1929 года».

«Особенно трудно было генералу Кутепову первое время после кончины его императорского высочества. Некоторые не хотели считаться с его назначением заместителем великого князя, но благодаря своему такту и выдержке характера он сумел привлечь симпатии громадного большинства на свою сторону и энергично повел далее трудное и сложное дело»⁵⁵, — сочувственно отмечал все тот же доброжелатель Кутепова.

Между тем в Болгарии новый министр внутренних дел Болгарии генерал Русев принял преемника Кутепова Вит-

ковского у себя в кабинете и оказал ему очень любезный прием, причиной которого было намерение нового правительства использовать русские формирования в борьбе с очагами коммунистических восстаний, вспыхивавших повсеместно. Не имея достаточно подготовленных для решения этой задачи военных сил и средств, болгары начали борьбу с введения на территории страны комендантского часа, при котором передвижение по городам после 20 часов и до утра прекращалось. С конца сентября 1923 года в болгарском царстве были введены военно-полевые суды, был объявлен призыв лиц, числящихся в запасе, в вооруженные силы, и прекращен прием частных телеграмм. Этим меры в немалой степени способствовали восстановлению порядка в стране, а участие отдельных частей Русской армии в рассеянии восставших, надолго заставило затаяться и замолчать коммунистическую оппозицию в Болгарии. К концу 1923 года командование Русской армией, хорошо извещенное о бедственном положении русских частей, и, не имея средств, продолжать их финансирование, стало направлять физически здоровых солдат и офицеров на работы в разные страны Европы. Наличие постоянной работы позволило бы воинским чинам не только выживать, как это было в Болгарии, но и достойно зарабатывать себе на жизнь. Потребность в квалифицированной рабочей силе существовала на некоторых промышленных предприятиях Бельгии и Франции, где вследствие недавней Великой войны и значительной убыли мужского населения, образовалась нехватка рабочих рук. Весной 1924 года направление людей на работы из Болгарии и Сербии в Западную Европу приняло вполне регулируемый характер. Что невольно продолжило дальнейшее рассеяние Русской армии. 1 сентября 1924 года генерал Врангель объявил войскам Приказ № 35 — об образовании Русского Общевоинского Союза. В него включались общества всех белых армий, все части и воинские союзы, а также и те, которые в будущем пожелали бы присоединиться к

объединению. Внутренняя жизнь обществ, регламентируемая собственными уставами, сохранялась в силе. В административном отношении, Русский Общевоинский Союз делился на отделы, а те, в свою очередь, на отделения. 16 ноября 1924 года Великий князь Николай Николаевич принял на себя Верховное командование Русским Зарубежным воинством. Этот шаг рассматривался частью эмиграции, как назначение нового вождя в преддверье большого похода на большевиков. Выбор, павший на фигуру Великого князя во многом был обусловлен утратой веры за границей во многих бывших лидеров минувшей Гражданской войны. Некоторые генералы, прошедшие со своими частями по огненным дорогам Гражданской войны, в эмиграции оказались куда как менее популярны и с большинством из них офицерство, да и солдаты не связывали успех будущих сражений с большевизмом. Великий князь, известный русским войскам как успешный полководец Великой войны, был любим и уважаем в Русской императорской армии и в значительной степени в армии генерала Врангеля. После того, как в Болгарии русскими военными было построено большинство шоссейных дорог, проделаны трудоемкие инженерные работы по благоустройству общественной инфраструктуры страны, командование некоторых русских подразделений, пришло к выводу о необходимости перевода своих подчиненных в другие, более благоприятные условия жизни и несения службы. Некоторые из частей начали перебираться из болгарских приделов в другие, соседние страны, включая Королевство СХС.

Там, например, силами Кубанской дивизии проводились работы по сооружению шоссе Карбовац — Васильград, протяженностью в 40 километров по прямой линии, проходившее, в том числе и по горной местности, через перевалы Босан — Кобыла, где высота достигала 1950 метров над уровнем моря. Прибывавшие из Болгарии русские военные включались в строительство железной дороги на участке Ниш — Княжевац, где сами условия гористой местности

требовали прокладки многочисленных туннелей. Помимо этого, шли работы по благоустройству лесных дорог в районе Чуприя — Сенький Рудник, строительству казарм в городке Васильграде. Силами приехавших и проживавших в Сербии с момента прибытия из Галлиполи, русских военных инженеров создавались ремонтные мастерские в Нише. Примечательно было то, по замечанию свидетеля этой масштабной трудовой эпопеи, что «сплоченность частей и крепость духа сохранились прежние, несмотря на исключительные для всякой военной организации условия их существования... Блестящий внешний вид, сознательное отношение каждого к положению армии и твердое убеждение в необходимости полного единения были выявлены в полной мере».⁵⁶

Высокий моральный дух Русской армии отмечался обозревателями и по другую сторону «железного занавеса». В июле 1921 года, в своем выступлении на III съезде Коммунистического интернационала, Ленин заявлял о том, что: «...образовалась заграничная организацию русской буржуазии и всех контрреволюционных партий... Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты... Эти люди делают все возможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции...»⁵⁷ Мысли, высказанные большевистским вождем в этой речи на съезде, определили стратегию советской внешней политической полиции по отношению к русской военной эмиграции на многие десятилетия вперед. Отныне Русская армия и военная эмиграция станут объектом пристального внимания и воздействия тайной политической полиции большевиков и ее внешних филиалов. В сводках о положении Русской армии на Балканах в 1922 году, направляемых ГПУ большевистскому политическому руководству, информаторы высказывали тревогу,

преувеличивая истинные возможности белогвардейцев: «... намечается проникновение в Россию трех групп: группа Врангеля, группа войск «Спасение Родины», группа под командованием Краснова. Все три группы будут объединены одним командованием... Наступление предполагается вести в двух главных направлениях — на Петербург и Москву и на второстепенном — на Киев. С юга операцию должны обеспечивать десанты...»⁵⁸ В сообщениях советских агентов отмечалось поступление в русские части в январе 1922 года 5 тысяч винтовок, 800 тысяч патронов, 800 сабель, 30 пулеметов и 42 автомобилей. В дополнение к этому, советская агентура за границей доносила, что «... бельгийское правительство в силу заключенного договора обязывается доставить Врангелю снаряжение, обмундирование и вооружение на 50 тысяч бойцов. Все материалы будут доставлены в порт Констанцу, где будут приниматься врангелевцами».⁵⁹

За всеми этими сообщениями легко угадывались опасения о последовательной организации белогвардейских сил для вооруженного вторжения в большевистскую империю. Очевидным для общественного мнения в Европе было и духовная поддержка этих начинаний со стороны Русской православной церкви за границей. Благословение похода против коммунизма духовных пастырей Русской армии, заставляло большевиков задумываться об общественном резонансе и собственной уязвимой позиции. Ведь поддержка церкви в благом деле изгнания большевизма с родной земли, превращала бы в глазах русской эмиграции и мирового сообщества немногочисленное русское воинство в былинных богатырей, освобождавших Отечество от засевшей в нем нечисти.

За границей, в королевстве сербов, хорватов и словенцев еще 21 ноября 1921 года, в Сремских Карловцах состоялся Первый Заграничный Русский Церковный Собор, созданный для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности. Собранные иерархи признали над

собой полную архипастырскую власть Патриарха Московского. Почетным Председателем Собора был избран Патриарх Сербский Димитрий, а среди его почетных гостей находились председатель Совета министров Пашич и барон Врангель. Среди членов Собора, помимо Епископата, присутствовали и известные общественные, военные и политические деятели: профессор В. И. Вернадский, князь Г.Н. Трубецкой, генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович, профессора Карташев, Погодин, известный философ и социолог П.И. Новгородцев. На Соборе впервые Архиепископом Анастасием было предложено установление молений за всех погибших за Веру, Царя и Отечество, начиная с царя-мученика Николая II и замученных большевиками в ходе Гражданской войны Святителей. В своей речи Анастасий подчеркнул принципиальную позицию Зарубежного Епископата в отношении к установившемуся большевистскому режиму в России: «Некоторые склонны идти на перемирие с большевиками или по мягкосердию, или из-за карьеры, но мы должны решительно сказать: *нон поссимус* (не можем). Никто из нас не имеет права переступить порог советский для союза, ибо это уже не союз, а вражда против Бога. Мы должны противодействовать этому соблазну». ⁶⁰ Заграничный Церковный Собор, обратившийся ко мнению народов мира, просил о выступлении международного сообщества в защиту Церкви и русского народа, обличая перед лицом всего мира «преступность кровавого коммунизма и его вождей, узурпаторски захвативших власть и бессовестно и бесчестно разрушивших все государственные, общественные и семейные устои России, разбазаривших все ее достояния и богатства, поднявших жестокое гонение на Церковь... и глумившихся беспощадно над величайшими Ее Святынями, заливших потокам русской крови все города, села и станции» ⁶¹. Выступления ряда архиереев и их принципиальная позиция в отношении незаконной большевистской власти, не могли не вызвать крайне отрицательную реакцию большевистских властей, внимательно прислушивавшихся к про-

исходящему за тысячи километров от них Соборе. Именно в это время большевики начали устанавливать дипломатические и торговые отношения со многими государствами мира. У Святейшего Патриарха Тихона, невольно оказавшегося в роли заложника советской власти, ее представителями было потребовано принятие мер по осуждению обращений Собора. 5 мая 1922 года, вследствие сильнейшего давления, оказанного чекистами на Святейшего Патриарха, им был подписан указ о закрытии Высшего Церковного управления за границей.

«6/19 мая 1922 года патриарх Тихон был увезен из Троицкого подворья чекистами в Донской монастырь и помещен под арестом в небольшом двухэтажном домике... Ему было запрещено посещать монастырские храмы, принимать посетителей, выходить из комнат. Лишь раз в сутки, в 12 дня, «заключенного Беллавина» выпускали на прогулку на площадку в крепостной стене, откуда он благословлял пришедших и приехавших к нему со всей России богомольцев. И днем и ночью Святейший находился под охраной чекистов и красноармейцев. Охранники сетовали: «Всем был бы хорошо старик, только вот молится долго по ночам — не задремлешь с ним».⁶² Отношение к патриарху в заточении со стороны рядовых красноармейцев было нейтральным и беззлобным. Чекисты по долгу службы и чтобы подбодрить себя позволяли фамильярность и амикошонство: «— Алеша (Рыбкин, заместитель начальника оперативного отдела ГПУ — *Авт.*) как его называть? Гражданин патриарх? Товарищ Тихон? Ваше Преосвященство? — Алеша пожал плечами: — Черт его знает! — В этот момент вошел Старец. Алеша слегка хлопнул его по плечу. — Как жизнь... сеньор? Патриарх улыбнулся, поздоровался и стал излагать какую-то очередную просьбу...»⁶³

Указ Патриархом был направлен за границу под невероятным давлением чекистов. Сама жизнь Святейшего в государстве, где безбожная власть набирала год от года невиданные доселе обороты, становилась более тягостной день

ото дня. Замечательно характеризует возникший образ агрессивного атеиста-люмпена, доминирующий в то время в стране зарисовка, приведенная современным биографом Святейшего Патриарха:

«Чай мы пили из самовара, вскипавшего на Николае Угоднике, — похвалялся поэт Мариенгоф. — Не было у нас угля, не было лучины — пришлось нащипать старую икону, что смирехонько висела в углу комнаты».⁶⁴

Питавшиеся слухами о происходящих в Советской России бесчинствах, и осозная сложное положение Патриарха, вынужденные повиноваться указу Патриарха, Архиерейский Заграничный Собор 13 сентября 1922 года постановил об упразднении Высшего Церковного Управления. Однако на его месте был сразу же образован Священный Архиерейский Синод Русской Православной церкви за границей. Каноничность нового единого церковного управления за границей не вызвала возражений ни у органов управления Святейшего Патриарха, ни, после его ареста, у патриарших местоблюстителей митрополита Петра и позже у митрополита Сергия. Впоследствии митрополит Сергей глубоко потряс церковные круги подписанной им Декларацией 29 июля 1927 года о полном признании советской власти, совместной с ней работы для блага Советского Союза, про который говорилось, что его «радости и успехи... — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»⁶⁵.

Это случилось, когда уже почти как два года не было на свете последнего законного Патриарха, отказавшегося от «лестного» предложения чекистов носить титул «Патриарха всего Союза Советских социалистических республик» и скончавшегося при весьма странных обстоятельствах, возможно, будучи отравленным быстродействующим ядом, которым, под видом морфия, ему была сделана обезболивающая инъекция. Вот, что об этом говорит исследователь жизни Святейшего Патриарха:

«25 марта/ 7 апреля, в день Благовещения... патриарх Тихон прослушал всю праздничную службу, прочитанную его

кейником, посетовал навестившим его духовным детям о своем недомогании из-за вырванного накануне зуба... и согласился для улучшения самочувствия на укол морфия. К вечеру Святейший стал волноваться, глядя на свои ногти — они почернели, вздохнул: «Скоро наступит ночь, темная и длинная». Все спрашивал, который час. Последний раз спросил в 23: 45... Ночь наступила. Длинная и темная для всей Русской Церкви». ⁶⁶

...В связи с обнародованной Декларацией митрополита Сергия и всеми последовавшими за ней дальнейшими событиями — протестами и прекращением общения ряда известных иерархов и их епархий и прельщениями в их отношении митрополита Сергия, Собором Русских Архиереев было постановлено прекратить административные сношения с Московской церковной властью. Решение это было принято в виду невозможности нормальных сношений с нею и в силу порабощения этой власти безбожными большевиками, которые тем самым лишили ее свободы в собственных волеизъявлениях и ограничили ее свободу канонического управления церковными делами. В самой России, сразу после обнародования декларации перешедшего на сторону безбожной власти митрополита, ревнители истинной Русской православной церкви ушли «в катакомбы», то есть, отделив себя от официально признанной большевиками власти местоблюстителя Сергия. Заграничная часть Русской Церкви за рубежом продолжала считать себя неотъемлемой частью Великой Русской Церкви, не отделяя себя от нее и не считая себя автокефальной, однако прекратила все взаимоотношения с той частью духовенства, которая выбрала для себя компромиссное сосуществование с советской властью.

Представители русского духовенства, разделявшие судьбу Русской армии на Балканах, в королевстве СХС первоначально оказались в благоприятной для их жизни и деятельности среде. «Король-рыцарь» Александр и королева Мария благоволили участвовать в заботах русских единоверцев и

всячески стремились поддержать на официальном уровне открытие приходов на территории Сербии и оказать посильную помощь клирикам, окормлявшим чинов русской армии и участвующих в воспитании русской военной молодежи, по замыслам командования, обязанных заменить убывающих в будущей национальной армии. С этой целью, на территории Сербии и Болгарии были размещены и действовали в полной мере военно-учебные заведения, призванные поддержать и развить систему подготовки военных кадров. На территории Болгарии было размещено восемь военных училищ, выпустивших с 1921 по 1923 годы в офицеры около двух тысяч юнкеров. Сравнительно невысокая плата и доступные учебные программы, позволявшие учащимся получить не только военное, но и законченное среднее образование поддерживали постоянный приток молодых людей, желающих поступить на учебу. Сложнее обстояло дело с финансированием обучения в этих заведениях. Убедившись, что средств для поддержания училищ взять неоткуда, Врангель подписал указ о последнем производстве в офицеры во всех военных училищах 1 сентября 1923 года. Чуть дольше в Болгарии просуществовала основанная еще в Галлиполи гимназия. Ее посещали 150 гимназистов, главным образом дети военной эмиграции и сироты, потерявшие родителей в ходе войны и вынужденного пребывания армии за границей. Для детей-сирот, проживавших в Варне, на средства командования содержался интернат на 60 человек. В Сербии успешно существовало несколько кадетских корпусов — Крымский, протерпевший до 1929 года, Донской, работавший до 1932 года и 1-й Русский кадетский корпус, последний выпуск кадетов которого пришелся на 1945-й год. Производство в офицеры для юнкеров военных училищ не гарантировало трудоустройства, и многие из выпускников еще подолгу оставались в Болгарии, кормясь непостоянными заработками, на самых тяжелых работах. Многих удерживало и наличие собственных казарм, где после изнурительного трудового дня недавние «батраки» вновь чувство-

вали себя офицерами. Сочетание этих двух образов, мало сопоставимых в нормальной жизни друг с другом, было нестерпимо для большинства из них, и постепенно некоторые офицеры стали задумываться о выходе из этого тупика и устройстве жизни на более прочных основаниях. Конечно, возможность устройства своей жизни на лучших условиях, возможность получения высшего образования, приводило многих молодых обер-офицеров в Чехословакию — единственную европейскую страну, кроме Бельгии, где людям с «нансеновскими» паспортами можно было поступить в высшие учебные заведения и быть удостоенным даже символической стипендии. Отъезд молодых офицеров — вчерашних юнкеров из Болгарии приобретал постоянный характер. Пики и спады волн отъезжающих из Болгарии обуславливались лишь финансовыми возможностями того или иного человека купить себе билет на поезд и оплатить консульский сбор. В письмах уехавших, адресованных тем, кто еще оставался на болгарской и сербской земле, расписывались преимущества студенческой жизни в центральной Европе; тех, кто колебался, звали следовать примеру преуспевших. К концу 1925 года оживленная переписка с соотечественниками, нашедшими лучшую долю в других странах Европы, заставила большую часть молодежи, поднакопив денег, покинуть Болгарию и отправиться испытывать судьбу в новой для них Чехословакии и Бельгии. Подобное, можно сказать, происходило и в верхних эшелонах Русской армии, где также устраивали свои судьбы полковники и генералы, каждый на свой вкус и возможности. С уверенностью можно сказать, что всех более после исхода из болгарского царства «повезло» Скоблину. Вкусив прелестей западно-европейской жизни, и точимый жалобами жены на скуку полковой жизни, в мае 1924 года Николай Владимирович подал рапорт о необходимости своего отъезда из Болгарии за границу. С разрешения Владимира Константиновича Витковского, он получил просимое, и снова расстался со своими корниловцами на неопределенный срок. Вместе с повеселевшей женой

выехал во Францию, где ее ожидал шумный успех после совместного выступления с известным в эмиграции квартетом Кедровых в парижском зале Гаво. Снова началась богемная жизнь, замелькали имена знаменитостей, престижные сцены и утонченные рестораны. Жизнь Скоблиных снова потекла чередой веселых, ярких дней... На сопровождавшего супругу генерала ложился легкий отблеск ее славы. «В артистической было весело. Когда в артистическую вошла великая княгиня Ксения Александровна, сестра императора Николая II, Плевицкая, соблюдая придворный этикет, умело и тактично представила ей своего нового мужа». ⁶⁷

После парижский гастролей, путь Скоблиных лежал в Америку, где в Нью-Йорке Плевицкая неожиданно согласилась петь на благотворительном концерте, устроенном в помощь советским беспризорникам. Вернувшись осенью 1925 года в Париж из Америки, Надежда Васильевна Плевицкая была приглашена на вечер галлиполийцев, проходивший под покровительством великой княгини Анастасии Николаевны, супруги великого князя Николая Николаевича, где блистала в созвездии знаменитостей — балерины Преображенской, актеров Ивана Мозжухина и квартета Кедровых. А в конце 1925 года чета Скобиных снова понеслась за океан, как будто бы генерала и не ждали его насущные дела и брошенные на произвол судьбы корниловцы.

В Америке многие эмигранты удивились, прочитав анонс в пробольшевистской газете «Русский Голос», приглашавший всех сочувствующих большевикам посетить концерт «рабоче-крестьянской певицы». В ответ на изумленные реплики представителей русской эмиграции, Надежда Плевицкая сообщила во всеуслышание, что она артистка и поет для всех, оставаясь при этом вне политики. Отчасти, это было правдой, но главным мотивом мнимого безразличия к политическим вопросам были, конечно же, те гонорары, которые певица получала за свои выступления. Впрочем, и для многих непредвзято относящихся к Плевицкой современников показалось странным, что жена белого генерала, состо-

ящего на действительной службе в Русской армии, выступает в Америке перед «красной аудиторией».

9 февраля 1927 года, с разрешения великого князя Николая Николаевича, барон Врангель, разгневанный слухами о выступлениях Плевицкой перед большевистской аудиторией и постоянным нарушением дисциплины самим Скоблиным, разъезжавшим с супругой по ее гастролям и редко показывающимся на месте своей службы в Болгарии, издал приказ, освобождающий генерала от командования корниловцами. Скоблин был рад и несчастлив одновременно. С одной стороны, для живущего на доходы жены генерала, потеря не столь хлебного места была не в тягость, однако, после совета с верным другом Марком Эйтинггоном, Скоблин решил добиваться восстановления своего status quo в РОВСе. Идея состояла в том, чтобы, апеллировав к чувству солидарности другого бывшего командира корниловцев — А.П. Кутепова, повлиять на барона Врангеля отменить этот приказ.

«В отличие от остальных генералов РОВС, Скоблин никогда и нигде не работал. Стал он тенью своей властной и смекалистой жены, на девять лет его старшей. Муж по положению, был он чем-то вроде ее секретаря. Исполнял все ее капризы и требования, слушался ее как сурового, не терпящего возражений старшего начальника. Иной раз Плевицкая прикидывалась, будто глава в доме не она, а Скоблин. Но знавшие о его подчиненном положении, парижские остряки провали Скоблина генералом Плевицким»⁶⁸. Иногда сторонним наблюдателям и товарищам по корниловскому полку казалось, что Скоблин тяготился своим зависимым положением, мечтая о самостоятельном заработке и хотя бы некоторой независимости. Эти мечтания всегда находили отклик у Эйтингона, продолжавшего оказывать мелкие услуги Скоблину, не требуя пока взамен от генерала ровным счетом ничего.

В их разговорах Эйтингон соглашался, что положение мужчины обязывает к определенной финансовой независи-

мости, и убеждал генерала подождать до времени, пока не подвернется удобный случай для легкого заработка в Париже. А с Балкан тем временем продолжался отток чинов Русской армии, постепенно оставивший к 1927 году лишь одну треть от всех тех, кто прибыл туда из Галлиполи и Лемноса. Штаб врангелевских войск все еще находился в сербском городке Сремски Карловцы, однако под влиянием обстоятельств и по прошествии времени практические задачи, связанные с руководством войсками подменились в нем организацией экстренной помощи русским военным эмигрантам и их семьям, попавшим в затруднительное положение за границей. Многие боевые офицеры были предоставлены сами себе, и в обустройстве дальнейшей жизни им предоставлялось действовать на свое усмотрение.

Часть русского офицерства, не нашедших себе применения на гражданской работе и все еще ожидавшая схватки с большевиками в открытом бою, была воодушевлена событиями, развивавшимися в соседней с королевством СХС Албании. Решимостью албанского короля Зогу I начать вооруженную борьбу против католического епископа Фаноли, придерживавшегося коммунистической ориентации, нашла живой отклик у офицеров-монархистов. Эта часть офицерства и составила так называемый Русский отряд полковника Миклашевского. Отряд, как ударная единица, обладал в отличие от прочих соединений своей пулеметной командой и артиллерийской батареей, и стал известен своим беспрецедентным походом на Тирану. Поход проходил в тесном боевом содружестве с другими отрядами албанцев-добровольцев и продлился с 10 по 26 декабря 1926 года.

Епископ Фаноли оказался активным сторонником идей большевизма, направив все свои усилия на помощь в установлении нового политического порядка в Албании. В Тиране в то время развила активную деятельность советская миссия под руководством Краковецкого. Из Москвы он получал инструкции и указания «по разжиганию пламени перманентной революции» с учетом болгарского опыта на всей

территории Албании. Руководство военным походом взял на себя сам король, он же ставил задачи своим отрядам. Наступление назначалось на 17 декабря 1924 года. Рота албанских пограничников, увидевшая приближавшиеся отряды, вместе со своим командиром сдалась «войскам его величества», выразив верноподданнические чувства. В 8 утра следующего дня наступление королевских войск продолжилось. Противник открыл сильный ружейный огонь и проявил немало упорства в отстаивании каждого участка обороняемой местности. Цепи Русского отряда стремительным натиском обращали оборонявшихся сторонников коммунистической власти в бегство, и «монархические» отряды, продвигаясь, занимали один рубеж за другим. Отдельные попытки контр-наступления, осуществленные прокоммунистическими войсками, были остановлены губительным пулеметным огнем Русского отряда. Наступление развивалось по всему фронту успешно и довольно энергично. Ближе к вечеру отряды противника начали сдаваться в плен. Отряды добровольцев-монархистов входили в городок Пешкопею. Там из тюрем были выпущены все противники режима епископа Фаноли. Уже в городе, Русский отряд выдвинулся к старой крепости, конвоируя туда всех пленных, а также перевоза туда захваченное трофейное оружие, вошел в нее и выставил вокруг сторожевое охранение. На утро следующего дня в Пешкопею прибыл со свитой король Зогу I. Начальник Русского отряда вышел к Его Величеству с рапортом. Король поздоровался с чинами отряда и объехал фронт выстроенных подразделений Русского отряда, провожаемый криками «ура!». В этот же день продолжилось наступление на столицу албанского королевства. За два дня похода отряды добровольцев и Русский отряд не встретил серьезного сопротивления противника. Прокоммунистические части продолжали отход, стараясь не ввязываться в прямые столкновения. 20 декабря 1924 года Его Величество приказал Русскому отряду во главе основных сил усилить марш и атаковать противника на тиранском направлении. 21 декабря противник начал ока-

зывать некоторое сопротивление, но не смог остановить движение добровольцев. Видя бесполезность сопротивления, прокоммунистические отряды начали сдаваться. Передовыми группами Русского отряда было взято в плен 150 пехотинцев противника под командованием 2 офицеров. Утром 21 декабря отряд форсировал речку Черный Дрин и занял деревню Селисте, где остановился на ночлег. Туда же прибыл и албанский король, где заночевал под охраной русских штыков. В течение 22—23 декабря 1924 Русские отряд продолжил движение в направлении Тираны, оставив позади деревни Бургарет и Серуйе и подойдя к горному перевалу Гафа-Муризес. На горном перевале коммунистические отряды сосредоточили артиллерию и пулеметы в надежде остановить добровольцев-монархистов, действовавших против них под прикрытием естественных природных преград. Разгорелся жестокий бой, во время которого группа албанских добровольцев обошла противника, поднявшись по казавшимся неприступными скалам, и, выйдя ему во фланг, атаковала позиции неприятеля. Оборонявшиеся не выдержали натиска наступавших и бежали, оставив батареи и пулеметные гнезда с пулеметами и боеприпасами. Сбитый с перевала Гафа-Муризес, противник уже не оказывал иного сопротивления, лишь отступая или сдаваясь в плен при первой удобной возможности. Извещенные о крахе своего войска, правительство Фаноли и часть его сторонников из регентского совета Албании срочно бежали в Италию. 24 декабря 1924 года передовые колонны Русского отряда вступали в Тирану. Его Величество со свитой и личной охраной прибыл через перевал Скали Гунисет, радостно встречаемый народом. В течение следующего дня население Албании повсеместно признало монархическую власть, и албанский король вернул себе утраченную корону. «Неотложные государственные дела не позволили Его Величеству выйти и лично поблагодарить чинов отряда за их боевую работу, но Его Величество поручил это полковнику Цена-бею Кризуи, который и передал милостивые слова Его Величе-

ства». ⁶⁹ За околицей Тираны Русский отряд проводили под звуки военного оркестра. Офицеры отряда, мужественно расчищавшие дорогу албанскому королю в его столицу не получили правительственных наград этой небольшой горной страны. Их усилия не были отмечены ни обращением к ним монарха, ни каким бы то ни было иным способом. Им предстояло снова возвращаться туда, откуда они прибыли две недели назад, в Сербию или Болгарию, снова заниматься поисками работы и возможностью хоть как-нибудь трудоустроить себя. Причину подобной неблагодарности албанского монарха можно искать в отсутствии средств у бедной страны для поощрения усилий основной военной силы, вернувшей ей привычный образ правления, отсутствием налаженной управленческой структуры, которая могла бы взять на себя хлопоты по поощрению или награждению чинов Русского отряда и многим другим.

Однако некоторые историки склонны считать, что главная и основная причина, по которой албанский монарх не считал даже нужным появиться перед спасшими его корону русскими войсками, лежала в его глубоком убеждении, что «неверные» едва ли заслуживают нечто большее, чем переданная им через третьих лиц устная благодарность. Немногие участники Русского отряда, чья вера и убеждения позволяли это, постарались принять албанское подданство и остаться в стране. Здесь их ждал такой же упорный и тяжелый физический труд, как и в других Балканских странах, а самых удачливых — служба в отдаленных, разбросанных по горам албанским гарнизонах в самых разных, но отнюдь не генеральских чинах, а те, кто вернулся назад, продолжили борьбу за существование в прежних условиях. Конечно, «маленькая победоносная война» против частей, исторически не способных одерживать победы, оказалась совсем несложным усилием со стороны русских войск. Разрозненные части Русской армии, получи они такую возможность объединиться в полки и дивизии, смогли бы легко сокрушить любую современную им европейскую армию. В связи с чем

становится понятен унисон большевиков в СССР и «демократических» правительств мира в стремлении погубить эту великую силу, ставшую в 20-е годы прошлого века страшным напоминанием недругам России и русского духа о былой мощи Российской Империи. Попытки раздробить и рассеять мощь русских войск в изгнании со временем увенчались успехом: армия продолжала свой распад, а отсутствие средств на содержание всего сложного военного организма лишь ускорило ее дробление. Люди, оставившие военный стан, подыскавшие себе гражданские специальности, женившиеся или поступившие в высшие учебные заведения в разных странах, обзаведясь собственностью, уже не могли с прежней легкостью собраться и двинуться в любом направлении, атаковать и одержать победу. Шло время, и многие бывшие военнослужащие, ведущие иной образ жизни, отличающийся от той, что была в казарме, все более отдалялись от армейских будней и становились «сугубо штатскими». А распыление армии и флота по странам и континентам продолжалось еще почти половину десятилетия после их отбытия из России. Жизнь русского флота была не менее драматичной и наполненной скитаний, чем армейские будни. Покинув Константинополь еще в 1920 году, эскадра русских кораблей вышла на простор Средиземноморья. Корабли прошли архипелагом в Наварин, где были загружены углем и пресной водой и взяли курс на африканское побережье, следуя в тунисский порт Бизерту. Из Наварина в Бизерту шел большой баркас, а пассажирами баркаса были гардемарины и кадеты. На руле баркаса сидел воспитатель, капитан первого ранга Владимир фон Берг, на кормовом сиденье расположился вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов, назначенный новым директором Морского корпуса, а рядом с ним находился митрофорный протоиерей о. Георгий Спасский, назначенный настоятелем церкви Морского корпуса. С воспитанниками корпуса на судне плыли и все офицеры-воспитатели. Белогвардейская эскадра шла по тем же водам, где более ста лет тому назад подвиги

эскадры адмирала Сенявина, действовавшей против флота Наполеона Бонапарта, сделали его имя известным всей России. Часть эскадры двигалась по Коринфскому каналу, а более крупные суда, имевшие большую осадку, огибали Грецию. У берегов Кефалонии, чуть южнее острова Корфу, произошел сбор эскадры для дальнейшего похода на Бизерту. Вскоре эскадра под командованием вице-адмирала Кедрова дошла до тунисских берегов. Корабли вошли в глубокую бухту Каруба, из которой были видны белые стены Бизерты, за ними виднелись горы и очертания пальм. Здесь произошла постановка кораблей на якоря, были закреплены швартовы и на берег сошли их экипажи. Занявшись расселением русских моряков во временных лагерях, вице-адмирал Михаил Александрович Кедров в краткие сроки решил задачи проживания чинов флота и их семей. Вскоре, прискучив колониальной жизни, Кедров принял для себя решение перебраться в Париж вместе со своим начальником штаба Машуковым, чтобы там, находясь в непосредственной близости к французскому правительству, помогать проявлять заботу о моряках, оставшихся в Африке. Кедров сдал командование остающемуся в Тунисе вице-адмиралу Беренсу, простился с командами кораблей и офицерами и на французском крейсере «Эдгар Кинэ» отбыл в Марсель. Из Марселя путь Кедрова и Машукова лежал на север, в Париж. Обосновавшись во французской столице, по причине появившегося у него большого количества свободного времени, не занятого попечительством о судьбах русского флота в Бизерте, Кедров поступил на учебу в Парижский институт путей сообщения, где прослушал курс и был выпущен с французским дипломом инженера. По свидетельству современников, Кедров был прилежным студентом, и университетский курс им был окончен с отличием. Успел ли вице-адмирал поработать инженером в благословенном Париже — неизвестно, однако к 1929 году он снова решил воскресить свое имя на русском эмигрантском Олимпе, возглавив Военно-Морской Союз. Оставленные им матросы и

офицеры, гардемарины и адмиралы в дальней колониальной Бизерте, продолжали свою полную превратностей и приключений жизнь, не ожидая, когда в очередной раз на них обратит свое благосклонное внимание радатель об их нуждах перед престолом французского правительства — доблестный политикан Кедров. Как и в далеком 1920 году, Кедров был рад, что выполнил, наконец, свои обязательства и не слишком торопился связывать себя новыми перед брошенным флотом. Жизнь русской колонии в африканской Бизерте продолжалась. Море выглядело темно-синим сапфиром в оправе золотых песчаных берегов, изумруды волн продолжали свой бег, а город жил своей жизнью — весь в дымке раскаленных дней и серебре лунного сияния в иные ночи. С куполами магометанских мечетей и редкой готикой католического храма, оставаясь зеленым оазисом среди песчаных холмов и гор, отделенный от них стенами пальм, маслиновыми рощами, колючих кактусами и колоннами алоэ. В местечко Сфаят прибыли гардемаринские роты, личный состав преподавателей и их семейства, а также семьи офицеров. На возвышенности Кебир и в долине Сфаята собралось всего 320 гардемарин и кадет, 60 офицеров и преподавателей. 40 матросов из разных команд и полсотни членов семей моряков. Вскоре в русской колонии возник «Дамский комитет», состоявший из жен офицеров и пошивочная мастерская, занимавшаяся пошивом одежды для всех чинов Морского корпуса. Постепенно были открыты корпусная библиотека и типография, а почти одновременно с ними и «Казенная лавочка» для всего населения. Затем, на территории лагеря построили и площадку для тенниса. «На площадке тенниса, окруженной молодыми соснами, звонким колокольчиком звенит задорный смех. Весело прыгает на загорелых ножках, подбрасывая ракеткой белый мяч хорошенькая девочка...золотые кудряшки пляшут по загорелым, дрожащим от смеха щекам. Ее партнеры — кадеты не отстают от нее ни в резвости, ни в веселости»⁷⁰. Морской корпус расположился в стенах французской колониаль-

ной крепости Джебель Кебир, окруженной глубоким рвом и высоким валом. Вал широкой каменной стеной опоясывал всю крепость по периметру и замыкался высокими каменными воротами с толстой железной решеткой. У самой крепости располагалась строевая площадка, откуда открывался дивный вид на всю Бизерту с ее горами, пальмовыми аллеями, озером и уютную средиземноморскую бухту. На эту площадку выносился знаменный флаг, здесь же служились молебны, проходил церемониальным маршем батальон Морского корпуса, зачитывали приказы и звучали речи начальствующих лиц. Здесь уже, в храмовый праздник корпуса 6 ноября — день Святителя Павла Исповедника, истинный морской праздник, проходили торжественные парады. На входе в крепость дежурный гардемарин, вооруженный морским палахом, салютовал прибывающим. В одном из казематов магометанского Кебира стараниями о. Георгия Спасского была обустроена корпусная Русская православная церковь. «С низкого сводчатого потолка спускаются гирлянды пушистого вереска и туи, в них вплетены живые цветы. Гирлянды темной рамой окружают белый иконостас с Царскими вратами. На иконостасе образа Христа Спасителя и Св. Павла Исповедника. Справа и слева две белых хоругви и знаменный флаг. Белые покрывала на аналоях сшиты из бязи и золотых позументов, паникадило из жести. Через узкую бойницу падает луч солнца на Тайную Вечерю над Царскими вратами»⁷¹. В этой церкви, обустроенной отцом Георгием, скромной и бедной, но вместе с этим уютной и ласковой, он и совершал все службы и церковные требы для Морского корпуса и семей моряков. Курс лекций Морского корпуса состоял из разнообразных важных предметов — дифференциальное исчисление, математика, морское дело, история, русский язык. Воспитанникам устраивались гимнастические праздники, организованные и подготовленные поручиком Владимиром Ивановичем Высочиним. Во рву крепости был организован любительский театр, где шли пьесы, сочиняемые чинами Морского корпуса. Проводились балы.

С необходимым реквизитом всегда помогал Морской агент в Париже В.И. Дмитриев, считавшийся надеждой и опорой корпуса в «парижских сферах» и помогавший «питомнику морской детворы и молодежи» приобрести или организовать доставку необходимых вещей. Первый бал был дан в крепостном дворе, где был организован танцевальный зал. На возвышении, в гирляндах и флагах расположился оркестр корпуса. «Вальсы сменялись мазурками, плясали краковяк, кадрили, миньон, полонез, шакон и даже польку. Весело, искренне, непринужденно, как всегда у моряков. Для отдыха между танцами дамы и кавалеры, пройдя двор, углублялись под своды крепости и скрывались в интимном полумраке разноцветных гостиных, где их угощали сладостями и лимонадом. Там, на мягких диванах... восседала та или иная царица бала, окруженная синим кольцом гардемарин или кадет. В одной гостиной пели русские песни, в другой играли в шарady...»⁷² Однако и здесь, в сравнительно более благоприятных условиях в сравнении с балканскими, перед многими чинами Морского корпуса, перед морскими офицерами и преподавателями неизменно вставал вопрос о том, как жить дальше. Те, кто не мог надеяться на возвращение когда-либо обратно в Отечество свое, отправлялся на поиски своего счастья в иные земли. Так, например, адъютант корпуса барон Соловьев уехал в Америку, чуть позже туда же отбыли и другие офицеры. Часть чинов корпуса отбыла во Францию, пребывая в надежде обустроить там свою жизнь или попытать счастья на гражданской службе. «Медленно, но верно таял Морской корпус в своем личном составе. Кончающие воспитанники уезжали во Францию на заработки, за ними уезжали и воспитавшие их офицеры и преподаватели. Редел штат служащих».⁷³ 5 мая 1925 года французские власти, признавшие к этому времени Советскую власть, потребовали ликвидации этого русского военно-морского учебного заведения. Был выпущен последний курс гардемарин, закрылись учебные классы, упаковалось оборудование и инвентарь. Преподаватели и выпускники прощались,

расходясь по пространствам бесконечной земли, последний русский островок жизни перестал существовать, и замерло время, снова сквозь раскаленный воздух полился громкий призыв муллы на минарете, и беспристрастно подул ветер с Сахары.

Закрылся корпус, но не замерла жизнь русских военных эмигрантов в Северной Африке. Некоторые из морских чинов поступили во Французский иностранный легион. Выбор их сам по себе был продиктован не столько желанием пасть в африканских песках за колониальные интересы французского правительства, сколь вполне прозаическими надеждами на получение статуса полноценного человека в обмен на полную неопределенностей жизнь военного беженца. Поступившие в легион русские моряки приняли участие в малоизвестной современному читателю Рифской войне в Марокко и зарекомендовали себя прекрасными бойцами и грамотными военными инженерами. Уже в следующем 1921 году французский консул в Марокко направил официальное предложение русской колонии о поступлении желающих на службу в марокканские государственные учреждения. Приглашение распространялось на всех желавших перебраться из Бизерты русских специалистов. Предлагавшиеся вакансии были связаны с работой, рассчитанной на хорошую подготовку и высокую квалификацию русских инженерно-технических работников. В начале 1922 года на работы в Марокко перебрались 120 русских — около 80 мужчин и 40 женщин и детей. Многие из приехавших русских военных эмигрантов устроились на французских колониальных заводах, получив под свое начало как французский вспомогательный персонал, так и «туземцев», которых русские со свойственной им широтой души обучали малознакомому для тех инженерному ремеслу. Некоторые русские эмигранты в Марокко предпочли сельскохозяйственные работы, а другие получили чиновничьи должности в различных учреждениях страны. Некоторым в Марокко удалось сделать карьеру на тех должностях, на которые с нео-

хотой ехали сами французы из метрополии. Так некоторых русских военных эмигрантов можно даже было встретить на постах директора порта, заместителя министра финансов, директора Топографического отделения при министерстве земледелия. Самые многочисленные русские колонии образовались в Касабланке в количестве 200 человек и Рабате, где проживало чуть менее 130. Поселения размерами поменьше находились в Хурибге, где русских эмигрантов насчитывалось всего 40 человек, в Марракеше, где их было вполосину меньше — 20, в Фесе, Софи, Мекнесе, Кенитре и даже в Танжере. Духовным объединяющим началом русской колонии традиционно стала русская православная церковь.

Когда русские ушли из Северной Африки, в соседней Эфиопии еще теплилась жизнь русской эмиграции, чья «колония» насчитывала в те времена до 80 человек. Среди русских эмигрантов в Эфиопии были офицеры бывшей императорской армии и Русской армии барона Врангеля, из которых было 2 генерала, 6 инженеров, 4 доктора и 8 человек самых разнообразных профессий. Сюда, в страну со старинной монархией императора Хайле Селасиля и близкой по своей вере православию, прибыл и православный протоиерей, установивший со временем в Аддис-Абебе церковь Св. Троицы. Бывший командир эскадрона Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка Александр Николаевич Фермор, начавший свою борьбу с большевизмом еще со времен Ледяного похода, сформировал конную гвардию императора Хайле, а русский инженер Н.П. Вороновский отвечал за самую оживленную железнодорожную магистраль империи — Аддис-Абеба — Джибути. Все русские инженеры были трудоустроены по специальности, а инженер Ф.И. Шиманский стал главным инженером муниципалитета столицы. И все же, как и в любой другой точке мира, умами эмиграции владел вопрос возвращения. Неизвестно когда и неизвестно как, однако уверенность в том, что их проживание в странах мира когда-нибудь завершиться, многие втайне мечтали о возвра-

щении в Отечество, а немного позабывшиеся ужасы недавней Гражданской войны и образы большевиков окутывал туман ностальгии. Под его воздействием, особо нестойкие люди решили примирить себя с прошлым и вернуться любыми путями домой. Еще с февраля 1921 года, из галлиполийских лагерей, назад, в РСФСР потянулись первые «возвращенцы». На пароходе «Рашид-паша» в Новороссийск прибыли свыше 3000 тысяч кубанских и донских казаков. Местные советские органы были не вполне готовы к такому повороту событий, однако прибывших приняли и разместили, как могли, в свободных помещениях. Советская пропагандистская машина сразу же заработала в полную мощность, передав в распоряжение репатриантов газетные полосы, чтобы прибывшие люди могли в полной мере живописать ужасы изгнания. «Трагическая участь постигла и репатриантов... Как общее правило, все офицеры и военные чиновники расстреливались немедленно по прибытии. Из вернувшихся в Новороссийск расстреляно 500...»⁷⁴ В марте 1921 года прибыла новая партия «возвращенцев», а в апреле еще одна, перенаправленная в Одессу, уже в количестве 3200 солдат и 500 офицеров. Прибывшие были помещены в карантинные помещения и зарегистрированы. На очереди готовился еще один транспорт уже с 4000 бывших чинов Русской армии. «Некоторые офицеры, прибывшие с партиями репатриантов в 1921 году, попали на нефтяные промыслы Баку, что было разнovidностью заключения (они находились под охраной)». ⁷⁵ Среди возвращавшихся домой попадались и те, кто был послан с заданием от органов контрразведки Русской армии в изгнании, чтобы узнать об истинном положении дел в России и даже создать очаги антибольшевистского подполья, но часто осведомленные об этом органы ЧК постарались обезвредить ставших известными им врангелевских контрразведчиков. Когда в начале апреля на рейде появился пароход «Кизил-Ермак» с двумя с половиной тысячами репатриантов, Наркомат иностранных дел дал радиogramму на корабль об отсутствии условий для при-

ема и размещения возвращавшихся. Очень быстро представители советских внешнеполитических ведомств известили сопредельные государства о закрытии черноморских портов для приема «беженцев» из Галлиполи. Отсутствие возможности приема объяснялось советскими властями нехваткой продовольствия и медикаментов для прибывающих, мест для размещения, ибо прежние лагеря были временно законсервированы. Не существовало и соответствующих правовых актов, регулирующих статус бывших противников по Гражданской войне. Де юре они продолжали оставаться военнопленными, и у властей не было повода для их амнистии. Именно этот фактор не позволял даже оформить въездные визы для тех из военных русских эмигрантов, кто возвращался из-за границы. Официально советские власти объявили амнистию бывшим чинам белых армий лишь 3 ноября 1921 года. Врангель не мог не быть обеспокоен таким поворотом событий. Добрая часть армии уплывала назад, к большевикам, сдаваться на милость победителей. Находясь в сильном эмоциональном состоянии, он диктует адъютантам письма в адрес французских маршалов Фоша, Петена и Жоффра, в которых просит маршалов Франции оказать воздействие на правительство Французской республики для ослабления жесткого режима пребывания Русской армии в Галлиполи, чтобы вырвать инициативу из рук большевиков, использующих распад армии в своих политических целях. Маршалы не отвечают Главнокомандующему, ибо величина и мощь Русской армии в Галлиполи остается для них по-прежнему пугающей.

Ощутимый удар своему Главнокомандующему не преминул нанести и Яков Александрович Слащев. Он издал, будучи еще в Галлиполи, брошюру, где резко обрушился на Врангеля, инкриминировав тому военные поражения в недавней военной кампании по обороне Крыма. В брошюре Слащев возложил всю вину за гибель армии и вынужденную эмиграцию на барона. Щепетильный Врангель предал отступника офицерскому суду чести, на который того не

вызывали, однако, по результатам слушаний, приговорили к исключению со службы. Случай вполне обыкновенный, ибо предмет разбора дел некоторых генералов оставался «притчей во языцех» армии. Особую известность приобрел бывший начальник штаба армии Евгений Исаакович Доставалов. «Доставалов вообще вел довольно веселый образ жизни. Из казенных денег он взаимобразно за два раза взял 1500 лир... В компании с полковником Чертковым и еще двумя военными занялся спекуляцией, привозя из Константинополя какие-то вещи для продажи здесь. Захватив с собой общие спекулятивные деньги и золотой портсигар Черткова, Доставалов скрылся. 1500 лир он тоже оставил себе на память... Говорят, приказано его задержать и арестовать».⁷⁶ В отличие о Доставалова, Слащева нельзя было упрекнуть в каких-то антиобщественных поступках, сам факт публичного осуждения Главнокомандующего явился для того весьма оскорбительным. Читая некоторые пассажи, Главнокомандующий приходил в неописуемое раздражение, и было, признаться, отчего. Слащев отмечал про барона, что «...он в роли главкома оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части. Мы видели при кратких описаниях операций, что с управлением войсками на широком фронте он совершенно справиться не мог. То же касается его ближайших сотрудников. Это были командиры рот и эскадронов... совершенно неспособные вести войска в бой в стратегическом масштабе и совершенно не учитывавшие психологии войск. Этим и объясняется столь скоропалительное падение Крыма и изгнание Врангеля... Ведь сам товарищ Троцкий при начавшемся наступлении на Крым говорил, что предстоит очень трудная и длительная операция»⁷⁷ Цитатами отца «перманентной революции» и нелицеприятными, субъективными характеристиками врангелевских генералов, Слащов заработал стойкое неприятие себя командованием. Единственным путем избежать полной обструкции в среде военной эмиграции, было новое эксцентричное решение Слащева о возвращении в Со-

ветскую Россию в ноябре 1921 года. По возвращению, он попал под амнистию, а уже в июне 1922 года добровольно вступил в РККА и стал преподавателем тактики в Высшей тактической стрелковой школе «Выстрел» и зажил полноценной «советской» жизнью.

«Осенью 1922 года поздно вечером шел по улицам Москвы бывший меньшевик... Пивоваров... Тот самый Пивоваров, которого Слащев вез когда-то с собой на фронт для «выведения в расход». Вдруг кто-то остановил его. — Товарищ Пивоваров. — Перед ним стоял какой-то красноармейский офицер.

— Товарищ Пивоваров, неужели вы меня не узнаете? Вглядевшись в незнакомца, Пивоваров узнал в нем... генерала Слащева.

— Пойдемте ко мне, поболтаем, вспомним старое, — предложил Слащев. Беседа между двумя новыми друзьями, из которых один другого заочно называл мерзавцем, а другой — паршивым жидом, затянулась далеко за полночь. Пивоваров нашел Слащева очень милым и интересным собеседником, о чем и написал одному из бывших друзей за границей». ⁷⁸

11 января 1929 года Слащев был убит из пистолета в помещении школы (по иной версии — в своей квартире) слушателем курсов Борисом Коленбергом. По официальной версии, убийство было совершено из побуждений мести за казненного якобы по приказу Слащева в Крыму в 1920 году брата Коленберга. Закономерно это или нет, но многие генералы Русской армии, вернувшиеся в СССР и поступившие на службу в Красную армию, трагически завершали свои дни. Евгений Исаакович Доставалов успел прослужить в РККА до 1938 года, после чего был осужден и расстрелян. «...Оставшиеся в Киевской военной школе бывшие белые генерал-майор Е.С. Гамченко, генерал-лейтенант В.И. Кедрин, А.Я. Жук были в 1931 году арестованы...и получили по 10 лет». ⁷⁹ Среди осужденных по делу «Весна» «8 апреля 1931 года 31 человек...был расстрелян, в том числе ряд вернувшихся из эмиграции известных генералов —

А.С. Секретев, И.Л. Николаев, И.И. Бобрышев, А.И. Редько, Ю.К. Гравицкий, Е.И. Зеленин...». ⁸⁰

Иных белых генералов доставляли в СССР уже в 1945 году и в зависимости от тяжести их «вины» перед советской властью, осуждали в соответствии с советским Уголовным Кодексом. Так молодого генерала Сергея Петровича Войцеховского, боевого товарища легендарного генерала Владимира Оскаровича Каппеля, органы советской госбезопасности доставили из Праги сразу после окончания Второй мировой войны и до 1951 года он провел в лагере под Тайшетом, где и окончил свои дни, сломавшись на непосильных работах. Командующего авиацией в Русской армии генерал-майора Вячеслава Матвеевича Ткачева, арестованного в югославском Нови Саде в конце 1944 года, СМЕРШ 3-го Украинского фронта также переправил его в СССР, где генерал Ткачев был осужден на 11 лет лагеря без последующего права проживать в больших городах. Вернулся из лагеря Ткачев уже после смерти Сталина и еще десять лет жил и работал в артели, состоящей из инвалидов-переплетчиков, даровавшим ветхим книгам новую жизнь. Параллельно с работой, Вячеслав Матвеевич писал книгу под названием «Русский сокол», посвященную своему другу капитану Петру Нестерову, известнейшему авиатору Великой войны, первым совершившим воздушный таран германского летчика барона Розенталя. Советский журнал «Кубань» опубликовал в 1962 году некоторые отрывки из его будущей книги. Параллельно Ткачев не оставлял работы над своими воспоминаниями, под рабочим названием «Крылья России». Они не увидели света ни при жизни их автора, ни в настоящее время, когда возможности для публикации воспоминаний переживают свой Ренессанс. Один из экземпляров этой рукописи хранится и по сей день в отделе Рукописей Российской государственной библиотеки. Генерал-майор Алексей Георгиевич Рубашкин, бывший командир 4-го Донского казачьего полка 2-й конной дивизии, схваченный органами СМЕРШ в сентябре 1944 года в Югославии, был осужден

на пребывание лагерях в Иркутской области, куда немедленно был отправлен по этапу в 1945 году. По возвращению из дальних мест, был направлен на поселение в Красноярский край, с последующим запрещением селиться в крупных городах, так же, как и Ткачев. По мере распространения политической «оттепели» по СССР, Алексей Георгиевич вернулся к себе, на Дон, где и умер в казачьей столице — Новочеркасске 5 декабря 1966 года. И таких примеров не счесть. Эйфория восторга, захватившая почти всех, кто вернулся назад, продолжалась недолго. Люди быстро обратили внимание, что, отсутствуя, всего несколько лет на родине, они вернулись совершенно в иную страну, где не было места их прежнему укладу жизни, где перед многими из них были закрыты пути государственной службы, и им оставалось лишь прозябание на незначительных и мелких должностях в советских учреждениях. Случалось, что, и подобный исход дела не особенно тревожил вернувшихся людей, сравнивавших тяготы жизни на чужбине с относительно легкой и привычной жизнью на родных берегах. Но меняющаяся политическая конъюнктура, постоянный поиск врагов внутри страны, делал многих из бывших офицеров и солдат русской армии первыми мишенями для произвола органов ОГПУ и впоследствии НКВД. Их снова арестовывали, сопричисляли к неведомым им самим организациям, зачастую выдуманным самими следователями по принципу общности службы с другими такими же несчастными, и безжалостные политические жернова Страны советов перемалывали их судьбы в лагерную пыль. «В начале 1927 года в Ленинграде, в частности, была арестована группа бывших офицеров Л.-гв. Финляндского полка...».⁸¹ Участники группы получили различные сроки заключения, а некоторые были приговорены судом к высшей мере наказания. Подобным было «дело «москвичей» (бывших чинов Лейб-гвардии Московского полка) в Ленинграде в 1931 году, такими были многочисленные другие процессы и дела, тянувшиеся еще десятилетия после формального окончания Гражданской

войны. Жертвами этих процессов стали и бывшие чины других Лейб-гвардейских полков Императорской армии, например Семеновского и Преображенского полков, проходивших в Ленинграде в 1931 году по делу «Весна». «Основная масса лиц, проходивших по этому делу, была осуждена в мае-июне 1931 года, но процессы продолжались до сентября»⁸² и, несмотря на то, «основным объектом дела «Весна» был комсостав РККА, в ходе репрессий по нему было схвачено едва ли больше бывших офицеров... вообще никогда в Красной армии не служивших...».⁸³ И, если «часть комсостава РККА получала различные сроки заключения», то бывшие офицеры Императорской армии «подлежали почти исключительно расстрелу».⁸⁴ Помимо того «...в Ленинграде по данным дореволюционного издания «Весь Петербург» и другим справочникам были поголовно арестованы все оставшиеся в городе офицеры частей, стоявших в свое время в городе и его окрестностях... В обязательном порядке расстреливались заподозренные в стремлении к объединению и сохранении реликвий полков — в частности офицеры Константиновского училища за товарищеский завтрак в 1923 году, директор и офицеры Александровского кадетского корпуса — за хранение знамени...».⁸⁵ Очередной жертвой стали генерал-майор Николай Алексеевич Кавтарадзе, состоявший на момент ареста в числе безработных города на Неве, и генерал-майор Евгений Михайлович Казакевич, подвергавшийся арестам на протяжении 1920-х годов, ненадолго вышедший из тюрьмы и работавший сторожем ленинградского Стройтреста, а затем расстрелянный НКВД в 1931 году. По этому же делу проходил и был приговорен к расстрелу и прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка Сергей Михайлович Леонтьев, работавший в Ленинграде в должности завхоза Дома Начсостава. Бывший прапорщик Лейб-гвардии Измайловского полка Владимир Сергеевич Леопорк, трудившийся на неприметной должности бухгалтера ленинградского «Красного Водника» также, был арестован по нашумевшему делу «Весна» и незамедлитель-

но репрессирован. Большевики не пощадили и некогда приведенных бывшим Великим князем Кириллом Владимировичем к Смольному чинов Гвардейского Экипажа, оставшихся в СССР и пытавшихся верно служить новому режиму. В 1925 году в Ленинграде был расстрелян капитан 2-го ранга Михаил Михайлович Лялин. Днями позже расстреляли двух его однофамильцев, капитана бывшего Лейб-гвардии Семеновского полка Николая Михайловича Лялина и капитана семеновца Николая Константиновича Лялина. «Особенно тяжелым стало положение офицеров после 1934 года, когда тысячи бывших офицеров и их семей были высланы из крупных городов в отдаленные районы, где владели нищенское существование, некоторые были разлучены с семьями...».⁸⁶ В 1937 в СССР был расстрелян еще один бывший семеновец — Михаил Тухачевский, ставший большевистским маршалом, но это — уже совсем другая история. Безрадостной оказалась судьба многих других бывших чинов «цветных частей» Добровольческой армии, оказавшихся в стране советов и пытавшихся наладить свою жизнь заново. Так Г.Д. Венус, бывший прапорщик-дроздовец, ставший известным, благодаря своей книжке «Зяблики в погонах», в которой некогда он живописал пером либерального демократа ужасы Гражданской войны во всей их неприглядности, в надежде на признательность советской власти, до самого конца жизни так и не смог «встать на ноги». В последние перед арестом годы в СССР Венус был вынужден работать бакенщиком на волжских просторах. Он проживал с семьей в советском захолустье. Взятый повторно в 1935 году органами НКВД по обвинению в участии в контрреволюционной организации, он был приговорен к расстрелу, которому не смогли помешать ни заступничество «советского» классика А.Н. Толстого перед властью имущими, ни очевидная несуразность обвинения. Не дождавшись помощи с воли, Георгий Венус, автор многочисленных житейских историй о времени, проведенном в течение 17 месяцев с дроздовцами, скончался в сырзанской тюрьме НКВД от плеврита в 1939 году.

Подобных примеров в истории советской страны в 1920—1930-е годы было немало. Все они красноречиво говорили о том, что основанная масса репатриантов на родину не только не могла восстановить свой социальный статус и обрести полноценные гражданские права, но и постоянно находилась под прицелом внутренней политической полиции, использовавшей эту массу для фабрикации различных конъюнктурных политических процессов. Ибо виноватыми в глазах советской власти их участники становились уже по определению. После окончания Второй мировой войны к пострадавшим чинам бывших белых армий добавились те, кто был захвачен органами СМЕРШ за границей, этапирован и осужден советской властью к различным мерам наказания. Единицам удалось выжить, еще меньшее количество пережило своих палачей, продолжив жизнь в Советском Союзе. Так завершилось их возвращение в родные места, туда, где они надеялись вновь обрести утраченное Отечество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕЛЫЕ ИЗГНАННИКИ ВО ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ, БЕЛЬГИИ И НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ. 1928 — 1939 ГОДЫ

«Когда весной, чужой весной! —
Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
Мой Царскосельский день...

...Когда я вспомню, что поэт,
Что всех дороже мне,
Убит, забыт, — пропал и след!
В своей родной стране...

Что даже в эти, в наши дни
На невском берегу
Его и мертвого они
Как волка стерегут, —

Тогда я из последних сил
Кричу его врагу:
— «Я всем простил, я все про-
стил,
Но это — не могу!»

Дм. Кленовский

Что известно нам о судьбах русских военных эмигрантов, прибывших в 20-е годы в Западную Европу из разрозненных свидетельств, мемуаристики, сюжетов редких телепередач? Пожалуй, немного. Известно, скажем, что первыми из чинов бывшей Императорской армии в Западную Европу прибыли потомки многих аристократических фами-

лий погибшей империи, вышедшие в отставку сразу после отречения Государя императора в марте 1917 года. Обладавшие обширными родственными связями, породненные с доброй половиной фамилий Готтского альманаха, имевшие приличные капиталовложения за границей, эти люди продолжали ту жизнь, которую привыкли вести некогда в России, изредка обременяя себя сколь бы то ни было заметной политической деятельностью. Большинство офицеров Императорской Гвардии, согласно воспоминаниям, осела во Франции и ввиду того, что многие офицеры гвардейских полков прибывали именно в Париж, в этом городе и были созданы первые полковые объединения. «Каждый из вновь прибывающих неизменно находил поддержку со стороны ранее приехавших. Продержка эта выражалась не только в моральной, но и в материальной помощи. По приезде подыскивалась временная работа. В то же время шла подготовка к экзамену на право стать шофером такси... Основана Касса Взаимопомощи (при ежемесячном взносе в 11 франков)».⁸⁷ В 1924 году по призыву представителей гвардейских союзов и объединений во главе Общегвардейского объединения стал Свиты Его Императорского Величества генерал-адъютант Владимир Михайлович Безобразов, еще десятилетие назад бывший командиром Русской императорской гвардии. «Генерал Безобразов внес решительное изменение в организацию Гвардии, — он приступил к формированию скрытых боевых кадров полков и высших соединений, с подчинением их великому князю Николаю Николаевичу», — отмечали его современники.⁸⁸

На собрании представителей гвардии 25 ноября 1924 года в дополнение к ранее принятому уставу, был выпущен «Наказ Гвардейским Объединениям во Франции», первый пункт которого гласил: «Объединение предоставляет себя в полное распоряжение Верховного Главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича для борьбы за спасение Родины и восстановления в ней законной Монархии». Осенью 1925 года в Париже, в большом зале ресторана «Жардин д'Акклиматасьон» прошел первый обще-гвар-

дейский обед, в котором участвовало около 300 офицеров бывшей российской Императорской гвардии. Когда в 1928 году в Копенгагене скончалась вдовствующая императрица Мария Федоровна, секретарь Гвардейского объединения во Франции полковник, Кирасир Его Величества, Сергей Леонидович Сафонов был командирован в Данию для участия в траурной церемонии и возложении венка от полка. Их императорские Высочества великая княгиня Ольга Александровна и великая княгиня Ксения Александровна искренне благодарили чинов кирасирского полка за выраженное участие. Жизнь полков, пусть и находящихся в состоянии медленного увядания в эмиграции, продолжалась, несмотря ни на что. «За время пребывания в Париже, кирасирская семья пополнилась 7 полковыми дамами. Обращение новых «семейных очагов» гостеприимно и радушно раскрывавших свои двери всем однополчанам только укрепляло единение и дружеское общение в часы досуга. За невинным бриджем, стаканом вина или чашкой чая, офицеры полка отрешались на время от повседневных, нудных забот».⁸⁹ По прошествии некоторого времени, начиная с 1931 года, кирасирское полковое объединение задалось целью увековечить боевой путь своего полка. Членами полкового объединения было принято во внимание и то, что архивы полков и батарей, оставшиеся у большевиков, могут быть уничтожены, а воспоминания о действиях кирасир в минувшую Великую войну, постепенно стираются в памяти ее участников. Кирасирами было принято решение об увековечении памяти бывших подвигов полка посредством организации военно-исторических собраний. В рамках проводимых собраний их участниками планировалось заслушивать доклады членов полкового объединения о действиях частей за определенный период в Великую войну. Было решено проводить обсуждения доклада, изображать схемы боевых операций в хронологическом порядке, начав с мобилизации в июле 1914 года. Как и многие другие гвардейские объединения за границей, кирасиры не были лишены

профессионального снобизма и не допускали на свои доклады кого-либо иного, кроме офицеров гвардейской конницы. Обсуждения начинались после 21.00 по пятницам один или два раза в месяц. Для создания объективной картины минувших сражений, членами объединения была установлена связь с представителями германских частей, участвовавших в операциях против российской гвардейской конницы. Лекции читали кирасиры Б.Н. Третьяков, А.В. Каменский, В.А. Розеншильд-Паулин и другие. Перед докладами аудитория получала размноженные на ротаторе тезисы докладчика. В качестве подведения итогов исторических докладов, членами объединения с 1938 года по 1942-й были подготовлены III тома Истории Кирасир Его Величества. В эмиграции члены полкового объединения кирасир занялись созданием полкового музея, коллекция которого началась с нескольких гравюр, подаренных бывшим помощником русского военного агента во Франции, генерал-майором Дмитрием Ивановичем Ознобишиным полковнику Сергею Леонидовичу Сафонову. Сестра другого кирасира, штабс-ротмистра, погибшего в Великой войне, позволила переснять несколько фотографий парадов полка и гравюр из коллекции ее брата. Полковник Кучин прислал 180 негативов снимков из жизни полка в Великую войну.

С разрешения великого князя Дмитрия Павловича кирасиры получили 6 снимков с тарелок Гофмаршальского сервиза, принадлежавших великому князю с изображениями Кирасир Его Величества. Кавалергард Валериан Николаевич Бибиков передал в музей вывезенные им после революции из Гатчинского и Царскосельского дворцов ценные фотографии, отображающие жизнь полка накануне революции. Союзы и объединения бывших гвардейских полков всегда отличались строгой организацией, большой дисциплиной и точным соблюдением всех правил офицерской этики.

6 апреля 1924 года, инициативная группа гвардейских генералов собрала первое общее собрание чинов гвардии в изгнании, на котором присутствовало 150 участников. После

первых двух заседаний представителей гвардейских полковых союзов, было решено соединить их в одну национальную общественную организацию, создав ее в сердце Франции, ее столиц; они зарегистрировали в префектуре Парижа «Гвардейское Объединение», именуемое по-французски l'Association des officiers des anciens regiments de la Garde Imperiale Russe. Первым председателем Гвардейского Объединения стал заслуженный генерал П.М. фон Кауфман-Туркестанский, современник и соратник легендарного генерала Михаила Дмитриевича Скобелева. Впоследствии Объединение вошло отдельной составной частью в РОВС.

Целью созданного Гвардейского объединения было укрепление взаимоотношений между разбросанными эмигрантской жизнью на чужбине гвардейскими офицерами. Другой целью являлось составление исторических очерков о прошедших годах мировой войны, революции и Гражданской войны на основании воспоминаний еще живых и здравствующих очевидцев этих событий, в поминовении памяти погибших и скончавшихся полковых товарищей, в передаче духа и традиций русской Императорской Гвардии грядущим поколениям молодой эмиграции. Благодаря авторитету первых руководителей Гвардейского Объединения и их последователей, в работе исторической комиссии были сделаны некоторые успехи, а в жизни гвардейцев сложился новый, хороший обычай в день Святого Апостола Андрея Первозванного 30 ноября/13 декабря по новому стилю служить молебен с поминовением усопших. Службы в Париже проходили в кафедральном соборе Святого Александра Невского на улице Дарю (rue Daru). После богослужения проходили товарищеские обеды офицеров, на которые не приглашались, по обыкновению, «полковые дамы». Иногда на них прибывали великие князья; особенно часто это были «Владимировичи» — Борис и его младший брат — Андрей. Судьба уготовила ему стать уже в 1950-е годы председателем Гвардейского Объединения. В канун Рождества Христова для семей членов Гвардейского Объединения устраивался

зимний бал, стараниями распорядительного комитета Объединения, а весной, на Светлое Христово Воскресение в Объединении проводились пасхальные встречи. С скромная прибыль от этих балов и встреч шла на благотворительные цели, служа некоторой помощью нуждающимся членам Объединения, а также отчислялась на лечение или погребение усопших чинов. Гвардейцы принимали участие в праздновании юбилеев своих полков, в частности, широко были отмечены 200-летие Лейб-гвардии Измайловского полка и 200-летие Конной гвардии. По традиции представители других лейб-гвардейских команд, готовили поздравительные адреса виновникам торжеств или памятные сувениры, такие, например, как серебряная чарка, подаренная кирасирами измайловцам. Должность председателя распорядительного комитета требовала особой активности от того, кто занимал ее, и эмиграция единодушно отмечала заслуги полковника Д.Г. Лучанинова, бывшего старшего офицера Лейб-гвардии Петроградского полка, который занимал эту должность в 1960-х и 1970-х годах прошлого века. Полковник Лучанинов превосходно проявил себя в организации многих, как сказали бы теперь, «корпоративных мероприятий» Объединения и в ходе строительства общегвардейской могилы на кладбище в парижском пригороде Sainte-Genevieve-des-Bois. Находчивость и изобретательность г-на Лучанинова была отмечена сослуживцами еще во времена Гражданской войны, когда под его началом разрозненные пульмановские вагоны, найденные на запасных путях, были преобразованы в бронепоезд «Гвардеец № 1». В любой обстановке Лучанинов держал себя весьма достойно и, по описаниям очевидцев, столь же «достойно носил в петлице пиджака значок георгиевского оружия». В Париже в те времена регулярно выходил «Вестник Гвардейского Объединения» с помещенными в нем личными воспоминаниями гвардейцев о былом, и статьями про современную жизнь Объединения. Отличился в общественной деятельности военной эмиграции и другой командир белогвардейских поездов «Единая Россия» и

«Иоанн Калита» Александр Александрович Зеленецкий. В переломный и критический период маневренной войны, которая велась по оперативным железнодорожным путям, бронепоезда стали предвестниками моторизованной артиллерии, приходящей на смену лошадиной тяге и классической артиллерии. И оттого, быть может, в рядах команд белогвардейских бронепоездов оказалось немало деятельных офицеров-инженеров и офицеров-артиллеристов с блистательными управленческими навыками. В эмиграции А.А. Зеленецкий сосредоточил свои усилия на поддержке кадетских объединений и работал председателем редакционной коллегии ежемесячного журнала «Кадет», выходившего в Париже в качестве информационного издания Союза Российских кадетских корпусов. Там же, в Париже, силами бывших гвардейских офицеров, была развернута большая творческая деятельность по составлению и изданию военно-исторической и мемуарной литературы. Периодические издания, каковыми являлась газета «Часовой», созданная неустанными трудами его бессменного редактора капитана Орехова и «Военная Быль» под редакцией Алексея Геринга, служили хорошим иллюстративным дополнением к воссоздаваемым полковым историям. У кавалергардов, стараниями В.Н. Звегинцова, а впоследствии и Г. В. Бибикова, появилась полковая история, дающая подробное описание боевых действий Кавалергардского полка за все время Первой мировой войны и охватывающая по времени все события до эвакуации из Крыма в 1920 году. Представитель Лейб-Казачьего объединения генерал И.Н. Оприц составил ценный труд о боевом пути своего полка, снабдив его собственными иллюстрациями, охватывающий периоды со времени большевистской революции и до окончания Гражданской войны. Бывшими Лейб-гвардии конно-гренадерами, полковниками Скуратовым, Плешко и Скрыбиным была подготовлена и выпущена в свет 6-томная история Конно-гренадерского полка. Авторы трудились над ней почти тридцать лет, с 1938-го по 1967-й год. При Гвардейском Объеди-

нении работала историческая комиссия под руководством Кирасира Его Величества Георгия Адамовича Гоштовта. Эта комиссия многим помогла собрать и издать материалы о малоизвестном прошлом Кирасир Его Величества в 1944 году. Особо следует отметить значительный вклад конно-гренадера, ротмистра А.А. Скрыбина, организовавшего подписку для записи на граммофонные пластинки полковых маршей гвардейских и армейских полков в исполнении военного оркестра и хора трубачей пешего и конного полка французской республиканской гвардии. Эти марши исполнялись на многих публичных торжествах, и патефонные пластинки с этими записями с энтузиазмом раскупались частными лицами, зачастую бывшими чинами императорской армии и флота. Товарищеские завтраки или обеды представителей кавалерийских гвардейских полков в Париже, стали неотъемлемой частью жизни военной эмиграции, воспринятой в качестве традиции, возвращавшей участников к сбору в Царскосельском Офицерском Собрании, где в определенный день месяца, в зависимости от полковых традиций, все офицеры присутствовали на совместном обеде. У кирасир это была первая пятница месяца, у других полков — иные дни недели. Продолжались эти встречи и в эмиграции, в особенности в Париже. «Сначала собирались в ресторане «Эколь Милитэр», а после его закрытия в русских ресторанах, где имелся отдельный зал, чтобы можно было без помехи поговорить о полковых делах, вспомнить доброе старое время и посидеть за стаканом вина. К сожалению, выбор ресторана был очень труден: или плохо кормили, или выходило дорого. Пробовали французские, но в небольших ресторанах нет отдельных кабинетов, надо рано расходиться, да, кроме того, заранее сказать сколько человек будет присутствовать — невозможно, так как многие, особенно шоферы, связанные характером работы, приезжали, когда могли...»⁹⁰ Собирались на частных квартирах, у тех из офицеров, кто жил лучше, порой и у тех, кто владел недвижимостью в Париже, но таких открытых русских домов в эпоху экономичес-

кого спада в стране были единицы. Домашние собрания были предпочтительнее: не было вокруг посторонних, не подгоняли хозяева заведения уйти непременно до полуночи и, наконец, игра в невинный бридж никем не возбранялась. Ворчали обычно «полковые дамы», на чьи плечи ложились хлопоты по готовке и уборке дома, но это было для гвардейцев делом почти «внутрисемейным», ибо посторонних лиц на этих посиделках, как правило, не бывало. Изредка «посторонних» все же приглашали. Так, например, генерал Ознобишин был удостоен чести быть приглашенным на гвардейские кирасирские обеды именно за то, что в свое время пожертвовал в полковой музей некоторые реликвии. Первый тост гвардейцы в изгнании поднимали за Российский императорский дом и за полк. В полковые праздники представители гвардейских объединений собирались в храме Св. Прп. Князя Александра Невского на улице Дарю вместе с семьями для участия в молебне с поминовением Державных своих Шефов, Августейших однополчан и просто однополчан, «за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших на поле брани». По окончании молебна полковым дамам обычно преподносились букеты цветов, а затем все участники спешили сделать общее фото, запечатлев еще оставшихся пока вместе чинов своего полка с родными.

Что же касается общеармейской эмиграции, пришедшейся на 1920 год, то она разительно отличалась от «первопроходцев» и ранних гвардейских эмигрантов тем, что объединяло почти всех и отличало их от горстки благополучно устроившихся на Западе сослуживцев. Почти никто из них, прибыв во Францию, Бельгию, Испанию или Великобританию, не обладал собственностью в этих государствах, и не имел традиционных для русской аристократии международных родственных связей. У большинства из них не было у них и минимальных средств, чтобы поддерживать пристойную жизнь сколь бы то ни было долгое время. Далеко не все русские военные эмигранты этого периода, приехавшие в Западную Европу, имели достаточное образование для ус-

пешного трудоустройства, и проводило много времени в поиске хоть сколь бы то приемлемой работы. А подавляющее большинство из этих людей уже давно утратило необходимые навыки гражданских профессий и даже способность сносно объясняться на языке страны, куда они приехали. В 1920-е годы, с оттоком новых сил военной эмиграции с Балкан, в Западную Европу стали перебираться обер- и унтер-офицеры, вчерашние юнкера, солдаты и матросы, чьих знаний и умений не всегда хватало даже для того, чтобы найти себе мало-мальски оплачиваемую работу. Послевоенная Западная Европа с пошатнувшейся экономикой и трудноразрешимыми социальными задачами, возникшими в первые послевоенные годы, не всегда могла обеспечить занятость и собственных граждан, порождая серьезную конкуренцию на рынке труда между самими французами, испанцами и другими западноевропейскими народами. Отдельные благотворительные акции состоятельных соотечественников и пожертвования родственников последнего Государя, конечно же, не могли существенным образом поправить жизнь десятков тысяч людей, прибывших из еще более бедных стран в надежде поправить что-то в своей жизни. Борьба за существование во Франции 1920—1930-х годов была не меньше, чем на заре XX века и те из русских военных эмигрантов, кто не был в состоянии обеспечить свой заработок, постепенно опускался на социальное дно. Упадок иногда сопровождался крушением последних надежд, и такого человека неизбежно поглощали глубокие воды медленной Леты. Нужда заставляла бывших командиров корпусов и дивизий сдавать экзамены на право вождения автомобиля и бороздить целыми днями парижские улицы в надежде заработать лишний франк. Хроническое безденежье направляло доблестных казаков, еще недавно одним своим лихим видом обращавшим в бегство большевистские орды группироваться в труппы и развлекать досужую публику джигитовкой в многочисленных провинциальных городах. Так генерал Шкуро, найдя для финан-

сирования своего проекта некоего мецената-сирийца, организовал цирковую труппу, состоявшую из казаков, и тем самым зарабатывал себе на жизнь, выплачивая своему инвестору грабительские проценты. Бедственное положение делало из бравых поручиков и штабс-капитанов балалаечников в русских ресторанах и чайных. Многие из них становились хористами и развлекали публику непонятной иностранному слуху, но волнующей русской песней. Люди, имевшие в запасе гимназический курс, нанимались на самые разные работы, где только могли применить знание иностранного языка, а счастливая молодежь, получившая возможность учиться, спешно переквалифицировалась в инженеров различных специальностей, биологов, врачей, агрономов и почвоведов. Для желающих была открыта и военная карьера, сопряженная со службой в Иностранном легионе, дававшая право на получение французского гражданства по прошествии времени и при наличии заслуг перед Республикой. Перед детьми и эмигрантской молодежью открывались возможности поступить на учебу в русские кадетские корпуса. Русским офицерам, желающим повысить свой образовательный уровень, рекомендовалось поступать слушателями на Высшие военные курсы, организованные в Париже под руководством генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Замыслы о подготовке квалифицированных военных кадров появились у Врангеля сразу после переезда частей на Балканы. Тогда у командования Русской армией преобладало мнение о том, что советская власть неизбежно должна рухнуть, и после ее гибели страну может охватить полная анархия, как это уже было в 1917 году. В ходе наведения государственного порядка, особое значение приобретет новая армия, которую нужно будет создавать на основе существующей Красной армии, что, в свою очередь, потребует немалого количества грамотных офицеров, довольно хорошо знакомых с опытом Великой войны и о его влиянии на современную военную науку. Эти офицеры должны будут встать у истоков формирования и воспитания нового корпуса офицеров, поскольку существовавший тогда командный со-

став РККА в массе своей, был малопригоден для этих целей. После окончания Гражданской войны, в распоряжении Главнокомандующего осталось совсем немного штаб-офицеров с высшим военным образованием, и для пополнения их рядов Врангель рассчитывал открыть русскую Академию Генерального штаба на территории королевства СХС и в Болгарии. Выбор Врангеля пал на Николая Николаевича Головина, которому Главнокомандующий хотел получить заботу о создании высшего военно-учебного заведения за границей. Однако тот не торопился принять предложение Врангеля, обосновывая свое нежелание браться за организацию учебного процесса отсутствием документально обобщенного опыта Великой войны и нехваткой квалифицированного профессорско-преподавательского состава для подобного учебного заведения. Эти доводы, в сущности, были правдой. Принимая доводы Головина, тем не менее, Врангель настоял на проведении подготовительной работы иобретения всего необходимого для открытия полноценной военной академии, как только для этого в эмиграции создадутся все предпосылки. Головин согласился и сразу же занялся работой над фундаментальным научным трудом под общим названием «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы», в котором подробно изложил боевой опыт каждого из родов русского оружия в Великой войне. На основании ряда заключений, Головиным были выявлены изменения, поученные вследствие этого опыта в ходе организации вооруженных сил державы, а также его влияние на внутреннюю политику государства в мирное время. Работу над своей книгой Головин проводил при непосредственном участии великого князя Николая Николаевича, бывшего одно время Главнокомандующим армией, до того времени, как эту ношу принял на себя покойный Государь император. В ходе работы над книгой, Головин знакомил великого князя с проектами каждой главы, вносил замечания Его Императорского Высочества принципиального характера и согласовывал окончательную редакцию главы. Для

подготовки полноценного учебного пособия Головину потребовалось целых 5 лет. Целью участия в написании этой книги великого князя было создание полноценного материала, способного сформировать необходимую сумму научных познаний будущих офицеров, формирующих их военное мировоззрение. Параллельно с работой над книгой Головин занимался подбором потенциальных преподавателей будущих курсов, которых он выбрал из числа русского офицерства, занимавшихся самообразованием в военных кружках. Именно этой аудитории Головин предлагал ознакомиться с отрывками отдельных глав его будущей книги по мере ее печатания. Очень скоро в Париже образовался ряд самообразовательных кружков, число которых достигало 52 и в которых занималось свыше полутысячи офицеров. Они были объединены в «Курсы Высшего военного самообразования». Курсы получили дополнительную материальную поддержку от Великого князя и стали прообразом знаменитых парижских Высших военно-научных курсов генерала Головина. В начале зимы 1926-1927 годов генерал прочитал пять публичных лекций в помещении Галлиполийского собрания в Париже, посвященных боевым действиям в ходе Великой войны. С первой же лекции количество слушателей, желавших присутствовать на ее чтении, превзошло самые смелые ожидания организаторов. Люди слушали генерала Головина, стоя в проходах зала, а также полностью заполнили прихожую, расположенную перед залом, где выступал лектор. Хорошо осведомленный о неожиданном успехе прочитанных лекций, великий князь Николай Николаевич дал свое согласие на их окончательное открытие с учетом трех его основных пожеланий. Они состояли в том, что Положением о курсах должно было служить бывшее Положение о Николаевской военной академии в редакции 1910 года. При этом окончившие полный курс, могли иметь право быть причисленными к Генеральному штабу будущей русской армии. В академический знак лиц, успешно окончивших курс, должен был быть включен вензель великого князя с императорской ко-

роной. И, наконец, присвоить курсам полное название «Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Головина». Примерно в середине первого цикла лекций сам Головин объявил офицерской аудитории об открытии Высших военно-научных курсов в Париже и предупредил, что все желающие пройти на них обучение должны подать рапорт о зачислении в число слушателей до известного срока. К рапорту необходимо было приложить сведения о прохождении службы и рекомендацию командира части или старшего представителя части соискателя, а в некоторых случаях — полкового объединения за границей.

Когда курсы были открыты, действительными их слушателями были зачислены все офицеры, которые закончили военные училища во время войны. Для тех лиц, которые были произведены в офицеры из вольноопределяющихся за отличия в боевых действиях, Головиным были учреждены особые военно-училищные курсы, позволявшие освоить программы военных училищ в кратком виде и дающие право по их окончании поступать на военно-научные курсы. В 1930-е годы на военно-училищные курсы поступало немало эмигрантской молодежи, получившей среднее образование за границей. Согласно приказу председателя РОВС — генерала Миллера, лицам, окончившим военно-училищные курсы, после сдачи офицерского экзамена присваивался чин подпоручика. Высшие военно-научные курсы были торжественно открыты в Париже первой вступительной лекцией Николая Николаевича Головина 22 марта 1927 года. Уже к началу марта у помощника главного руководителя курсов по строевой и хозяйственной части генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Репьева накопилось более сотни рапортов офицеров, желающих получить высшее военное образование. Прохождение полного курса рассчитывалось на 4—5 лет и подразделялось на младший, старший и дополнительный класс. Отличие младшего класса состояло в том, что в нем теория боевых действий изучалась в рамках дивизии. Вместе с этим в нем проходила тактика родов войск, и ряд

военных дисциплин, требующихся для понимания и решения вопросов, возникающих обычно при подробном исследовании боевых действий дивизии. В старшем классе слушатели проходили использование дивизий в корпусах и в армии. А дополнительный класс давал возможность подробнее изучить вопросы стратегии и дисциплины высшего порядка. Прослушав полный курс, слушатель получал необходимые научные сведения, знание которых является необходимым каждому офицеру Генерального штаба для успешного принятия решений в быстроменяющейся военной обстановке и, конечно, в основу всего обучения была положена идея о том, что ценность знаний военного определяется возможностью их применения на практике. Эта идея нашла свое выражение в широко распространенном на курсах методе применения прикладного способа, когда слушатели всесторонне изучают предлагаемые им преподавателем вопросы, предлагая в ответ те или иные решения, а затем выслушивают критику собственных решений от преподавателей и коллег. Это предохраняет слушателя от одностороннего подхода к вопросу и помогает тем самым быстро находить его правильное решение. Завершающим этапом обучения на курсах являлась военная игра, в ходе которой ее участники решением каждого хода выявляют собственную степень подготовки. Общее количество учебных часов, предполагаемых для прослушивания на курсах, было определено генералом Головиным как 800 половину которых займут обязательные циклы лекций. Остальное время было отведено на семинары, решения тактических задач, беседы с преподавателями и на военную игру, на которую отводилось 25 занятий. Наряду с этим по четвергам с 21 до 23 часов, в помещении Галлиполийского общества в Париже, проходили и Обязательные открытые лекции, на которые наравне со слушателями курсов допускался каждый член РОВС.

В это же время на курсах проходили практические занятия, на которые допускались лишь слушатели курсов. Пос-

ле 10 месяцев с начала работы курсов, генерал Головин попросил преподавателей представить ему к 1 января 1928 года оценку успехов участников практических занятий по 5 категориям — от «выдающейся» до «совершенно неудовлетворительной». Многим слушателям регулярное посещение занятий оказалось не по силам, ибо наряду с научными занятиями им необходимо было работать для того, чтобы поддерживать как себя, так и семьи, поэтому в ходе младшего класса отпадали все те, кто не мог угнаться за программой, и таких оказалось более половины. По мере того, как жизнь курсов развивалась далее, Головиным были сделаны некоторые дополнения в программу, расширявшую кругозор и политические познания будущих стратегов, а также выявлению тех из них, кто окажется способным для научной работы. О строгости в подходе к выпуску подготовленных слушателей говорит и то, что в состав экзаменационной комиссии курсов входили четыре профессора, специалиста по высшему военному образованию и несколько генералов, окончивших Военную академию еще до Великой войны. Они были хорошо знакомы с ее программой и требованиями, которые в то время предъявлялись к офицерам-слушателям академии до 1914 года. Наиболее талантливые выпускники курсов, сразу же по их окончании, прикомандировывались к кафедрам, а через год или два, после выполнения различных научных работ и чтения пробной лекции, назначались на кафедры, сообразно избранной специализации. Формально курсы генерала Головина просуществовали до сентября 1939 года, но на деле они продолжали свое существование до начала германской оккупации Франции в 1940 году. Было произведено VI выпусков в количестве 82 слушателей, получивших право ношения нагрудного знака с великокняжеским вензелем и императорской короной. На курсах были прочитаны лекции по различным дисциплинам легендарными белогвардейскими командирами Гражданской войны — по тактике пехоты А.П. Кутеповым, по тактике кавалерии П.Н. Шатиловым, по тактике артиллерии князем Масальс-

ким. Кутепов в своих лекциях любил высказывать одну любопытную мысль: «Мы «белые», пока «красные» владеют Россией, но как только иго коммунизма будет свергнуто, с нашей помощью или без нее, мы сольемся с бывшей Красной армией в единую Русскую армию; и только наша внепартийность и служение общегосударственным целям делают это слияние возможным, иначе была бы увековечена Гражданская война».⁹¹

Говоря о потенциальном слиянии двух армий в освобожденной России, Кутепов считал необходимым сделать пояснение: «Не делайте из этого заявления вывод, что я верю в какую-то «эволюцию» самого большевизма... Нет, коммунистический строй может гнить, но не может эволюционировать. Я верю, что рано или поздно у русского народа найдется достаточно сил, чтобы сбросить это иго».⁹²

Примечательно, что в своих рассуждениях о русском национальном чувстве, в беседах с журналистами или в обращении к аудитории, Кутепов всегда просто и ясно выражал свою позицию: «Говоря о русском национальном чувстве... я не хочу быть неверно понятым. Я сам великоросс, но я считаю не только неправильным, но и вредным с государственной точки зрения, когда клич «Россия для русских» понимается, как Россия для великороссов... Все народы, населяющие ее, без исключения, — ее дети. Среди них не должно быть пасынков... В нашем богатом языке, к сожалению утратилось одно слово — «Россиянин». А между тем это слово нужно и даже необходимо — оно шире, чем слово «русский». Все народы, населяющие Россию, независимо от их национальности, прежде всего россияне».⁹³

Генерал П.Н. Врангель не успел прочитать своей лекции, так как неожиданно 25 апреля 1928 года из Брюсселя в Париж пришло известие о скоропостижной кончине генерала от «интенсивного туберкулеза». Именно в этой стране бывший Главнокомандующий Русской армией нашел свой последний приют, и именно в Бельгии ему было суждено отой-

ти в Вечность. Благоустроенная, спокойная Бельгия, вне всяких сомнений, имела особую привлекательность для людей, переживших жестокое время революций и разрушительной Гражданской войны. У русской эмиграции создавалось устойчивое впечатление, что правительство этой страны вообще никогда не признает Советскую власть. Едва ли было даже возможно вообразить возникновение здесь Народного фронта вроде того, какой был создан Леоном Блюмом совместно с коммунистами во Франции в 1936 г. В королевстве Бельгии ее монарх являлся основой политической стабильности. То, что государственный строй Бельгии был основан на монархических началах, имело в глазах русской эмиграции огромное значение. И хотя королевская власть была весьма ограничена конституцией, сама личность бельгийского монарха сильно влияла на политическую жизнь и, можно сказать, на моральный облик страны.

Огромную роль в сравнительно устойчивом потоке русской эмиграции именно в Бельгию сыграл в то время католический кардинал Мерсье, архиепископ Малинский, усилиями которого было обеспечено бесплатное образование русской эмигрантской молодежи в бельгийских университетах. Не лишним будет упомянуть, что генерал Врангель избрал местом своего пребывания Бельгию еще и потому, что его дети так же начали свою учебу в школе именно в этой стране и продолжили свое образование в бельгийских университетах.

Одним из факторов, влиявших на выбор русской эмиграции в пользу Бельгии, являлся образ независимого и бесстрашного бельгийского монарха Альберта I. Эта доблестная личность была хорошо известна читающей русской публике с самого начала Великой войны. Еще совсем недавно русские поэты Серебряного века (Сологуб, Северянин, Гиппиус и др.) воспевали в своих стихах доблесть бельгийского сопротивления германскому вторжению, возглавляемого «Королем-Рыцарем». К тем русским, кто до самого конца Великой войны оставались его верными союзниками, король

и впоследствии относился с большой симпатией. Бельгийской королеве Елизавете также были свойственны определенные симпатии к русской культуре и ее носителям, повлиявшие на ее решение, находясь уже в преклонном возрасте, изучать русский язык. К людям из России королева Бельгии всегда относилась с удивительной теплотой. После кончины короля Альберта в 1934 г. Елизавета Бельгийская продолжала долгие годы интересоваться судьбой русских эмигрантов и, где только могла, оказывала им помощь. История неожиданной смерти барона Врангеля показалась подозрительной очень многим, хорошо знавшим генерала и, не в последнюю очередь, его родным, проживавшим с ним в бельгийской столице, в одном доме на рю де Бель Эр № 17 — жене, детям и его матери.

Много лет спустя после этих трагических событий внезапной болезни и кончины барона, его дети Елена Петровна Врангель (в замужестве фон Мейендорф) и Петр Петрович Врангель сделали сенсационное сообщение прессе. Они сообщили, что неожиданно начавшаяся болезнь барона странным образом совпала с появлением в их доме «брата» Якова Юдахина, состоявшего вестовым при особе Врангеля.

«Брат» появился в доме Врангелей неожиданно, долго не гостил, пребывал, в основном, при кухне, в «господской» не появлялся, и так же потом тихо убыл восвояси, как и возник. Любопытно, что сам Яков Юдахин никогда не вспоминал про наличие каких-либо родственников, тем более, проживавших в СССР и могущих столь легко пересекать границы ради непродолжительного родственного свидания. «Брат» сказался матросом советского торгового судна, пришвартовавшегося в Антверпене, и умудрился разыскать дом своего родственника в Брюсселе, хотя ранее не состоял с ним в переписке и теоретически не мог знать, где проживал Юдахин. Последствием визита советского матроса начались 8 дней «сплошного мученичества». Температура барона поднялась до отметки 40 градусов, его силы быстро таяли, он

метался, пробовал встать, спешил отдать приказания, звал секретаря генерала Н.М. Котляревского, чтобы успеть отдать какие-нибудь распоряжения. К нему были приглашены брюссельские медицинские светила, заключившие наличие у барона какой-то тяжелой инфекции. Из Парижа к заболевшему Врангелю прибыл его давний соратник профессор медицины Иван Павлович Алексинский, обнаруживший скрытый туберкулез в верхушке левого легкого. Алексинский и лечащий врач барона Вейнерт, приходили к выводу, что в сложившейся ситуации врачами было сделано все возможное, однако возможности остановить развитие болезни, по признанию обоих врачей, не представлялось возможным. Незадолго до кончины к барону был зван его духовник о. Василий (Виноградов), которому после исповеди и причастия Главнокомандующий Русской армией признался: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом...»

25 апреля 1928 года в девять часов утра генерал тихо скончался. Последними его словами были: «Боже, спаси Армию!» Русская эмиграция долго не могла поверить, что сильный, полный энергии и здоровья 49-летний человек мог «сгореть» от внезапно развившегося туберкулеза всего за неделю. По кругам эмиграции пошли слухи о насильственном устранении видной фигуры Белого движения большевиками. Позднее его тело было перевезено в Белград, и здесь 6 октября 1928 года было погребено в русском православном храме Святой Троицы, в саркофаге, под сенью склоненных знамен русских полков. Погребение последнего Главнокомандующего стало своеобразной демонстрацией верности армии своему вождю. Траурная церемония проходила в торжественной обстановке. На артиллерийском лафете тело генерала провезли вдоль выстроившихся в почетном карауле солдат и офицеров Русской армии. После того, была создана восковая фигура Врангеля, которая находилась в музее Эрвен в Париже. Стоит отметить, что на похоронах Врангеля наряду с русскими последние почести отдавали ему

сербские войска. Материалы личного архива Врангеля и по сей день хранятся в Гуверовском Институте войны, революции и мира в США. Несомненно, лучше других о вероятных причинах гибели Врангеля в эмиграции были осведомлены узкие круги в руководстве РОВС. Однако осведомленность советской агентуры о степени участия Врангеля в продолжавшейся борьбе против большевизма, как на территории СССР, так и за границей, была неполной, если не сказать, искаженной. Отойдя от идеи активной борьбы террористическими средствами, Врангель вплотную занялся вопросами теоретического характера о будущем переустройстве российской государственной жизни в случае падения советской власти в России. Часть офицерства, настроенная наиболее радикально и непримиримо к советской власти, сплотилась вокруг генерал-лейтенанта Виктора Леонидовича Покровского, считавшего, что при условии хорошо подготовленных десантов на советскую территорию, власть большевиков можно будет легко опрокинуть, а восставший народ довершит дело ее разгрома. Впрочем, на Дальнем Востоке в СССР борьба с большевизмом еще не была полностью окончена и ее последним носителем, сопротивлявшимся большевикам оружием, стал легендарный атаман Анненков. Борис Владимирович Анненков родился 9 /21 февраля 1889 года, происходя из семьи потомственного дворянина, отставного полковника, который имел около 70 десятин земли и имение в Волынской губернии. «По линии отца моя родословная идет от декабриста Анненкова», — писал Б.В. Анненков. Окончив к 1906 году Одесский кадетский корпус и в 1909 году Московское Александровское училище, молодой Анненков в чине хорунжего был определен на службу в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк, где и командовал сотней, а затем служил в казачьем полку в Кокчетаве. Борис Анненков получил изрядное образование, знал французский, немецкий, китайский и тюркские языки. «Воспитание получил строго монархическое, — вспоминал он впоследствии, — тогда каждый

офицер не имел права придерживаться никаких других взглядов. Я полагал, что монархический образ правления самый подходящий для России». Он признавал, что «на фронте заниматься политикой было некогда», хотя смутная необходимость перемен чувствовалась всеми, а известия о политических событиях поступали из газет и от приезжавших из отпусков сослуживцев. Отступившие в Китай в ходе Гражданской войны с большевиками, белые оказались в сложном положении. По настоянию китайских властей им пришлось сдать оружие, часть казаков покинула отряд, а сам Анненков, не выполнив требований китайцев о разоружении отряда, в марте 1921 года был ими арестован и посажен в тюрьму городка Урумчи. Китайцы добивались от него передачи вывезенных из России ценностей. Лишь в результате неоднократных обращений бывшего начальника штаба его дивизии полковника Н.А.Денисова к местным властям, а также к посланникам стран Антанты в Китае Анненкова в феврале 1924 года, наконец, освободили. Он решил полностью отойти от участия в эмигрантском движении, и даже уехать в Канаду, но не смог найти даже те небольшие средства, необходимые на получение въездной канадской визы, даром которую ему никто выдавать не собирався. Практически сразу после освобождения, молодой генерал стал получать многочисленные настойчивые предложения включиться в деятельность так называемых антисоветских организаций, объединить и возглавить монархические группировки и отряды от лиц, которых ранее не то что не знал лично, но даже и не слышал об их существовании. Бесами-искусителями Бориса Анненкова оказались советские сотрудники ГПУ, пытавшиеся таким образом заманить его назад, в СССР. Их конечной целью являлась задача предания Анненкова формальному суду, казнить его, сделав это «в счет прежних провинностей перед «рабоче-крестьянской властью». Ясно оценив политическую ситуацию и соотношение сил, Анненков старался уклоняться от активной деятельности. Но, в конце концов, все же не удержался и принял пред-

ложение сформировать отряд в составе китайских войск под командованием маршала Фын Юй Сяна. Про этого китайского военачальника лишь самый нелюбопытный не знал, что он считался сторонником большевиков. 10 апреля 1926 года, неожиданно для многих знавших атамана, Анненков со своими ближайшими сподвижниками был отправлен через Монголию в Советскую Россию. Известно, что советские органы власти в это время добивались передачи им ряда руководителей Белого движения, в том числе Анненкова. Сведений о его позиции и характере отношений с китайским маршалом нет, однако 20 апреля 1926 г. газета «Новая Шанхайская жизнь» опубликовала обращение атамана в ЦИК СССР «с искренней и чистосердечной просьбой о прощении» и помиловании, если не его самого, то менее виновных бывших его соратников. Кроме того, он выступил с обращением к своим сторонникам прекратить борьбу с большевистской властью. Это неожиданное обращение Анненкова вызвало бурю негодования и возмущения в восточной белоэмигрантской печати. Обстоятельства, вследствие которых атаман был отправлен в СССР, остаются неясными. «Шанхайская заря» от 25 апреля 1926 года сообщала своим читателям, что атаман был арестован китайским командованием по распоряжению советского военного руководства, так как отказался перейти на сторону большевиков. По иной версии, он вместе с Денисовым был захвачен в монгольской гостинице «Калган» группой во главе со старшим советником Фын Юй Сяна неким господином Лином силами известного советского военачальника В.М.Примакова. Очевидно, это была еще одна хитроумно задуманная и осуществленная операция ОГПУ. После короткого открытого судебного процесса, состоявшегося над Анненковым и Денисовым в июле 1927 года в далеком от Москвы Семипалатинске, по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР 25 августа 1927 года атаман был расстрелян.

Однако и советской власти приходилось получать ответные удары от Белого движения в изгнании.

Всего четыре года назад, в Швейцарии в Лозанне 9 мая 1923 года, бывшим капитаном дроздовского полка Морицем — Александром Конради, некогда служившим адъютантом А.В. Туркула, и его товарищем Аркадием Полуниным был застрелен генеральный секретарь советской делегации. Она прибыла на Лозаннскую конференции по Ближнему Востоку. В.В. Воровский был убит, а два его помощника ранены. По свидетельству энтузиаста-исследователя, увлекающегося историей Белого движения, и, очевидно, русской военной эмиграции, педагога В.Г. Чичерюкина-Мейнгардта, обстоятельства убийства генсека советской делегации оказались следующими: «Около 20 час. 00 мин. М. Конради пришел в ресторан гостиницы «Сесиль» и занял свободный столик. В это время в зале было около тридцати посетителей. Вскоре в ресторан пришли Воровский и его помощник И. Аренс, а через некоторое время и другой советский сотрудник — М. Дивилковский. Все они заняли столик недалеко от Конради. Когда большинство посетителей покинуло ресторан, Конради подошел к Воровскому и два раза выстрелил в него в упор. С простреленной головой Воровский замертво рухнул на пол. После этого Конради выстрелил еще раз в воздух, чтобы напугать двух сотрудников Воровского. Аренс спрятался под стол и затем распластался на полу. Дивилковский же попытался обезоружить стрелявшего, но ударом кулака был сбит с ног и затем ранен в оба бока. Аренс также был ранен в плечо и бедро, но оба советских сотрудника, сопровождавших Воровского, отделались лишь легкими ранениями. Стрелявший сам попросил метрдотеля гостиничного ресторана, в котором и произошло убийство, вызвать полицию, и добровольно предал себя в руки властей. Вскоре швейцарская полиция арестовала и единственного сообщника Конради — также бывшего белого офицера А. Полунина». Суд города Лозанны оправдал убивших Воровского, однако, памятуя о возможной мести большевиков, Мориц Конради решил скрыться во Франции, где поступил в Иностранный Легион, осложняя чекистам их

задачу добраться до него во чтобы это ни стало. В 1925—1926 годах он, вероятно, принял участие в войне испано-французских войск против так называемой Рифской республики — племенного повстанческого образования в Северном Марокко. По газетным сообщениям, Мориц Конради скончался в марте 1931 года в Африке, находясь на службе в Иностранном Легионе. Второй обвиняемый по делу об убийстве Воровского — Аркадий Полунин служил секретарем Российского Общества Красного Креста в Женеве, а в годы Второй мировой войны, по некоторым сведениям, принимал участие в Русском Освободительном Движении... Прошло еще 4 года, прошедшие после убийства Вацлава Воровского. В 1927 году 19-летний русский эмигрант Борис Коверда смертельно ранил на Варшавском вокзале непосредственного участника убийства Царской семьи П.Л. Войкова.

Войков оказался в тот день на вокзале, встречая и, одновременно провожая, своего давнего знакомого, бывшего руководителя советского консульства в Британии Аркадия Розенгольца. Бывший генеральный консул СССР в Лондоне был вынужден покинуть Великобританию в связи с крупным международным скандалом, в результате которого Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР и выслала из страны весь штат советского консульства во главе с виновником шпионского скандала Розенголцем. Теперь он возвращался в МИД, ожидать нового назначения, чем и решил воспользоваться Войков, задумавший с оказией попросить Розенгольца замолвить слово в Москве и о нем, отличившемся серией скандальных походов во Францию и Польшу, чтобы избежать возможных нареканий по службе. Неторопливо прогуливавшиеся по варшавскому перрону полпреды не заметили, как навстречу им направился молодой человек и, подойдя поближе, неожиданно сделал несколько выстрелов в сторону Войкова. Услышав стрельбу, Розенголец проворно спрыгнул с перрона и выстрелил в незнакомца, но промахнулся, не имея навыков стрельбы.

Студент Борис Коверда стрелял неумело, но из шести выпущенных им пуль две сразу достигли цели. Войков упал на перрон, а Коверда остановился рядом с поверженным советским послом и безмолвно дожидался полиции, чтобы добровольно предать себя в руки правосудия. На первых же допросах в ближайшем привокзальном участке юноша показал, что является русским эмигрантом православного вероисповедания, что он совершил убийство советского полпреда из соображений мести большевиков за распятую родину. Едва ли молодой Коверда знал о деталях участия Войкова в убийстве царской семьи, однако его жертвой стал наиболее циничный организатор и участник расправы над безоружными женщинами и ребенком, совершенной в Екатеринбурге в ночь с 17 до 18 июля 1918 года. Один из очевидцев этой кровавой бойни — австрийский военнопленный И. Майер — позже писал: «...Когда мы вошли (в подвал — *Авт.*), Войков был занят обследованием расстрелянных, не остался ли кто-нибудь еще жив. Он поворачивал каждого на спину. У Царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца... Когда мы приехали на нашей коляске, то вокруг нескольких костров сидели красноармейцы. Голощекин, Белобородов, Войков и Юровский стояли отдельно... Ермаков был разбужен, и они с Войковым стали разворачивать мертвых из шинельного сукна и их раздевать, причем они внимательно обыскивали одежду. Юровский положил свою фуражку на землю, и туда складывали все драгоценности...» На процессе Борис высказался относительно содеянного им преступления: «Я убил Войкова не как посланника и не за его действия в качестве посланника в Польше — я убил его как члена Коминтерна и за Россию». Польским судом Борис Коверда был приговорен к бессрочной каторге. Отец Бориса с криком: «Я горжусь тобой, сын! » упал перед ним на колени и стал просить у него прощения за свою трусость, считая, что он сам должен был бы уничтожить одного из палачей своего народа. Публика, присутствовавшая на процессе была шокирована происходящим, женщи-

ны рыдали, не скрывали слез мужчины... Через некоторое время президент Польши сократил время пребывания Бориса Коверды на каторге на 15 лет каторжных работ. Полностью его освободили в 1937 году по амнистии в честь 20-летия образования независимой Польши. Весной 1927 года при РОВС был организован Союз Национальных территорий для организации серии покушений и диверсий на советской территории. Кутепов имел там свои «окна» и «линии». Начальник боевого отдела РОВСа бросил свою группу в атаку: В. А. Ларионов, С. В. Соловьев, Д. Мономахов. Первый их взрыв прогремел в Центральном ленинградском клубе коммунистов на Мойке, в результате которого оказалось 26 раненых партийных и советских работников. Капитан Ларионов и его группа благополучно вернулись из СССР. Следующий взрыв прозвучал в большевистской Москве — бомба на Лубянке, в кабинете самого ОГПУ... Кутепов быстро вырос в основного опаснейшего противника советского режима. Под его началом РОВС направил свою деятельность в двух направлениях. Одно заключалось в установлении связи с высшими военачальниками Красной армии, многие из которых являлись тогда бывшими императорскими офицерами, для привития им национально-освободительной идеи и совместной с ними подготовки военного переворота в Москве. Другое направление представляло собой систему «среднего террора». В основу этой системы был положен удар по отдельным советским учреждениям в столицах. Это и было продемонстрировано кутеповцами в 1927 году их взрывами ленинградского партийного клуба и помещения ОГПУ в Москве. Попытки перехода советской границы не всегда удачно оканчивались для боевых групп. В ходе перестрелок с пограничниками погибла большая часть диверсантов. Многие из тех, кому переход оказался под силу, была позже обнаружена и арестована органами ОГПУ-НКВД в различных советских городах, на конспиративных квартирах, при активном доношении местного населения о появлении в местах их проживания

«подозрительных граждан». При активной помощи Скоблина, поставлявшего в ОГПУ данные о законспирированных боевиках Кутепова в СССР, чекистами было арестовано большое количество человек в 17 городах СССР. Посылка через границу вооруженных групп диверсантов пошла на убыль после активных мер противодействия, развернутых большевиками против эмигрантских организаций на Западе, включая похищения и убийства руководителей РОВС генералов Александра Павловича Кутепова и Евгения-Людвига Карловича Миллера. В том и другом случае полиции так и не удалось выйти на след похитителей генералов, которыми в случае похищения Кутепова были сотрудники и агенты специальной группы Якова Серебрянского. Еще летом 1929 года советское руководство санкционировало операцию по «секретному изъятию» генерала Кутепова. 1 января 1930 года Серебрянский вместе с членами своей группы Турыжниковым и Эсме-Рачковским выехали в Париж. Александр Павлович Кутепов был похищен советскими агентами в Париже 26 января 1930 года при содействии одного из руководителей РОВСа генерал-майора Николая Владимировича Скоблина.

26 января Кутепов вышел из дома и отправился в церковь галлиполийцев, где должна была состояться панихида по случаю годовщины смерти бывшего офицера Лейб-гвардии Егерского полка генерала-от-кавалерии барона Александра Васильевича Каульбарса. Барон в Белой армии был широко известен тем, что в 1919 году принял на себя организацию авиационных частей Северо-Западной армии под Петроградом. Однако до церкви он так и не дошел. Полиции удалось установить, что около 11 часов дня Кутепова видел один белый офицер на углу улицы Севр и бульвара Инвалидов, но дальше следы генерала терялись. Наконец, спустя всего несколько дней, обнаружился один невольный свидетель его исчезновения. Уборщик близлежащей клиники, расположенной на улице Удино, некто Огюст Стеймец показал следующее. Утром 26 января 1930 года, около 11 ча-

сов из своего окна, выходявшее на улицу Русселе, он увидел большое серо-зеленое авто, развернутое в сторону улицы Удино, возле которого стояли двое высоких мужчин в желтых пальто, а неподалеку от них — красное такси. Там же на углу стоял полицейский. В это время со стороны бульвара Инвалидов по улице Удино двигался мужчина среднего роста с черной бородой, одетый в черное пальто. Эти приметы в точности совпадали с образом Кутепова. Когда человек, напоминаящий Кутепова, свернув с Удино на Русселе, поравнялся с серо-зеленым автомобилем, люди в желтых пальто, находившиеся возле авто, неожиданно схватили его и втолкнули в автомобиль. Полицейский, спокойно наблюдавший за происходящим, сел в этот же автомобиль, и машина, выехав на Удино, помчалась в сторону бульвара Инвалидов, а вслед за ней туда же отправилось и красное такси. После продолжительной поездки, проведенной генералом в бессознательном состоянии из-за усыпляющего укола, сделанного ему сотрудниками НКВД, Кутепова погрузили на советский теплоход «Спартак» под видом загулявшего старшего механика. В знак протеста против похищения генерала около 6 тысяч водителей парижских такси — преимущественно русские эмигранты — устроили забастовку. По сообщениям эмигрантских газет, по инициативе газеты «Либерте», в Париже состоялось собрание протеста против похищения генерала Кутепова. Собралось около 3.000 человек. Тут же на улице было решено устроить демонстрацию перед советским полпредством и министерством иностранных дел Франции. В разных местах Парижа дело дошло до столкновений с полицией, причем последней пришлось пустить в ход дубинки. Видные представители русской эмиграции потребовали от французских властей вмешаться и освободить генерала, но к тому времени судно с Кутеповым уже покинуло территориальные воды Франции. По одной из современных версий КГБ, обнародованных в прессе, генерал Кутепов умер от сердечного приступа вскоре после того, как теплоход прошел Черноморские проливы, в 100 милях от Новороссийска. Существует и еще одна

версия гибели Кутепова, озвученная незадолго до смерти одним из старых французских коммунистов некоего Онеля в 1978 году. По версии самого Онеля, чей родной брат принимал непосредственное участие в похищении генерала, Кутепов — человек смелый и сильный — оказал агентам такое сопротивление, что они не могли вести машину. Тогда брат Онеля заколол генерала ножом. Программой действий похитителей этого предусмотрено не было. В страхе возмездия из Москвы за самодеятельность убийцы ринулись в дом к брату Онеля. Там, в парижском пригороде Леваллуа-Перре, тело Кутепова сначала спрятали в гараже, а потом Онель вырыл яму и тут же, в гараже, перетащив туда тело Кутепова, залил его закупленным им для хозяйственных нужд ранее цементом. Проверить этот рассказ сейчас уже невозможно, поскольку место, где находился гараж, на сегодняшний день застроено современными многоэтажными постройками. По завершении операции с Кутеповым Яков Серебрянский приступил к созданию автономной агентурной сети в различных странах для организации диверсий на случай войны. 20 июля 1930 года он был зачислен на особый учет ГПУ в связи с выездом за рубеж. Работая за границей, Серебрянский лично завербовал около 200 человек. Созданная «Группой Яши» сеть действовала в Германии, Франции, Палестине, США, Скандинавии, на Балканах и состояла не только из секретных агентов ОГПУ и Коминтерна, но и из просоветски настроенных русских эмигрантов.

22 сентября 1937 года сотрудниками НКВД, при содействии их давних агентов — генерала Николая Скоблина и бывшего министра Временного правительства Сергея Третьякова, был похищен генерал Миллер. Как ни странно, генерал Миллер, имевший немало оснований остерегаться Скоблина, избрал именно его на весьма ответственный пост РОВСа. В организации была тайная организация, носившая название «внутренней линии». С одной стороны, она занималась слежкой за собственными членами и подозрительными эмигрантами. С другой — подбором надежных сотруд-

ников для «внешней линии», то есть для работы в СССР. В 1935 году генерал Миллер поставил Скоблина во главе «внутренней линии»... Но вскоре после этого назначения, из пограничных с Россией северных государств поступили тревожные для Миллера сведения. Военная разведка Финляндии дала ему знать через представителя РОВС в Гельсингфорсе, что существуют неоспоримые данные о сношениях Скоблина с большевиками. В русской колонии Парижа поползли слухи о связи Скоблина с советской агентурой. Обвинения против него разбирались судом чести, состоявшим из старших генералов. Но за отсутствием доказательств виновности Скоблин был реабилитирован. Тем не менее в конце 1936 года Миллер отстранил его от работы по «внутренней линии». Миллер уже не доверял Скоблину, но причины, побуждавшие осторожного Миллера не порывать со Скоблиным, так и остались неизвестны эмигрантской обществу. В гнетущей атмосфере обнаружившегося предательства, в Париже прошли «корниловские торжества». Устроителем и гостеприимным хозяином праздника был сам Николай Владимирович Скоблин. Газета «Часовой», «орган связи русского воинства и национального движения за рубежом», издававшийся в Брюсселе, сообщал своим читателям, что «в следующем номере «Часового» будет отмечено это знаменательное событие». Но история распорядилась таким образом, что следующий номер журнала вышел с заголовком: «Злодейское похищение генерала Миллера! «Скоблин заманил его в ловушку, разработанную в недрах ИНО НКВД, пригласив председателя РОВС на мнимую встречу с представителями германской разведки. Этот день Скоблин тщательно продумал и разработал не только по часам, но и по минутам. Сам он все время должен был оставаться на виду. Ему просто необходимо было алиби, для отвода возможного подозрения в соучастии, которое могло пасть именно на него. В среду утром 22 сентября 1937 года, генерал Миллер, как обычно, вышел из своей квартиры в Булони и направился в канцелярию РОВС на Рю дю Коли-

зе, 29. В руках он держал темно-коричневый портфель. Около 12 часов дня он ушел из канцелярии РОВСа, предупредив одного из помощников, генерал-лейтенанта П. В. Кусонского, что у него деловое свидание в городе, после которого он вернется обратно. Перед уходом, однако, он дал Кусонскому неожиданное указание. Генерал Миллер просил вскрыть конверт и прочесть вложенную в него записку, если он вдруг не вернется со встречи. Записка, как выяснилось позже, содержала следующую информацию: «У меня сегодня встреча в половине первого с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и улицы Раффэ, и он должен пойти со мною на свидание с одним немецким офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штротманом, и с господином Вернером, причисленным к здешнему посольству. Оба они хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, и на всякий случай я оставляю эту записку». Под письмом стояла подпись Миллера. С этого свидания генерал Миллер не вернулся. По оплошности Кусонского, позабывшего о распоряжении начальника вскрыть письмо, конверт был распечатан им лишь около 11 часов ночи, после того, как взволнованная отсутствием мужа супруга генерала Миллера потребовала, чтобы служащие РОВСа дали знать об исчезновении французской полиции. Прочитанная записка Миллера ошеломила Кусонского и адмирала Кедрова, заместителя генерала Миллера в РОВСе. Ночной вызов мужа из дома на Рю дю Колизе настолько встревожил жену Кедрова, что она тоже приехала в канцелярию. Туда же явился один из офицеров организации, которого потом послали в гостиницу за Скоблиным, не сообщив тому ни слова о записке, оставленной Миллером. В канцелярии на прибывшего Скоблина набросились с вопросами взволнованные Кусонский и Кедров. Не подозревая о существовании изобличающего его документа, Скоблин спокойно ответил, что не видел генерала Миллера еще с прошлого воскресенья. Но, когда ему предъявили записку, он изменился в лице и на мгновение

потерял самообладание. Однако, поборов смятение, продолжал настаивать, что Миллера он не видел, и что в 12.30 дня он с женой обедал в русском ресторане, уверяя, что факт его обеда может быть подтвержден свидетелями. Тогда вице-адмирал Михаил Александрович Кедров потребовал, чтобы Скоблин и присутствующие направились в полицию. Перед уходом Кусонский и Кедров решили наедине обменяться мнениями. Оставив их вдвоем, Скоблин сразу же воспользовался минутной заминкой. Он вышел из канцелярии, прошел мимо жены Кедрова и посланного за ним офицера (который все еще не знал о записке Миллера) и первым вышел на лестницу. Когда Кусонский и Кедров появились из канцелярии РОВС, Скоблин вдруг куда-то исчез. Не было его ни на лестнице подъезда, ни на самой улице. По распоряжению французских властей было установлено наблюдение на всех железнодорожных вокзалах, во всех морских портах и на пограничных станциях. Туда же передали описание наружности Скоблина с приказанием его задержать. Но время было упущено. Французское расследование в точности восстановило хронологию событий 22 сентября 1937 года. В общих чертах они были повторением того, что случилось с генералом Кутеповым ранее. Место, назначенное Скоблиным для свидания с Миллером, находилось в районе, где советское посольство в Париже владело несколькими домами. И, кроме этого, нанимало помещения для своих агентов и для служащих различных миссий. В квартале от перекрестка, где рю Жасмен пересекает рю Раффэ, стоял особняк на бульваре Монтморанси. Там находилась школа для детей служащих советского посольства. Она была закрыта на время летних каникул. Из окна одного из соседних домов свидетель, знавший и Миллера, и Скоблина, видел их у входа в это пустое школьное здание. Скоблин приглашал Миллера войти. С ними был еще один человек крепкого телосложения, но он стоял спиной к свидетелю. Это происходило около 12.50 часов дня. Несколько минут спустя перед входом в школу появился закрытый грузовик серого

цвета. Тот же грузовик, но уже с дипломатическим номером, появился около четырех часов по полудню в порту Гавра и остановился на пристани рядом с советским торговым пароходом «Мария Ульянова». Автомобиль выглядел пыльным и грязным. В будний день путешествие на автомобиле из Парижа в Гавр (расстояние между городами — 203 километра — *Авт.*) можно было без труда преодолеть за три часа. Из автомобиля выгрузили тяжелый на вид деревянный ящик длиной приблизительно в шесть, а шириной — в два с половиной фута. И сразу же с помощью четырех советских матросов осторожно и бережно перенесли его по трапу на пароход. Вскоре «Мария Ульянова» неожиданно для портовых властей и без обычного предупреждения развела пары, снялась с якоря и вышла в открытое море, не успев даже закончить разгрузку. Портовый чиновник, зашедший по делам к капитану «Марии Ульяновой», сообщил потом полиции, что во время их разговора в каюту спешно вошел человек, на ходу бросивший что-то капитану по-русски, после чего тот сообщил, что получил радиограмму, требующую его немедленного возвращения в Ленинград. Французский портовый чиновник обратил внимание на то, что подобные требования обычно направляются к агенту пароходного общества, а не непосредственно капитану судна. Сходя с парохода, он обратил внимание на стоящий рядом грузовик, которого за 25 минут до этого там еще не было. На следующий вечер Эдуард Даладье, бывший тогда министром национальной обороны французского правительства, вызвал к себе советского посла. Сообщив ему о серьезных уликах и газетном шуме, поднявшемся вокруг похищения генерала Миллера, он предложил послу потребовать, чтобы пароход «Мария Ульянова» немедленно вернулся во Францию. Французские власти заявили советскому посольству протест против похищения генерала и угрожали выслать эсминiec на перехват только что вышедшего из Гавра советского теплохода «Мария Ульянова». Советский посол в Париже Яков Суриц заявил, что французская сторона будет нести всю от-

ветственность за задержание иностранного судна в международных водах, и предупредил, что Миллера на судне все равно не найдут. Французы отступились, вероятно, осознав, что живьем свою добычу чекисты не отдадут. Миллер был доставлен в Ленинград и уже 29 сентября оказался на Лубянке. Там он содержался как «секретный узник» под именем Петра Васильевича Иванова. 11 мая 1939 года по личному приказу наркома внутренних дел Лаврентии Берии, несомненно, санкционированному заинтересованными лицами, Миллер был расстрелян при участии коменданта здания НКВД на Лубянке Василия Блохина. Обыск, проведенный французской полицией в Париже доме Скоблиных, и дальнейшее расследование дела установили причастность Плевицкой к преступлению. При этом неожиданно для всех оказалось, что «семейная» Библия в зеленом переплете служила ключом для зашифрованной переписки. Во время судебного процесса над Плевицкой среди многих других был вызван в суд для допроса и бывший поверенный в делах советского посольства в Париже Г.З. Беседовский. Он убежал от большевиков на Запад еще в 1929 году. Под присягой Беседовский сообщил, что в свое время уже известный нам парижский агент ОГПУ Владимир Янович говорил ему, что у него имеется свой «человечек» возле самого Кутепова и что этот «человечек» «женат на певице». Помимо упомянутого заявления Беседовского многие косвенные свидетельства связывали Скоблина и Плевицкую с советской агентурой еще в то время, когда во главе РОВС стоял генерал Кутепов. Только тогда обратили внимание на странное обстоятельство: не будучи в близких отношениях с женой генерала Кутепова, Плевицкая, тем не менее, старалась не отходить от нее в течение первых нескольких дней после исчезновения генерала. Под видом сочувствия горю госпожи Кутеповой Надежда Плевицкая, по всей вероятности, старалась следить за действиями полиции в ходе расследования дела Кутепова. Участь Кутепова и Миллера чуть было не постигла и генерала Антона Ивановича Деникина. Сам генерал вспоминал

впоследствии, что в Париже Скоблин настойчиво уговаривал его отправиться вместе с ним на автомобиле в Брюссель, чтобы присутствовать на банкете местных корниловцев: «Поезжайте со мной, ваше превосходительство! — уговаривал Деникина Скоблин. — Я повезу вас в моей машине. Если хотите, можно выехать завтра, в четверг». Деникин сухо отказался от предложения. Назойливость Скоблина показалась ему на этот раз подозрительной. Скоблин отлично знал, что бывший Главнокомандующий Добровольческой армией к нему не расположен, что в течение десяти лет он избегал даже разговоров с ним. «Я подозревал Скоблина в сочувствии большевизму с 1927 года»⁹⁴, — позже объяснял свою «нелюбовь» к навязчивому молодому генералу Деникин. И, тем не менее, вот уже несколько раз подряд Скоблин упорно, под разными предлогами пытался навязать себя в шоферы к генералу: сначала он появился на квартире Деникиных в Севре. Поблагодарив Антона Ивановича за его прошлый приезд в Париж, Скоблин тут же предложил в виде ответной любезности лично отвезти Антона Ивановича в тот же день на автомобиле к семье в Мимизан. Просьба была выражена в почтительной, но настойчивой форме. Во время разговора неожиданно для Скоблина в комнату вошел один преданный Деникину казак, человек рослый, сильный и широкоплечий, с которым генерал заранее сговорился, чтобы тот натер полы и привел в порядок помещение его квартиры. Скоблин внезапно оборвал разговор. Деланно заторопившись, он быстро откланялся и ушел. Из окна своей квартиры Деникин мог наблюдать, что в машине Скоблина сидели какие-то два совершенно незнакомых ему человека. Вскоре от Скоблина последовало еще одно предложение доставить генерала на автомобиле сообразно с его желанием или обратно к семье в Мимизан, или в Бельгию на местный корниловский банкет. И, наконец, третье предложение Скоблина, сделанное им Деникину в присутствии полковника Трошина и Корниловского штабс-капитана Григуля, отве-

ти Деникина на своем автомобиле на следующий день, 23 сентября 1937 года, в Брюссель. Однако все попытки Скоблина подвести генерала к захвату его чекистами, оказались неудачными. После провала, выявившего его связь с похитителями председателя РОВС, Скоблину удалось скрыться из Парижа в республиканскую Испанию. Там он, по всей вероятности, вскоре был ликвидирован сотрудниками НКВД. По версии, опубликованной покойным генерал-лейтенантом КГБ Павлом Судоплатовым, Скоблин погиб при налете франкистской авиации на Барселону в 1937 год. Иных подробностей о гибели Скоблина чекистом-мемуаристом не указывалось. Третьяков, который помог Скоблину скрыться после разоблачения, был казнен в 1943 году немцами как советский шпион. Жена Скоблина, певица Надежда Плевицкая, была осуждена французским судом как соучастница похищения Миллера и умерла во французской тюрьме в 1941 году. Жизнь певицы, окончившаяся столь печально, имела свою закономерность в развитии. Авантюризм и неистребимая страсть к материальному благополучию, в конце концов привели ее к закономерному финалу. В большое искусство Плевицкую привел знаменитый оперный тенор Леонид Собинов, однажды услышав выступление молодой курской певицы на Нижегородской ярмарке. Собинов помог Надежде организовать первый многочасовой концерт в Большом зале Московской консерватории, восхитивший либеральную интеллигенцию, окрестившей певицу «талантливым самородком из народа». В Российской империи выходили одна за другой ее бесчисленные грамофонные пластинки, Плевицкой делают предложения о съемке в фильмах; постепенно Надежда Васильевна становится одной из самых высокооплачиваемых певиц своего времени. После выступления перед Царской семьей, Государь император Николай II одарил молодую певицу драгоценной брошью, ласково назвав Плевицкую «нашим курским соловьем». Вторым мужем Плевицкой стал поручик Кирасирского полка Шангин, и, когда началась Первая мировая война, Надежда

отправилась вместе с ним на фронт, где стала сиделкой в полковом лазарете. В январе 1915 года кирасир Шангин геройски погиб в бою, и через некоторое время Надежда Плевицкая снова вышла замуж за другого офицера — поручика Юрия Плевицкого. Вскоре после этого события, российская империя начала рушиться, и вслед за этим разразилась великая российская смута. Жизнь Плевицкой во время Гражданской войны полна умолчаний и пробелов, сквозь которые ясно проступают лишь ее эксцентричные, любовные приключения. Известен ее роман с сотрудником одесской ЧК Шульгиным. Как-то, вместе с мужем Юрием Плевицким, ставшим красным командиром, под влиянием «друга семьи» Шульгина, они неожиданно для себя, попали в плен к белогвардейцам. И быть бы им расстрелянными, но великую русскую певицу узнал тогда молодой полковник Скоблин — командир Корниловского полка. Артистку привезли в штаб батальона, где она дала концерт для господ офицеров, причем очарованный командир корниловцев лично аккомпанировал Надежде Плевицкой на гармонии. Во второй половине 1930-х годов, когда во Франции НКВД организовал и воплотил два своих громких преступления, еще в одной стране Западной Европы разразилась «горячая война» коммунистов и их противников. И именно туда потекли ручейки добровольцев из числа бывших офицеров и генералов Русской и Императорской армий. Всего на стороне генерала Франко воевало около 80 белых офицеров, из них 34 пали смертью храбрых. Предыстория же гражданской войны в Испании такова. В результате правления испанского либерала-социалиста Беркенгера, в стране воцарилась анархия и полный хаос, что, как и во время российской «февральской революции», вынудило монарха отречься от престола. Король покинул пределы Испании, и республиканцами была провозглашена республика. Правительство испанской Республики, как и Российское Временное Правительство, не могло должным образом справиться с положением внутри своей страны, и в Барселоне стало быстро набирать силу движение

анархистов-последователей Бухарина, возникло полное безвластие, на фоне которого вспыхнула борьба политических партий. Внезапно выяснилось, что реальная власть в стране оказалась как бы никому не нужной. Испанские коммунисты и социалисты решили, воспользовавшись сложившимся положением дел, забрать власть в свои руки.

16 июня 1936 года, когда один католический депутат, некто Сотелло, выступил на заседании Кортесов, и, произнеся речь, показал всю гибельность «Народного Фронта» социалистов и коммунистов, малоизвестная тогда коммунистка Долорес Ибаррури, в ответной речи, призвала народ Испании к уничтожению всех «контрреволюционеров» подобных выступавшему. Для Испании начались дни «красного террора». 13 июля 1936 года католический депутат Кальво Сотелло был арестован ночью, увезен на грузовике и убит предположительно коммунистами, выстрелом в затылок. Труп его был выброшен убийцами на улицу. К этому моменту под давлением «Народного Фронта» умеренный Президент Республики Алькала Замора, был свергнут «восставшим народом» и заменен пламенным революционером Мануэлем Азанья. «Народным Фронтом» руководил член Коминтерна, советский агент, не раз бывавший в Москве, коммунист — Ларго Кабаллеро. В Испании 1936 года события развивались по российскому сценарию 1917 года под управлением Коминтерна. Для полной победы, международному коммунистическому движению осталось только лишь развалить армию и казнить офицеров-роялистов. В ответ на убийство Сотелло, испанские генералы решили взять власть в руки военных, навести порядок и подавить коммунистический бунт. Испанский генерал Франко, как и генерал Корнилов в России, возглавил это движение на Юге Испании. В ночь с 16 на 17 июля 1936 года восставшие офицеры под командой полковника Газало с верными частями захватили город Мелиллу в Испанской Северной Африке. Попытка восстания в столице-Мадриде, предпринятая генералом Вилле-

гасом, провалилась. В ночь с 19 на 20 июля 1936 года революционеры-анархисты и коммунисты сожгли 50 церквей по стране, и следом за этим актом вандализма начались массовые убийства мирных граждан. Как и в России, толпы коммунистов врываются в частные дома, ищут, захватывают и убивают офицеров королевской армии. Многие испанские генералы были убиты в ходе этой резни, однако генералу Франко, находившемуся вне страны, удалось овладеть всей Северной Испанской Африкой и почти без всякого сопротивления начать высадку своих войск на южном берегу Испании. На севере Испании также появилась новая сила: «карлисты» — приверженцы монархического образа правления государством, которые сразу присоединились к националистам и стали создавать свои боевые добровольческие части «красных беретов» под названием «рекете», командовали которыми выборные добровольцами офицеры. К концу июля 1936 года националисты захватили треть Испании. В «республиканской» коммунистической части Испании продолжался пожар «красного террора». Испанские коммунисты с невероятными жестокостями убивали офицеров, священнослужителей и государственных служащих. Примечательно, что в вышедшей в свет еще в 1932 году книге Ильи Эренбурга «Испания», как отмечает рецензент в газете «Парижский вестник», содержалось «кошунственное святотатство над христианскими обрядами, иконами, скульптурой, атрибутами культа, глумление над священниками и монахами... И переезжая с места на место, автор с торжествующим удовольствием сообщает: — Здесь они уничтожили все церкви! (Или несколько церквей или столько-то монастырей.) Он готов плясать от радости, получая сводку «успешных» святотатственных событий на антирелигиозном фронте... Эренбург бросал искры в пороховой погреб и своей цели достиг. Одна из его искр вспыхнула...»⁹⁵. Испанские «чекисты» все совершаемые именем революции убийства сопровождали чудовищными пытками: священников сжигали заживо, распинали на самодельных крестах, словно бы воскрешая бы-

лой опыт испанской инквизиции средневековья. Новый республиканский первый министр Хираль обратился к Председателю совета министров французской республики Леону Блюму с просьбой о помощи. Во Францию, родину коммунизма, полетела телеграмма от правительства Испании о направлении туда оружия и боеприпасов. Одновременно с этим, испанский коммунист Ларго Кабальеро телеграфировал просьбу об оказании подобной помощи в Москву. Французское правительство стало направлять испанским коммунистам оружие и самолеты. СССР послал военных специалистов и инструкторов. С молчаливого согласия Председателя Блюма, во Франции были открыты многочисленные вербовочные пункты для «Интернациональных бригад». И в начале августа 1936 года в сторону испанской границы, тронулся первый эшелон с 700 «интернационалистами» на борту. В ответ на этот ход французской стороны, Муссолини согласился с направлением вооружений, самолетов и итальянских добровольцев на помощь националистам Испании. Тем временем 15 октября 1936 года в Барселону прибыли первые советские пароходы «Георгий Димитров», «Нева», «Большевик», привезшие огромное количество боеприпасов, оружия и грузовиков. Советскими товарищами началось и кадровое обеспечение испанских коммунистов. В Испанию все прибывали и прибывали специалисты различных направлений: военные инструкторы, комиссары, артиллеристы, танкисты и летчики. По сведениям некоторых исследователей данного периода истории Испании, республиканцы передали Советскому Союзу весь золотой запас страны. В ответ на это лишь только к концу 1936 года они получили из Москвы: 160 000 ружей, 4 миллиарда патронов, 25 000 пулеметов, 400 орудий и 12 000 снарядов, 350 танков, 200 000 бомб и гранат. В ноябре 1936 года в Испанию стали прибывать в массовом порядке советские офицеры и технические работники. Примерно в это же время на южном побережье Испании начали выгружаться две итальянские стрелковые дивизии и приданная им авиация. В декабре 1936 года из Герма-

нии прибыл так называемый «Легион Кондор», 4 эскадрильи бомбардировщиков, 4 эскадрильи истребителей, батареи ПВО. Кризис в Европе 1938 года и появившийся ультиматум Гитлера, вынудил европейские страны отказаться от помощи противоборствующим сторонам в Испании. Премьер-министр Испанской «республики» Хираль был заменен альтернативной кандидатурой теневого премьер-министра — Ларго Кабальеро и фактически испанское республиканское правительство оказалось под прямым воздействием советских директив. Оказавшись в незавидном положении марионетки, президент Азанья еще в 1938 году покинул страну. «Интернациональные бригады», на которые республиканцами возлагались большие надежды, стали постепенной рассыпаться. Республиканский полковник Касадо, по собственной инициативе тайно связался с националистическим командованием и предоставил возможность эвакуации Мадрида. После этого Касадо сверг Миаха, арестовал и расстрелял других печально известных своим участием в испанском «красном терроре» коммунистических вожakov. 27 марта 1939 года республиканские войска постепенно отступили к Средиземному морю, и фактически гражданская война в стране завершилась. Героическая борьба испанских патриотов против социалистов и коммунистов привлекла симпатии русских белых офицеров, многие из которых пытались принять в ней посильное участие. Однако Франция, управляемая правительством Леона Блюма, была всецело на стороне «красного» испанского правительства, и граница для добровольцев, пытавшихся выбраться из Франции, была закрыта. Средств у русских эмигрантов не было никаких, и они пробирались в Испанию своим ходом, по горным дорогам, с постоянно присутствующим риском быть арестованными французскими пограничниками. Как известно, около 80 белым офицерам все же удалось пробраться в Испанию, в том числе и генерал-майору Анатолию Владимировичу фон Фоку, служившему в подразделении (терсио) Зумалонореги и погибшему смертью храб-

рых на Арагонском фронте. В число пробравшихся на территорию Испании, конечно же, не входят те из белых эмигрантов, которые к началу гражданской войны уже служили в Испанском иностранном легионе. В апреле 1937 года было получено распоряжение из штаба генерала Франко о формировании отдельной русской добровольческой части с русским уставом и русским командованием в составе терсио Донья Мария де Молина. Особую активность по организации записи русских добровольцев в армию генерала Франко проявил старший Парижской группы корниловцев полковник Г.З.Трошин. В начале марта 1937 года первая группа офицеров в количестве 7 человек, состоявшая главным образом из тех артиллеристов-марковцев, которые замечательно зарекомендовали себя в качестве охраны великого князя Николая Николаевича еще в конце 1920-х годов, выехала из Парижа в Сен-Жан-де-Люс, расположившийся на границе с Испанией, как раз напротив испанского городка Ирун. Техническую переправу добровольцев через франко-испанскую границу обеспечивал поручик инженерных войск Савин. Генерал фон Фок, причисленный в армии Франко к штабу терсио, сам вызвался пойти в роту добровольцем. Анатолий Владимирович фон Фок, Яков Тимофеевич Полухин и Николай Всеволодович Шинкаренко приехали в Испанию из Африки: им пришлось нелегально перейти через границу Испанского Марокко, чтобы попасть к испанским «белым». Пограничники встретили их настороженно, так как все русские олицетворялись в глазах испанцев с Советским Союзом. Однако вскоре мнение о них изменилось. Поводом для перемены отношения к добровольцам послужила история с генерал-майором фон Фоком. Когда пограничный комендант в Испанском Марокко выразил сомнение в способности генерала быть полноценно задействованным на фронте, указав на его высокий чин, а главное — возраст генерала, которому было тогда 57 лет, Анатолий Владимирович фон Фок ответил испанскому колониальному пограничнику: «Насчет чина не волнуйтесь, я

в 1918 году уже был рядовым бойцом (в батарею капитана Козлакова — *Авт.*), а насчет возраста судите сами...» и тут же на глазах изумленных испанцев проделал несколько акробатических приемов и показал гимнастические упражнения с винтовкой. Все четверо из прибывших чинов бывшей Белой армии были сразу же зачислены в испанскую офицерскую резервную роту. Генерал фон Фок вскоре получил назначение в 1/3 подразделения (терсио — *Авт.*) под названием Зумалонореги. Вскоре за отличие в боях он был произведен в лейтенанты (тениенте — *Авт.*) испанской армии и переведен на Арагонский фронт. В течение двух дней рота, где служил Фок и его боевые товарищи, мужественно сопротивлялась окружившим ее красным, больше половины ее погибло. Генерал-майор Анатолий Владимирович фон Фок, штабс-капитан Яков Тимофеевич Полухин и испанский фельдфебель Пастор перенесли раненых в часовню и, укрывшись там, открыли огонь по красным. Отрезанные от своих частей, они продержались в окруженной коммунистами часовне 12 дней, пока она и все, кто оставался в ней, не были сметены ураганным артиллерийским огнем испанских «красных». Так погиб начальник артиллерии 1 пехотной дивизии Русской Армии генерал-майор фон Фок Анатолий Владимирович, воевавший в Испании в чине подпоручика в подразделении Зумалонореги. Из белых добровольцев еще один русский генерал-майор, Николай Всеволодович Шинкаренко провоевал в чине лейтенанта франкистских войск, участвуя в борьбе против испанских коммунистов. Старший лейтенант русского императорского флота Николай Александрович Рагозин, был пожалован чином подполковника испанских ВВС за свои выдающиеся успехи в небе над Испанией. Еще один русский летчик — поручик В.М. Марченко (погибший над Мадридом в 1939 году), посмертно был удостоен высшей Испанской военной награды — коллективной Лауреадой. Подполковник Сергей Николаевич Благовещенский, директор страховой компании «Стандарт-Книон» в Париже, организовывал переброску русских добровольцев

из Франции в Испанию. По окончании войны все русские добровольцы, из тех, кто не получил офицерского чина в Испанской армии, были произведены в сержанты. Кроме того, русские добровольцы получили двухмесячные отпуска с сохранением за ними денежного содержания, а также (при наличии желания) испанское гражданство. Один из живущих в настоящее время участников русского добровольческого отряда в Испании, воевавший против коммунистов, 90-летний граф Григорий Ламсдорф, в интервью, данном в феврале 2002 года журналистке еженедельника «Совершенно секретно» Джин Вронской, так описывает свое участие в испанской кампании: «...уже через час после венчания ехал поездом к испанской границе. Ехал один. Знал, что мы там нужны. По-испански не знал ни слова. В этот момент войска фалангистов брали Ирун. Я переплыл реку и явился к ним. Когда я сказал, что русский, они решили: чекист из Москвы, провокатор. Меня вывезли в Наварру и отправили назад во Францию. Там на границе я встретил Колю Зотова, бывшего поручика Алексеевского полка. В эмиграции он работал киномехаником в Париже. Он тоже хотел сражаться с коммунистами, и мы вернулись в Испанию. На этот раз нам повезло, правда, не сразу. Нас отвезли в Памплону, посадили в тюрьму, а потом начали разбираться и поняли, кто мы такие. Тогда нас послали в Сарагосу. У меня от рождения были способности к языкам, и я быстро схватил испанский, даже научился писать. Нам дали переводить какие-то советские документы. Мы встретили антикоммунистов из многих стран. Мир знает о сражавшихся в Испании на стороне республиканцев интернационалистах-коммунистах, а о нашем «антикоммунистическом интернационале» никто и не слышал. Была сформирована русская часть из восьмидесяти бывших офицеров Белой армии и солдат. Меня назначили на пулемет, как молодого инженера со смекалкой, к тому же говорившего по-испански. С Зотовым нас разделили. Каталония была абсолютно красной — гнездом анархистов. Я два года провоевал в Испании. По вечерам писал письма

за неграмотных солдат. Священник, князь Шаховской, регулярно нас навещал. В 1937 году в Сарагосе меня тяжело ранили — был поврежден левый глаз и разворочена вся левая сторона тела. Зотов в Испании спился. Умер он на улице Мадрида — замерз». В феврале 1939 года батальон с русским отрядом был передислоцирован через Теруэль в населенный пункт Эль-Торо, где русские занимали боевые позиции «Пенья Кемада» и «Пенья дель Дьябло» вплоть до окончания боевых действий. На март 1939 г. русские добровольцы были распределены следующим образом: русский отряд в терсио Донья Мария де Молина, состоял из 26 человек и находился под началом лейтенанта испанской армии Н.Е.Кривошея и сержанта П.В. Белина. В русский отряде в «Терсио рекетэ» Наварры служило 2 человека; в терсио Ареаменди — 1; в терсио Монтехура — 2; в легионе — 3; а в эскадроне рекетэ Бургонья — 1 и трое оставили военную службу, из которых, один — ротмистр Г.М.Зелим-Бек вынужден был сделать это по состоянию здоровья. Из всех известных на сегодняшний день русских добровольцев в Испании, было убито 34, а из оставшихся живыми 9 ранено. Ранены были легионер Н.П.Зотов — пять раз, лейтенант К.А. Константинов — три раза (с потерей зрения на один глаз), К.К.Гурский — три раза, из которых один раз тяжело, сержант В.А. Двойченко — два раза, лейтенант Н.В. Шинкаренко — один раз, тяжело в голову. В разное время в ходе боев погибли: князь Лаурсов-Магалов, З. Кампельский, В.Чиж, И.Бонч-Бруевич, Н.Иванов морской летчик — капитан 2 ранга М. Крыгин и др. Фалангист-легионер Куценко, раненный под Тэруэлем, был взят в плен и зверски замучен испанскими коммунистами. Известны подробности и гибели старшего лейтенанта В.М.Марченко. 14 сентября 1937 г. он вылетел на ночное бомбометание над аэродромом противника. Уже после выполнения задания самолет Марченко внезапно был атакован несколькими республиканскими истребителями. В ночном воздушном бою самолет Марченко был подбит, а его экипаж, включавший пилота, пулеметчи-

ка и механика, успел выброситься с парашютами. Приземлившись, Марченко пешком направился в сторону позиций франкистов, но по дороге случайно наткнулся на отряд «красных» и был убит ими в непродолжительной перестрелке. По сообщению «Морского журнала», его тело, по требованию советских летчиков, принимавших участие в воздушном бое с ним, было захоронено на городском кладбище. Позже местные жители откопали гроб и зарыли его вне кладбища. После занятия этого района «белыми» останки летчика были найдены, перевезены в Севилью и вновь захоронены с воинскими почестями. 30 июня 1939 г. русские добровольцы были официально уволены из рядов испанской национальной армии. Франко не забыл своих русских соратников. Всем им было присвоено звание сержанта (за исключением тех, кто уже получил офицерский чин в ходе боевых действий), они получили двухмесячный отпуск с сохранением денежного содержания и испанские военные награды «Военный Крест» и «Крест за воинскую доблесть». Кроме того, всем русским добровольцам была предоставлена возможность получить испанское гражданство, чем многие из участников антикоммунистической борьбы в Испании и воспользовались. 29 октября 1939 г. группа русских добровольцев во главе с полковником Н.Н. Болтиным была принята генералиссимусом Франко в его резиденции во дворце Пардо, под Мадридом. На прощанье каудильо спросил их о том, что еще он может сделать для русских? От лица всех добровольцев Болтин ответил генералиссимусу: «Мы ничего не просим для себя лично, мы только просим, чтоб Вы устроили желающих офицерами в Испанский африканский легион». Эта просьба была также удовлетворена. Дальнейшая судьба «испанских русских» сложилась по-разному. Многие из них остались жить в Испании и выбрали себе различные мирные профессии, другие продолжили свою военную службу. Из первых четырех добровольцев (генералы А.В. фон Фок и Н.В. Шинкаренко, капитан Н.Е. Кривошея и штабс-капитан Я.Т. Лопухин) остался невредимым

только капитан Марковского артиллерийского дивизиона Николай Евгеньевич Кривошея, который фактически командовал русским отрядом в терсио Донья Мария де Молина. Находясь в эмиграции, он постоянно следил за развитием военной науки, окончил в Париже Высшие военно-научные курсы генерала Н.Н.Головина, и пользовался высокой боевой репутацией не только у своих соотечественников, но и у испанского командования. Во время испанской Гражданской войны Кривошея успешно воевал на различных участках фронта, однако по испанским законам как иностранец не имел права на занятие высших командных должностей. Ряд русских добровольцев, сражавшихся в Испании, в последующие годы советско-германской войны принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте в составе испанской «Голубой дивизии». Среди них были: Н.С.Артюхов, К.А.Гончаренко, С.К.Гурский, В.А. Клименко, В.Е.Кривошея, Л.Г.Тоцкий, А.А. Трингам. Некоторые из них, начинали свою службу переводчиками в частях Вермахта и даже, как А.А. Трингам, простыми конюхами германских вспомогательных подразделений. Общая их численность составила около 10 человек, трое из которых были убиты на Восточном фронте. В составе итальянских частей, вместе с вермахтом вторгшихся на советскую территорию в июне 1941 г. воевали бывшие белогвардейцы П.В. Белин, Н.И.Селиванов, Н.К.Сладков, А.П. Яремчук-П. Известно участие в сражениях на Восточном фронте и представителей бывших Императорских гвардейских полков, в том числе и Кавалергардского, воевавших в чинах лейтенантов германского Вермахта, как, например, барон Лев Львович Менгден и Федор Константинович фон Брюмер. Кавалергард одноименного дивизиона Федор Поспеев служил унтер-офицером Русского Добровольческого корпуса и пал в боях с Советской армией при защите Белграда в 1945 году. Иван Дмитриевич Звегенцов, бывший кавалергард, напротив, служил в чине лейтенанта в 7-й Танковой дивизии Британской Королевской Армии и погиб в бою с частями Африканского корпуса

генерала Эрвина Роммеля 28 декабря 1941 года под Эль Агелией в Ливии. «Многие члены Кавалергардской семьи взялись за оружие и в чужих, а подчас и чуждых им армиях, стали на защиту приютивших их стран. Все они, не за страх, а за совесть, честно выполнили свой солдатский долг. Были среди них и пленные и бежавшие из плена, были контуженные и раненные. Но не всем было суждено вернуться в лоно родных своих семейств».⁹⁶ С началом войны против СССР в Германии приступили к организации русских добровольческих частей в составе германского вермахта и позднее вошли в состав РОА граф Г.П. Ламсдорф, И.К.Сахаров (Левин) и другие. Новая война «белых» и «красных» была уже не за горами. До 22 июня 1941 года оставалось всего каких-нибудь два года и о том, что эта великая битва неизбежна, в Белом стане знали многие. Предполагали это и в стане красных и поэтому, еще задолго до первых залпов Великой Отечественной войны, именуемой иногда в эмиграции «Второй Гражданской», органами НКВД был развернут беспощадный террор против руководителей белой эмиграции за границей, не прекратившийся и после того, как смолкли последние победные залпы над Берлином в 1945 году.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ДУХОВЕНСТВО В 1928—1941 ГОДАХ

«Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предте-
чи,
Славословим крестовый поход...

...Да придет! Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу».

Иван Савин

Пребывание русской эмиграции в балканских странах, внешне относительно благополучное, постепенно изживало себя. Трудно было ожидать, чтобы отношения между народом-хозяином и эмигрантами останутся навсегда братскими и дружественными. Политическая ситуация в этих государствах и мировая обстановка способствовали постепенному отчуждению двух сторон — так называемой принимающей стороны и живущих на правах гостей русских эмигрантов. На высшем государственном уровне на смену старым государственным и общественным деятелям приходили политики моложе, в большинстве своем ориентирующиеся на Запад. А в предвоенное время некоторые из молодых львов балканской политики сменили свои ориентиры, стремясь к упрочению отношений с СССР. Это последнее обстоятельство не могло не вызвать беспокойства в среде

русской эмиграции, и особенно военной ее части. Отношение к русским белогвардейцам в принимавших их странах было неодинаковое и среди разных слоев населения. Так, например, служащие Белградского университета приняли «в штыки» поступивших на работу в это учебное заведение русских ученых. Объединившись, югославские преподаватели и профессора даже объявили своим новым коллегам профессиональный бойкот. Сербское духовенство также приняло настороженно русских священников. Строительство русской церкви, освященной во имя Святой Троицы, вызвало большой скандал, так как сербское духовенство выступало резко против этого. Когда же надо было подвесить колокол, то сербские клирики располагавшегося неподалеку храма Св. Марка активно противодействовали этому, и русские священники смогли подвесить колокол только после того, как на место столкновения двух сторон, по просьбе прихожан русской церкви, были присланы жандармы. Наиболее тепло военных эмигрантов приняло сербское офицерство, так как многие из них учились в российских военных училищах. Именно благодаря высшему сербскому офицерству, в лице генерала Милана Недича, были организованы русские кадетские корпуса и русско-сербская мужская гимназия. Что же касается простого населения страны, то есть крестьянства и рабочих, то тут было налицо почти полное непонимание того, кто такие «белые» и почему они эмигрировали из своего Отечества. Русские эмигранты вели «разъяснительную работу» по мере сил и возможностей: выступали с лекциями и докладами, печатали статьи в газетах, вели разговоры с жителями тех мест, где сами жили. Но все равно, в целом эти усилия не могли поколебать скептицизма сербов и черногорцев в отношении своих новых сограждан. Большинство местных жителей, говоря о СССР, продолжали употреблять выражение «мајка Русија» («Россия-мать» — *Авт.*). Естественно, что этим заблуждением пользовались югославские коммунисты, проводя свою подрывную работу против русских эмигрантов и сербских патриотов. В октябре 1934 года во время визита во Фран-

цию, в Марселе король Александр был убит хорватским террористом Величко Георгиевым. По свидетельству очевидцев, последними словами короля были: «Чувате моју Југославију!» («Берегите мою Югославию!» — *Авт.*). Убийство монарха было большой потерей для всех народов Югославии, и само по себе предвещало немыслимые несчастья для их государства. Многие русские эмигранты в королевстве восприняли убийство Александра как личную трагедию. Они прекрасно осознавали, что король сделал очень много для белых изгнанников и являлся во многом гарантом их благополучного существования. Его правление обеспечивало устойчивую антибольшевистскую политику югославского государства. Стоит заметить, что когда государствами Малой Антанты, в которую входила и Югославия, был подписан с СССР договор о ненападении, русским белым эмигрантам были запрещены любые публичные антисоветские выступления. Сразу же при вступлении на престол сына Александра — Петра II (так как он был несовершеннолетним, то при нем был создан регентский совет во главе с принцем Павлом, двоюродным братом убитого короля) в югославских средствах массовой информации, как по заказу, появилось множество антирусских статей и передач. В них, в частности, обвиняли русских эмигрантов «в паразитизме на теле сербского народа». С началом этого периода политической жизни Югославии русская эмиграция начала активно включаться в публичное обсуждение югославских внутривнутриполитических вопросов, так как чувствовала все нарастающую деятельность коммунистов и сепаратистов. Представители эмигрантских организаций, наряду с патриотами из Югославского Национального Движения «Збор» стояли на охранительных позициях, следуя последней просьбе великого короля: хранить Югославию. Довольно резким поворотом в судьбе эмигрантов оказалось признание Югославским правительством в июне 1940 года СССР как субъекта международного права, хотя еще в 1938 году премьер-министр Милан Стоядинович давал соотечественникам твердые заверения в непризнании Советс-

кого Союза. Этот акт правительства страны подорвал некоторым образом авторитет югославского правительства в глазах русских эмигрантов. Вместе с тем последовательная антикоммунистическая позиция германского правительства со времени прихода к власти Гитлера весьма импонировала русским белогвардейцам в изгнании. Некоторые историки придерживаются мнения, что в конце 20-х годов — начале 30-х Советский Союз также шел на сближение с Германией, и пик развития взаимоотношений двух стран пришелся именно на вторую половину 30-х годов. В ходе внутриевропейской борьбы, Германия стремилась подавить политическую активность своего давнего политического противника Франции, а впоследствии и разгромить ее военный и экономический потенциал. Вероятно, советская сторона предложила своим германским партнерам использовать пребывавших в то время в значительном количестве во Франции представителей русской военной эмиграции, формируя их мнение таким образом, чтобы использовать возникшие неприязненные настроения к французам и самой Франции в некий день «Х», сделав из русских эмигрантов своеобразного троянского коня. Не исключено, что результатом этих имевших место переговоров двух новых европейских союзников, возможно, явилось решение всеми силами ориентировать деятельность чинов РОВС на развитие взаимоотношений с Германией, со временем подчинив Союз лицам, имеющим сильную прогерманскую ориентацию. Таковых пока во главе Союза не наблюдалось. После гибели генерала Кутепова во главе Союза стал Миллер, немец по национальности, но русский по своему духу, продолжатель идей погибших вождей Белого дела, государственный по образу своего мышления. Такой человек во главе РОВС снова становился препятствием на пути германской внешней разведки и, вероятно, по взаимному соглашению сторон, его ликвидацией занялись бывшие в этом деле руку органы НКВД.

Миллер отнюдь не был новичком на ниве внешней разведки. Еще во время Великой войны Евгений Карлович слу-

жил представителем Ставки при итальянской Главной квартире. Его устранением НКВД расчистил дорогу для прихода в руководство РОВС менее ярких, зато более управляемых извне фигур. Известно, что Миллер искал себе преемника, не будучи абсолютно уверенным в том, что со временем его не попробуют устранить от дел. «Идеальный офицер Генерального штаба, Миллер был совершенно лишен честолюбия. Волевой, тактичный, доступный для подчиненных, скупой на слова, исключительно трудоспособный и энергичный, он жил для России и ее армии»⁹⁷. Евгений Карлович попытался предупредить усилия чекистов внедрить своих ставленников в Союз, приступив к организации собственного контрразведывательного аппарата. По замыслу Миллера, это новое учреждение должно было стать составной частью РОВС.

В октябре 1930 года Миллер вызвал в Париж генерал-майора Н.И. Глобачева, служившего в начале XX века в корпусе жандармов. Генерал-майор был лично известен Миллеру, как выпускник Николаевской академии генерального штаба, неплохо подготовленный для контрразведывательной деятельности. Миллеру он казался перспективной фигурой еще и потому, что в свое время тот прослужил на ниве политического сыска на самых передовых рубежах Российской империи — в Царстве Польском. В короткие сроки Глобачевым была создана широкая агентурная сеть во Франции и сопредельных странах. Основной задачей агентов Глобачева было выявление агентов ОГПУ в среде русской эмиграции. Миллер получал самую свежую и достоверную информацию не только о деятельности советской политической разведки в Европе, но и даже внутри самого РОВСа. Так, например, от своего агента в Чехословакии Миллеру стало известно, что внутри самого Союза возник политический орган под руководством генерала-от-кавалерии Шатилова. После гибели Миллера, стараниями генерала Абрамова, близкого к Шатилову, Глобачева постепенно отпустили от дел, а службу его свернули под предлогом нехватки

средств. По сравнению с государственными дотациями ОГПУ-НКВД, финансовые возможности РОВС оказались смешными. Ряд попыток пустить деньги в рост, предпринятых еще Миллером, привели к утрате 7 миллионов франков, вложенных генералом на свой страх и риск в одну из тогдашних финансовых пирамид, основатель которой швед Ивар Крегер покончил жизнь самоубийством, чем обрек многие тысячи своих вкладчиков на полный финансовый крах. Не миновала сия чаша и средства РОВС. В ходе своего руководства Русским Общевоинским Союзом, Миллер часто подвергался критике со стороны многих радикальных кругов военной эмиграции, обвинявшим его в бездействии и отходе от активной борьбы с Советской властью.

...После похищения Миллера, активно участвовавший в организации похищения Председателя РОВС и затем сбежавший в Испанию генерал Скоблин, написал своему начальнику в НКВД примечательное письмо, которое стоит привести полностью в силу его красноречивого подтверждения связи Скоблина с советской внешней разведкой. «П.ХІ.37. Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе. Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья «Большевики на Северном полюсе» произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: «Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сло-

маешь — пешком-то далеко идти?» — «Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!» Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7 ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать «Васеньке» (семейное прозвище, а возможно, и подпольная кличка Надежды Васильевны Плевицкой — *Авт.*) о великом празднике. Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньке» не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное, успокоить. Крепко жму Вашу руку. С искренним приветом Ваш Николай Скоблин». Неизвестно, получил ли Скоблин ответ на свое «праздничное» письмо, однако очень скоро он погиб в Испании, по официальной версии, во время бомбежки. Так завершилась одна из несомненно удачных внешнеполитических операций НКВД. Она завершилась ликвидацией главного предателя в стане белых, оказавшимся совершенно ненужным использовавшим его советским органам внешней разведки.

В дальнейшем, в отношении Белой военной эмиграции НКВД проводил еще немало операций разнообразного масштаба. Одной из наиболее известных акций оказалось внедрение в белогвардейские организации сына руководителя 3-го отдела РОВС генерала Федора Федоровича Абрамова. Звали молодого неожиданно появившегося во Франции

большевистского агента Николаем Федоровичем Абрамовым. Особая Комиссия РОВС, проделавшая впоследствии некоторую исследовательскую работу в отношении этой личности, пришла к выводу, что до своего внедрения в среду военного зарубежья, он прошел специальную подготовку в советской разведке, на что косвенно указывал ряд его способностей и умений, а также отменная спортивная подготовка молодого человека. «Маленький Николай жил в семье тетки и воспитывался в советской среде. Учился в советской школе, состоял в комсомоле, прошел разностороннюю подготовку в Осавиахиме. Был умелым шофером-механиком, хорошим фотографом, бойко стучал на пишущей машинке, любил спорт и вообще отличался недюжинными способностями. Советская школа привила ему атеистические взгляды на жизнь, преклонение перед сильной советской властью, ненависть к фашизму, презрение к демократии и белогвардейцам». ⁹⁸ Предыстория неожиданного появления сына генерала Абрамова такова: при уходе из России в ноябре 1920 года семья генерала была оставлена им, и 10-летний Николай Абрамов остался у большевиков. По какому-то странному стечению обстоятельств, волны репрессий обошли семью белого донского генерала.

На Западе Николай Абрамов объявился при не менее странных обстоятельствах. Служа матросом советского торгового судна, неожиданно легко в 1931 г. он сбежал с советского парохода, причалившего в Гамбурге. Не торопясь, добрался до германской столицы, отыскал штаб-квартиру РОВС в Берлине, обратился за помощью к дежурному офицеру. После первых перекрестных опросов молодого человека, выяснявших его личность, о нем было доложено начальнику Союза генералу фон Лампе. Алексей Александрович фон Лампе, в прошлом опытный военный дипломат и один из ближайших помощников генерала Врангеля в эмиграции, в предвоенное время возглавлял работу Союза в Германии. Фон Лампе сочувственно выслушал историю побега молодого Абрамова, и при содействии генерала, орга-

низовавшего получение болгарской визы для молодого человека, тот был отправлен к своему отцу в Софию. Рассматривая эту историю с позиции сегодняшнего дня, некоторые современные историки уверены, что личные взаимоотношения Николая Абрамова с отцом были довольно прохладными. Первые три года он жил у своего отца и получал от него небольшие деньги на расходы, а после, найдя постоянную работу, ушел от отца и перестал получать от него деньги. Главной задачей Николая Абрамова было его внедрение в ряды РОВС. Его любознательность и заметное чрезмерное любопытство не ускользнуло от некоторых проницательных взглядов в среде русской военной эмиграции. На поверку внедрение в среду русских эмигрантских организаций оказалось несложным. Как сыну видного белогвардейского генерала, Николаю оказались открытыми двери многих русских организаций за границей. А в самом РОВС его руководством были назначены лица, ответственные за политическую подготовку молодого человека. Чтобы не вызывать подозрений в собственной заинтересованности Абрамов-младший хорошо симитировал не только разочарование в идеях комсомола, но и «искренне осуждал некоторые отрицательные стороны эмиграции...». В итоге, после предварительной идеологической работы с собой, он как бы нехотя выразил желание работать в секретных структурах РОВС — «внутренней линии». Сначала он был привлечен к «работе по контрразведке» офицером управления 3-го отдела РОВС капитаном Фоссом. Вскоре Николай вступил в «Национальный союз нового поколения» (НСНП) и еще ряд радикальных белоэмигрантских организаций, показав настойчивое стремление продвинуться в них к руководящим постам. «Его попытки изменить тактику НСПП натолкнулись на решительный отпор. Подозревая в нем советского агента и невзирая на его родство в видным белым генералом, М.А. Георгиевский настоял на его исключении из Союза. Генерал Абрамов и чины РОВСа были возмущены решением НСПП, и отношения между двумя организациями, уже омраченные...стали еще более неприязненными».⁹⁹

В связи с досадным исключением, свое основное внимание молодой Абрамов сосредоточил теперь на РОВС.

Для начала Николай Абрамов, войдя в доверие к руководству 3-го отдела, добился направления на обучение диверсионной работе и вскоре он был допущен к руководству по обучению стрельбе в одной из секретных организаций. По распоряжению отдела контрразведки РОВС Николай Абрамов первоначально выполнял незначительные поручения по службе контрразведки и ведению наружного наблюдения. Вполне естественно, что при наличии прежнего опыта подготовки в Советском Союзе, он скоро достиг неплохих результатов. Со временем, Абрамов-младший, стремясь обеспечить себе доступ к секретной оперативной информации РОВС, прилагал все возможные усилия, чтобы стать «своим человеком» в управлении 3-го отдела, где сам постоянно бывал, оказывая незначительную помощь в канцелярской работе. Наконец, к 1935 году Абрамову-младшему удалось продвинуться дальше в реализации своего давнего замысла: он был допущен к секретной документации 3-го отдела, что дало ему превосходную возможность передавать наиболее ценные сведения советской разведке. Несмотря на хорошую конспиративную работу по маскировке своей деятельности, в конце 1936 года у его куратора капитана Фосса все же возникли некоторые подозрения относительно своего подопечного. Одной из причин, невольно привлечших внимание к личности Николая Абрамова, явился его вполне обеспеченный образ жизни при формальном отсутствии больших заработков, а также легкий флер тайны, окутавший происхождение его капиталов. Капитан Фосс не замедлил поделиться своими наблюдениями с болгарской полицией и контрразведывательным отделом РОВС, чтобы совместно с ними провести еще одну проверку Николая Абрамова. Почувствовав проявляемый к нему интерес, Николай начал постепенно отходить от текущей работы, очевидно догадавшись, что ему стали поручать задания, имеющие своей конечной целью его проверку.

Руководство РОВС, осознавая всю деликатность сложившейся ситуации, в которую оно невольно попало, не стремилось предавать возникшее дело Николая Абрамова широкой огласке в кругах военной эмиграции. «Провокационная деятельность Николая привлекла к себе внимание болгарской тайной полиции. За ним было установлено наблюдение. К середине 1936 года полиция выявила его связи с резидентом НКВД на Балканах. В дальнейшем она проследила его тайные встречи с проживавшими в Софии чеккистами».¹⁰⁰ Проверяющими лицами было решено даже не докладывать о начавшейся проверке его отцу, генералу Ф.Ф. Абрамову, щадя его чувства. Впрочем, ничего определенного следствие и не могло дать. Наличие каких-либо точных данных о виновности его сына отсутствовало. В какой-то степени развитию событий в данном ключе способствовало то обстоятельство, что Н. Абрамов работал квалифицированно, не оставлял контрразведке РОВС прямых улик. В течение всего 1937 г. косвенные улики постепенно стали накапливаться. По этой причине контрразведкой РОВС были приняты некоторые меры к ограничению круга деятельности Николая Абрамова и усилению его изоляции внутри РОВС.

Вскоре в Париже произошло похищение генерала Миллера и последовавшее за этим событием другое, не менее сенсационное — бегство генерала Скоблина в Испанию, деятельность которого на ниве «внутренней линии» подверглась расследованию в комиссии генерала Ивана Георгиевича Эрдели. Очень быстро комиссия Эрдели дополнила свою основную задачу проверкой 3-го отдела РОВС и деятельности в нем самого Николая Абрамова. Проверка комиссии генерала Эрдели была инициирована заявлением капитана Клавдия Фосса. В этом заявлении говорилось об открытой капитаном утечке сведений конфиденциального характера. При этом, как выяснилось при исследовании, обозначенная утечка сведений вовсе не означала физической пропажи каких-либо документов. Николаем Абрамовым, вероятно, либо

делались выписки из секретных документов, либо необходимые страницы просто фотографировались. В марте 1938 г. в Белград прибыла комиссия, возглавляемая Председателем РОВС генерал-лейтенантом Архангельским, в составе генерала Артамонова и полковника Дрейлинг. Их задачей было детальное расследование дела Абрамова-младшего. Материалами для этого расследования послужили протоколы и доклады Особой комиссии полковника Петриченко, назначенной осенью 1937 г. генералом Ф. Ф. Абрамовым для изучения деятельности «внутренней линии». В качестве дополнительных документов были подготовлены опросы большого числа членов РОВС и военных эмигрантов, не принадлежавших к Союзу, но имевших то или иное отношение к делу Николая Абрамова. Особое внимание комиссии было уделено проверке работы 3-го отдела РОВС. В течение одной недели, с 13 по 20 октября 1938 г. в правлении РОВС комиссией были заслушаны доклады лиц, руководивших контрразведкой. В прозвучавших докладах была отмечена общая уверенность чинов контрразведки в самой вероятной причастности Николая Абрамова к органам зарубежной разведки НКВД. Расследование, проводимое в режиме повышенной секретности, продолжалось. В ходе расследования, в частности, контрразведкой РОВС были приняты меры к выявлению источников материального обеспечения Абрамова-младшего. Будучи иностранной общественной организацией, РОВС не имел возможности применить против сына Абрамова какие-либо репрессивные меры. Изначально, у полиции Болгарии также не было оснований для его задержания, ибо болгарских законов Абрамовым нарушено не было, а строго формально деятельность его была направлена исключительно против общественной организации российской военной эмиграции.

Летом 1938 года болгарскими властями Николаю Абрамову было настоятельно рекомендовано покинуть пределы Болгарии. 13 ноября того же года Николай Абрамов выехал с женой из Болгарии, получив хлопотами отца визу на трех-

месячное пребывание во Франции. Лидеры военной эмиграции — генерал-лейтенант Архангельский, фон Лампе и Кусонский не предъявили никаких претензий к отцу Николая-генералу Абрамову, так как расследование установило, что сам генерал действительно ничего не знал о деятельности сына, однако обстоятельства самого дела показали, что авторитет генерала в среде русской военной эмиграции был все равно серьезно подорван. Вследствие этого, генерал Абрамов не был назначен на освободившийся пост Председателя РОВС.

Руководство Союза приняло внутреннее решение не предавать дело сына генерала Абрамова широкой огласке, поскольку публичное разоблачение Н. Абрамова могло нанести бы излишний моральный удар обществу и лично генералу Ф. Ф. Абрамову. И хотя в этом случае явный выигрыш был на советской стороне, русская военная эмиграция в долгу не оставалась. Впрочем, борьба белогвардейцев с большевизмом в Европе, перешедшая в плоскость взаимных точечных ударов внешних разведок, не затрагивала в полной мере жизнь тех солдат офицеров Белой армии, которые оказались по другую сторону Атлантического океана. Русские военные эмигранты в Латинской Америке занимались привычным делом несения строевой службы, нередко выступая в качестве военных советников, а то и командиров молодых латиноамериканских армий. «Группа чинов РОВС, находившаяся в городе Вильтце (герцогство Люксембургское), в составе 32 мужчин, 8 женщин и 4 детей, переехала в Южную Америку, в Парагвай, колонизацией которого ведает генерал Беляев...»¹⁰¹, — так зачастую решались судьбы белогвардейцев, пытавшихся трудоустроиться и прокормить возникшие за рубежом семьи любым путем.

Так Парагвай, в своем стремлении одержать военную победу над боливийскими противниками, сделал ставку на русских военных эмигрантов, проживавших в стране — они были неприхотливы, бездомны и бедны. Парагвай же готов был предложить им не только офицерские должности, но и

гражданство. По некоторым данным в рядах парагвайской армии оказалось около 80 русских офицеров. Впрочем, эмигрантские источники указывают иную цифру: «Всего же, в этой войне в рядах Парагвайской армии приняло участие свыше 30 белых русских офицеров...».¹⁰² Официально парагвайским правительством были задействованы в следующих чинах 2 генерала — Иван Тимофеевич Беляев и Николай Федорович фон Эрн, 8 полковников, 4 подполковника, 13 майоров и 23 капитана. Как и в Боливии, иностранцы здесь в основном служили в авиации, а также в артиллерийских частях и на штабных должностях. Большинство офицеров в полевых войсках составляли «местные кадры», произведенные в высокие армейские чины уже в ходе боевых действий. Именно они вынесли на своих плечах основную тяжесть войны. В Парагвае была объявлена всеобщая мобилизация, численность армии в течение буквально нескольких недель увеличилась в двадцать раз — с 3000 до 60 000 человек. Правда, при этом во многих отрядах солдаты первоначально были вооружены лишь ножами-мачете, а одна винтовка системы Маузер аргентинского производства приходилась на 5—7 человек. Однако «на вооружении армии были горные гаубицы Шнейдера, крупновские 75-мм пушки и мортиры Стокс-Брандта, и все мы в один голос признали, что парагвайскую армию вооружали, собственно говоря, боливийцы. Отношение к казенному имуществу было довольно, на наш взгляд, оригинальное, что объясняется, думается мне, большой примитивностью парагвайцев, совмещавших понятие о настоящем патриотизме с безразличным отношением к казенному добру».¹⁰³ Парагвайскую армию возглавил полковник Хосе Феликс Эстигаррибия — талантливый и волевой военачальник, по происхождению из местных индейцев племени гуарани. Начальником Генерального штаба был назначен генерал-майор Иван Тимофеевич Беляев, до этого занимавший скромную должность начальника военного училища в Асунсьоне. Поначалу боевые действия представляли собой беспорядочные стычки в

джунглях и короткие схватки за отдельные укрепленные районы. Но постепенно, в ходе боев, начала вырисовываться линия фронта, редким пунктиром пересекавшая болотистую сельву и поросшую жестким кустарником равнину под палящими лучами солнца. Обе стороны активно использовали фортификацию, возводя на контролируемой ими территории дерево-земляные укрепления, гордо именуемые ими «фортами». Парагвайцы полковника Эстигаррибиа добавили к этим сооружениям создание широкой сети минных полей. Войска зарывались в землю, опутывая свои позиции колючей проволокой, сооружая блиндажи и пулеметные гнезда. «Что дали Парагваю наши офицеры? прежде всего они дали свой военный опыт Великой и Гражданской войны, и не только участием в самой войне, но и подготовкой офицерского состава... Наши офицеры были... знающими и опытнейшими инструкторами по пулеметному делу; были знающими и даже учеными артиллерийскими техниками, наладившими работу в единственном в Парагвае Асунсьонском арсенале, особенно в его отделе взрывчатых веществ, в лаборатории и в починочных мастерских, где за время войны производили не только починку орудий, ружей и пулеметов, но занимались и выделкой авиационных бомб, ручных гранат и т.п. Наши моряки дали свой многосторонний опыт личному составу парагвайских речных канонерок, а наши врачи и ветеринары поставили на должную высоту санитарную и ветеринарную службу в армии. Наши топографы и частью офицеры Генштаба значительно продвинули вперед дело снабжения войск картами и планами, а наши инженеры, а также офицеры Генштаба научили и фортификационному, и дорожному строительству»¹⁰⁴. С начала 1934 года в войне окончательно наметился перелом — парагвайцы начали хорошо подготовленное наступление на северо-запад вдоль рек Пилькомайо и Монте-Линдо. Наступил сезон дождей, боливийская техника часто выходила из строя, а парагвайские солдаты упорно пробивались вперед. Несмотря на численное превосходство противника, за два

месяца парагвайцам удалось продвинуться почти на 200 километров, захватив более 7000 пленных. К весне 1935 года обе стороны достигли крайней степени финансового и морального истощения. Однако боевой дух парагвайской армии был еще крепок, и в конце марта полковник Эстигаррибиа перенес военные действия на территорию Боливии, атаковав нефтеносный район у городка Вилья-Монтес, расположенный в 60 километрах севернее аргентинской границы. Через две недели боев оборона боливийцев рухнула по всему фронту. Попытки сдержать парагвайское наступление авиацией привели лишь к потере двух «Фальконов», сбитых ураганным огнем с земли. В конце мая Вилья-Монтес, обороной которого руководил чехословацкий генерал Плачек, был окружен со всех сторон. После этого Боливия, у которой просто не осталось войск, обратилась в Лигу Наций с просьбой о посредничестве в заключении перемирия. 11 июня 1936 года было подписано соглашение о прекращении огня. Потери сторон убитыми составили 40 000 солдат у Парагвая и 89 000 — у Боливии. В плену у парагвайцев оказалась практически вся боливийская армия — 300 000 человек. За время трехлетней войны двух стран на стороне Парагвая погибло пять русских офицеров: есаул Василий Федорович Орефьев-Серебряков, в чине майора парагвайской армии, ротмистр Борис Павлович Касьянов, также в чине майора, хорунжий Василий Павлович Малютин в чине капитана, ротмистр-текинец Сергей Сергеевич Салазкин в чине подполковника и штабс-капитан-марковец Николай Иосифович Гольдшмидт (поступивший на службу в Русскую императорскую армию прапорщиком после соответствующих реформ Временного правительства в 1917 году) в чине капитана. В столице Парагвая их именами были названы пять улиц, а в Свято-Покровском православном храме Аусунсьона установлена соответствующая мемориальная доска. Впрочем, справедливости ради, стоит отметить и обратную сторону отношения парагвайцев к своим недавним товарищам по оружию. «Что же война дала русским, принявшим в

ней такое видное участие? Часть офицеров была оставлена на военной же службе, часть была устроена на службу гражданскую, но.. некоторые, по увольнении в запас, были предоставлены своей судьбе... Но вот довольно показательно, что когда в парламент был внесен проект закона о предоставлении русским врачам, принимавшим участие в войне, права практики наравне с врачами-парагвайцами, то...проект это был провален, и русские врачи, так много сделавшие и так потрудившиеся на войне не получили права свободной практики и вынуждены, как и прочие иностранцы, работать только в тех местах, которые отстоят не ближе как на несколько десятков километров от места практики врача-парагвайца... В заключение думаю, что не погрешу против истины, если скажу: жаль, конечно, что русская кровь пролилась на парагвайских полях за совершенно чуждое нам, русским, дело...»¹⁰⁵ В целом же, настроение русских в Парагвае, спустя годы после победы над Боливией, лучше всего охарактеризовано в письме казаков из Парагвая, адресованному редакции казачьего журнала, выходящего в Париже: «Настроения...заставляют желать много лучшего...- Бросается в глаза тоска и печаль по Родине, если можно так выразиться, тоска по Европе... Уж слишком нам приелась южно-американская экзотика...»¹⁰⁶ Для Парагвая победа в войне обернулась резким усилением влияния военных во внутренней политике. При этом среди офицеров, выходцев из низов общества, поначалу преобладали ярко выраженные «эгалитаристские» тенденции. В феврале 1936 герой Чакской войны полковник Рафаэль Франко совершил военный переворот националистического характера и попытался вернуть страну ко времени великих лидеров XIX века, Хосе Родригеса де Франсии и Франциско Солано Лопеса — то есть провести ускоренную индустриализацию с опорой на собственные силы, с усилением роли государства и введением элементов социализма. Естественно, что с такой программой полковник долго не удержался у власти — через полтора года его свергла Либеральная партия, требовавшая

вести Парагвай по пути демократии «западного образца». Но на выборах 1939 года президентом вновь был избран военный — маршал Хосе Феликс Эстигаррибиа, национальный герой страны и главнокомандующий вооруженными силами Парагвая в Чакской войне. Уже в 1940 году он сам осуществил военный переворот и изменил конституцию, однако вскоре после того погиб в результате авиакатастрофы. К власти пришел генерал Ихинио Мориниго, установивший в стране жесткий диктаторский режим. Отдельно стоит сказать о личности генерал-майора Ивана Тимофеевича Беляева, чей вклад в победу Парагвая в Чакской войне несомненен. Он также сыграл не последнюю роль и в жизни страны в целом. Современная российская исследовательница Наталья Гладышева в своих увлекательных работах значительно дополнила образ этого малоизвестного современному читателю генерала Белой армии многими неизвестными сторонами его научной и политической деятельности, оставившего заметный след в истории Парагвая в 30—50 годы прошлого века. Беляев прибыл в Парагвай в марте 1924 года. Он сразу же смог устроиться в Военную школу Асунсьона преподавателем фортификации и французского языка, но научным планам генерала не суждено было получить своего развития в тот период его жизни. Уже в октябре 1924 г. по заданию министерства обороны Парагвая Беляева направили в район Чако-Бореаль, представлявший из себя междуречье Парагвая и Пилеканойо. Правительству Парагвая было необходимо детально исследовать эту малоизученную еще местность и нанести на карту основные географические ориентиры. Это требовалось еще и для того, чтобы закрепить границу между Парагваем и Боливией пусть пока лишь на бумаге. Закрепление границ «де-факто» помогло бы Парагваю если не предотвратить, то хотя бы отодвинуть казавшуюся возможной войну. Исследование и нанесение на карту топографических ориентиров на территории Чако в 1925—1932 годах оказалось важным вкладом Беляева и его немногочисленных русских спутников в мировую географию.

ческую и этнографическую науку. Совершив 13 научных экспедиций, Беляев оставил после себя обширное наследие, разделы которого были посвящены географии, этнографии, климатологии и биологии Парагвая. Он изучил быт, культуру, языки и религии местных племен индейцев, составив первые словари: испанско-мокко и испанско-чамакоко. Исследования Беляева помогли, наконец, разобраться в сложной племенной и этнолингвистической структуре индейского населения Чако. Его записки об индейцах Чако имеют особую ценность, уже хотя бы потому, что автор их не был сторонним наблюдателем, а постигал туземную жизнь «изнутри». Усилия Беляева, способствовавшие укреплению дипломатических и военных позиций Парагвая, не остались незамеченными правительством — ему был присвоен национальный генеральский чин. В войне против Боливии, пришедшейся на 1932—1935 годы и проходившей за Чакский район, Беляев лично участвовал во многих сражениях. Им было успешно спланировано много боевых операций на посту начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил Парагвая. Война, нанеся серьезный удар по экономике Парагвая, не позволила Беляеву реализовать свои планы, связанные с привлечением талантливых и национально мыслящих представителей русской эмиграции, и в 1937 г. он, к тому времени уже оставивший военную службу, стал во главе борьбы за права парагвайских индейцев. Но Национальный патронат по делам индейцев, которым руководил Беляев, не получил ни денег, ни земель для организации колоний, а сам директор вскоре был смещен со своего поста. Но Беляев на этом не успокоился. В апреле 1938 г. в Национальном театре Асунсьона с аншлагом прошла премьера спектакля первого в истории Америки индейского театра об участии индейцев в «Чакской войне». Автором либретто был сам Иван Тимофеевич Беляев. Через некоторое время труппа в 40 человек под руководством Беляева выехала на гастроли в Буэнос-Айрес, где их ждал шумный успех. Не забывал Беляев и о своих русских сослуживцах, с которыми про-

шел военные тропы недавней парагвайско-боливийской войны. Он устраивал их на работу, помогал, чем мог. Словом, был их утешителем и наставником. Нужно заметить, что в ходе парагвайско-боливийского конфликта в парагвайской армии служило около трех тысяч русских офицеров и солдат, в т.ч. двое — Беляев и Эрн были в генеральских чинах, 8 русских были полковниками, 4 подполковниками, 13 майорами и 23 капитанами. За время своей военной карьеры в Парагвае, Иван Тимофеевич Беляев успел послужить и генерал-инспектором парагвайской артиллерии, и начальником (с 1933 года — *Авт.*) Генерального штаба парагвайской армии. Будущий парагвайский президент Стресснер служил тогда под их началом и навсегда вынес убеждение, что русские офицеры — люди чести и долга. В наши дни в парагвайской столице Асунсьоне и других городах страны улицы и проспекты носят имена русских воинов: Команданте Беляев, Команданте Саласкин, Команданте Канонников, Офисьеро Серебряков. На карте Асунсьона значится улица России. А на западе страны есть город Фортин-Серебряков. Там же стоит памятник русскому генералу Беляеву — главному военному советнику парагвайской армии. Неизвестным в наши дни осталось идейное наследие Беляева, видевшего в сохранении и приумножении гуманитарной культуры русского народа залог его исторического прогресса. Он был инициатором создания в Парагвае колонии русских беженцев — «Русского Очага», так называемого «духовного пристанища для сотен тысяч изгнанников с родной Земли, где обычаи, религия и вековая культура их Родины могла бы сохраниться «как в ковчеге» до «лучших времен». Субъективные факторы нанесли делу патриотической эмиграции наибольший вред. Вина легла на эмиграционные верхушки — парижскую и парагвайскую. Идея патриотической эмиграции, отвергавшая интервенционистские цели, грозила пошатнуть позиции тех кругов, которые обеспечили себе авторитет и добились привилегий в белоэмигрантской верхушке. Серьезным ударом по планам «Русского Очага» стал уход из жиз-

ни влиятельных фигур, так или иначе поддерживавших начинания Беляева — смерть барона Врангеля в 1928 году, Африкана Богаевского в 1934 году, «таинственное исчезновение» из Парижа генерала Кутепова в 1930 году. Эти печальные события, как считал Иван Тимофеевич, помогли его недоброжелателям в Парагвае, недовольным тем исключительным влиянием, которое он оказывал на жизнь колонии. Генералы Эрн и Бобровский вступили в контакт с новыми «первыми лицами» из эмигрантской верхушки в Париже, с целью распылить русскую колонию в Парагвае и лишить ее пребывание патриотического смысла, представляя это начинание Беляева как «подрыв тех мощных организаций, которым суждено с помощью Германии разгромить большевистскую Россию». Стараниями верхних слоев русской военной эмиграции в Париже благородные начинания Беляева в отношении эмиграции в Парагвай были быстро свернуты. Патриотическая идея была переведена на чисто коммерческую основу, скромные материальные возможности эмигрантов были подорваны. Стали появляться различные ориентированные на коммерцию центры, готовые за определенную плату организовать выезд переселенцев в Южную Америку. Пользуясь тем, что генерал находился вдали от Парижа, многие предприимчивые люди добивались расположения генерала Беляева и занимались тем, что разрушали его дело. Одним из примеров растаскивания «иммиграционного проекта» генерала Беляева по незначительным частным акциям, может служить известный случай с организацией эмиграции в Парагвай русских староверов и казаков из Прибалтики. В марте 1934 года Беляев получил письмо от президента общества «Русская эмиграция в Африку» некоего Федорова с просьбой оказать содействие выезду в Парагвай 1000 семей русских староверов и казаков, осевших в Литве. Сначала они намеревались выехать в Марокко, но, прочитав в журнале «Казак» манифест Беляева, призывающий к отъезду в Парагвай, решили попытать счастья на южно-американской земле. Беляев одобрил эту идею.

Он пожаловал Федорова своим личным представителем в Парагвае и уведомил о том, что обратился в МИД страны с просьбой назначить его почетным консулом. Получив звание почетного консула Парагвая, Федоров заявил о независимом характере своей эмиграционной организации и предложил Беляеву принять в ней участие при условии полного разрыва с Колонизационным центром. На это Беляев пойти не мог. Он пытался дезавуировать Федорова как своего личного агента в Прибалтике. Но это уже не могло помешать Федорову проводить самостоятельную эмиграционную политику. Распад колонии «Надежда» не привел к краху личных судеб колонистов благодаря заботам Беляева. Всем вернувшимся в Асунсьон генерал выхлопотал квартиры, необходимые документы и помог устроиться на службу. Это были небольшие должности, но при дешевизне парагвайской жизни прожить на это жалование было можно. Многие пошли в армию и с годами дослужились до высоких чинов. Так нашла свой конец, не воплотившись в жизнь, идея «патриотической эмиграции». Возможно, что если бы Беляев уделил больше внимания «субъективному фактору», парагвайская колония сумела бы выжить. В записках, оставленных генералом Беляевым, можно прочитать строки, граничащие с безнадежностью, но есть и другие, не допускавшие отчаяния, отказа от борьбы: «Памятником ... остались тысячи русских интеллигентов, частью устроившихся в Парагвае или расселившихся по Аргентине, Уругваю, Бразилии, и двадцать тысяч крестьян, нашедших здесь спасение, ... не считая тысяч других, застрявших в иных краях. Поля, дома, хутора, скот — их тяжелый труд не пропал даром. И от этих людей я не слышал иного, кроме искреннего приветов и благодарности». Велик был вклад русских и в культурную жизнь страны. При участии многих российских архитекторов в эмиграции был построен Асунсьон — столица Парагвая. Дочь генерала фон Эрн, Тала Николаевна фон Эрн, стала основательницей первой в стране балетной школы. И еврейская колония в Парагвае была создана в основном иммиг-

рантами из России. Эта община дала Парагваю таких крупных художников, как Ольга Блиндер, Бернардо Краснянский и Бернардо Измахович, ярко проявивших себя также в парагвайской культуре. Наши соотечественники всегда щедро и открыто делились своими знаниями и опытом с гражданами Парагвая, оставляя в их жизни благотворный след.

В Европе, тем временем, в связи с началом агрессии СССР против Финляндии, начальник РОВС генерал Архангельский обратился к фельдмаршалу Маннергейму с предложением участия русских добровольцев в вооруженной борьбе против Красной армии на советско-финляндском фронте. В сложившихся обстоятельствах начальник Русского Общевоинского Союза считал себя просто обязанным обратиться к фельдмаршалу Маннергейму с предложением и просил высказать его взгляд на возможность такого участия, чтобы затем, получив принципиальное согласие Маннергейма, обсудить вопрос о форме участия чинов РОВС в этой кампании. Число русских добровольцев Архангельским прямо указано не было, но было вполне очевидно, что крупный отряд русских добровольцев организовать в короткое время будет невозможно. Участие и помощь Финляндии со стороны белогвардейцев должны были выразиться, по мнению Архангельского, не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии, для поднятия восстаний и разжигания гражданской войны в СССР

Это обращение к фельдмаршалу Маннергейму в полной мере отвечало общему желанию чинов Русского Общевоинского Союза принять участие в новом походе против советской власти. Желание это находилось также в полном соответствии с общим чувством негодования против советской власти, охватившем мир после нападения СССР на Финляндию. И потому русским добровольцам можно было рассчитывать на помощь себе, как организованному белогвардейскому ударному отряду, со стороны европейских стран. Фельдмаршал Маннергейм ответил генералу, что в данном

периоде войны он не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением, но высказался, что некоторые возможности для чинов русской военной эмиграции могут открыться в будущем. До получения ответа от фельдмаршала Маннергейма РОВС стало известно, что финское правительство отдало распоряжение своим дипломатическим представителям за границей содействовать поступлению добровольцев в финскую армию. При этом оно запретило принимать русских, проживающих в Финляндии, и лишь в январе 1940 года они были мобилизованы. Советская власть объявила войну не Финляндии и финскому народу, а выступала с «поддержкой» искусственно созданного ею «народного правительства» Куусинена против «белобандитов и клики Таннера — Маннергейма», т.е. советское правительство начало борьбу на платформе гражданской войны в Финляндии, борьбы «красных» против «белых». Принять борьбу в этой плоскости финны не могли, так как это грозило бы единству их нации, и внешняя война могла бы, действительно, перейти в войну гражданскую, губительную для всякой страны, а тем более для такой маленькой, как Финляндия. Финскому правительству было необходимо сохранить полное единение своего народа, а этого можно было достичь, лишь ведя войну национально-освободительную, направленную против русских. На этих именно условиях самая крупная фракция Сейма — социалисты — гарантировала правительству полную поддержку со стороны представляемых ею групп населения. Ведением войны национально-оборонительной против «русских» единство нации действительно было сохранено, и в стране возник огромный национальный подъем. В этих условиях участие русских, да еще окрашенных в «белый» цвет, для Финляндии было недопустимо по политическим соображениям. Это не только внесло бы недоумение в стране, но и дало бы повод советской власти вести агитацию о «захватнических белогвардейских» планах финнов, «поддерживаемых русскими белогвардейцами». При этом финны считали, что вред от такой аги-

тации не может быть компенсирован значительностью белогвардейских сил на фронте. Маннергейм понимал, что длительная война с СССР грозит его небольшой стране полным истощением и гибелью. В половине февраля 1940 года, с появлением в Финляндии небольшого числа пленных красноармейцев, обстановка несколько изменилась и появилась возможность для применения сил и способностей русской военной эмиграции. Финское правительство решилось попытаться воспользоваться наличием в Финляндии некоторого количества советских военнопленных для организации их действий в новом качестве в тылу Красной армии, а именно, для пропаганды и прочей подрывной деятельности. Постепенное развитие этих действий должно было происходить следующим образом: среди военнопленных должна была быть произведена соответствующая агитация, чтобы доказать им, что они во всем обмануты советской властью. Затем, в случае успеха агитации из пленных должны были быть формируемы небольшие «русские народные отряды» для партизанских и иных действий в тылу Красной армии и для убеждения красноармейцев к переходу на сторону белогвардейцев для борьбы за свержение советской власти. При успехе отряды должны были быть развернуты в строевые части «Русской Народной Армии». К командованию отрядами, а позднее частями Русской Народной Армии, предназначались чины и офицеры военной эмиграции, сначала по принципу добровольчества и в зависимости от их подготовки, а затем, по мере развития действий, и прочие чины РОВСа и других эмигрантских воинских организаций. Правительство Финляндии, с согласия фельдмаршала Маннергейма, одобрило указанный выше план в середине февраля 1940 года. Однако осуществление его несколько затянулось, и финнами сначала было предложено произвести «опыт». Для этого опыта был избран один из лагерей для военнопленных, в котором было около 500 здоровых пленных красноармейцев (великороссы, украинцы и некоторое количество национальных меньшинств). Спустя всего одну неделю

пропагандистской работы РОВС над пленными красноармейцами около 200 человек из них выразили желание вступить в ряды «Русских Народных Отрядов» и идти на фронт для агитации среди чинов Красной армии и для борьбы с советской властью. При этом их не только не принуждали к этому, но предупреждали об опасности, напоминая, что их семьи, оставшиеся в СССР, могут пострадать. Красноармейцы, выразившие желание вступить в Русские Народные Отряды, были переведены в другой лагерь и там из этих красноармейцев были сформированы пять небольших отрядов. Во главе отрядов были поставлены офицеры из рядов РОВС, зачисленные в финскую армию на командные должности.

Заслуживает особого интереса тот факт, что когда красноармейцев, выразивших желание поступить в Русские Народные Отряды, спросили, с какими начальниками они желают идти на фронт — с лицами из командного состава Красной армии или с белыми офицерами — эмигрантами, они выразили желание, чтобы ими командовали «белые» офицеры. Формирование дальнейших отрядов затянулось по некоторым причинам. Поэтому до конца финляндско-советских военных действий удалось отправить только один отряд численностью 35—40 человек. Работа этого отряда оказалась успешной — он привел с фронта красноармейцев в количестве, значительно превышающем его собственный состав — все они так же пожелали перейти на сторону Русского Народного Отряда. Генерал Архангельский говорил: «Нельзя не признать, что общая обстановка для подобного опыта и для пропаганды были неблагоприятны. Стояла суровая зима, и трудно было надеяться, что пленные красноармейцы, только что спасшиеся от опасности на фронте, попавшие после сильных морозов в тепло, накормленные досыта, могли быть возбуждены пропагандой до такой степени, чтобы идти опять на холод и голод и вновь подвергать свою жизнь опасности. Но тем не менее, несмотря на неблагоприятную обстановку и на короткий срок, отпущенный РОВС

для воплощения своих замыслов, произведенный «опыт» с пленными дал необычный результат». Успехи большевиков на фронте и мир, вызванный не только ослаблением финской армии и недостатком снарядов, но и политическими условиями, положили конец попыткам радикальных кругов русской военной эмиграции принять участие в войне, и намечавшееся было для них «окно» для перенесения борьбы на родную территорию, едва приоткрывшись, захлопнулось окончательно...

В довоенной Германии работа РОВС налаживалась стараниями Алексея Александровича фон Лампе. На личности этого деятеля русской военной эмиграции стоит остановиться подробнее и вернуться немного назад, в историю к началу его деятельности. Летом 1922 г. фон Лампе был назначен Врангелем собственным представителем в Берлине; при этом он сохранил за собой должность военного представителя в Венгрии. С 1922 по 1924 гг. фон Лампе, являясь одновременно главой двух представительств, постоянно проживал в Берлине, выезжая в Будапешт два раза в год и ведя там не слишком активную работу, по признанию современников. Несмотря на сокращение финансирования из штаба Русской армии и ухудшения в связи с этим материального положения его семьи, фон Лампе не последовал примеру многих эмигрантов, уезжавших из Берлина в Париж, решил не покидать «родину предков». Хотя сначала он с большим трудом изъяснялся на немецком языке, так как его родители говорили дома только по-русски, и ему, выросшему в России, пришлось даже брать уроки немецкого.

В своей деятельности фон Лампе более всего желал объединения всей военной эмиграции под флагом умеренного монархизма. В ситуации, когда между «николаевцами» и «кирилловцами» развернулась открытая борьба за влияние на военные организации, фон Лампе, по мере возможности, противодействовал попыткам лидеров «Высшего монархического совета» сместить Врангеля и подчинить всю эмиграцию «диктатору», на роль которого претендовал все тот

же великий князь Николай Николаевич. Врангель по достоинству оценил позицию фон Лампе и в декабре 1923 г. произвел его в генерал-майоры. В 1924 г. фон Лампе был назначен Врангелем начальником 2-го отдела РОВС, имевшего свою штаб-квартиру в Берлине. В последующие за этим годы, Алексей Александрович фон Лампе постоянно оставался на позициях поддержки Врангеля, в том числе и тогда, когда разразился конфликт между Врангелем и его заместителем генералом А.П. Кутеповым. Суть конфликта состояла в том, что Александр Павлович, без ведома своего начальника, создал внутри РОВС организацию, занимавшуюся разведывательно-диверсионной деятельностью на территории СССР. При этом Кутепов обвинял Врангеля в «бездействии» и уклонении от активной борьбы против большевиков.

Еще в первые годы эмиграции у Алексея Александровича фон Лампе родилась идея публикации сборника документов и воспоминаний лидеров Белого движения. Он рассчитывал выпустить сборник документов «Белый Архив», используя при этом часть архива Врангеля, которую ему, как начальнику 2-го отдела РОВС, удалось получить на хранение из рук самого Главнокомандующего. Кроме этого, он собрал множество документов и материалов для публикации, сделав это по собственной инициативе. В его «архив» входили комплекты газет «Россия» и «Великая Россия», коллекции газетных вырезок из русской эмигрантской и немецкой прессы, систематизированные по различным тематическим разделам, служебная переписка, сводки, брошюры эмигрантских издательств и все подобное в этом роде. Так как средств на издание даже небольшого сборника к 1924—1925 годам ни у РОВС, ни у самого Врангеля уже не было, фон Лампе обратился к состоятельным и авторитетным эмигрантам, сочувствовавшим Белому движению. С 1926 г., с трудом собирая минимальные средства на каждый последующий выпуск, фон Лампе начал издание серии сборников «Белое дело. Летопись белой борьбы». Всего его усили-

ями было опубликовано 7 подобных сборников. Алексей Александрович фон Лампе остро переживал неприменимость своих знаний и опыта в условиях изгнания, о чем не преминул упомянуть в своих записках: «Как-то раздумался над нашим положением, и пришло в голову, что все наше несчастье в том, что мы стали в буквальном смысле слова людьми без будущего. Впереди не только никаких надежд, но и даже не знал бы, на что надеяться, если взять себя в руки и начать хотеть... нет, решительно ничего соблазнительного, и все ограничивается тем, что мечтаем, чтобы не стало хуже...»

Чтобы прокормить семью, а отчасти изыскать средства на содержание 2-го отдела РОВС, фон Лампе начал сниматься в кино. В конце 20 — начале 30-х гг. в Германии снималось много «русских» фильмов (по русским сценариям и посвященных жизни в России, Великой и Гражданской войнам); немецкие кинорежиссеры не были вполне компетентны во многих вопросах русской истории, да и просто русской жизни. Поэтому русские офицеры и другие эмигранты, желая заработать, могли участвовать в массовых сценах, либо получить место исторического консультанта, что считалось большой удачей. Сначала фон Лампе работал статистом, потом его стали приглашать в качестве консультанта. После смерти Врангеля в апреле 1928 г. сменивший его на посту председателя РОВС генерал А.П. Кутепов прекратил финансирование 2-го отдела, не простив фон Лампе его поддержки покойного. Единственным источником доходов оставалась деятельность фон Лампе в кинематографе. Благодаря его нетривиальной внешности его довольно часто приглашали сниматься в эпизодах, и, несмотря на недовольные замечания Кутепова по поводу того, что физиономия начальника отдела постоянно мелькает на экране, нарушая всякую «конспирацию», фон Лампе не оставлял съемок и продолжал содержать отдел на средства, полученные от своей актерской деятельности. После похищения в 1930 г. Кутепова агентами ОГПУ новый председатель РОВС генерал

Е.К. Миллер возобновил финансирование 2-го отдела, предложив фон Лампе взять на себя «дела» Кутепова в России. Как и другие начальники отделов, он отказался от этого «наследства», мотивируя свой отказ тем, что «террористом никогда не был, конспирацией не занимался и «учиться» этому не хочет». В начале 30-х гг., когда материальное положение эмигрантов в Берлине в связи с углублением кризиса значительно ухудшилось, а «русские» фильмы снимать прекратили, фон Лампе вынужден был искать другую работу. Ему удалось устроиться на временное место в автомобильной фирме — работал торговым агентом по распространению противоугонных устройств, но вскоре его сократили, не выплатив выходного пособия на том основании, что он эмигрант и не имеет немецкого гражданства. В условиях начавшейся в Германии предвыборной истерии фон Лампе поначалу занял позицию нейтралитета, пытаясь удержать своих офицеров от участия в политической жизни. После же прихода нацистов к власти он принял решение о сотрудничестве с ними. Однако в начале осени 1933 г. он был арестован гестапо по обвинению в шпионаже. Около трех месяцев он провел в тюрьме и был освобожден по настоянию друзей, чтобы присутствовать при последних днях умирающей от туберкулеза легких единственной дочери (Евгения фон Лампе умерла в декабре 1933 г.). После смерти ребенка Алексей Александрович сосредоточил все свои силы на общественно-политической работе в РОВС.

Он считал, что для эмиграции ее сотрудничество с нацистами — единственный шанс вернуться в Россию победителями большевиков. После похищения генерала Миллера агентурой НКВД председателем РОВС стал генерал А.П. Архангельский, постоянно проживавший в Брюсселе; своим заместителем он назначил фон Лампе, который, со своей стороны, не захотел покидать милый его сердцу Берлин. Но в августе 1938 г. по требованию немецких властей, возражавших против подчинения 2-го отдела РОВС штаб-квартире в Брюсселе, руководство РОВС приняло решение фор-

мально выделить его в самостоятельную структуру во главе с фон Лампе — «Организацию русских военных союзов» (ОРВС). К началу Второй мировой войны фон Лампе служил в крупной издательской фирме, а также занимался организацией отделений Русского Красного Креста в Берлине и в завоеванных Германией странах Западной и Восточной Европы. Эти отделы должны были помогать русским эмигрантам, попавшим в немецкий плен, так как многие эмигранты были мобилизованы в армии стран, в которых они имели постоянное место жительства до войны. Русская эмигрантская община в Германии была вполне сопоставима по своему многообразию с таковой во Франции и по представленным в ней эмигрантским организациям и институтам немногим отличалась от тех, что существовали в столице Французской республики. К началу 1920-х гг. в Германии поселилось более 200 тыс. белоземитов, позднее большинство из них переехало в другие страны.

В 1935 г. в Третьем рейхе, по данным гестапо, насчитывалось около 80 тыс. эмигрантов из России. В 1936 г. их стало примерно 100 тысяч по сведениям германского Министерства церковных дел.

Поиски российской эмиграцией в Германии своего места в дальнейшем историческом развитии, постепенно привели к появлению в ее идеологии новых концепций. Возрождение национальной России представлялось части русской эмиграции возможным. Осуществить его на данном историческом отрезке времени казалось им наиболее возможным и путем, предлагавшимся национал-социалистами. В данном случае фашизм воспринимался российскими эмигрантами в качестве возможной альтернативы советскому строю; его агрессивный антикоммунизм виделся им как единственно возможный инструмент борьбы с большевизмом. Антибольшевизм национал-социалистов привлекал к себе и эмигрантов старшего поколения, увидевших в Гитлере воплощение своих несбывшихся мечтаний о некоей всепокоряющей силе, которая сможет уничтожить как совет-

ский режим, так и восстановить в России национальное государство.

Отчасти поэтому 26 октября 1933 года достоянием общестственности стало письмо Алексея Александровича фон Лампе, в котором тот писал о проведенных переговорах с представителем НСДАП.

«...После переворота 30-го января с.г. в Германии я и мои друзья предложили наше содействие в борьбе против коммунистов германской власти — я в последнее время вошел в частные переговоры с представителем отдела Иностраных сношений Германской Национал-социалистической рабочей партии (отдел г-на Розенберга), по вопросу о совместных действиях против большевиков». И далее фон Лампе излагал существо проведенных переговоров: «...Мне кажется, что достигнута возможность взаимного доверия. В данный момент начальник Восточного отдела выразил настоятельное желание получить от нас, по возможности, разработанный план тех действий, которые мы предполагали бы желательным осуществить совместно с германскими национал-социалистами в направлении к уничтожению большевистской власти в России, как в направлении усиления при помощи немцев внутренней работы в России по всем направлениям, пока при соблюдении полной тайны наших взаимоотношений с немцами, а потом и возможной интервенционной деятельности в широком масштабе... По предложениям, высказанным во время имевших место переговоров, инициатор их — начальник Восточного отдела, на основании нашего плана... сделает соответственный доклад, который должен привести к дальнейшим переговорам с представителем Иностранного отдела партии... С переходом переговоров в следующую, так сказать, официальную стадию, все лица, принимающие в них участие, как нами о том было оговорено, получают гарантии в том, что с ними не может повториться недоразумения, подобное тому, которое привело к моему аресту. Это совершенно необходимо, так как, конечно, мы примем все меры, дабы сведения о переговорах

не просочились в эмигрантскую гущу, но гарантировать от слухов едва ли сможем...». События ближайшего будущего ясно показали, в какой степени руководящие круги национал-социалистской партии были заинтересованы в сотрудничестве с радикально настроенными кругами российской эмиграции в Германии. В марте 1934 г. фон Лампе в одном из своих писем уже с некоторым недоумением писал о том, что начатые переговоры с нацистами неожиданно прервались. На поставленный вопрос о причинах представители нацистских партийных кругов отвечали фон Лампе, что национал-социалистское руководство, несмотря на все желание, не в состоянии уделить время «русскому» вопросу. Другими словами, фон Лампе не слишком вежливо было дано понять, что русские эмигрантские круги в Германии и их возможное содействие в будущей борьбе с русским большевизмом мало интересуют новую власть. Позиция Алексея Александровича фон Лампе во взаимоотношениях с нацистским режимом являлась наглядным примером того огромного заблуждения, которым страдала значительная часть российской эмиграции в Германии и за ее пределами относительно будущих целей Гитлера в отношении Советской России. Представляя фашизм в виде идеологического тарана, который поможет русской эмиграции, образно говоря, пробить ворота в осажденную советскую крепость, многие представители русской эмиграции в Германии не могли до конца оценить подлинную мотивацию национал-социалистов. Поэтому все замечания и оценки лидеров русской эмиграции накануне Второй мировой войны о сотрудничестве с нацистами и о своих задачах после того, как Советская власть падет, выглядят вполне прекраснодушными побуждениями, ничего общего с реальностью не имеющими. В одном документе, под названием «Соображения по некоторым вопросам международной политики», написанном в декабре 1933 г., Алексей Александрович фон Лампе пытался осветить существующие у российской эмиграции принципы относительно вопроса поддержки будущей германской и

международной агрессии против Советской России. В частности, он писал: «...Надо делать все, что в наших силах, чтобы...увеличить шансы выступления Германии против СССР и...наилучше его использовать. В случае выступления какой-либо державы против СССР...мы должны стараться всемерно использовать создающееся положение в русских интересах, но не можем покрывать такое выступление иностранной державы нашим национальным флагом...». В самой Германии, накануне Второй мировой войны, и, начиная еще с 20-х годов, существовало несколько организаций русских фашистов. Самая небольшая из их (по своему количественному составу) называлась «младороссами» и возглавлялась Александром Львовичем Казем-Бек. Этот молодой человек был потомком аристократической семьи, прибывшей в Россию из Персии в начале XIX в. и полностью обрусевшей. В 1923 г. в Мюнхене был основан союз «Молодая Россия», главой которого стал Казем-Бек. Союз отстаивал новый тип тоталитарной монархии, борьбу против масонства и международного капитала, а также стиль жизни, представлявшийся молодым людям единственно полноценным: «жизнь, полную крови, огня и самопожертвования». Александр Казем-Бек ввел в обиход союза всю внешнюю атрибутику фашизма того времени — форму одежды, полувоенную дисциплину, основанную на принципе поклонения вождю. На заседаниях «Молодой России» последователи Александра Казем-Бека приветствовали его поднятием правой руки и выкрикивали слово «Глава!». Если сформулировать убеждения молодого человека, то, согласно им, старый российский режим прогнил до основания, его источили филистерство, буржуазная алчность, наркотики и заболевания духа и плоти. Следовательно, большевики в 1917 году обошлись с ним вполне заслуженно. Революция и Гражданская война были общественно катастрофой, но это было необходимо. Поклонение личностям Муссолини и Гитлера Казим-Бек сочетал с искренним восхищением Сталиным, отстаивая синтез старого и нового порядка — монар-

хию, возглавляемую великим князем Кириллом Владимировичем и опирающуюся на советские институты власти, своего рода некую большевистскую монархию. Эта идея нашла в 30-е годы таких неожиданных сторонников, как философ И.А. Ильин и И.Л. Солоневич. В сентябре 1933 г. Александр Казем-Бек отправился в Берлин, где должно было состояться обсуждение более тесного сотрудничества с Русской нацистской партией в Германии. Однако развить там свою деятельность младороссам не удалось из-за активного противодействия разных официальных германских инстанций — германские власти с большой подозрительностью относились к организациям, зарегистрированным за границей, а тем более — во Франции. В 1956 году Александр Львович Казем-Бек вернулся в СССР, принял иноческий сан и стал работать в Иностранном отделе Московской патриархии до самого конца своей жизни.

В том же 1933 г. русским немцем А.П. Пельхау-Святозаровым в Германии было создано «Российское освободительное народное движение» (РОНД.). В его организации насчитывалось около 200 штурмовиков по образцу германской нацистской партии. РОНД основал и три своих издания — «Голос РОНДа», «Пробуждение России», «Девятый вал». В одном из них РОНД опубликовал воззвание к русскому народу «Пора понять! Призыв!». Оно содержало в себе основные идеологические и политические положения созданной организации: «Братья! — не советская Россия, не эмиграция зовет вас, — Россия требует от вас творческой работы и подвига!.. Наш русский национал-социализм (фашизм) в каждом русском! Время пришло вскрыть наши раны!.. В наших собственных руках наше спасение — наш русский фашизм, и это последняя карта русского народа врагами нашими не будет бита!!!» Главными составляющими этого программного обращения являлись призывы к национальному возрождению на основе православия, антисемитизма и бескомпромиссной борьбы с большевизмом. Риторика призыва в чем-то перекликалась с призывами «Союза русского

народа». По существу две эти организации рознило лишь то, что РОНДом был введен новый «образ» в перечень предполагаемых духовных ориентиров для русского народа — «Белый крест истины», призванный подчеркнуть ведущую роль российской эмиграции в деле борьбы с большевистским режимом.

В том же 1933 году в Германии возникла Партия российских «освободителей», именовавших себя также «Центральной организацией русских националистов» (ЦОРН). По оценке Алексея Александровича фон Лампе, в описываемое время ЦОРН «влачила жалкое существование». Тем единственным, что выделяло эту малочисленную партию из числа ей подобных, была ее тесная связь с русскими фашистскими организациями на Дальнем Востоке, с одной стороны, и младороссами Казем-Бека — с другой. Во главе ЦОРН стояли генерал П.Р. Бермонт-Авалов и начальник штаба гауптман Меленхов. Присутствие в руководстве русской фашистской организации достаточно высокого в германской иерархии должностного лица указывало на попытку нацистских властей поставить под свой контроль стихийный процесс создания и деятельности организаций российской эмиграции, пожелавших именоваться «фашистскими». В начале 30-х в Германии возник «Русский национал-социалистический семинар», основанный и возглавлявшийся бывшим редактором печатного органа РОНДа Меллер-Закомельским. В него входила, по преимуществу, самая молодая и неопытная часть российской молодежи в Германии. Более взрослая часть молодых людей более тяготела к «Национальному союзу нового поколения» (НСНП). Некоторая часть русских офицеров, членов РОВС, объединилась в 1933 г. в Военно-монархическую группу, которую возглавил полковник Байбус. Военно-монархическая группа состояла примерно из 30—40 человек. Изначально она попыталась встать на путь конфронтации с РОВС, обвиняя его в «противодействии национал-социалистическому движению». В отличие от прочих организаций подобного толка в Германии, организации

полковника Байбуса удалось попасть в так называемый «резерв национал-социалистических организаций», при этом все ее члены подписали обязательство не принадлежать ни к какому другому политическому союзу. По этой причине все ее участники вынуждены были подать заявления о выходе из рядов РОВС. Последней из созданных в 1933 г. в Германии русских фашистских организаций стала группа генерала К.В. Сахарова, о которой Алексей Александрович фон Лампе писал, что она: «значения не имеет. После своего исключения из РОВСа, ...генерал Сахаров увлекся «вождем» Пельхау-Святозаровым и, по некоторым сведениям, присягнул ему. Последние события выбили его из колен... Около генерала Сахарова несколько чинов армии адмирала Колчака, тоже, по-видимому, критически относящихся к нему». Два года спустя, в 1935 году возникла новая организация — «Российское национальное и социальное движение» (РНСД) во главе с полковником Н.Д. Скалоном. По идейным установкам это движение мало отличалось от РНСУВ или других, но влияние идеологии немецкого национал-социализма на нее было довольно очевидным. «Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи», — обратился к соратникам в своем докладе представитель РНСД в Берлине барон А.В. Меллер-Закомельский.

Из вышеприведенных примеров более или менее очевидно, что фашизм и германский национал-социализм оказали существенное влияние на русскую эмиграцию в конце 20-х — начале 30-х гг. Эти два явления казались русским эмигрантам наиболее бескомпромиссной антикоммунистической силой; обладая хорошей динамикой развития, эти движения привлекали молодое поколение российских эмигрантов. Их развитие обещало активное действие и быстрые

результаты в отличие от бесконечных дискуссий, характерных для эмигрантских организаций, созданных старшими поколениями. Фашизм казался части эмигрантской молодежи движением будущего, тогда как западная модель демократии виделась многим из них отживающим явлением, место которому уготовано в будущем на свалке истории. Другая часть эмигрантской молодежи, не менее разочарованная в западном обществе, в котором начиналась и проходила их жизнь, обратилась в сторону традиционной углубленности в духовные вопросы жизни, связывая себя с православными течениями и организациями, чья деятельность в Германии была не столь однозначна.

Численность русской православной общины в Германии была сравнительно небольшой. Берлинский епископ Тихон (Лященко) писал в 1933 году о 23.700 прихожанах Русской церкви в Германии, а по данным Статистической рейхсслужбы на 16 июня 1933 года в стране числилось 13 023 православных. В 1937 году эта цифра возросла весьма незначительно. Православные общины в Германии того периода не имели единого управления и принадлежали трем юрисдикциям: Московскому патриархату, Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) с центром в югославском городе Сремские Карловцы («карловчане») и Временному экзархату Вселенского патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавил митрополит Евлогий (Георгиевский).

Единственная община Московского патриархата в Берлине существовала с 1931 г. до самой смерти ее настоятеля протоиерея Григория Прозорова в 1942 году. Она насчитывала лишь 50 человек и не привлекала внимания германских ведомств.

Постановлением Архиерейского Синода РПЦЗ от 1 июля 1926 года территория Германии была выделена в самостоятельную епархию, епископом Берлинским и Германским назначен Тихон (Лященко). К 1935 году в стране имелось 4 карловацких прихода. Наиболее многочисленны были евлогиане: 9 приходов, имевших статус «зарегистрированных

объединений» со времен Веймарской республики, и 4 незарегистрированные общины. После создания национал-социалистического правительства представители всех трех юрисдикций Русской церкви пытались прояснить для себя возникшую новую политическую ситуацию. Отец Георгий (Прозоров) в письме от 6 сентября 1934 года на имя рейхсканцлера А. Гитлера, сообщал, что в настоящий момент епископ Тихон и митрополит Евлогий пребывают в схизме, то есть в расколе. Вследствие этого, пояснял Гитлеру клирик, «единственным законным владельцем русской церковной собственности являются исключительно высшие русские церковные власти, которые в настоящее время представляют Священный Патриарший Синод и возглавляющий его митрополит Московский Сергей».⁵ Митрополит Евлогий также письменно обращался к германскому рейхсканцлеру. 10 мая 1934 года Евлогий обратился к Гитлеру с просьбой о доброжелательном отношении к подчиненным ему приходам. Православные приходы в Германии, по словам Евлогия, «... сочетают чувство сердечной признательности своих членов к их немецким друзьям с глубокой верой в Бога и любовью к Отчизне...»⁶ Гитлер не посчитал нужным ответить на оба послания русских духовных особ. Борьба вокруг православной церковной собственности в Германии тем временем продолжилась. Епископ Тихон и его «представитель по мирским делам» князь А. К. Массальский в 1933 году предприняли попытку получить в свое управление всю русскую церковную собственность в стране. Государственное признание виделось им в форме присвоения карловацкой епархии статуса корпорации публичного права, который в июле 1933 года был предоставлен Немецкой евангелической церкви и, по конкордату с Папой, — католической церкви. Просьбы об этом и призывы принять меры против находящихся под французским и масонским влиянием «евлогийан» содержались в письмах, отправленных епископом Тихоном и князем Массальским в июле 1933 — августе 1934 г. в правительственные инстанции гитлеровс-

кой Германии. Синод РПЦЗ, именно в это время рассматривавший вопросы об отзыве епископа из Германии и путях примирения с митрополитом Евлогием, к подобным инициативам отношения не имел.⁷ Почти до самого конца 1935 года германские ведомства не проявляли заметного интереса к проблеме Русской церкви на своей территории, занимаясь, в основном, первоочередными задачами создания государственного аппарата нового типа. Перемены в отношении произошли сразу же после образования по указу Гитлера от 16 июля 1935 года Рейхсминистерства церковных дел. Подавляющее большинство руководителей Третьего рейха считало, что данное учреждение должно постепенно подорвать влияние церкви в стране и упразднить ее. За формирование политики в отношении русской православной общины в Германии, в Министерстве церковных дел рейха с самого начала и вплоть до мая 1945 года отвечал некто Вернер Гаутг. Рейхсминистерство настойчиво пыталось унифицировать русские приходы на территории Третьего рейха с целью подчинить их своему политическому и идеологическому влиянию. При этом нацистские ведомства отдали предпочтение епархии РПЦЗ как наиболее консервативной в церковном и политическом плане, по-прежнему остающейся бескомпромиссной по отношению к коммунизму и самой многочисленной по числу прихожан за пределами СССР. Сооружением кафедрального православного собора Воскресения Христова в Берлине была отмечена добрая воля германских церковных властей по отношению к РПЦЗ. По мнению современных исследователей, это была одна из дорогостоящих пропагандистской акций Третьего рейха, и она оказалась осуществимой лишь благодаря исключительной настойчивости Рейхсминистерства по делам церкви. Прочие германские ведомства ограничивались декларированным, но весьма пассивным соучастием, но случалось, что и выражали свое критическое отношение к происходящему.

Предыстория возведения храма такова. В 1925—1928 годах в германской столице на деньги русской эмиграции было

возведено здание, в котором предполагалось устроить собор, но из-за финансовых осложнений оно было продано с аукциона. Новый его владелец сдал в аренду карловацкой общине ряд помещений на 3-м этаже, где в ноябре 1928 года была освящена церковь. Семь лет спустя, в августе 1935 года здание было приобретено профсоюзным объединением «Рабочий фронт» для страхового общества «Германское страхование жизни». Эти организации хотели снести дом, чтобы выстроить на его месте комплекс административных зданий, и в декабре 1935 года, согласно решению судебных органов, добились освобождения русской общиной предоставленных ей ранее помещений. Епископ Тихон обратился с протестами в различные инстанции, но, в конечном счете, был найден иной выход. Началось строительство нового храма. Сам храм строился около двух лет. Его торжественное освящение произошло 12 июня 1938 г. в присутствии представителей Сербской и Болгарской православных церквей. Это событие воспринималось как акт торжества православия в инославной европейской стране. Приветственные письма по этому случаю прислали Антиохийский патриарх, Афинский и Кипрский архиепископы. Ко дню освящения прибыл в Берлин и председатель Архиерейского Синода митрополит Анастасий. 12 июня 1938 года он передал представителю Рейхсминистерства благодарственный адрес для рейхсканцлера А. Гитлера. Оставшиеся в Германии 4 евлогиянские общины продолжали свою жизнь и деятельность. В связи с этим в июле 1938 года гестапо намеревалось выслать из страны архимандрита о. Иоанна (Шаховского), — знаменитого православного проповедника и активного противника перехода в карловацкую юрисдикцию, на основании того, что «Иоанн, особенно в последнее время, вносит беспокойство в среду здешней русской эмиграции своими подчеркнуто дружественными евреям проповедями и высказываниями». В связи с этим о. Иоанн был допрошен в гестапо. Он признался, что всегда отвергал расовую теорию нацизма. В 1934 году им была опубликована в Бер-

лине брошюра «Иудейство и Церковь», где владыка рассказывал о несовместимости националистической религии и расизма с христианской верой. Высылке из страны отца Иоанна помешали первые совместные богослужения, проведенные с ним 28 и 30 июля 1938 года епископом Серафимом, а также очень доброжелательное по отношению к евлогиянам письмо владыки в Рейхсминистерство. В результате ознакомления с письмом епископа, министерство предложило гестапо наблюдать за развитием дела Шаховского, не прибегая к его высылке. В период 1938—1939 годов, по ходу расширения территории Третьего рейха чиновники Рейхсминистерства приступили к практическому воплощению своей идеи распространения православной Германской епархии на все контролируемые Германией территории. Первоначально к епархии были присоединены православные общины в Австрии и Богемском и Моравском Протекторате. В Австрии два прихода РПЦЗ в столице и городке Пяхларне перешли под управление архиепископа Серафима согласно постановлению Архиерейского Синода от 31 марта 1938 года. Особая ситуация сложилась в сентябре 1939 года в процессе оккупации гитлеровскими войсками Польши. Судьба православных приходов на землях, включенных в состав Третьего рейха и отведенных под генерал-губернаторство, оказалась неоднозначной. Часть общин, из которых 14 были русскими и одна украинской, в конце 1939—1940 годов добровольно вошла в состав православной Германской епархии. Накануне войны с СССР заметно ухудшилось и общее отношение к жившему в Германии русскому духовенству. По свидетельству архимандрита Иоанна, в это время был официально закрыт его сравнительно нейтральный религиозный миссионерский бюллетень, а сам он исключен из германского профессионального союза прессы. Наиболее же остро перемены в отношении затронули русское духовенство в Германии уже в годы Великой Отечественной войны, когда принципиальной позицией всех нацистских министерств и ведомств стала открытая враждебность к Русской православ-

ной церкви. Все, что предшествовало началу войны гитлеровской Германии и ее союзников с СССР, война в Испании, захват Сталиным Прибалтики и Западной Украины, а Гитлером — Польши, ясно показывали русской эмиграции, как в Германии, так и во Франции и других европейских странах, что война между Красной армией и Германскими Вооруженными Силами — неизбежна. Само же начало войны Германии с СССР разделило всю русскую эмиграцию на «пораженцев» и «оборонцев». Чины и руководство РОВС, хотя и готовили себе смену в кадетских корпусах и училищах, имели слишком малые силы для самостоятельной войны с регулярными частями Красной армии. Большинство офицеров считало, что необходимо присоединиться к армиям Германии и Италии для совместной борьбы с Красной армией и превращения Второй мировой войны в России во «Вторую Гражданскую». Война приближалась. Безусловно, поддерживая будущий поход против большевизма, паутиной опутавшего их русское Отечество, часть эмиграции не слишком восторженно относилась к планам Гитлера поработить и уничтожить Россию как державу, разделив ее на уделы и княжества под германским протекторатом.

И все же большую часть русской эмиграции питали ложные надежды. Они состояли в том, что лишенные в своей изоляции от внешнего мира какой-то высшей истины советские люди будут восприимчивы к призывам эмигрантских вождей. Что они примут без оговорок то великое множество противоречивых идей и государственных установлений, выработанных лучшими мыслителями и общественно-политическими течениями. Что обездоленный советской властью крестьянин возьмется за оружие, и будет бить ненавистных ему комиссаров под командой русского офицерства. Однако изоляция советской жизни сыграла и здесь злую шутку с лучшими устремлениями эмигрантов. Едва ли им было ведомо, что за прошедшие двадцать лет в сознании многих людей, тех, кто родились, выросли и жили под советской властью, произошла разительная перемена. Было утрачено

вера, разрушен привычный быт и моральные установки, изменены взгляды на роль государства в жизни каждого индивидуума. По ту сторону железного занавеса установилась особая апостасийная государственность. И все то, что ранее составляло основу Российской империи — литература, философия, прикладные науки и сама история государства, служило теперь, в лучшем случае, подсобным материалом для создания новых принципов жизнедеятельности государства.

Но главное открытие, которое предстояло сделать русской эмиграции, состояло в том, что при внешнем отрицании национальной идеи, советской власти удалось организовать небывалый отпор Германии, сумев вызвать к жизни национальное самосознание и чувство обиды за поруганное государственное достоинство, дремавшее до поры. Пробудившись, оно несколькими ударами сокрушило в своем праведном гневе и агрессора и тех, кто шел вместе с ним. Однако этого эмигранты предположить не могли, и с тревогой вглядывались в перспективу новой схватки с противником, отложенной на двадцать долгих лет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕЛОЕ ДЕЛО НА СЛУЖБЕ ГЕРМАНИИ В 1941—1945 ГОДАХ

Незадолго до разразившейся Второй мировой войны, 16 июля 1937 года в своей речи на собрании Русского национального Союза участников войны, опубликованной позднее в эмигрантской газете «Возрождение», генерал-майор Антон Васильевич Туркул сформулировал концепцию, ставшую впоследствии обоснованием службы и сотрудничества части белых эмигрантов с антибольшевистскими силами. «...Мировые события приближаются... Русский народ, поработанный коммунистической властью «интернационала», неминуемо будет вовлечен в это столкновение, но не во имя России, а во имя спасения советской власти и порабощения... других народов. Что же делать нам, русским воинам, в эти грозные часы? ...Нельзя же до бесконечности ждать, что кто-то или что-то спасет Россию и самим ничего не делать. Нам пора начать верить в собственные силы, пора организовываться, работать. В эволюцию советской власти мы не верим. Сталин такой же палач русского народа, каким был Троцкий или Дзержинский. От России властью III интернационала уже отторгнуто 710 тыс. квадратных верст с 28 миллионами жителей и какие еще «куски» будет отдавать советская власть, какие еще «похабные» договоры будет она заключать, чтобы только спасти свою шкуру? А так называемые оборонцы, пособники советского палачества, кричат здесь о защите России. Их главари и вдохновители,

когда мы, солдаты, стояли в огне за Россию, были и против нас и против России, а когда рушилась в крови и смуте российская империя, они помогли ее крушению... К какой же «обороне» они зовут теперь? Они зовут к обороне не России, а советской власти. Но мы, русские солдаты, против советской власти. Каждый лишний год, месяц, день власти III интернационала над Россией губит российскую нацию. Большевики двадцать лет развращают и терзают русский народ. Вот почему мы, русские солдаты, непримиримые враги большевиков и всех их попутчиков. Мы верим в Россию и русский народ и не боимся наступающих событий, как бы грозны они ни были».

В эмигрантской довоенной публицистике было ясно выражено сложившееся у правой эмиграции отношение к СССР и ко всем его внешнеполитическим акциям, проходившим в Европе, Азии и Китае. Об этом отношении довольно ясно высказался принц Сергей Ольденбургский в одной из своих статей, опубликованных в 1939 году и посвященных весьма распространенному видению России и СССР глазами эмиграции и иностранцев: «И сейчас, когда эта советская власть продвигает свои полчища в Европу, когда ей достаются обширные области, когда везде говорят о росте влияния правительства Коминтерна — можем ли мы этому радоваться? Конечно, нет! Можно ли радоваться тому, что миллионы людей попадают под жестокую власть ГПУ? Можно ли радоваться тому, что гибнут кое-как уцелевшие очаги культуры?! Мы, находящиеся пока «за безопасным рубежом», защищенные от Красной армии, можем ли мы радоваться, смеем ли мы радоваться большевистским завоеваниям? СССР... Иные говорят: они забирают русские области. Казалось бы, тем хуже для русских, попадающих под большевистскую власть. Пусть население польских «крестов», имевшее основание быть недовольным польскими властями, порой искренно приветствует красноармейцев. Что из этого? Надо уметь взглянуть на несколько месяцев впе-

ред! Надо себе представить, что станется с этим населением через несколько месяцев советской власти... Никто не знает будущего, но много более вероятно, что большевики утратят не только свои нынешние завоевания, но и многое другое раньше, чем будут окончательно повержены в прах. Соблазн советских завоеваний — опасный соблазн. Он заставляет русских сочувствовать своим злейшим врагам. Он вносит смуту в умы — и не в первый раз... Русские не в праве радоваться тому, что красноармейский сапог топчет землю, над которой некогда реял русский трехцветный флаг, да СССР и Россия — не одно...»

Общее настроение неизбежного столкновения с большевистской Россией, витавшее в русской белогвардейской среде за границей, во многом определило выбор части эмиграции — с кем быть? Не вдаваясь в тонкости политики германского рейха, да, возможно и не имея возможности знать все о подлинных геополитических замыслах Германии, и о германском видении роли славян в будущем мироустройстве, с самого начала военных действий эмигранты шли воевать против своих старых врагов. В большинстве случаев они проходили службу в составе германских (разведывательные подразделения) и итальянских (кавалерия) Вооруженных Сил. В Белграде чины бывшего 1 Армейского Корпуса Русской Армии вместе с подростками детьми-воспитанниками кадетских корпусов и военных училищ, объединились в Русский Корпус, но германское командование оставило его на Балканах бороться с красными партизанами Йосипа Броз Тито, так и не допустив добровольцев на Восточный фронт. И, тем не менее, стоит задаться вопросом, как русские эмигранты вообще попадали на Восточный фронт, ведь с самого начала войны немецкое главное командование определенно дало понять представителям русской эмиграции, что в их услугах не нуждается? Впрочем, если эмигранты и не попадали в строевые части германской армии, то для них всегда была открыта ниша административной работы. Так, например, вербовкой русских эмигрантов в вермахт в качестве переводчиков занималось Русское Представительство в Гер-

мании так называемое Vertauernsstelle für Russische Flüchtlinge под руководством некоего Сергея Таборицкого, действовавшего под опекой руководителя всей русской эмиграции в Германии генерала Василия Бискупского. В свое время, в 1919 году Бискупский много и плодотворно интриговал против командующего Добровольческим корпусом на Северо-Западе России Рюдигера фон дер Гольца, активно интересовался германской внешней политикой и вообще по природе своей был и оставался германофилом. В 1920 году он участвовал в так называемом «капповском» путче, после его подавления вместе с генералом Людендорфом, знакомство с которым свел накоротке во время своей жизни в послевоенной Германии, разрабатывал планы подавления европейских революций. В двадцатых годах Бискупский неосторожно обвинил одного из будущих нацистских чиновников высокого ранга в поддержке украинского сепаратизма, за что впоследствии пострадал. В 1933 году, после прихода Гитлера к власти генерал был брошен в тюрьму. Позднее, в 1936 году в качестве моральной компенсации за понесенные неудобства, Бискупского назначили на должность начальника германского «Управления по делам русской эмиграции» (УДРЭ). Кроме Германии, похожие структуры создавались во всех оккупированных странах, где проживали русские эмигранты. Прямое сопротивление назначению Бискупского на официальную должность в рейхе оказало ведомство Розенберга, которое подозревало в нем русского монархиста и защитника идеи «единой и неделимой России». В своих выступлениях перед эмигрантской аудиторией в Германии сам Бискупский не переставал подчеркивать, что основная его забота — защита русских, проживающих на территории рейха от возможных национал-социалистических нападок. Вскоре после начала войны, 13 июля 1941 года в разговоре с немецким дипломатом Ульрихом фон Гасселем В.В. Бискупский высказал тому свое мнение относительно политики Розенберга: «Война ведется не против большевизма, а против России... Смертельный враг русских, Розенберг поставлен во главе политического руководства... Если

Гитлер будет так продолжать, Сталину удастся создать под своим руководством национальный русский фронт против германского врага...» Заместителями у Бискупского были два известных русским эмигрантским кругам человека: Сергей Таборицкий и Петр Щабельский-Борк — невольные убийцы либерал-демократа по убеждениям эмигранта Владимира Дмитриевича Набокова, отца известного писателя. В марте 1917 году Набоков-отец подготовил отречение великого князя Михаила Александровича от российского престола, тем самым косвенно приняв участие в лишении России потенциального законного монарха. В 1922 году они застрелили Набокова, заслонившего собой единомышленника по либеральному лагерю бывшего лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова. Будучи участником Великой войны, Сергей Таборицкий, в отличие от своего начальника, был давним членом НСДАП. По воспоминаниям своих современников, тем не менее, своим вмешательством и участием он спас жизнь многим русским берлинцам в 1945 году. Он помог многим из них покинуть Берлин перед входом в город частей Красной армии, сделав это, несмотря на категорический запрет Гитлера покидать столицу «Тысячелетнего рейха». Хотя, нужно признать, что в апреле 1945 года нарушение трудно проверяемого в исполнении приказа фюрера уже не грозило серьезными неприятностями Сергею Таборицкому, любившему щегольнуть в форме войск СС. Как свидетельствовал русский историк-эмигрант Б.И. Николаевский, проживая в Германии и неся службу в официальном ведомстве рейха, Таборицкий «...вел картотеку русской эмиграции, то есть занимался политическим за нею наблюдением» и лично знал очень многих проживавших в Берлине во время войны русских людей. Сергей Таборицкий был известен в берлинских кругах русской эмиграции еще и тем, что состоял главой Национальной организации русской молодежи в Германии, которую создали сами немцы в 1939 году для контроля над эмигрантской молодежью, а так же как публицист, чье имя часто мелькало в прессе

под псевдонимом «Старый Киребей». Всем другим жанрам Таборицкий предпочитал историческую эссеистику, в рамках установленной германской цензурой политической корректности к стране проживания. В 1941 году на прием к Таборицкому в «Русское Представительство» стали приходить русские эмигранты, бывшие обер-офицеры Добровольческой армии и просто гражданские лица, выражавшие искреннее желание поехать на Восточный фронт. По роду своей службы переводчики помогали немецким армейским чинам и чиновникам на оккупированных территориях при опросах пленных, допросах лиц, заподозренных в связях с партизанами и органами советской разведки. Большую роль играли переводчики при налаживании контактов с местным населением. Была у переводчиков и так называемая «тайная деятельность», невидимая на первый взгляд окружающим. Каждый переводчик имел на связи «доверенных лиц» — агентов, которые регулярно доносили о положении дел в той или иной местности. О характере работы переводчика в вермахте весьма любопытно рассказал граф Григорий Ламсдорф в своем интервью двухлетней давности журналистке российского еженедельника «Совершенно секретно»: «Мы остановились в Берлине в отеле «Эксельсиор» и пришли к генералу Бискупскому. После долгих разговоров он послал нас в Россию переводчиками. Сережа знал шесть языков, а я четыре. Это было в 1941 году, до знаменитой холодной зимы. Мы попали в Вязьму. Там командовал генерал Шенкендорф, который считал, что приходится Палену каким-то дальним родственником. Сережа называл его «дядей» и при этом очень хохотал. Пален при нем и остался. А меня послали в шестую танковую дивизию переводчиком, где я научился неплохо писать по-немецки. Зима была лютая. Никто не мог припомнить такого холода. В Смоленске видел, как из окна госпиталя выбрасывали сапоги вместе с отрезанными обмороженными ногами. Наша танковая дивизия стояла в тылу. Я был там полтора месяца. Пален прислал письмо, чтобы меня вернули в Вязьму. А в этот момент

началось формирование Русской национальной армии в Орше. Я был младшим лейтенантом РНА. Мы с Паленом поехали в Париж закупать материал для военной формы. А сами были в такой странной форме, да еще с какими-то немецкими фамилиями — Пален, Ламсдорф, — что все решили, что мы немецкие шпионы. Когда мы вошли в церковь на улице Дарю, батюшка, отец Александр Спасский, во время богослужения подошел к нам и спросил, что это за форма на нас такая и почему мы при оружии в церкви, это, даскать, не полагается. Смотрел на нас крайне неодобрительно. Я ему объяснил, что это форма РНА. Все оборачивались в нашу сторону. Потом мы рассказывали присутствовавшим на службе о целях нашей армии. В церкви вокруг нас собралась толпа. Многие приглашали в гости, чтобы узнать побольше...». Многочисленные военные комендатуры, бургомистраты, тайная полевая полиция (ГФП) и различные хозяйственно-заготовительные команды из Германии также не могли общаться с населением оккупированных территорий, не прибегая в своей повседневной работе к услугам переводчиков. Помимо эмигрантов, в переводчики вербовались и владеющие немецким языком представители местного населения. В большинстве своем ими становились школьные учителя немецкого языка, однако особое предпочтение германской администрацией отдавалось уроженцам немецких районов Поволжья. Служили у немцев и отдаленные родственники бывшей Императорской фамилии. Одним из них был герцог Сергей Николаевич фон Лейхтенбергский, уроженец Петербурга, родственник Николая II, белоэмигрант, руководивший подразделением пропаганды и по совместительству служивший переводчиком Ржевской комендатуры и штаба 6-го Армейского корпуса. Очевидцы говорили, что герцог прекрасно владел немецким, итальянским и английским языками. В городском театре Ржева, открытом при немцах, вел свою активную работу по созданию труппы переводчик комендатуры, известный окружающим под именем Андреас. Он выдавал себя за артиста Берлинс-

Генерал Врангель со своим штабом. Смоленские Карловцы. 1925 г.

А.П. Кутепов

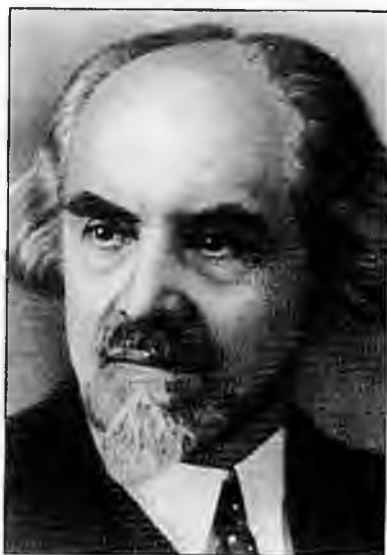
Е.К. Миллер

А.Н. Вертинский

И.А. Бутин

Н.А. Бердяев

*Храм Святого Благоверного
Великого Князя Александра Невского в Бизерте*

*Внутреннее убранство храма Святого Благоверного
Великого Князя Александра Невского в Бизерте*

Станция Харбин в 1924 г.

Современный Харбин — самый русский из китайских городов

*Штаб-квартира
Всероссийской фашистской партии
(ВФП) в Маньчжурии*

*Русский немец
А.П. Пельхау-Святозаров,
создавший
в Германии в 1933 г.
Российское освободительное
народное движение (РОНД)*

*П.Р. Бермонт-Авалов —
один из руководителей
Центральной организации
русских националистов (ЦОРН),
возникшей в Германии в 1933 г.*

А.А. Вонсяцкий в оружейной комнате

*К.В. Родзаевский (сидит второй слева) и Л.Ф. Власьевский
(сидит пятый слева) в кругу японских соратников*

А.Г. Шкуро в 1920-е гг.

А.Г. Шкуро и Г. фон Панвиц

Г.М. Семенов в 1920-е гг.

*Судебный процесс в августе 1946 года.
В первом ряду — Г.М. Семенов*

Белые казаки снова в строю

*Смотр 5-й сотни 4-го полка Русской охранной группы.
Белград. Август 1942 г.*

*В.М. Байдалаков — председатель
Народно-трудового союза (НТС)
в 1930—1955 гг.
В 1944—1945 гг. — узник гестапо*

*А.Э. Вюрзлер руководил НТС
в Варшаве. Убит в 1943 г.
агентами гестапо*

*Н.М. Сергеев — глава Берлинской группы НТС.
Погиб в 1944 г. в Заксенхаузене*

И.Н. Кононов

*Г. фон Панвиц награждает И.Н. Кононова
Железным крестом 2-го класса*

*Роттенфюрер 28-й
панцергренадерской
добровольческой дивизии
СС «Валлония»
А. Стройновский*

*Рядовой Русской
освободительной армии (РОА)*

*Г.И. Жиленков, К.Г. Кромиади и В.И. Боярский
на параде гвардейской бригады РОА. 1943 г.*

Дивизионный священник

Генерал Краснов и дивизионный священник 1-й Казачьей дивизии

Картина «Выдача казаков в Лиенце». Художник С.Г. Корольков

*Г.С. Околович во время Второй мировой войны
возглавлял запасное исполнительное бюро НТС.
Узник гестапо в 1944—1945 гг. Фото 70-х гг.*

*Ю.А. Трезубов был захвачен МГБ в Берлине в 1947 г.
Автор книги «Восемь лет во власти Лубянки.
Записки члена НТС»*

Бригадный генерал армии Чили казак Мигель Краснов

*Памятник русским морякам
в Бизерте*

*Федоров Н.В. (1901—2003) —
последний белый воин*

*Памятник кадетам на Ново-Дивеевском кладбище
в штате Нью-Йорк, США*

кого театра, частенько появляясь на репетициях в нетрезвом виде. На самом же деле Андреас был, если угодно, сценический псевдоним Василия Федоровича Голубева, уроженца Воронежской губернии, бывшего офицера Добровольческой армии, белоэмигранта, задолго до войны осевшего в Восточной Пруссии, в Кенигсберге. Как ни странно, по свидетельствам очевидцев, сам Андреас владел русским языком не особенно хорошо. Переводчики в частях вермахта имели свои знаки отличия. Знаком переводчиков была белая нарукавная повязка, образец которой был установлен приказом ОКХ от 24 декабря 1941 года. На белом фоне черными нитками была вышита надпись «Sprachmittler-Dolmetscher». Служившие в частях Люфтваффе переводчики носили на левом рукаве ниже локтя красную повязку с черной надписью «Wehrmachtsdolmetscher». В своей повседневной работе переводчики доводили до сведения немецких властей жалобы, просьбы и ожидания местного населения. От правильного перевода подобных документов часто зависела жизнь человека. Многие переводчики старались максимально облегчить жизнь простых людей под оккупацией. Другим нравилось быть «вершителями судеб» на своем уровне или порой одолевало неодолимое желание выслужиться, результатом которого было подведение ни в чем не повинных людей под расстрел или заточение в концлагерь. Сотрудничество русских белоэмигрантов с абвером до начала военных действий против СССР проходило, в основном, на уровне абверштелле, сокращенно АСТ и подчиненных им абвернебенштелле, сокращенно АНСТ — региональных звеньев немецкой военной спецслужбы, а также так называемых «Кригсорганизаций», в сокращении КО — военных организаций, действовавших под прикрытием дипломатических представительств Германии за рубежом. АСТ, АНСТ и военные организации вели сбор разведывательных данных о военной и экономической мощи СССР, помогали, насколько позволяла им компетенция и знание вопроса, в разработке контрразведывательных комбинаций. Основной сре-

дой для вербовки агентуры были русские эмигрантские колонии и, в особенности участники различных антибольшевистских организаций эмиграции. Для получения интересовавшей абвер информации агентам поручалось заводить знакомства с сотрудниками зарубежных советских представительств, моряками торгового флота и должностными лицами, прибывшими из СССР или имеющими обширные связи на его территории. Кроме использования отдельных эмигрантов, абвер при необходимости объединял таких лиц в сети резидентур. Так, АСТ «Вена», действующий на всем пространстве Юго-Восточной Европы, имел три крупные резидентуры — в Софии и Будапеште («Бюро Клатта») и Варне («Бюро Келлера»). Кроме этого, сотрудником АСТ был бывший командир Дроздовской дивизии генерал-майор Антон Васильевич Туркул. Некоторые русские белые эмигранты, главным образом, немецкого происхождения, назначались бургомистрами. Приведем свидетельство того же графа Ламсдорфа, данное им в интервью для «Совершенно секретно»: «Палена назначили губернатором Шкловского района Могилевской области. Первое условие, которое поставил немцам Пален, — чтобы в его районе их духу не было. Хорошее условие, не правда ли? Он им сказал, что сам будет всем распоряжаться. Как он распоряжался, я вам сейчас расскажу. Приходит в госпиталь, где лежали вместе немецкие и русские солдаты и офицеры. Видит — на каждой кровати история болезни. Написано по-немецки. Он приказывает это выбросить и все перевести на русский. На стене висит портрет фюрера. Пален говорит: «Убрать эту мерзость!» На него, конечно, тут же донесли. Там ведь лежали и засланные — чекисты и гестаповцы. К счастью, немецкий полковник, перед носом которого положили написанный по-русски донос, ни слова по-русски не знал, и его вернули Палену на перевод. Так мы и дознались, кто Сережу продал. Мы этого типа судили и даже дали ему адвоката, все по закону. Но защита объявила, что полностью согласна с обвинением. Мы этого то ли Полякова, то ли Полянова расстре-

ляли по приговору суда. Но донос все же возымел действие. Нас с Паленом вернули в Берлин. Мы там переводили какие-то бумаги, бегали по инстанциям и высматривали, кого бы обработать, чтобы вернуться в Россию. И добились своего. Мы вернулись в Россию и стали активно действовать. Вы не поверите, но я вел прямые переговоры с партизанами. Я сказал им, чтобы они не лезли в мой район и тогда мы не будем их преследовать. Они согласились». Во время войны состоявшая, в том числе и из белых эмигрантов военная организация «Финляндия», наиболее известная как «Бюро Целлариуса», вела сбор информации о советском Балтийском флоте, Ленинградском военном округе и в целом о Северо-Западном регионе России. Официальными сотрудниками КО были бывшие офицеры Императорской и Белой армий — Добровольский, Пушкарев, Алексеев, Батуев, активный участник Кронштадтского мятежа Соловьянов и некоторые агенты из числа прибалтийских немцев. КО «Бюро доктора Делиуса» также тесно сотрудничала с белоэмигрантскими кругами. Так, секретарь болгарского отдела «Русского Общевоинского Союза» и начальник его разведывательного отдела Клавдий Фосс снабжал абвер добытой информацией об СССР, собираемой для него подчиненными ему чинами РОВС и лиц, приехавших из СССР. Аналогичную работу вели участники так называемого «Петровского движения». После начала военных действий на Восточном фронте все русские сотрудники абвера из числа «эмигрантских» резидентур были включены в состав фронтовых органов абвера либо работали по специальности на оккупированной немцами территории. Наибольшее число русских белоэмигрантов было сосредоточено в абвернебенштелле под названием «Юг Украины». Он проводил свою контрразведывательную работу на различных территориях Украины, а с 1942 года и в Крыму. Эмигранты возглавляли штатные контрразведывательные резидентуры, состоявшие из 2—3 штатных резидентов, проявлявших самостоятельность в

вербовке агентуры. Помимо вербовки в абвер, на оккупированных территориях велась постоянная работа по привлечению в ряды РОВС.

Созданный орган контрразведки «Абверофицер-3» при штабе командующего тылом группы армий «Юг-А» состоял из русских сотрудников — белоэмигрантов, служивших ранее в АНСТ «Юг Украины». Агентурной работой органа руководил упомянутый выше К.А. Фосс. Орган вел контрразведывательную работу через сеть своих резидентур в Мелитополе, Херсоне, Борисполе и Одессе. В марте 1944 года штаб «Абверофицер-3» был переброшен в Румынию, откуда большая часть его русских сотрудников выбыла в Болгарию. Русская белая эмиграция участвовала и в активной вооруженной борьбе и даже состояла в частях и формированиях СС. Так группа русских эмигрантов из Бельгии под руководством братьев Сахновских в 1943 году, вместе с двадцатью единомышленниками записались в Валлонский легион СС. По прибытии в СССР вместе с бельгийскими легионерами Н.И. Сахновский развернул активную монархистскую пропаганду среди местного населения. По некоторым данным, в формируемую Сахновским, с дозволения немецкого командования, часть записалось 200 человек. Первым боевым опытом, который приобрели русские бойцы Валлонского легиона — был встречный бой с советскими войсками, проведенный во время Корсунь-Шевченковской наступательной операции советских войск в январе 1944 года. В ходе боя, быстрого и жестокого, погибла большая часть добровольцев. Оставшиеся в живых русские были выведены с фронта вместе с Валлонским легионом СС и отправлены на отдых в Западную Европу. Там «русская рота» была расформирована, а ее солдатам предоставлена полная свобода действий. Некоторые демобилизовались и разъехались по европейским странам, однако значительная часть из них осталась в рядах дивизии СС, надеясь продолжить борьбу с Советами. 20 февраля 1944 года, командира Валлонского легиона Леона Дегреля, уже носившего звание гаупт-

штурмфюрера СС и командира бригады, наградили Железным рыцарским крестом за отвагу в бою. Гитлер сказал: «Будь у меня сын, я хотел бы, чтобы он был похож на Дегреля». В июле 1944 года штурмовая бригада «Валлония» приняли участие в сражении под Нарвой. Той же осенью бригада была развернута в 28-ю танково-гренадерскую дивизию войск СС «Валлония», хотя по численности своей она была полком. Дивизия вернулась на Восточный фронт в январе 1945 года и была брошена на боевой участок в Польше, под Штеттином. После тяжелых боев она отступила в Данию и сдалась англо-американским союзникам. Сам Дегрель беспрепятственно отбыл в Испанию, где и жил до своей смерти в 1993 году. Бельгийский Верховный суд приговорил его заочно к смертной казни за измену. Некоторые русские воевали и в рядах 32-й гренадерской дивизии войск СС под названием «30 января». Дивизия эта была сформирована лишь в январе 1945 года в Курмарке из разрозненных частей и подразделений различных школ СС. Первоначально планировалось использовать ее в боевых действиях на Западном фронте, однако складывающаяся обстановка потребовала ввести дивизию в бой на Восточном фронте. Дивизия была сформирована из трех танковых гренадерских полков СС, полка артиллерии СС и отдельного 32 саперного батальона СС. Последний, 32-й саперный батальон СС состоял на 70% из балтийских немцев, выходцев из немецких поселений в русском Поволжье, советских русских и украинцев. Батальоном саперов командовал бывший лейтенант РККА, а нынешний унтерштурмфюрер СС Антонов, получивший от командования в знак признания его заслуг ряд немецких наград. 32 дивизия СС понесла исключительно тяжелые потери в сражениях на Одере в феврале — марте 1945 года. Затем некоторые подразделения дивизии были переведены и сражались в южной части Берлина. Уцелевшие остатки дивизии сдались в плен союзникам 5 мая 1945 в Танемюде. Были русские эмигранты и в составе японских вооруженных сил — союзников Германии во второй миро-

вой войне. Известно, что на базе фашистской ячейки РФП в городе Сахалин, которую возглавлял некий Наумов, окончивший ранее Учебную команду при ВФП и имевший чин фельдфебеля, был скомплектован отряд численностью около 20 человек. В отряд вошла в основном русская молодежь в возрасте от 14 до 24 лет. До середины 1940 года военную подготовку отряда проводил только Наумов, а после зачисления в отряд еще 8 молодых людей, прибывших из Харбина для работы в японской Военной миссии и полиции, в помощники был взят А.Л.Солодов. Незадолго до того Солодов окончил русскую полицейскую школу на станции Ханьдаохэцзы, занимавшуюся подготовкой унтер-офицерских кадров для лесной полиции Маньчжоу-Го. Осенью 1940 года отряд провел двухнедельный лагерный сбор при участии 2-х японских инструкторов. В начале 1941 года служивший в полиции Наумов уволился из ее состава и переехал в Харбин. Отряд возглавил надзиратель городской полиции ГОДА П. Милюков. При нем состав отряда увеличился до 45 человек за счет привлечения к обучению мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. С началом советско-германской войны сборы отряда участились и проводились раз в месяц или в два. Военное обучение чинов отряда проводилось японскими инструкторами. Упор делался на методы ведения партизанской войны и изучение разведывательных дисциплин: техники съемки планов населенных пунктов и местности; фотографирования, методов сбора сведений о военных объектах; способов антисоветской пропаганды; использованию современных средств связи, сигнализации; методов диверсий на объектах связи. Проводились занятия по подрывному делу. Из Харбина приезжали инструктора-кавалеристы. В начале 1943 года командиром отряда был назначен А.Л. Солодов, а с японской стороны — второй помощник начальника японской Военной миссии в Сахалине капитан Нагаи (Мори). Численность отряда к этому времени сократилась до 22 человек. С весны 1943 года отряд был передислоцирован. С этого же времени чины отряда были

зачислены внештатными сотрудниками японской армии с оплатой в местной валюте в размере 100—150 гоби в месяц плюс обеспечение их семей продуктами. Конец 1943 года и первые месяцы 1944 года в отряде были посвящены закреплению полученных знаний и навыков, а также тренировкам в длительных переходах по бездорожью и пересеченной местности, которые включали и ходьбу на лыжах. В конце мая 1944 года отряд был отчасти демобилизован, но все его чины оставались в Сахалине — частично в лагере и на хозяйственных работах при японской военной миссии. В июле 1944 года весь состав отряда был перевезен в верховья Амура и группами по 3—5 человек переброшен на советскую территорию для выполнения разведывательных заданий. Известно, что одна из групп на обратном пути при возвращении в Маньчжурию столкнулась с советскими пограничниками. В перестрелке был убит командир отряда, а другой член группы был ранен и смог переплыть Амур благодаря помощи третьего участника. После этих выходов до осени 1944 года личный состав отряда использовался главным образом на хозяйственных работах при японской военной миссии. С осени 1944 года до августа 1945 года отряд вновь продолжал практические занятия по методам партизанских действий и разведывательной работе. С 1 марта 1945 года отряд был доукомплектован за счет прибывших в резерв русских воинских отрядов и вырос в численности до 22 человек. Командиром отряда остался Солодов, его помощником — Притуляков. В обычные дни занятий личный состав отряда носил японскую форму без знаков отличия, а во время выходов в город — штатскую. В ходе самых ожесточенных боев за Сталинград, командование германской армии использовало в качестве боевой единицы своеобразное подразделение, состоявшие как из представителей русской эмиграции, так и бывших советских военнопленных и казаков. Эта дивизия была сформирована в Сталинграде 12 декабря 1942 года. В дивизию были набраны русские добровольцы, казаки, украинские и русские полицейские, находившиеся

в Сталинградском котле. В дальнейшем в состав дивизии принимали русских перебежчиков. Вооружена дивизия была в основном русским трофейным оружием. Для усиления дивизии в противотанковом отношении в нее были включены небольшие подразделения 9-ой Зенитной дивизии Люфтваффе. Командный состав до уровня командиров рот был направлен из различных дивизий и частей вермахта, оказавшихся в окружении. Но впоследствии на командные должности стали назначать бывших советских офицеров. Так в январе 1943 года, командиром Каменского батальона стал бывший майор Красной армии Тухминов. Дивизия была полностью разгромлена советскими войсками под Сталинградом в феврале 1943 года. Когда капитулировала 6-я Армия, часть этой дивизии заняла оборону на территории Тракторного завода, где и была уничтожена. Любопытно и еще одно воинское формирование, хотя и не связанное напрямую с русской эмиграцией, однако имевшее с ней некоторые контакты и связи во время пребывания в Европе. В СССР эта 29-я дивизия войск СС начала свою историю с октября 1941 года, когда немецкие войска вошли в город Локоть — небольшой поселок в тогдашней Орловской, а ныне — в Брянской области. Для обеспечения безопасности тыла 2-й танковой армии при поддержке командования 2-й немецкой танковой армии, возглавляемой Хайнцем Гудерианом, а после его отставки генералом Рудольфом Шмидтом и командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом фон Клюге, был создан так называемый «Локотский район». Во главе его стал советский учитель физики в местном техникуме — Константин Павлович Воскобойник. Из его короткой биографии известно, что он родился в 1895 году в Киевской губернии. В годы Великой войны был на фронте. После революции 1917 года добровольно вступил в Красную армию, где и прослужил до 1920 года, после чего поселился в Саратовской области. Там он был замечен в крестьянском бунте. После подавления восстания Воскобойнику удалось бежать с фальшивыми документами, и он стал пе-

реезжать по стране с места на место. Но вскоре, в начале 30-х годов устал от бега и добровольно сдался ГПУ. Отсидев положенный срок — 3 года — Воскобойников с женой и дочерью продолжил свои переезды с места на место пока не остановился в городе Локоте, где устроился работать преподавателем физики в техникуме. Ближайшим помощником Воскобойника стал Бронислав Владиславович Каминский, родившийся в 1899 году в черте оседлости, в Витебской губернии. По его собственному утверждению, его отец был поляком, а мать — немкой. До революции учился в Петербургском политехническом институте, после чего пошел добровольцем в РККА. После гражданской войны Каминский снова пошел учиться в институт. В 1937 году Каминский был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, а точнее, за активное участие в троцкистских организациях, к которым питал необъяснимую для сталинских следователей слабость. Освободившись в 1941 году, Бронислав Владиславович поселился в Локоте, устроившись на работу на местном спиртзаводе инженером. Локотское окружное самоуправление создало военизированную милицию-ополчение численностью до 200 человек, чтобы бороться с партизанами. Вскоре в Локоте была создана во главе с Воскобойником так называемая Русская национал-социалистическая партия. В организации нового дела Воскобойник придавал огромное значение быстреей связи с германским командованием. Он хотел, чтобы там знали, что в России есть люди, которые хотят и могут сами с оружием в руках бороться против коммунизма, за свою Родину, за свое освобождение. Он хотел, чтобы там знали, что русский народ, перенесший на своих плечах весь кошмар двадцатичетырехлетнего ига, сам поднимется на защиту своих прав и уничтожит ненавистную ему власть, что честные русские люди будут не пассивными зрителями, а активными борцами за счастье своей Родины. Возглавив отряд народной милиции, численность которой в то время уже возросла до 1700 человек, Бронислав Каминский развернул против партизан ак-

тивные действия и вскоре очистил от них значительную территорию. Убедившись, что местное самоуправление способно своими силами обеспечить безопасность тыловых районов, командование 2-й танковой армии реорганизовало Локотской район в уезд, а затем в округ, с включением в его состав 8 районов Орловской и Курской областей с общим населением 581 тыс. человек. Обязав назначенного обер-бургомистром Каминского заботиться о спокойствии и порядке на территории вверенного ему округа и осуществлять поставки продовольствия для немецких войск, оно предоставило ему полную свободу действий. Фактически это означало наделение Бронислава Каминского безграничной властью. Поскольку отряды местной полиции и самообороны не могли самостоятельно контролировать огромный район, из которого были выведены все немецкие войска, перед Каминским встала задача организации более многочисленных и хорошо вооруженных частей на регулярной основе. Осенью 1942 года была объявлена мобилизация мужского населения 1922—1925 годов рождения, которая носила принудительный характер — вплоть до привлечения уклонявшихся к суду по законам военного времени, взятия из семьи заложников, выселения из дома и прочих репрессий. Благодаря этим мерам в распоряжении Каминского оказалось несколько тысяч бойцов, что дало возможность переформировать разрозненные отряды и группы в подобие регулярной армии. Рассматривая свою деятельность в масштабах всей России, Локотской обер-бургомистр присвоил своим войскам громкое название — «Русская освободительная народная армия» (РОНА). К концу 1942 года в ее составе насчитывалось 14 стрелковых батальонов, броневой дивизион, зенитная батарея, истребительная рота и комендантский взвод, все они были объединены в бригаду общей численностью до 10 тыс. человек. Каждый батальон имел 4 стрелковые роты, минометный и артиллерийский взводы. На вооружении по штату полагалось иметь 1—2 орудия, 2—3 батальонных и 12 ротных минометов, 8 станковых и 12 ручных

пулеметов. Однако на практике, как в личном составе, так и в вооружении отдельных батальонов единообразия не существовало. Все эти силы были задействованы в борьбе с партизанами. Это борьба, начавшаяся с первых дней существования «новой власти» и продолжавшейся вплоть до эвакуации частей РОНА из Локотя. Жители округа Каминского видели в партизанах своего страшнейшего врага — большевизм. И не желая возвращения коммунистов, поневоле вступали в РОНА. Официальной идеологией Локотской республики стал национализм, правящей партией — Русская национал-социалистическая партия, а главным пунктом ее программы — антисемитизм. В основном же программа РНСП была схожей с программой НСДАП. Один из пунктов этой программы, популярно изложенной в газете «Голос народа» в октябре — ноябре 1942 года, так и назывался «Евреи — враги народа». По сути, в Локотской республике были установлены национал-социалистские порядки. Согласно местным законам, браки между евреями и неевреями запрещались. В Локоте были запрещены аборты, и проводилась «политика сохранения семьи», согласно которой запрещались разводы, признавались лишь церковные браки и поощрялась рождаемость. В трудовом кодексе округа существовала специальная статья под названием «особая рабочая сила», по которой евреям разрешалось платить только 80 % от их зарплаты и запрещались какие-либо надбавки. В округе Каминского расстреливались все евреи, занимавшие при советской власти высокие должности в коммунистической партии. Однажды местные партизаны написали весьма красноречивое, в чем-то пророческое послание Каминскому: «Главному предателю, фашистскому холую, сиятельному палачу русского народа, шлюхе гитлеровского притона, кавалеру ордена в мечях и осинового кола, обербургомистру Каминскому. На твое письмо шлем мы ответное слово. Мы знаем, что ты — изменник! Ты предал Родину за чины и ордена. Ты был троцкистом, тебе не впервые торговать Родиной и кровью русского народа. Мы били тебя

с твоей поганой полицией. Вспомни, как, удирая от партизан, ты потерял свои грязные портки и кожанку. Дрожи еще сильнее, сволочь! Слышишь канонаду? То наши советские пушки рвут в клочья твоих хозяев-немцев. Ты содрогаешься при разрыве наших приближающихся снарядов. Дрожи еще сильнее, знай, час расплаты близок». Письмо, которое получил Каминский из леса, было, увы, жестокой правдой. По сути, он был и оставался ни больше ни меньше — троцкистом и приспособленцем, выслуживавшимся перед своими новыми немецкими хозяевами. В нем не было сильных убеждений старой русской эмиграции, и свойственных ей предубеждений в отношении немецкой власти и глубокого чувства историзма, позволявшего взглянуть на окружающий мир с точки зрения интересов русского человека. Однако у Каминского налицо присутствовал неизжитый менталитет мещанина советской формации — думать одно, делать другое, а говорить третье. 28 октября 1942 года Каминский издал приказ, обязывающий «в целях расширения дела народного просвещения и поднятия культурного уровня населения... обучать всех детей в объеме 7-ми классов средней школы». Каминский требовал организовать подвоз детей, живущих за три километра от школы, или создать для них школы-интернаты. За непосещение детьми школ с родителей взимался штраф в размере 500 рублей «в пользу государства», причем уплата его не освобождала от прихода на уроки. В конце Каминский сделал примечательную оговорку: «Данный приказ не распространяется на те селения, которые являются передовыми позициями на фронте борьбы с партизанщиной, а также на те населенные пункты, где школьные здания заняты воинскими частями или уничтожены в ходе военных действий». Стоит отметить, что школы открывались не только в округе Каминского, а почти везде. Так, например, командование группы армий «Север» предупредило население, что за непосещение школы детьми их родители будут подвергнуты штрафу до 100 рублей. Тем временем ситуация на Восточном фронте становилась все

более угрожающей для немцев и их союзников. Поэтому Каминский обратился к своему новому начальнику Генриху Гиммлеру с просьбой об эвакуации гражданского населения. Гиммлер дал согласие на эвакуацию гражданского населения в Венгрию в количестве 10500 человек, где русским рейхсфюрер СС разрешил образовать самоуправление подобное Локотскому. Для охраны гражданских в Венгрию отправилось некоторое количество бойцов РОНА. Однако из-за проблем на железной дороге беженцам пришлось ехать несколько месяцев и не в Венгрию, а в южную Германию, где они, вопреки ожиданиям, были направлены на сельскохозяйственные работы. Что ж касается самой 29-й дивизии войск СС, то ее личный состав по приказу Гиммлера должен был быть направлен в Германию для переформирования. Однако этого не случилось, так как 2 августа 1944 года в Варшаве разгорелась восстание и немцам понадобилась помощь частей Каминского в его подавлении. Немецкие части, подавлявшие восстание, находились под командованием обергруппенфюрера СС Эриха Юлиуса Эбергарда фон дер Бах-Зелевски, организатора массовых казней в Могилеве и Минске. В 1942 году фон дер Бах-Зелевски долго находился в госпитале, «где лечился от психического расстройства, вызванного участием в массовых казнях»¹⁰⁷. После войны этот профессиональный палач неоднократно арестовывался местными властями и приговаривался к различным срокам заключения. В последний раз суд приговорил его к пожизненному сроку, во время которого он скончался в 1972 году в мюнхенской тюремной больнице. В состав частей, привлеченных для выполнения этой задачи, входила и 29-я дивизия СС. Из каждого полка РОНА было выделено по 300—400 добровольцев, которые под командованием оберштурмбаннфюрера СС Фролова были введены в польскую столицу. В состав полка Фролова входило свыше полутора тысяч человек. На вооружении полка состояли: советская САУ СУ-76, 4 трофейных советских танка Т-34 и 2 гаубицы. Для Каминского и его солдат уличные бои в большом горо-

де были непривычны, и группа РОНА несла большие потери. Это, в свою очередь, оборачивалось общим падением дисциплины, грабежами и насилием в отношении мирного населения. В Варшаве насилие чинов РОНА над мирным населением достигли своей наивысшей точки, при этом их жертвами стали преимущественно жители кварталов, не охваченных восстанием (в районах Охота и Воля практически не было партизан). Если верить польским историкам, солдаты русской дивизии СС в Варшаве убили 15 тысяч людей. «Всего в ходе восстания и от последовавшего за ним террора от рук подчиненных Бах-Зелевски войск, погибло 200 тыс. человек»¹⁰⁸.

На требование германского командования унять своих подчиненных Каминский, получивший в ходе боев в Варшаве ранение, раздраженно отвечал представителю немецкого командования: «Мои люди потеряли в борьбе с большевизмом все свое имущество, и я не вижу ничего дурного в том, что они стремятся поправить свое материальное положение за счет мятежных поляков, враждебных немцам».

Зверства солдат и офицеров РОНА грозили сорвать капитуляцию частей Армии Крайовой в Варшаве, о которой в описываемое время шли переговоры с немецким командованием. В конце августа 1944 года группа оберштурмбаннфюрера СС Фролова, потерявшая 30 % личного состава, была наконец выведена из Варшавы. Вскоре мертвое тело Каминского нашли в лесу. Немцы заявили, что бригаденфюрер был убит партизанами. В доказательство этого они показали уполномоченным чинам РОНА машину бригаденфюрера, опрокинутую в кювет и изрешеченную пулями. Однако есть и иная версия, которую излагает в своих мемуарах Хайнц Гудериан, бывший в то время Начальником генерального штаба германских войск: «Бригада Каминского состояла из бывших военнопленных, главным образом русских, враждебно относившихся к полякам; бригада Дирлевангера состояла из немецких штрафников, которые должны были искупить свою вину... Сам фон дер Бах однажды, доклады-

вая о наличии вооружения в его частях, сообщил мне о бесчинствах своих подчиненных, пресечь которые он не в состоянии. От его сообщений волосы становились дыбом, поэтому я был вынужден в тот же вечер доложить обо всем Гитлеру и требовать удаления обеих бригад с Восточного фронта [с подавления Варшавского восстания 1944 года]. Вначале Гитлер не согласился удовлетворить мои требования. Но даже офицер связи Гимmlера с Гитлером бригаденфюрер СС Фегелейн вынужден был заявить в подтверждение моих слов: «Так точно, мой фюрер, они действительно босяки!» Гитлеру не оставалось ничего другого, как принять мое предложение. Фон дер Бах позаботился о том, чтобы Каминского расстреляли: этим он избавился от нежелательного свидетеля».

Иначе обстояли дела для русских борцов с коммунизмом в Югославии. Еще летом 1941 года, в условиях развернутого югославскими коммунистами террора против русских эмигрантов, в ходе которого ими вырезывались иногда поголовно целые семьи, на 1 сентября 1941 года полицейскими органами было зарегистрировано более 250 случаев одиночных и групповых убийств. Возглавлявший русскую эмиграцию в Югославии генерал-майор М.Ф. Скородумов выступил с инициативой организации русской части для защиты эмигрантского населения, и 12 сентября 1941 года им был отдан приказ о формировании Русского Корпуса, имея в планах последующую переброску корпуса на Восточный фронт для борьбы против коммунизма. Уже к февралю 1942 года по 3-му Отделу РОВС было распространено сообщение, приглашавшее желающих поучаствовать в борьбе с большевизмом. «Никаких особенных обещаний. Служба на положении солдата... Записалось 90 корниловцев плюс взвод Кутеповской роты (молодежь, воспитанная в корниловском духе в Софии). ...Обмундирование коричневого цвета, русского образца, русские знаки отличия; кто имеет ордена, надевает их... Оркестр грянул Корниловский марш. Выходит полковник Кондратьев, за ним знаменщик... ассистентами

дроздовец и марковец... Церемониальный марш под звуки старого Егерского». ¹⁰⁹ В 1942 году Русский Корпус причислили к вермахту и хорошо вооружили. Впрочем, из-за недальновидной политики немецкого партийного руководства эти надежды русских эмигрантов не оправдались. Самого Михаила Федоровича Скородумова немцы арестовали, и его корпус остался в Югославии. Конечно, корпус задействовали в боевых операциях, но строго определили рамки его борьбы. В итоге он начал свою историю, сражаясь против местных коммунистов Иосипа Броз Тито. В корпус вступили представители трех поколений русской эмиграции. Наряду с 16—18-летними внуками белых офицеров, был ряд лиц старше 70 лет. Особую жертвенность проявили старые офицеры, вынужденные за недостатком командных должностей всю службу в корпусе провести на рядовых должностях. Корпус, возглавленный генерал-лейтенантом Б.А. Штейфоном при начальнике штаба генерал-майор Б.В. Гонтарева, состоял из 5-ти полков. Бригадами и полками командовали генерал-майоры В.Э. Зборовский, Д.П. Драценко, И.К. Кириенко, А.Н. Черепов, В.И. Морозов, Егоров, полковники А.И. Рогожин, Б.С. Гескет, Б.А. Мержанов, А.А. Эйхгольц, Д.В. Шатилов, подполковник Н.Н. Попов-Кокоулин. Русский Корпус, выведенный заменившим незапно умершего Штейфона полковником Рогожиным в Австрию, прекратил существование 1 ноября 1945 года в лагере Келлерберг, превратившись со временем в Союз чинов Русского Корпуса. «Гложет сознание, что мы идем к гибели за чужое, нерусское дело... Понесены ненужные жертвы, но вина не наша, не Русского Корпуса. Многие из корниловцев награждены Железными крестами. Корниловцы исполнили свой долг...». ¹¹⁰ Целый ряд офицеров-эмигрантов принимали участие в деятельности РОА. Много для РОА было сделано прибалтийским немцем, служившим в вермахте, капитаном В. Штрик-Штрикфельдом.

Среди руководства РОА представителями белой эмиграции были генералы В.И. Ангелеев, В.Ф. Белогорцев,

С.К. Бородин, полковники К.Г. Кромиади (Санин), И.К. Сахаров (Левин), Н.А. Шоколи, подполковник А.Д. Архипов, а также М.В. Томашевский, Ю.К. Мейер, В. Мельников, а также Скаржинский, Голубь и другие. Некоторое время с армией Власова сотрудничал герой Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, человек бесстрашный и отчаянный, лично водивший в атаку на большевиков танки под Петроградом, генерал-майор Б.С. Пермикин.

Поддержку РОА оказывали также генералы А.П. Архангельский, А.А. фон Лампе, А.М. Драгомиров, Н.Н. Головин, Ф.Ф. Абрамов, Е.И. Балабин, И.А. Поляков, В.В. Крейтер, Донской и Кубанский атаманы генералы Г.Д. Татаркин и В.Г. Науменко. Правда, между бывшими советскими пленными и старыми эмигрантами существовал некоторый антагонизм, и последние постепенно были вытеснены из руководства РОА. Большинство из вытесненных белоэмигрантов служило в других, не связанных с РОА русских добровольческих формированиях. Лишь в конце войны часть белоэмигрантских формирований формально присоединились к РОА. Это была бригада генерала А.В. Туркула в Австрии, части 1-й Русской национальной армии генерала графа Б.А. Хольмстона-Смысловского, отряд «Варяг» полковника М.А. Семенова, отдельный полк полковника Кржижановского и, разумеется, казачьи соединения: 15-й Казачий кавалерийский корпус и Казачий стан. По свидетельству Николая Толстого-Милославского, у самого Бориса Алексеевича Хольмстона-Смысловского в войсках все командные посты занимали штаб-офицеры из старых эмигрантов: Ряснянский, Месснер, Тарасов-Соболев, Бобриков, Истомин, Кондырев, Колюбакин, Каширин, Климентьев. Хольстону-Смысловскому удалось в конце войны вывести вместе со своими частями помимо прочего и наследника российского престола великого князя Владимира Кирилловича в Лихтенштейн и избежать выдачи. Борис Алексеевич направил послание Францу Иосифу Лихтенштейнскому, в котором просил князя о предоставлении убежища для себя

и своих людей. В августе 1945 года в столицу княжества Вадуц прибыла репатриационная советская миссия. По воспоминаниям барона Эдуарда фон Фальц-Фейна, участвовавшего на этой встрече в качестве переводчика, «все советские представители производили впечатление самого низкого пошиба». До 1947 года Лихтенштейн выдавал на содержание содержащихся в княжестве на правах беженцев русских 30 тысяч швейцарских франков в месяц, а после оплатил расходы по эмиграции всех желающих в Аргентину, что дополнительно составило более 500 тысяч швейцарских франков. Правительство Лихтенштейна отказало в убежище лишь князю Владимиру Кирилловичу и его свите, отосланной прочь на следующий же день по прибытии в княжество. После своей высылки великий князь и его «двор» поддерживали связь лишь с Михаилом Александровичем Семеновым, командиром русского полка «Варяг», также обитавшемся в Баварии после войны.

Известно, что большинство чинов РОА было выдано на основании определения их «советского» происхождения, но старые эмигранты выдаче в принципе не подлежали, и пострадали лишь некоторые из них. Среди офицеров РОА некоторые чины, вроде Т.И. Доманова, В.Ф. Малышкина, М.А. Меандрова, М.В. Богданова, А.Н. Севастьянова, Ф.И. Трухина в свое время тоже были офицерами русской армии. С той лишь разницей перед белыми эмигрантами, что они либо изначально служили в Красной армии, либо попали туда после пленения во время Гражданской войны. Наиболее тяжелая участь постигла казачьих офицеров. Казаки, проживавшие на Балканах, с началом войны стали нести службу в известных антибольшевистских вооруженных формированиях.

28 мая 1945 года все они были переданы советским представителям. В их числе были более половины (1430 человек) не подлежащих выдаче старых эмигрантов. Что в общей сложности составило 2756 офицеров. Среди выданных союзниками большевикам было 35 генералов во главе с П.Н. и С.Н. Красновыми. Там же оказались и А.Г. Шкуро,

Т.И. Доманов, 167 полковников, 283 войсковых старшины, 375 есаулов, 460 подьесаулов, 526 сотников, 756 хорунжих, 124 военных чиновника, 15 офицеров санитарной службы, 2 фотографа, 2 священника, 2 дирижера, 2 переводчика и 5 офицеров связи РОА.

В действительности, за исключением не явившихся, покончивших самоубийством, бежавших и убитых, Советам было передано 2146, из которых 68% составляли старые эмигранты. Большинство из них было расстреляно еще в Австрии в 1945 году. Чины Русского корпуса избежали в большинстве своем выдачи Советам. Не без основания, они искали способы всеми путями избежать этой участи, и на это у них были все основания. Основной контингент корпуса (охранной группы) составили офицеры, солдаты и казаки Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, осевшие в 1921—1922 году в Югославии и Болгарии. Примерно 10 процентов от общего числа добровольцев составляла русская молодежь, выросшая вдали от родины. Циркуляры о наборе добровольцев рассылались по русским военным организациям и в других странах — в Германии и Протекторате, Польше, Франции, Греции, Италии, однако число призванных из этих стран было невелико. С сентября 1943 года корпус пополнялся также за счет добровольцев из числа русского населения Буковины, Бесарабии и Одессы — территорий, аннексированных в 1941 года Румынией. Из этого контингента, составившего почти половину всего корпуса, удалось сформировать еще два новых полка. Кроме того, незначительное пополнение прибыло из лагерей военнопленных с Восточного фронта. Всего же за годы войны через Русский корпус прошло свыше 17 тыс. человек. С начала 1944 года части корпуса сдерживали наступление партизан И.Б. Тито почти на всем протяжении сербо-хорватской границы, а осенью вместе с отдельными немецкими частями отражали наступление поддерживаемых югославскими партизанами войск советской 57-й армии, неся при этом большие потери. В ходе этих боев из отдельных батальонов

и рот корпуса были созданы полноценные действующие полки под русским командованием — 1-й Казачий, 4 и 5-й Сводный. Капитуляция Германии застала корпус в Словении. В течение четырех дней подразделения корпуса смогли по отдельности прорваться в Австрию, где 12 мая в районе Клагенfurта капитулировали перед английскими войсками. К этому времени в составе Русского корпуса оставалось 4,5 тыс. человек. Любопытен пример и еще одного антибольшевистского военного формирования, возглавляемого русским военным эмигрантом. В Словении началось развертывание батальона в полк «Варяг». Личный состав комплектовался из эмигрантов и военнопленных, которых набирали в лагерях на территории Германии и оккупированных ею стран. Один из батальонов полка формировался в Силезии. Общая численность достигала 2,5 тыс. солдат и офицеров. Командиром полка был назначен полковник М.А. Семенов, а его помощником — майор Гринев. Организационно полк Семенова вошел в состав группы генерал-майора А.В. Туркула, являвшейся номинально частью Вооруженных сил КОНР. После капитуляции Германии личный состав полка был переведен на юг Италии в лагерь военнопленных около города Таранто, откуда часть бойцов из советских военнопленных была выдана советской стороне, а остальные, вместе с военнослужащими словенских и сербских формирований, — партизанам Тито. Лишь небольшая группа, присоединившаяся в последние дни войны к Русскому корпусу, избежала общей судьбы. Таким образом, после Второй мировой войны русские воинские формирования так никогда уже более не возродились. Давние замыслы русской военной эмиграции свергнуть коммунистический режим в СССР потерпели сокрушительное поражение, а участникам этой борьбы от оставшихся в стороне от нее пришлось выслушать немало упреков в ошибочности их выбора. Генерал Краснов в очередной раз пережил крушение своих надежд, связанных с победой над большевизмом. Многие исследователи склонны видеть в нем радетеля о нуждах ка-

зачества, не стеснявшегося в средствах достижения цели, в том числе и союзу с нацистами. Давнее германофильство Краснова, ставшее особо заметным еще на полях сражений Добровольческой армии с большевизмом на Дону, развилось у престарелого генерала до невероятных размеров, а любовь к Германии и германскому образу жизни плавно была перенесена и на новое нацистское правительство, пришедшее к власти в 1933 году. Красноречивым примером является искреннее письмо поддержки Краснова к Гитлеру по поводу неудавшегося на него покушения 20 июля 1944 года.

Оно достойно того, чтобы привести его полностью. «Вождь! Казачьи войска, перешедшие на сторону Германии и вместе с ней сражающиеся против мирового еврейства и большевизма, с глубоким негодованием и возмущением узнали о гнусном и подлом покушении на Вашу жизнь. В чудесном спасении Вашем они видят великую милость всемогущего Бога к Германии и казакам, Вам присягнувшим, и залог полной победы Вашей над злобным, жестоким и не стесняющимся в средствах борьбы врагом. Казаки усугубят рвение своего служения для спасения Германии и Европы от большевистской заразы. Живите многие годы, наш Вождь Адольф Гитлер. Генерал от кавалерии П.Н. Краснов». Практическими соображениями письмо 75-летнего генерала, находящегося на закате своей жизни, подобную патетику трудно объяснить. Автор склонен считать, что здесь явно проявилось чувство искреннего уважения и перешедшей по наследству любви к германскому руководителю, кем бы тот ни был. Влечение к эпистолярному жанру на высшем уровне у генерала Краснова возникло еще в царствование Вильгельма Второго в 1918 году. Петр Николаевич направил несколько писем германскому императору из охваченного кольцом большевистских войск Дона, в которых атаман выражал свою уверенность в преданности казаков своим «германским союзникам». Письмо к нынешнему германскому руководству, выдержанное в торжественно возвышенном духе было написано им и теперь. Свое понимание военной ситу-

ации и отношение казачества к приходу гитлеровских войск в СССР, Краснов выразил в переписке с Власовым: «Казачи, как только немецкие войска подошли к их Землям, всем народом перешли на сторону Германии и, вооружались, чем попало, создали казачьи полки и сотни, сражались плечо к плечу с немцами, как при наступлении Германской армии, так и при отходе ее из пределов СССР. Германское правительство оценило это добровольное сотрудничество с войсками. Оно признало казаков своими союзниками, а 10 ноября 1943 года объявило, что оно признает права казаков на их земли, кровью и трудами предков завоеванные, и их права на самобытность существования, то есть создание своих полков со своими казачьими начальниками и управление своими Атаманами. И цели — уничтожение большевизма в России, и средства — тесное сотрудничество для того с Германией, у Вас и у казаков — одни и те же. Какая же тут может быть размолвка? Если бы военные обстоятельства не прервали наших переговоров, мы бы с Вами договорились, и пошли бы, как и надлежит идти, как всегда шли русский солдат и казак. Нашей кажущейся размолвкой воспользовались большевики. Через своих агентов и заблудших казаков, авантюристов, личное честолюбие и выгоды ставящих выше блага Родины, они сеют смуту, говоря, что казакам следует отойти от своих вождей и начальников, идущих с немцами и перейти к Вам, делающим Русское дело без немцев. Они возбуждают ненависть к немцам, подрывают доверие к Германской армии. Они говорят, что в Штабе Казачьих Войск и в станицах засели заскорузлые старики, которые только и думают подвести Казачество под протекторат Германии, и одновременно распространяют волнующие казаков слухи об успехах Вашей армии, подошедшей к самой Москве?! Все это ни Вам, ни казакам не на пользу. Это нужно только большевикам. Хорошо зная чаяния казаков, свидетельствую Вам: у казаков одна мечта — вернуться в родные Края, зажечь там своей жизнью, какой они жили до прихода к власти большевиков. Казаки хотят иметь свое самоуправление: Круг

(Рада) и выборных атаманов. Казаки ничего не имеют против того, чтобы те, кто жили и живут теперь на их землях, там и оставались жить равноправно с казаками. Казаки знают, что после победы Россия останется под наблюдением и покровительством Германии. Казацьи Войска, самостоятельно развиваясь, будут пользоваться помощью немцев, как союзники Германии».

Краснов искренне уповал и верил в рецидив Гражданской войны, вспыхнувшей на оккупированных советских территориях как следствие предвоенных событий в СССР: насильственной коллективизации и массового террора НКВД. Петр Николаевич искренне полагал, что вот-вот русский народ поднимется и сбросит ненавистное ему коммунистическое иго даже тогда, когда сама Германия находилась на волосок от пропасти, и исход Второй мировой войны был уже предreshен. Он был и оставался принципиальным и последовательным германофилом, искренним врагом еврейства и большевизма, и ничто не могло исправить человека, которому скоро должно было бы исполниться 80 лет. Его противники оказались не менее принципиальными в оценке его личности, поставив точку в деятельности генерала на московском процессе 1947 года.

Необычный феномен массового сотрудничества с врагом, не имеющий аналогов в истории Советского Союза, на первый взгляд трудно объяснить. Ведь не случись этого беспрецедентного массового коллаборационизма, то уже в 1942—43 годах германская армия была бы возможно разбита и близка к своему краху, разделив участь Наполеоновских полчищ. В этом случае армия Германии не смогла бы дотянуть до весны 1945 года, и была бы разбита на год раньше. Нацистской Германии просто бы не хватило, как минимум, одного миллиона солдат для удержания Восточного фронта и охраны тыловых коммуникаций. Великая Отечественная война, завершившись на 1—2 года раньше, принесла бы куда как меньшие потери и жертвы. Ход истории мог бы повернуться иначе, если бы на этом пути не возникли досадные

случаи коллаборационизма и открытой помощи врагу, что началось уже в первые месяцы войны. Ярким примером здесь может служить личность обыкновенного советского командира полка, в котором страх перед германской мощью и потерей собственной драгоценной жизни, заставил играть невероятную роль «идейного борца с коммунизмом», и, кроме того, конъюнктурно выдавать себя за представителя славного донского казачества. Иван Никитович Кононов родился в 1900 году в станице Ново-Николаевской, по его собственным словам, в семье есаула Войска Донского, расстрелянного большевиками. В 1922 году он отчего-то оказался в Красном стане, в звании красноармейца 14-й кавалерийской дивизии Первой конной армии. В 1922 году окончил школу младшего комсостава, в 1924 года вступил в комсомол, в 1929 году — в РКП(б), с 1927 по 1934 год после окончания Объединенной военной школы им. ВПИКа в Москве служил в 3-й кавалерийской дивизии в должности командира взвода, командира эскадрона, начальника полковой школы, командира полка, В 1935—38 годах учился в Военной академии им. Фрунзе. Участвовал в финской кампании в должности командира полка, был награжден орденом Красного знамени. В самом начале войны полк Кононова в полном составе, за исключением нескольких комиссаров (опять же по рассказам самого Кононова) добровольно перешел линию фронта на участке, которым командовал генерал фон Шенкендорф, один из злейших противников восточной политики Гитлера и большой либерал по своим убеждениям. В своем дневнике Кононов записал: «22 августа 1941 года 436-й стрелковый полк, 135-й стрелковой дивизии, под командованием майора И.Н.Кононова, вступил в открытую борьбу против советской власти, перейдя на сторону немцев».

Другим крупным казачьим формированием на территории, оккупированной Германией, был Казачий Стан — особое казачье образование со своей иерархической структурой, размещавшееся на обособленной территории, на кото-

рой дислоцировались действующие воинские части и располагались поселения казаков. Его организатором и первым Походным атаманом стал начальник Штаба освобождения Дона полковник царской армии С.В.Павлов. Сергей Васильевич Павлов родился 4 октября 1896 года, в Новочеркасске. В 1914 года окончил Донской кадетский корпус, а в мае 1918 — казачью сотню Николаевского кавалерийского училища. В 1916 году был командирован в Винницкую военно-авиационную школу, по окончании которой служил в боевой авиации на Юго-Западном фронте. Имел ряд боевых орденов. Возвратившись на Дон в 1917 году, служил добровольцем в партизанском отряде, был ранен в бою. С 1918 по 1920 год служил в рядах Донской армии, был произведен в чин есаула, командовал автоброневиком «Казак», впоследствии перешел в боевую казачью авиацию. В дни гибели Донской армии остался в Новороссийске. Скрывался под вымышленной фамилией, работая на заводах на разных должностях. Закончил заочный инженерно-строительный институт, получив диплом инженера-конструктора. Перед приходом немцев работал инженером Новочеркасского паровозостроительного завода «Локомотив», где пытался создать антибольшевистскую подпольную организацию. Его завод в ожидании прихода немцев, был поставлен на консервацию. Павлов и группа преданных ему казаков занимались разминированием цехов завода и электростанции, подготовленных к взрыву. Павлов не стал эвакуировать свою семью и дочь, студентку Политехнического института. После прихода немцев Павлов осенью 1942 года при участии своего тайного недоброжелателя Т.И. Доманова приступает к формированию пластунской сотни. Доманов до прихода немцев, жил вполне обеспеченным советским работником, устроившись на должность снабженца Северокавказских курортов. Семью Доманов успел заблаговременно эвакуировать вглубь страны. Сам он перебрался позже в окрестности Шахт, где тихо проживал, ничем себя не обнаруживая и выжидая, чья из воюющих сторон возьмет. Позже Доманов

примкнул к отходящему Казачьему Стану С.В. Павлова в качестве «пассажира»- беженца и не более того. Когда Казачий Стан подходил к Кривому Рогу, Доманов решил, что настал его час показаться на глаза немецкому начальству. Стал не без их участия начальником штаба Походного атамана. На этой должности Доманов только «мешал деятельности последнего, особенно в борьбе с партизанами, направлял некоторые обозы по опасным дорогам, извращал приказы и распоряжения Атамана, чем и вызвал неприязнь не только со стороны С.В. Павлова, но и казаков, а в особенности казачек, которых боялся больше, чем огня. Людей всегда сторонился и избегал. Его вообще в походе никто не видел. Даже после предательского убийства С.В. Павлова, он изредка стал появляться в безопасных местах, при усиленной охране, произнося «речи», полные угроз расправиться с «внутренними врагами» (?). Был случай, когда игра Т.И. Доманова привела к тому, что советские танки гусеницами давили казачьи обозы от хвоста до головы, а сам Доманов с небольшой кучкой охраны был спасен немецким отрядом, перевезших их на лодке через реку. Это гнусное дело расписали как «беспримерный героизм Т.И. Доманова», дорого стоивший казакам, за что он получил с помощью Радке (куратора Доманова от вермахта — *Авт.*) Железный крест».¹¹¹ В конце ноября 1942 года В.С. Павлов формирует казачий полк. Независимо от них в это же время в станице Грушевской формируется конная сотня под командованием есаула Федорова и хорунжего Харитонов. Инициативу Павлова поддерживает первоначально П.Н.Краснов. 11 ноября 1942 года он направляет Павлову письмо, в котором дает ряд рекомендаций по организации повстанческой деятельности и формированию казачьих частей. Бывший офицер штаба Павлова Петр Донсков в одном из писем Н. Беттелю — автору книги «Последняя тайна» — обвиняет П.Н.Краснова в — «подготовке убийства Павлова с целью завоевать доверие немцев и стать Атаманом». Павлов погибает при странных обстоятельствах, обстрелянный белорусскими полиция-

ми, но, в сущности, это оказалась акцией немецкого командования, увидевшего в Павлове слишком независимого харизматического казачьего лидера. Доманов же, после смерти Походного атамана Павлова, успел погреть руки на посылке казаков на усмирение Варшавского восстания в 1944 году, где те участвовали в этой кровавой вакханалии вместе с уголовниками из РОНА. «Сколько погибло там казаков, а у Т.И. Доманова появились варшавские «сувениры» — драгоценности и килограммы золота, которыми он сам хвастался, называя их «подарками от героических полков». Известно, что и за эту гибель казаков он получил Железный крест...»¹¹² (II класса — *Авт.*) Другой политический авантюрист, Кононов, после того, как ему удалось ускользнуть из рук СМЕРШ в 1945 году, активно разыскивался советскими органами госбезопасности. С 1956 года его фамилия постоянно находилась в «Алфавитных списках агентов иностранных разведок, изменников Родины, участников антисоветских организаций, карателей и других преступников», подлежащих розыску КГБ. Возможно, что розыск достиг поставленной цели: 15 сентября 1967 года Кононов погиб в Австралии в автомобильной катастрофе в возрасте 64 лет. Подобная судьба постигла и еще одного чина РОА — К. Сахарова (Левина), и именно в Австралии. Этот континент оказался просто противопоказан военным преступникам из вермахта.

Сама же биография Кононова еще требует дальнейшего изучения и объективного осмысления, наряду с его ролью в РОД и казачьем движении во время Второй мировой войны. Современные исследователи отрицают даже казачье происхождение Ивана Никитовича на основании воспоминаний многих казаков в эмиграции. Несмотря на декларативные утверждения Кононова, что он пришел в распоряжение частей фон Шенкендорфа вместе с полком и полковым знаменем, что ошибочно повторил А.И. Солженицын в первом томе своего монументального «Архипелага», где про подчиненных Кононова автор с наивной патетикой воскликнул — «...и весь полк пошел за ним!».¹¹³

Сохранились документы, в которых сообщается, что Кононов был взят немецким патрулем в плен, и не вместе с полком, а вместе с группой, состоявшей из нескольких советских офицеров. Что же касается личного состава полка, то часть его еще некоторое время продолжала боевые действия против немцев. Полковое знамя в настоящее время находится в московском Музее Вооруженных сил. На одном из допросов в СМЕРШ немецкий офицер связи при Кононове некто Ритберг показал, что при формировании своей первой казачьей сотни в составе вермахта Кононов объехал несколько лагерей для военнопленных красноармейцев и завербовал несколько десятков человек. О личном составе полка, который, по утверждению склонного к мифотворчеству Коконова, подбирался им с финской кампании, немецкий офицер ничего не говорит. Во всяком случае, оказавшись в немецком плену, Кононов весьма кстати «вспомнил», что он казак. Мы знаем, что отношение к казакам со стороны немцев было более лояльным, нежели к другим народам, в частности к русским. Тем более что сам Гитлер признал казаков «полноценной расой» и даже союзниками Германии в борьбе с русскими. Отсюда конъюнктурно появился первый кононовский призыв к казакам: «первый враг — русские, второй — большевики». Многим позже, опять в силу быстро меняющейся фронтовой обстановки, Кононов изменил столь резкую постановку вопроса и призывал к объединению всех антибольшевистских сил в рамках Русской Освободительной Армии. Не до конца известны и действия Коконова на заключительном этапе войны. По мнению казачьих генералов Науменко и Полякова, он в тяжелую минуту бросил казаков, отбыв из 15 Казачьего кавалерийского корпуса в штаб Власова. Согласно некоторым воспоминаниям офицеров РОА, есть свидетельства о том, что этот поступок был продиктован также конъюнктурными соображениями — Кононов выбивал себе должность командира корпуса, уговаривая главнокомандующего ВС КОНР сместить

Хельмута фон Паннвица. Фон Паннвиц, как известно, был казнен в Москве, добровольно решив разделить участь своих казаков 15 Казачьего кавалерийского корпуса. Генерал же Кононов оказался в дальнем зарубежье. Какое-то время Кононов состоял в рядах Союза Андреевского Флага, в Австралии, где не пользовался авторитетом у представителей эмиграции первой волны, вскоре вышел из него и отошел от какой-либо борьбы с большевизмом. Затем, очевидно, его и нашла «рука судьбы» в лице соответствующих подразделений советского КГБ. Подписанное же в Ялте 11 февраля 1945 года межсоюзное соглашение «О репатриации советских граждан», напроць лишало возможности политического убежища всех без исключения подданных СССР, которые покинули родные края вместе с отступавшими на Запад немецкими частями. Казачий Стан состоял как из беженских станиц, так и из казачьих полков, которые составляли 1-й Казачий Корпус Походного Атамана. По мнению очевидца, эти полки «не представляли войска в смысле требования нашего времени. Это был табор в разных формах одежды, частью в гражданской; на повозках везлась рухлядь, тут же были свиньи и овцы». Начальник британской 78-й дивизии генерал-майор Арбатнот заявил казачьему руководству следующее: «Нет, военнопленными мы считаем тех, кого взяли в бою с оружием в руках. А вас я считаю лишь добровольно передавшимися». Однако, несмотря на подобные заявления, все казачьи части были британцами разоружены и размещены в лагерях на положении военнопленных. Вместе с этим, в этом же районе, где был сосредоточен Казачий Стан, «...примерно в 20 км от него находились чины горских частей войск СС: Северокавказский и Грузинский полки под началом штандартенфюреров СС Кучука Улагая и князя П. Цулукидзе. Командованием СС из этих частей в апреле 1945 года планировалось сформировать Горскую дивизию. По свидетельству Н.Н.Краснова, это была «распущенная орда, прекрасно вооруженная автоматами, в немецких формах, говорившая на «17-ти кавказских наречиях»,

прошедшая огонь, воду и медные трубы в дни усмирения знаменитого варшавского восстания. Они занимались грабежом и бандитизмом на больших дорогах. Они насиловали женщин и жгли селения. Их безобразия бросали пятно и на тех, кто честно и по-солдатски пришел исполнять свой долг, на тех, кто шел бороться с коммунизмом». С ними британское командование старалось не встречаться, занявшись подготовкой захвата казачьих чинов и задействовав в этом организаторские таланты Доманова. В связи с этим вышел приказ «Походного атамана» Доманова об обязательном выезде на «сообщение» 2756 человек. Однако, вопреки ожиданиям британского командования, в назначенное время явилось, и было погружено в транспорт лишь 2201, а по иным данным 2461 человек. Всех их отвезли в городок Шпиталь, поместив в строго охраняемом лагере. Не менее интересной историей является выдача инспектора резервов Казачьих Войск генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро. Так, по свидетельству переводчицы лагеря Пеггекс О.Д.Ротовой, вечером 26 мая 1945 Шкуро был приглашен якобы на ужин к Походному атаману генералу Доманову. Генерал Соламахин, например, бывший начальником штаба Походного атамана, никогда на такие ужины не приглашался, хотя его комната была напротив домановской. «В 3 часа утра 27 мая 1945 к ним в комнату ввалился Шкуро, сел на кровать и заплакал.

— Предал меня... Доманов, — восклицал он. — Пригласил, напоил и предал. Сейчас придут англичане, арестуют меня и передадут советам. Меня, Шкуро, передадут советам... Он бил себя в грудь, и слезы градом лились из его глаз. В 6 часов утра он был увезен двумя английскими офицерами». На следующий день, 28 мая 1945 года, Шкуро оказался вместе с другими казачьими офицерами в том же городке Шпитале. По некоторым свидетельствам, «Шкуро сорвал с себя британский орден и бросил его под ноги английскому офицеру. Он требовал оружия, не желая отдаться живым в советские руки». Казаки-ветераны, проживавшие в Западной Германии 1960-е годы прошлого века после возвраще-

ния из советских лагерей, вспоминали, что арест Шкуро проходил без излишней эмоциональности и надрыва: «...во дворе завода появился советский генерал Долматов, в сопровождении советского майора и еще 3-х офицеров. Быстро осведомившись о том, где находятся генералы П.Н. Краснов, Шкуро и другие, Долматов подошел к ним, поздоровался за руку и высказал свое удовольствие быть с ними знакомым. Тут же Долматов заговорил о гражданской войне, напомнив генералу Шкуро одно из сражений, в котором он, Долматов, опрокинул части Шкуро. «Ну и мы вам давали», — не выдержал генерал Шкуро, прибавив крепкое слово. «На то она и война», — засмеялся Долматов и выразил тут же свое крайнее удивление по тому поводу, что англичане привезли и старых эмигрантов, сказав: «советское правительство требовало выдачи только своих советских граждан, а со старых эмигрантов нам спрашивать нечего, они не наши, но списки уже в Москве и он отпустить нас не может, т.к. это дело Москвы...»¹¹⁴

Для многих из выдаваемых Советам казаков был особенно неприятен тот факт, что они попадали в большевистские руки с помощью солдат британской армии, на которую многие возлагали большие надежды, как на исторических врагов большевизма. Некоторые историки в эмиграции и теперь и в России старались делать недвусмысленные указания на то, что в насильственной репатриацией казаков на территории Австрии была задействована некая Палестинская бригада. Генерал-лейтенант В.Г. Науменко утверждал напротив, что выдачу казаков «производили чины не Палестинской бригады, а 8-го Аргильского Сатерландского Шотландского батальона британской королевской армии», добавляя при этом, что «не исключается возможность, что в их ряды 1 июня (1945 года — *Авт.*) были вкраплены НКВДисты, чем и объясняется брань на русском языке, слышанная многими в дни насилия». В мемуарах переводчицы Ольги Ротовой говорится, что подполковник Малькольм, командир 8-го Шотландского батальона, «никогда не видел каких-либо

частей Палестинской бригады в этом районе и никакие ее части не принимали участия в репатриациях, как в них не участвовали никакие лица еврейской национальности, откуда бы то ни было». Автор труда о «жертвах Ялты», граф Н.Д. Толстой-Милославский, создатель объемного труда о насильственных репатриациях, дает прямое указание на то, что «в составе английских войск была еврейская бригада, но она не была в Лиенце. В это время она была за пределами Австрии. Но в Лиенце у англичан были переводчики — евреи из Польши — знавшие русский язык». Это косвенным образом подтверждает и Николай Николаевич Краснов, непосредственный участник событий выдачи казаков. «Между нами юлят переводчики. Они передают приказания офицера, заведовавшего погрузкой.

— Пань должны лезть в машины. Если не пойдут добровольно, против панов будет применена сила и огнестрельное оружие! — картаво, то с польским, то с галицийским акцентом кричали, надрываясь, «толмачи».¹¹⁵

«...По какой-то странной случайности, все англичане говорят по-польски. Они горланят, дергают наших за рукава и заверяют, что в могилу они вещи с собой не унесут, а папироску выкурить успеют. Торгаши отличались особым цинизмом. Желая объяснить, что ожидает несчастных, они подносили к виску указательный палец, отчетливо щелкая средним и большим. Песенка, мол, ваша спета! Чего там валандаться!»¹¹⁶ Очень немногие авторы упоминают о том, что некоторые представители британских частей в те дни находились на грани неповиновения приказу о насильственных действиях в отношении казаков; многие солдаты предупреждали их о предстоящей репатриации и даже помогали скрыться. Есть данные, что в связи с этим английское командование было вынуждено отозвать часть своих солдат. По воспоминаниям терского казака М.П. Негоднова из Терско-Ставропольской станицы Казачьего Стана, приведенных историком Г.Алехиным, «... раздались выстрелы и появились бесы в английской форме ... многие из них говорили по-

русски... Эти бесы клещами врезались в гущу людей и палками, прикладами и штыками гнали их к грузовикам и там, как мешки с картофелем, грузили живых, больных, убитых, женщин, детей и священников. Кто оказывал сопротивление, зверски били палками, прикладами или просто закалывали штыками. Одного священника закололи штыком, пробив икону, которую тот держал в руках. Часам к 2—3 в лагере уже было относительное спокойствие...»

По сведениям приводимым Алехиным, Войсковой старшина Л.Н.Польский, служивший в Казачьем Стане, настаивает на том, что выдачу офицеров в Юденбурге «осуществляли чины палестинского корпуса под свист, улюлюканье и ликование собранных из газет 3-го Украинского фронта журналистов... Особенно неистовствовали женщины, изощряясь в грубейшей лагерной брани». Однако в письме к ставшему впоследствии в США атаманом Кубанских казаков В.Г. Наumenko от 14 октября 1956 года направленном Б.К. Ганусовским есть прямо противоположное свидетельство: «Относительно участия солдат с нарукавным знаком «Палестина», скажу следующее: насколько я помню, эти солдаты в Юденбурге являлись только зрителями интересного для них зрелища. Оружия у них ни у кого не видел. Они свободно и без видимого дела бродили около наших грузовиков и старались сорвать с нас, что только было можно. Вроде покупки часов за сигареты. Сколько их там было, я сказать не могу, ибо из грузовика поле зрения было очень ограничено». ¹¹⁷

Любопытные сведения приводились советским подполковником КГБ в отставке М. Соловьевым, служившим в 1945 году заместителем начальника отделения СМЕРШа в 57-й армии.

Как-то его коллегам удалось арестовать некую Елену — любовницу Шкуро, которая на допросе показала, что «главари казачьих частей» имеют при себе «более 14 кг золота в изделиях, монетах царской чеканки и слитках». Если верить этим воспоминаниям, СМЕРШ использовал эту информа-

цию на переговорах с англичанами, предложив им передать тех, кто не подлежал выдаче в СССР, а имеющееся у генералов золото оставить себе. По его словам — «все вышло так, как и договаривались». Англичане отобрали не только золото, но и другие ценности. Если это действительно так, то вполне вероятно, что данное золото могло принадлежать «Казачьему банку». Граф Н.Д. Толстой-Милославский в своей книге «Жертвы Ялты» указывает на то, что «все имущество Казачьего Стана было просто украдено англичанами, хотя они и заверяли, что все передано советской стороне». «Пропала» и знаменитая шашка генерала А. Г. Шкуро. Англичанами была изъята именная шашка, подаренная тому, по его заверениям, еще Императором Николаем II в бытность Верховным главнокомандующим русской армии. Шашка очень дорогая, украшенная бриллиантами. Вполне вероятно, что шашка представляла собой привлекательный трофей, и просто была украдена предприимчивым «английским генералом и до сих пор находится у него дома». Имеются еще сведения о том, что около 1000 лошадей и всех верблюдов Казачьего Стана англичане перестреляли... Из воспоминаний одного служившего в советском 5-м Донском кавалерийском корпусе чина следует, что его командир, советский генерал-майор М.Ф. Малеев, примерно 5—7 июня 1945 года «организовал выводку лошадей, которые раньше принадлежали генералам, сдавшимся в плен англичанам». Из более 1000 лошадей он отобрал 87, которых из Юденбурга в течение 36 дней перегоняли в СССР. Расставание казаков с безгранично любимыми лошадьми было очень трагичным и для последних. По воспоминаниям одного очевидца, «как стаи голодных волков собирались англичане... и местные австрийцы; арканом или соблазнительным куском сахара старались овладеть «военной добычей». Но «добыча» не шла им в руки... И еще долго-долго можно было видеть ищущих своих хозяев коней. Немаловажным является и тот факт, приведенный исследователем Г. Алехиным, что, даже находясь на советской каторге, казаки отнюдь не потеряли своего до-

стоинства и решили хоть как-то отметить свое пребывание на ней. Казаками-каторжанами в 1955 года в ОЗЕРлаге, что располагался в Иркутской области был учрежден проект Каторжного креста. Автором его креста являлся, ныне покойный, донской сотник Константин Орлов. Получить эту награду имели право лишь казаки — участники Дальнего похода, а таковым называлась передислокация различных казачьих формирований в Югославию, Италию, Францию и другие страны Западной Европы в 1943—45 годах, осужденные на заключение или ссылку по 58-й статье Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и никто иной. Эта награда имела для них примерно такое значение, как для чинов Добровольческой Армии знак 1-го Кубанского «Ледяного» похода. Каторжный крест имел две степени: 1-я с блестками на концах креста для осужденных на 25 лет и 2-я степень без блесков для тех, кого осудили на меньшие сроки. Первая партия крестов 2-й степени была изготовлена в большой тайне на авторемонтном заводе «ЦАРМЗ» в городе Тайшете Иркутской области в количестве 10 штук. По окончании срока была увезена казаками в ссылку в Караганду. Именно там, в Казахстане, трудами есаула 2-го Донского пластунского полка Николая Дутикова было выпущено еще 50 крестов, в том числе и 10 крестов 1-й степени в 1956 году. Последняя партия в 10 штук была изготовлена в Ростове-на-Дону, благодаря инициативе бывшего подъесаула 1-го Донского пластунского полка Виктора Семеновича Дудникова. Внешний вид Каторжного креста незатейлив и прост, ибо сначала его изготавливали в суровых условиях концлагерей СССР. Он представляет собой латунный, равносторонний крест размером 40х40 мм, покрытый черной эмалью, по периметру. Крест имел фаску шириной в 3 мм, в центре которого расположено полированное медное полушарие. Крест крепился к миниатюрной черной «бабочке» и носился на шее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭХО БЕЛОЙ БОРЬБЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

«Это было в Париже
В пятьдесят втором году,
Это было в Париже
На кадетском балу.

Зал парижский шумел
И кружились нарядные
пары,
Моноotonно оркестр гудел,
То скрипки, то джаз, то ги-
тары.

Это было в Париже,
На балу у кадет.
Это было в Париже
На старости лет».

В.Н.

А европейская жизнь продолжалась. Постепенно уходило в прошлое недавнее военное лихолетье, Западная Европа оживала, назад, в эмиграцию потянулись отпущенные из советских лагерей выжившие белогвардейцы, те, кому разрешили уехать, и кто еще имел силы вернуться назад. Однако число «отпущенников» было невелико: тяжелейшие годы повторных за последние двадцать лет физических и моральных испытаний на Родине, где они снова оказались пленниками большевизма, многим оказались не под силу. Иных новые большевики казнили. Единицы счастливых

снова оказались в привычной и привычно равнодушной к ним зарубежной жизни. Впрочем, и сама эта жизнь изменилась за годы войны: эмигрантская культура понесла ряд тяжелых утрат: ушли Осоргин, Зайцев, Мережковский и Гиппиус, Бердяев, Шмелев и Бунин. На Западе оказался и совсем новый слой эмиграции — бывшие «подсоветские граждане», бежавшие во время войны или выбравшиеся из зон советской оккупации в Восточной Европе, пытавшиеся как-то устроить свою жизнь в новых для себя государствах. Для них могикиане Белого движения по-прежнему были «неизведанной землей», и, несмотря на кажущуюся одинаковость судеб, особенной духовной близости между этими двумя волнами эмиграции не возникало. Старая эмиграция и ее потомки, родившиеся за границей, казалось, жили своей обособленной жизнью. Их общественные организации регулировали жизнь эмигрантов, внешне доступную для изучения, но по сути далекую и закрытую для коренного населения и случайных русских людей, оказавшихся за границей. Эмигрантские общественные организации были разделены как по направлению своей деятельности, так и по возрастным критериям. В-виду того, что в эмиграции родилось немало детей прямых потомков русских военных изгнанников, во многих семьях лучшим учебным заведением считалось поступление в корпус, как в старые добрые времена в России, что гарантировало не только начало блестящей военной карьеры, но и создавало определенный запас житейской прочности для службы статской. Русские кадетские корпуса за границей, выпустили плеяду талантливой молодежи, влившейся в общественную и политическую жизнь тех стран, где проживали кадеты. Уже к 1950 году в эмиграции создалось Общекадетское объединение (ОКО), первым председателем которого стал кадет ПКК лейтенант А. А. Геринг. Под его энергичным руководством жизнь ОКО закипела, вновь стали устраиваться собрания, встречи кадет. Он же стоял у истоков издания журналов «Военная быль» и «Вестник Общекадетского Объединения». Активистами кадетского Объединения была расширена экспозиция

из архивов и реликвий прошлого, носившая название Военно-кадетского музея. По примеру ОКО во Франции во многих странах создавались подобные ОКО, которые в 1950-х годах все вместе насчитывали более 600 участников — кадет. Далеко не все кадеты согласились с новым принципом личного вхождения в Объединение. Некоторые, особенно те, чьи кадетские Объединения были еще многочисленны, стояли за воссоздание довоенного СРКК, что и было сделано ими к 1951 году. В течение 25 лет в Париже существовало два отдельных кадетских Объединения, соединившиеся в одно целое лишь в 1976 году после V Кадетского съезда, проведенного в Монреале. На съезде было решено, что все кадетские Объединения во всех странах мира будут создаваться по единому принципу и регистрироваться под общим названием «Объединение кадет Российских кадетских корпусов». Со дня основания первого кадетского Объединения в 1923 году прошло более 75 лет. Ряды Объединения, состоящие по преимуществу из кадет старых императорских кадетских корпусов, к сегодняшнему дню уже сильно поределли. Сил у участников Объединения стало меньше, и о большой деятельности его участников сегодня говорить уже не приходится. Почетным председателем одно время являлся кадет Полоцкого кадетского корпуса, выпускник 1913 года, ротмистр 2-го Лейб-гусарского Павлоградского Императора Александра III полка Н. В. Заворотько. В наши дни Председателем Объединения является Андрей Дмитриевич Шмеман, брат протоиерея А. Шмемана. Каждый год устраиваются три кадетские встречи: в октябре, на Рождество и на Пасху. В июне, в день кончины великого князя Константина Константиновича, активистами Объединения устраивается паломничество на кадетские могилы на муниципальном кладбище Сен Женеьев де Буа. Раз в три года созывается общее собрание, на котором казначеем Объединения производится денежный отчет и выбираются должностные лица. Год от года членов Объединения становится все меньше и меньше. На смену умершим старшим кадетам, боров-

шимся за честь и славу былой России, создателям культуры и традиций Русского Зарубежья, приходят люди, сравнительно моложе своих предшественников, те, кто закончил кадетские корпуса между двумя мировыми войнами прошлого века. Зарубежные кадеты считают себя основной частью зарубежной России, наиболее сплоченной, наиболее знающей, что и как делать. Не столь давно закрылось объединение кадет, берущее начало в 1925 году в городке Лувене в Бельгии, организованное по инициативе А. М. Росселевича, вице-унтер-офицера 2-го выпуска РКК, имевшего опыт создания таких объединений в Белграде. В Брюсселе тогда было основано Объединение бывших кадет, учащихся в те времена в Лувенском университете. 27 ноября 1925 года был утвержден устав Объединения его почетным председателем генерал-лейтенантом Б. В. Адамовичем. На уставе была сделана памятная надпись: «Дай Бог, чтобы исполнились благие желания кадет, выраженные в этом уставе». Вскоре, в 1929 году, в день корпусного праздника 6 декабря Его Величество Король СХС Александр пожаловал корпусу шефство великого князя Константина Константиновича, а в 1930 году было создано «Общество княжек-константиновцев». На уставе общества собственной рукой Его Высочества великого князя Гавриила Константиновича 23 ноября в Париже было написано: «Одобряю и утверждаю». Для ознакомления бельгийцев с деятельностью Объединения, кадетами была издана маленькая брошюрка на французском языке. Она состояла из описания истории создания корпуса и подчеркивала его исключительную роль в деле просвещения и сохранения русских кадетских традиций и обычаев. Кроме того, на страницах брошюры читателей знакомили с вкладом корпуса в историю русской эмиграции и общими целями Объединения в Бельгии. Цели кадетов состояли в том, чтобы оказывать помощь младшим в получении высшего образования, особенно после окончания Второй мировой войны и заботы о членах Объединения.

В первые годы существования Объединения его основная деятельность заключалась в проведении встреч, служении молебнов и устройстве банкетов в дни корпусного праздника. Вскоре объединению удалось осуществить столь дорогую всем идею помощи кадетам, заканчивающим корпус и желающим продолжать учиться. Усилиями многих добровольных жертвователей была создана стипендия Объединения при Лувенском университете. Для этого был организован первый благотворительный вечер Объединения, идея проведения которого была широко поддержана многочисленной тогда русской колонией в Брюсселе. Кроме этого, Объединением кадет были выпущены подписные листы для единовременных и ежемесячных взносов в фонд стипендий. Впоследствии поиск средств для увеличения числа стипендиатов становится главной задачей Объединения. Своего первого стипендиата Объединение выбрало само, а затем право выбора было предоставлено почетному председателю генерал-лейтенанту Адамовичу, в чье распоряжение поступали вновь образуемые стипендии. Адамович лишь присылал в Объединение каждую осень кадет последнего выпуска.

В то же время по просьбе генерал-лейтенанта Адамовича Объединение занялось сбором средств на покупку штатского платья для кадет-выпускников. Сборы также производились по подписным листам, собранные суммы пересылались в корпус. Все время своего пребывания в Бельгии и до своей кончины последний Главнокомандующий Русской армии генерал барон П. Н. Врангель и его супруга, бывшая почетной председательницей Объединения, оказывали ему много внимания. Преждевременная и загадочная, на первый взгляд, смерть Главнокомандующего стала большой потерей, как для кадет, так и для всех военных эмигрантов. В Европе назревали грозные события, и в мае 1940 года, после 18 дней сопротивления, Бельгия была оккупирована немцами вплоть до сентября 1944 года. На все это время Объединение прекратило всякую деятельность. Сразу после осво-

бождения встали многочисленные и трудно разрешимые задачи помощи персоналу корпуса и кадетам. Эта помощь заключалась, главным образом, в хлопотах по выписыванию кадет в Бельгию. Активистами Объединения собирались средства для оказания материальной помощи, осуществлялись посылки вещевые и продуктовые, проводилась помощь больным участникам Объединения и даже организация похорон. Касса Объединения стала кассой взаимопомощи, однако постепенно, из года в год, ее деятельность уменьшалась. Потребовалось немало лет, чтобы осуществить пять основных задач, касающихся важных шагов в жизни кадетского Объединения. Они заключались в: приобретении знаменного флага, прикрепления на флаг реликвии кадетских знамен, создании кадетского клуба для регулярных встреч, основания при клубе библиотеки кадет «княжеконстантиновцев» из книг русских, старых и новых писателей, переводов иностранных авторов и книг на французском языке и увеличения числа членов Объединения для расширения его деятельности. В настоящее время бельгийское Объединение кадет по своему численному составу является относительно небольшим; все его члены уже довольно пожилые люди. Среди кадет, проживающих в Бельгии, числятся и «мертвые души»: несколько кадет живут за границей, и не высказывают особого желания участвовать в жизни Объединения. В плане деятельности — проведение в жизнь широкой мемориальной программы. Кадеты периодически посещают Швейцарию, где склоняют знаменный флаг и возлагают венки у памятника А.В. Суворову и его «чудо-богатырям», установленному в память и беспримерного перехода в 1799 году у Чертова моста. Памятник представляет собой огромный крест, высеченный в скале, поднимающийся вертикально под потолком ущелья, под которым надпись по-русски.

В наши дни кадетское Объединение в Бельгии, из-за естественной убыли его членов фактически перестало существовать, однако живо и продолжает активную деятельность кадетское Объединение в Аргентине.

В январе 1949 года в Буэнос-Айресе по инициативе кадета — аракчеевца С. В. Грузинцева было создано организационное собрание воспитанников Российских Императорских и Зарубежных кадетских корпусов. Этим было положено начало Общекадетского Объединения в Аргентине. Из числа более 250 человек кадет, проживавших на территории Большого Буэнос-Айреса, в Объединении зарегистрировались, изъявив готовность сотрудничать, 127 человек — кадет 26 Императорских и всех зарубежных корпусов. Было выбрано правление во главе с С. В. Грузинцевым, которое начало успешную работу для достижения поставленных целей Объединения воспитанников КК ради поддержания взаимной связи не только на территории Аргентины, но и на всех континентах. Был создан музей, собраны кое-какие средства после успешно проведенного бала, началось даже устройство Кадетского собрания. В свое время в аргентинском Объединении произошел раскол: из одного образовались сразу два Объединения, враждующие между собой, в результате чего многие кадеты, особенно зарубежных кадетских корпусов, отделились от кадетской среды и жизни. Пагубное действие всего этого не замедлило сказаться на жизни и деятельности этих двух Объединений. Оба начали постепенно замирать, и вскоре они существовали только номинально. Зарубежные кадеты начали соединяться вне рамок ОКО, и стало намечаться образование нового Объединения. Тогда «старые кадеты» во главе с полковником Н. Ф. Петровым обратились к ним с письмом, прочитанном на празднике Крымского корпуса в 1955 году, прося не делать новой организации, а, войдя в ОКО, принять в нем руководство.

В июне 1956 года было образовано новое правление, руководящие должности в котором приняли зарубежные кадеты: председатель М. Л. Негоднов, вице-председатель В. Б. Островский, секретарь С. А. Якимович, казначей Г. Г. Бордоков — все Крымского корпуса. Полные юношеского идеализма, энтузиазма и энергии члены нового прав-

ления усердно взялись за дело, и в короткий срок среди русской общественности создали самое благоприятное впечатление об ОКО. Оно существует в Аргентине и по сей день. Устройство кадетских встреч, которые по своей торжественности вышли из рамок традиционных эмигрантских чаепитий и носят теперь характер национальных манифестаций, в ходе которых происходит отдание должной чести родным корпусам. Встречи устраиваются два раза в год и приурочены к празднику Крымского корпуса в июне и к празднику «княжеконстантиновцев» в декабре. В начале 1960-х годов спокойная жизнь Объединения была снова нарушена, отъездом его председателя М. Л. Негоднова и болезнью и кончиной А. Г. Денисенко. Был приостановлен выход кадетского журнала, ибо достойной замены его прежнему редактору не нашлось. Жизненные условия и работа не позволяли временно исполняющему дела председателя В. Б. Островскому посвятить себя в должной мере работе в ОКО, и он в начале июня 1963 года сложил с себя обязанности председателя. Тогда снова собралась инициативная группа, реорганизовавшая правление, продолжившее дело предшественников. Во главе правления стал В. В. Юргенс, передавший эту должность 13 мая 1973 года С. А. Якимовичу. С тех пор продолжается спокойная, размеренная жизнь Объединения, в которой смена председателей обусловлена, как это не печально, «естественной убылью» эмигрантов «первой» и «второй» волн. Вторая волна, давшая кадетскому движению немало ярких руководителей и личностей, выплеснулась на берега зарубежья в середине сороковых годов, в мире получил развитие еще один большой исход народа из российских пределов. Еще до конца войны, в октябре 1944 года по решению правительства СССР было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, которое возглавил генерал-полковник Ф. И. Голиков, бывший начальник разведывательного управления Красной армии. В главные задачи этого ведомства входило осуществить полную репатриацию советских гражд-

дан — военнопленных и гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, а также отступивших с гитлеровцами их пособников; не допустить образования новой эмиграции. С самого начала Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации столкнулось с рядом трудностей и сложностей в отношениях с союзниками, весьма прохладно относившимся к идее полной репатриации советских граждан. Руководство СССР особенно раздражало стремление союзников подразумевать под советскими гражданами только жителей СССР, проживавших ранее в границах до 17 сентября 1939 года, а не по состоянию на 21 июня 1941 года. Не меньшее раздражение у советской стороны вызывали заявления союзников о праве самих перемещенных лиц решать, возвращаться им в СССР или нет. После капитуляции Германии возник вопрос о передаче перемещенных лиц непосредственно через линию соприкосновения союзных и советских войск. На этот счет в мае 1945 г. велись переговоры в г. Галле (Германия). Советскую делегацию возглавлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования — заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К.Д.Голубев; делегацию союзников — представитель Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск американский генерал Р.В. Баркер. На этих переговорах союзники предприняли попытку провести принцип добровольности репатриации и свое толкование понятия «советские граждане». Поначалу Баркер предложил осуществлять репатриацию всех советских граждан на основе добровольности. Но из-за решительных протестов советской делегации, быстро согласился на принцип обязательной репатриации граждан СССР, проживавших в границах до 17 сентября 1939 года. Далее переговоры на некоторое время зашли в тупик из-за непреклонной позиции Баркера, заявившего, что жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии не считают себя гражданами СССР.

В мае 1945 года, в связи с окончанием Второй мировой войны, в Европе развернулась массовая репатриация в СССР военнопленных и гражданских лиц, бывших советских подданных, продолжавшаяся до 1 января 1952 года. По некоторым данным к началу 1950-х годов, в СССР было насильственно возвращено около 4,5 миллионов человек. В силу особенной активности проведения акций по репатриации бывших советских граждан или, как это случалось, заодно и «лиц без гражданства», владельцев так называемых «нансеновских» паспортов, к 1 января 1952 года за границей осталось всего 10% от общего числа находившихся в лагерях беженцев, то есть около 450 тыс. человек. Шли эти волны, в основном, из Франции и Китая, а также некоторых других стран. Несмотря на добровольность возвращения, многие из репатриантов подверглись на родине немедленным репрессиям и гонениям. Судьбы многих репатриантов в СССР на проверку оказались куда как более трагичными, чем они могли представить себе даже в самых худших ожиданиях. Из тех бывших эмигрантов, кто избежал расстрела после осуждения за государственные, воинские и иные преступления, направлялись в «штурмовые батальоны», в ссылку, высылку или шли в «спецпоселения». В лучшем случае они работали в рабочих батальонах Наркомата обороны СССР или Наркомата внутренних дел СССР, привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались всяким иным лишениям или ограничениям гражданских прав и свобод. С марта 1946 года в мире наступило резкое обострение международной обстановки, началась «холодная война», что тоже отрицательно сказалось на темпах репатриации и судьбах репатрируемых русских людей. Бывшие союзники окончательно перестали оказывать какое-либо содействие СССР в репатриации советских граждан, зато чинили всякого рода препятствия с точки зрения их советских партнеров. Так англо-американские власти не передали Советскому Союзу тысячи советских детей, увезенных гитлеровцами в малолетнем возрасте за пределы Совет-

ского Союза, просьбу о возвращении которых СССР неоднократно доводил до сведения американских и английских оккупационных властей в Европе.

Долгие годы послевоенный период жизни русских беженцев в Германии, как и сам факт репатриации, был окружен завесой молчания западной и советской прессы. По договоренности с союзными правительствами факт насилия в ходе репатриационных действий был строго засекречен. Мировая общественность о действительной стороне происходивших в лагерях для перемещенных лиц событий даже и не догадывалась. Глухо молчала и советская печать. Завесу чуть позже приподнимала лишь эмигрантская русская пресса. В специальных лагерях «DP» сокращение от английского выражения «перемещенное лицо» («displaced person») в американской, английской и французской зонах Германии в послевоенные годы помимо военнопленных, «фольксдойче», «остербайтеров» и др. находились со своими семьями и эмигранты «первой», «послеоктябрьской волны», в том числе и ученые, инженеры всех специальностей, врачи, технические работники, которые выехали из России еще в 1920-е годы. Как русские, а не советские подданные и зачастую не имевшие никакого гражданства, а в лучшем случае — выданные соответствующей комиссией Лиги Наций — «волчьи» нансеновские паспорта. Многим из этих людей приходилось по несколько лет ждать в лагерях своей участи. Над ожидающими решения властями своей участи людьми все это время нависал дамоклов меч страха перед возможной насильственной репатриацией в СССР. Их положение в лагерях для перемещенных лиц было весьма непростым. В большинстве своем, это были люди уже преклонного возраста, потерявшие в годы Второй мировой войны свои с таким трудом завоеванные научные позиции на рынке труда, иных нишах, которые они занимали, а также европейских университетах и научных центрах. Мало кто успел покинуть Европу до войны или вскоре после ее начала. Большинство из эмигрантов, случайно оказавшихся в одних ла-

герях с бывшими советскими гражданами, стремилось уехать из Европы как можно дальше, за океан, в США, Канаду, Южную Америку. Такая возможность открылась не сразу, а, как это ни парадоксально, только с началом «холодной войны», то есть лишь с 1948 года. Когда в конце 1955 года в СССР, впервые прибыл с визитом канцлер ФРГ К. Аденауэр, одной из целей его визита было добиться освобождения бывших солдат и офицеров Вермахта, все еще продолжавших находиться после окончания советско-германской войны в советских лагерях. Одновременно был поднят и вопрос об освобождении казаков, сражавшихся в 1941—45 годы против сталинского режима; среди тех, кто был выдан англичанами после войны в Советский Союз, было немало так называемых «старых эмигрантов» — либо не имевших никакого гражданства, либо граждан европейских государств. Тем более, что у некоторых из них к этому времени уже истекли их сроки заключения, определенные изначально советским судом. Из 1430 казаков-эмигрантов, переданных только в австрийском городке Юденбург советским властям, по объявленной в 1955 году амнистии за границу смогло выехать всего 70 человек. Остальные к этому времени погибли в тюрьмах и лагерях. В ходе освобождения Красной армией стран Восточной Европы и во время боевых действий в Маньчжурии было захвачено немало бывших белогвардейцев и деятелей, так называемых анти-советских организаций, часть из которых являлись активными коллаборационистами с германским и японским командованием. Некоторые русские старики-эмигранты, избежавшие выдачи СМЕРШу в Европе и на Дальнем Востоке, доживают свой век в наши дни в иммигрантском Доме престарелых, расположенном в южноафриканском городе Йоханнесбурге. Дом призрения был создан Русским обществом Южной Африки, которое организовалось в Йоханнесбурге в 1952 году. Кстати, учреждение этого общества, можно сказать, «обязано» переселению в ЮАР в 1946—1949 годах примерно двух тысяч новых эмигрантов — бывших советс-

ких военнопленных и русских беженцев, спасавшихся от органов СМЕРШ, освобожденных западными союзниками, в том числе южноафриканскими войсками из германских и итальянских лагерей. В это число вошла и группа казаков, украинцев и прибалтийцев, состоявших в «прогерманских» батальонах. Общество существует и поныне, но материальные трудности, нависшие над ним, рискуют ликвидировать его в ближайшие годы. Кстати, эта же участь постигла пять русских еженедельных газет, издававшихся в ЮАР в 1920—1940 годах.

После насильственной депортации, как советских граждан, так и эмигрантов на родину, в СССР пошла волна новых судебных процессов. Среди наиболее крупных из них, проходивших в конце 1940-х годов, было и дело атамана Г. М. Семенова, слушавшееся в августе 1946 года. Кроме него, был проведен суд над бывшими генералами Белого движения, служившими в вермахте. Обвиняемыми на процессе были П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро и Султан-Гирей Клыч, а также С. Н. Краснов, Т. И. Доманово и Х. фон Панвиц. Процесс завершил свою работу в январе 1947 года. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила большинство из обвиняемых к смертной казни через повешение. Большой резонанс в СССР, получили и показательные процессы, проведенные советским правосудием в декабре 1945 — январе 1946 годов, состоявшиеся в Киеве, Минске, Риге, Смоленске и других городах над немецкими военными преступниками, виновными в злодеяниях на советской земле, а также над помощниками оккупантов. Из 88 обвиняемых, среди которых были 18 генералов вермахта и СС, 66 были повешены по приговорам судов. Однако наиболее крупным процессом все равно оставался тот, что был проведен над руководителями «Русской освободительной армии» — бывшими советскими генералами А. А. Власовым, В. Ф. Малышкиным, М. Н. Жиленковым и девятью другими чинами РОА. Все они по приговору суда были казнены. Одновременно репрессиям подверглись десятки тысяч по-

павших в плен советских офицеров, которые из фашистских лагерей были отправлены в лагеря советские. Прошедшее сразу после смерти Сталина перераспределение обязанностей внутри руководящей верхушки партии и страны привело к слиянию в марте 1953 г. МВД и МГБ в единое Министерство внутренних дел, которое возглавил Л. П. Берия. Однако это не привело к пересмотру дел обвиняемых по «антисоветским статьям» УК. Одному из крупных процессов над, как их называли, «семеновцами» советские газеты посвящали целые полосы. Если быть объективными, то «семеновцами» формально являлись только трое из восьми подсудимых — сам атаман Семенов, Власьевский и Бакшеев. Остановимся на первом судебном заседании, открытом председателем Военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульрихом. В конце процесса все подсудимые один за другим признали себя виновными. Всех обвиняли в антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме. 30 августа 1947 года суд признал подсудимых виновными. В.В. Ульрих зачитывал в течение 20 минут приговор обвиняемым. По нему атаман Г.Н.Семенов на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года был приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества как «врага советского народа и активного пособника японских агрессоров». Власьевский, Родзаевский, Бакшеев были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Князь Ухтомский и Охотин, «учитывая их сравнительно меньшую роль в антисоветской деятельности», были приговорены к 20 и 15 годам каторжных работ, соответственно, с конфискацией имущества. Ни тот, ни другой до выхода из лагерей не дожили. Охотин умер в 1948 году, князь Ухтомский — 18 августа 1953 года. Весьма показательна цитата из статьи покойного ныне А. Кайгородова о том, как убивали атамана Семенова: «Когда его вывели на голгофу, он потребовал священника, хотя хорошо знал, что у большевиков такое не практикуется. В требовании было отказано, при этом по рас-

стрельному подвалу прокатился громкий идиотский хохот палачей. Атамана повесили старым, давно запрещенным способом: на шее петля, он висел, но еще долго дышал. Двое палачей, наблюдая конвульсии, со смехом острили: «Кайся, гад, кайся, скоро ведь задубеешь!» Казнили Г. М. Семенова 30 августа в 11 часов вечера. 4 апреля 1994 года в отношении Семенова, спустя почти четыре года, 26 марта 1998 года в отношении остальных семерых подсудимых Военная коллегия Верховного Суда РФ пересматривала уголовное дело. По статье 58—10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело в отношении всех подсудимых прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор оставлен в силе, а подсудимые признаны не подлежащими реабилитации. Несмотря на размах репрессий против возвращавшихся на родину людей, Советский Союз интенсивно продолжал свою деятельность для привлечения все новых русских беженцев к возврату в Советский Союз, для чего прибегал ко всем легальным и нелегальным способам. Для этого были посланы в лагеря беженцев немало агентов для осуществления всякого рода провокаций и получения списков антикоммунистических деятелей. Члены НТС, развившие большую деятельность в странах Западной Европы сразу после окончания войны, выявили немало советских агентов, оказавшихся в среде так называемых «перемещенных лиц». Так, например, в Австрии, в городе Зальцбурге под руководством Алексея Николаевича Родзевича, бывшего кадета и офицера югославской армии членам НТС удалось связаться с группой беженцев, которых советские агенты заставляли сотрудничать под давлением шантажа и составлять список активных антикоммунистов для последующей передачи его соответствующим органам советской оккупационной администрации. Для получения этих данных, регулярно к перемещенным приезжал из советской зоны Австрии связной, который собирал весь необходимый материал по всем беженским лагерям Зальцбурга. При очередном приезде такого связного из Вены большин-

ство членов НТС Зальцбургского отдела были мобилизованы для этой акции пресечения его деятельности. Для связного были подготовлены фальшивые списки эмигрантских деятелей, которые затем были переданы ему одним из «доверенных» лиц. Контакты связного с другими лагерями были также отслежены активными членами НТС, руководил которыми Алексей Родзевич. В один из условленных дней он расположился с биноклем на горе в центре Зальцбурга и знаками указывал маршрут связного. Таким образом, у НТС была собрана полная информация о сотрудниках советских шпионов, в результате чего советская деятельность почти полностью была нейтрализована усилиями американской разведки, с которой были связаны НТСовцы. Советский связной был арестован американской контрразведкой уже в вагоне поезда, отправлявшегося по маршруту Зальцбург—Вена. У агента были обнаружены списки беженцев с детальной информацией, которая могла сильно повредить выезду этих лиц в другие страны мира. В Чили в 1948 году, куда переехал Алексей Николаевич Родзевич, его деятельность в рамках НТС, этой активно противоборствующей советскому режиму организации, пришедшей на смену радикальному крылу РОВСа, интенсивно продолжалась. Эта деятельность заключалась главным образом в разоблачении истинного коммунизма и нейтрализации деятельности чилийской коммунистической партии, деятельным участником которой еще в конце сороковых годов был небезызвестный Сальвадор Альенде. А. Н. Родзевич служил в Чили при местном военном министерстве в картографическом отделе. Пользуясь контактами среди военных, он занимается политическим просвещением чилийских офицеров, оказавшихся впоследствии участниками антикоммунистического переворота 1973 года.

В 1961 году А. Н. Родзевич переехал в США, где он нашел себе работу в качестве чертежника в одном из многочисленных американских инженерных бюро. В бытность свою в Нью-Йорке Родзевич был бессменным вице-пред-

седателем и старшиной эмигрантского кадетского Объединения. По выходе на пенсию в 1976 году, Алексей Николаевич переехал к своим дочерям назад, в Европу, поселившись в Испании, где продолжил серьезную деятельность на благо российского освободительного дела. В частности, он ездил на Канарские острова для встреч с советскими моряками, чьи корабли заходили в островные порты, через которых передавал политическую литературу в Советский Союз в надежде, что она будет прочитана и оценена по достоинству советскими гражданами. Алексей Николаевич Родзевич слыл в НТС человеком немногословным, деятелем «исключительной инициативы» и большой силы воли. Его организационный талант был широко известен не только американской или английской разведки, но, как писал орган НТС «Посев», «из-за его природной скромности лишь немногие» среди его соратников по НТС знали «о ряде его заслуг в различных областях политической деятельности». О природе этих заслуг современному читателю можно лишь догадываться. В 1973 году, после военного переворота в Чили, Родзевич написал некоторым своим бывшим ученикам, ставшим членами нового чилийского правительства, предлагая им обменять чилийских коммунистов на политзаключенных, в СССР. По инициативе Родзевича советский диссидент В. К. Буковский был выпущен из мест заключения и выехал за границу в обмен на беспрепятственный выезд из Чили лидера местных коммунистов Луиса Корвалана. Советский фольклор того времени откликнулся на это политизированное шоу широко известной в те времена частушкой: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б достать такую б..., чтоб на Брежнева сменять?», определив, таким образом, ценность данной сделки двух правительств. Алексей же Николаевич Родзевич, после тяжелой и продолжительной болезни, скончался в Мадриде 28 марта 1982 года. Сама жизнь Родзевича, его детство и юность обусловили дальнейший выбор его пути, на который он встал, чтобы противостоять коммунизму. Соратники по НТС писали о своем гуру, что он «родился 21 января 1911 года в

Одессе. Его отец, бывший директором русской гимназии, и мать» «были убиты в первые годы революции». «Родственники скрыли Алексея и при эвакуации Белой армии вывезли в Югославию. Его образование началось в Одесском кадетском корпусе, и было продолжено в Югославии в Русском кадетском корпусе который он окончил в 1929 году». Далее, официальная биография Родзевича говорит, что юноша «поступил на агрономический факультет Белградского университета, по окончании которого работал по земельному кадастру», а «в 1931 году вступил в Национальный Союз Русской Молодежи (нынешний НТС) и, практически, отдал всю свою жизнь активному служению России в его рядах». Далее скупые хроники НТС сообщают, что, «во время войны, через Германию, пробирается нелегально в оккупированные области России, где примыкает к Смоленской группе НТС. Вскоре немцы арестовывают его и высылают в Германию. Оказавшись в Берлине, Алексей Николаевич поступает в РОА». Войну, согласно его биографам из НТС, Родзевич «закончил в чине капитана РОА». Про Родзевича также известно, что он был автором знака РОА, в виде белого щита с синим Андреевским флагом на нем, находящегося в красном обрамлении.

Поражение Белого движения в начале 1920-х годов и извечный русский вопрос «Кто виноват?» был увезен с российских полей русскими же людьми с собой в эмиграцию, где вызвал 35 лет бесплодной полемики. Перед русскими изгнанниками в первые годы особенно остро стоял выбор: жизни в замкнутом кругу «Зарубежной Руси» или ассимиляция среди иностранцев. Деятельную часть русской молодежи в эмиграции, сохранившую верность идее о победном возвращении в отбитую у большевиков Россию, такой выбор не устраивал. В одном из печатных эмигрантских органов под названием «За Россию» еще в 1934 году некий автор писал: «Ждать нечего. От эмигрантской пустоты, безволия и лицемерия, от обывательского прозябания, от бесплодных споров, от позорного равнодушия к основному

вопросу национального бытия — мы зовем к борьбе за Россию». От старшего поколения, разделенного на «правых» и «левых», это радикальное молодежное крыло стремилось огородиться: на втором съезде НТС, называемого тогда еще НСНП — Национальным Союзом Нового Поколения в 1931 году было введено возрастное ограничение для приема в его ряды. Было решено принимать в Союз только лиц, родившихся после 1895 года. Среде старшего поколения эмиграции было свойственно разделение на, условно говоря, лиц, держащихся «левых» и «правых» взглядов. «Левые» делали ставку на эволюцию власти, по примеру Французской революции. «Правые» ставили на возобновление иностранной интервенции и на «весенний поход». Обе ставки не требовали действий, а только ожидания. Тем временем можно было заниматься чем-то для России полезным: создавать культурные ценности, сохранить свою церковь, свой язык, передавать своим детям любовь к России, чем с переменным успехом и занималось большинство эмигрантов. Однако многие активисты «Нового поколения» ни первую, ни вторую линию поведения не принимали. Они пеняли старшему поколению эмиграции на его «бесстыдное безволие» и охвативший «стариков» «духовный кризис», которые допустили к управлению российским государством в 1917 году такую посредственность, каковым современниками считался в предреволюционные годы Ленин. Молодежь НСНП считала, что Россия может добиться освобождения лишь собственными силами, без участия правящей в стране партии или любой формы иностранной интервенции. Поэтому на втором съезде Союза в декабре 1931 года было решено идти против общего течения мыслей в эмиграции, сделав ставку на идею Национальной Революции. Такое решение проблемы молодежному движению, по мнению его историков «подсказывало время». Индустриализация и коллективизация в СССР «были последними революционными актами коммунистической власти». После XVI съезда ВКП(б) власть превратилась в охранительную, перестав быть революционной.

В СССР, по меткому наблюдению эмигранткой молодежи НСНП, «произошли такие коренные перемены, что говорить о каком-либо возврате к прошлому, о реставрации, стало бессмысленным». Любому успешному политическому действию предшествует идея. Новая революция, — считала молодежь НСНП, — требует новой идеи, которая будет противостоять коммунизму: идея России, а не Интернационала, но, при этом идея, «не лишенная социального содержания». 22 июня 1941 года Германия начинает войну с СССР. Оказалось, что «для НТС выбор между Сталиным и Гитлером не был выбором. И тот и другой несли России море слез и страданий, миллионы жертв. Необходима третья сила, создание которой НТС поставил своей целью. И хотя эта позиция ставила НТС прямо на пути столкновения между двумя гигантами, она одна лишь виделась как морально допустимая». Союз принял «соломоново решение»: «Ни со Сталиным, ни с Гитлером, а с нашим народом». НТСовцы согласились с очевидным, убеждая своих членов в том «что Германия будет в первое время иметь военные успехи».

Считалось, что задача НТС — перебросить все силы на родную землю, и там создавать организацию и распространять идею свободной России, без немцев и большевиков. К концу 1941 года, когда немцы стояли под Москвой и в 1942 году, еще до того, как для рейха прозвучал первый звонок под Сталинградом, подпольные группы НТС действовали в 120-ти городах оккупированной России. Работала сеть тайных типографий. Члены НТС, под самыми невероятными легендами и с самыми разнообразными документами, «колесили по занятой немцами территории России». Устраивались на работу, ездили курьерами между подпольным центром НТС и группами в Киеве, Днепропетровске, Витебске, Орше и других городах. НТС создал целую фабрику добывания и изготовления различных документов. Созданы были даже целые предприятия — фиктивные, полуфиктивные и действительно существующие — для прикрытия собственной подпольной работы. Во время войны, когда мил-

лионы бывших советских граждан, военнопленных и «восточных рабочих» оказались в Германии, Чехословакии, Австрии, под видом эстрадных ансамблей, пропагандистов «восточного министерства», представителей фирм в поисках рабочих, «под десятками масок члены НТС проникали в лагеря военнопленных и «остов». Потекли в лагеря брошюры и листовки НТС, стали возникать союзные группы. Оппозиционные, антигитлеровские круги среди немецкого офицерства (будущие авторы заговора 20 июля 1944 года и покушение на Гитлера) искали возможность придать войне политический характер и помочь антикоммунистическому населению России создать самостоятельную организованную силу для борьбы за свободу своей родины». В то же время популярному советскому генералу, некогда защитнику Киева и Москвы, Андрею Андреевичу Власову, капитан Штрик-Штрикфельт, подсказал идею контакта с немецкими антинацистами, представителями германской аристократии, мечтавшей избавиться от люмпена-диктатора. Продумав общую обстановку и формально исходя из знания народных чаяний, Власов выразил готовность возглавить Российское Освободительное Движение и Российскую Освободительную Армию. По его идее, при первом же соприкосновении с частями Красной армии, РОА начнет обрывать полками и дивизиями, защищая Родину, но не Сталина! История прошедшей войны наглядно показала, что надежды генерала Власова не оправдались. Хотя в последние месяцы войны отряд полковника Сахарова вырос из отряда в 500 человек до нескольких тысяч человек, перешедших к нему советских солдат, но создать что-либо серьезное, могущее переломить ход войны в начале 1945 года представлялось абсурдным. Заговор 20 июля 1944 года не удался, и большинство союзников Власова в антигитлеровских кругах немецкой армии было казнено или потеряло всякое влияние на германское правительство. Даже на пороге крушения Германии, по вполне понятным причинам, Гитлер не решился «развязать Власову руки». Однако для НТС созда-

ние РОА открывало новое поле деятельности: десятки тысяч русских людей оказались не только вне колючей проволоки, но и с оружием в руках. Видя в них вооруженное ядро «третьей силы», НТС развернул активную пропагандистскую и политическую деятельность в частях РОА. Особое внимание НТС обращал на школу пропагандистов РОА в Дабендорфе, под Берлином. Там была создана подпольная группа НТС, в которую входил начальник школы, бывший преподаватель Академии Генерального штаба в Москве генерал-майор Федор Иванович Трухин. В результате этого «Дабендорф» превратился, в своего рода, подпольную школу пропагандистов «третьей силы». Тайная работа на оккупированной территории и в самой Германии не могла обходиться без жертв. НТС была квалифицирована немцами, как «запрещенная организация», занимающая «антинемецкой деятельностью», в полном соответствии с обвинительными актами гестапо. Членов Союза, захваченных с поличным, немцы расстреливают. Другие молодые НТСовцы попадают в немецкие тюрьмы и лагеря. Шаг за шагом гестапо раскрыт и разгромлен центр, затем еще один запасной центр, и наконец — тайна тайн — второй запасной центр. В одном только Берлине за всю войну арестовано свыше 50-ти человек: всех вместе — несколько сотен. Многие не вышли живыми из германских тюрем и лагерей. Александр Вюртлер, руководитель подпольной работы в Польше, застрелен агентами гестапо среди бела дня прямо на улице Варшавы. По трагической иронии судьбы ряд членов НТС были арестованы гестапо по доносам подпольной агентуры НКВД. Иные из-за немецкой проволоки попали за английскую и американскую проволоку, и были выданы «советам» союзниками на расправу. Несколько человек, как оказалось, были выданы финнами. За годы немецкой оккупации на занятой советской территории была отстроена значительная организация. Только часть ее оказалась разгромленной немцами. Оставшиеся на свободе члены Союза частично ушли на Запад. Многие остаются, на время прекращая работу, чтобы

позже возобновить ее уже при восстановленной советской власти. Подобное происходит и в странах Восточной Европы. Ряд членов Союза остается в Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии. После прихода Красной армии, многие НТСовцы арестованы СМЕРШем и вывезены в СССР. О некоторых из них центр НТС получил сведения значительно позднее, от бывших заключенных, сидевших с ними вместе в концлагерях. В течение послевоенных последующих лет работа НТС развернулась в ряде направлений.

Присутствие большого количество советских граждан в рядах оккупационных войск в зонах Германии и Австрии, отделенных от Запада легко проходимой границей, сильно облегчило работу НТС. Из баз, организованных при финансовом и практическом участии американцев, в Берлине и Вене, НТС начал работать на армию. Непосредственно и при помощи немецких и австрийских сочувствующих лиц, члены НТС стали входить в контакт с военнослужащими в зонах, создавать союзные группы в военных частях. В районах расположения советских войск стали появляться плакаты и надписи НТС, на полигонах и в казармах — листовки. Первая радиостанция Союза, портативный сборный радиопередатчик, начала работать из трехкомнатной квартиры на окраине Западного Берлина на частоте военных раций. Радиовещание НТС, начавшееся с любительского передатчика в Берлине, развилось своим чередом. Как всегда, тайные войны двух разведок и стоявшего между ними НТС, не обходилось без жертв. Начиная с 1960 года, появившаяся возможность туристических поездок в СССР используется НТС для посылки своих курьеров, поддерживающих контакт с конкретными лицами и группами в России. С 1961 года к этой задаче привлекаются и иностранные друзья. В интересах безопасности работа эта ведется строго конспиративно. В нескольких странах Европы создаются «оперативные участки», обеспечивающие отбор и необходимую подготовку едущих. Приезжавшие в Россию курьеры соприкасались поначалу с неоднородной писательской средой и советской мо-

лодежью, в равной степени алчущих недоступных большинству материальных благ и пеструю мишуру западного ширпотреба, со средой нарождающегося диссидентства, правозащитного и церковного движений, и с возникшим в 1965 году литературным объединением СМОГ. Эмиссарами НТС были вывезены сотни самиздатовских материалов, ни кому особенно не нужных на Западе но охотно оплачивающие публикации чины американского ЦРУ, мало заботились о художественном содержании и ценности вывезенного, да и едва ли обладали достаточным вкусом и знанием современной литературы на русском языке. Они выполняли задания руководства, а у руководства ЦРУ, подконтрольного силам, куда более важным, чем пресловутый «президент», были совсем иные цели по отношению к России, нежели чем у стареющих идеалистов НТС, все еще мечтающих о «народном восстании». В своем блаженнейшем неведении, НТСовцы 1960-х и 1970-х годов прошлого века и не подозревали, что их prime target audience, советские люди лишь для виду сочувствовали благородным целям борцов с коммунизмом, своим рациональным умом понимая всю бессмысленность этой борьбы в государстве с сильно развитым карательным аппаратом. Изменения, произошедшие со средним советским человеком к тому времени, когда НТС вздумал пойти в свой очередной «Кубанский поход» сильно изменили аудиторию, которая должна была внимать призывам эмигрантов сбросить советскую власть. Из некогда законопослушного гражданина Российской Империи, воспитанного в православно-державном духе, в массе своей советские люди представляли собой действительно «новую общность», сильно отличавшуюся от подданных Его Величества начала XX века. Российский народ под влиянием обстоятельств, политики и невероятного по своим масштабам геноцида, утратив лучших представителей страны, некогда населявшей ее необъятные просторы от польской границы до камчатских гейзеров, изменился до неузнаваемости. Изменилась и система ценностей у основной массы населения. Новыми

поколениями была утрачена традиционная Православная вера, а так же духовные и нравственные ориентиры. Советские люди инстинктивно тянулись к добру, однако напрочь были отучены искать смысл своего бытия в вероучении, по-немногу забывали собственную историю и едва ли задумывались о собственной стране, как о Доме Богородицы или о Третьем Риме. Те, к кому с невероятными усилиями пытались пробиться из-за границы НТСовцы, едва ли могли постичь историко-мистические истоки собственной государственности, не говоря уже о готовности жертвовать за нее не только жизнью, но и минимальным советским благополучием. С таким человеческим «материалом», встречавшимся сплошь и рядом в СССР почти во все времена его существования, не сознававшие произошедшие с русским человеком перемены НТСовцы, обретавшиеся в благостной изоляции от «советской действительности», были заранее обречены на неизбежное поражение в своей борьбе. Годы, проведенные ими в Париже и Мюнхене, окончательно подорвали способность идеологов НТС критически осмыслить, с кем им придется иметь дело за «железным занавесом». Могли ли пылкие борцы с советской властью даже помыслить о том, что потомки городской черни и советских мещан в конце столетия будут не только держать ресторанчики под носом у европейского обывателя, но скупать его недвижимость, подкупать полицию и готовиться проглотить его экономическое благополучие, подточив его неиссякаемым потоком грязных денег. Все это будет уже в следующем веке, а пока идеалисты из НТС пытаются перевоспитать советских людей, тратя деньги американских налогоплательщиков, а представители военной эмиграции, мыслители, писатели и другие люди созидательного труда русского зарубежья, пытались дистанцироваться от соседства с коммунистическим лагерем, расползавшимся по Европе.

...«Классические», старые эмигранты из первой волны эмиграции, если позволяли финансы и предоставлялась

возможность, потихоньку перебирались из Европы с ее дороговизной жизни, в иные доступные для них страны и, в частности, в США. Так, по воспоминаниям дочери А.И. Деникина Марины Антоновны Деникиной, опубликованным еженедельником «Совершенно секретно» в феврале 2002 года, сам отставной генерал Деникин, по наущению супруги и в виду того, что нужно было изыскивать средства, чтобы кормить семью, принял непростое для его возраста и положения решение. «...Во Франции он больше не получал пенсию и не на что было жить. А друзья из Америки, тоже офицеры, предложили папе писать мемуары для издательства имени Чехова. Ему положили сто долларов в месяц, за которые он должен был ежемесячно сдавать пятьдесят страниц рукописи. На эти деньги можно было жить. Во-вторых, папа боялся, что во Франции к власти придут коммунисты. Второй раз такого он не хотел переживать. Они жили у друзей около месяца, а потом, найдя себе маленькую квартиру, переехали. Мемуары отец завершить не успел — дошел только до 1916 года и умер от сердечного приступа... Последние слова, как мне передала мама, были: «Скажи Марине и Мише (сын Марины Антоновны), что я им оставляю безупречное имя...»

Часто, обращая внимание на европейскую русскую эмиграцию, историки не обращают должного внимания на быт и жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке и в Китае. Сама по себе это — довольно большая и многообразная тема и, если не вдаваться в тонкости и специфику жизни русских эмигрантов в этой части света, то можно так охарактеризовать тот отрезок, который предшествовал Второй мировой войне.

В исследованиях г-жи синолог Аблоевой ей дана превосходная характеристика многим процессам, проходившим в среде русских эмигрантов, и нарисована панорамная картина предыстории русской жизни в этом уголке мира. Еще в 1930-е годы XX века российская колония в Шанхае несколько раз пополнялась за счет русских переселенцев из Северо-Восточного Китая. После советско-китайского кон-

фликта на КВЖД в 1929 году, в Шанхай прибыло еще 3172 беженца. После создания Маньчжу-го и продажи советским правительством КВЖД в 1935 году сюда соответственно переехало 2885 и 2285 русских эмигрантов. Таким образом, к середине 30-х годов общее число русских белоэмигрантов в Шанхае составляло по данным Е. Абловой целых 16 тыс. человек. Хотя, по ее собственному признанию, в обширной исторической литературе на эту тему, встречаются и другие цифры, например, 40 тысяч русских, а, по неофициальным сведениям, ходившим в эмигрантской среде, «второй русский Шанхай» насчитывал 50 тыс. человек. Именно в середине 1930-х годов, по мнению ряда русских и китайских исследователей, жизнь российской колонии в Шанхае сильно изменилась, по сравнению с двадцатыми годами, к лучшему. Около 70 % из них, при всей существенной разнице в доходах, все же имели постоянную работу. Наиболее распространенными в эмигрантской среде были профессии коммерсантов, врачей, юристов, журналистов, преподавателей, таксистов, охранников, телохранителей и разнообразной прислуги. Русская эмигрантская среда выдвинула из своих рядов и ярких представителей местного криминального мира: воров, фальшивомонетчиков и даже наемных убийц. Поскольку нелегким оставалось положение русских женщин, многие из них были вынуждены работать в шанхайских ресторанах в качестве «dancing-girls». По едкому замечанию Натальи Ильиной, это было особенно тяжело для перебравшихся из Маньчжурии русских девушек, «которые выросли в Харбине, в тихих богобоязненных семьях, окончили средние школы, готовились...к иной судьбе». Наталья Иванова — противоречивая фигура своего времени — была по-разному оценена современниками. Активная сторонница возвращения русских в СССР, она не жалела сил для того, чтобы, обличая русскую эмиграцию и бичуя ее пороки, подвигать ее представителей к мысли о лучшей доли по другую сторону границы. Сочувствие Советам и назойливая настойчивость, с которой Ильина про-

пагандировала репатриацию, снискали среди русской эмиграции ей славу «агента МГБ», не развеянную и по сей день. Насмешливый тон писательницы по отношению к эмигрантским девушкам объясним, вероятно, некоторым презрением, которое испытывала Ильина к «патриархальности» уклада жизни многих русских семей в Шанхае. Для защиты молодых эмигрантских девушек, в Шанхае даже существовал особый орган — Международный комитет охраны русских женщин и детей в Шанхае. Приток российских беженцев из Маньчжурии привел к значительной активизации экономической деятельности белоэмигрантов в Шанхае. В городе было более 1 тысячи русских магазинов, причем преобладали меховые, ювелирные, часовые и обувные фирмы. Любопытен факт, говорящий о том, что владельцами примерно тысячи такси были русские хозяева. По мнению местных китайских исследователей вопроса участия русской эмиграции в местной экономической жизни, «тридцатые годы были периодом наибольшей стабильности и процветания в истории российской колонии в Шанхае». В предвоенные годы жизни эмигрантов в иных для них, новых условиях помогали многочисленные эмигрантские Объединения и благотворительные общества, наиболее значительными из которых в это время были: Русский эмигрантский комитет, Русское общество «Помощь», Русское православное братство, Русский студенческий союз, Союз русских военных инвалидов в Шанхае. Некоторые эмигрантские бытописатели того времени указывают на то, что «в начале тридцатых годов русский Шанхай в культурном отношении поднялся на необычайную высоту». В городе появились новые православные храмы, русские школы, периодические издания, театры, литературные объединения. До прихода советских войск в городе было 11 православных храмов, около 15 средних и 3 высших учебных заведения. Начавшийся переезд из Харбина музыкантов и артистов позволил создать в Шанхае пользовавшиеся большим успехом русские театры драмы и оперетты. Шанхайский муниципальный симфоничес-

кий оркестр пополнился десятком русских музыкантов, и стал «первоклассным оркестром». Огромным успехом в Шанхае пользовались концерты А.Н. Вертинского, который с 1935 года переехал в город на постоянное местожительство из США. Большой вклад в поддержку русской культурной жизни в Шанхае внесла русская эмигрантская пресса. За время существования российской колонии в Шанхае вышло немало периодических изданий, среди которых были особенно заметны «Русское эхо», «Слово», «Шанхайская жизнь», «Копейка», «Время», чьим издателем был Б.А. Суворин, сын известного петербургского издателя А.С. Суворина. Особой популярностью у русских эмигрантов пользовалась газета «Шанхайская Заря». Ее руководителем был легендарный М.С. Лембич, в прошлом сотрудник петербургской газеты «Русское Слово», прошедший огненными дорогами Гражданской войны. Он начал свою издательскую деятельность в Харбине, где его газета «Заря» в скором времени стала одной из самых известных газет на Дальнем Востоке. Чуть позже Лембичем были основаны газеты «Наша Заря» в Тяньцзине и «Шанхайская Заря», предоставлявшая свои полосы одаренному публицисту и журналисту эмиграции Л.В. Арнольдову. Русская молодежь создала свои литературные объединения, среди которых была широко известна «Шанхайская Чураевка», художественное объединение «Понедельник» и содружество художников, литераторов, артистов, музыкантов. Русские люди в Шанхае, как и в Маньчжурии, в большинстве своем сохранили свои национальные и культурные традиции. Эмигрантская колония в тридцатые и сороковые годы пополнялась за счет молодежи, которая в большинстве своем выросла в Харбине и на линии КВЖД, в любовно сохраняемой закрытой для иностранных влияний русской среде, была русской и по воспитанию, и по образу собственной жизни и мышления. В Шанхае, как и в других местах русского рассеяния за границей, отмечали православные и национальные праздники: престольные Рождество, Пасху, Троицу и другие, а также «День русской куль-

туры», приходящийся на 6 июня, день рождения А.С. Пушкина. В марте 1925 г. в Праге от имени ряда эмигрантских организаций был обнародован призыв «К русским людям за рубежом» с предложением «устройства ежегодного «Дня русской культуры», считая это одним из желательных способов объединения всех русских людей». Авторы предложили этот день отмечать 26 мая/6 июня — в день рождения А.С. Пушкина. С этого времени День русской культуры стал праздноваться во всех местах русского рассеяния. Однако консервативные круги эмиграции, сторонники митрополита Антония (Храповицкого) выступали и за такие праздники, которые подчеркивали бы религиозные и монархические русские традиции. По их предложению, русская эмиграция стала отмечать День русского национального самосознания 28 июля, в день святого Владимира, князя, крестившего Русь. Начало японо-китайской войны в 1937 года не внесло особых изменений в положение русских жителей Шанхая, как и в спокойную жизнь других иностранцев в местах компактного проживания иностранных граждан Шанхая. Единственным последствием начавшейся мировой войны оказался заметный отток еврейского населения из города, уезжавшего на постоянное место жительства в США и Австралию. Относительная экономическая стабильность русской колонии, характерная для середины 1930-х годов, длилась недолго. Большая часть белой эмиграции в Китае, столкнувшись с японским режимом на собственном опыте, не встала на позиции взглядов Семенова, архиепископа Нестора и Керенского, хотя знание советских реалий не позволяло ей занимать откровенно просоветских позиций. Японское командование проводило в отношении русских эмигрантов довольно жесткую политику, осуществляя планомерный нажим по мере государственного строительства государственного образования Маньчжоу-го, а далее по причине введения режима военного времени. Об этом ясно свидетельствует анализ архивных документов за 1932—1945 годы, дополняемый воспоминаниями самих эмигран-

тов, в том числе и живущих в наше время в Харбине. К японской оккупации Маньчжурии обычные рядовые эмигранты отнеслись неоднозначно. Большинство из них сначала не могло, да и не особенно желало разбираться во внутренних азиатских дрязгах, постоянно происходивших сплошь и рядом. Одна из мемуаристок отмечает, что появление японских частей в Харбине было тихим, поначалу даже мало ощутимым мирным населением города. Только через несколько лет, особенно после вынужденной продажи советской стороной своих прав на КВЖД, японское давление на русскую эмиграцию стало настолько усиливаться, что привело в итоге к массовому оттоку белоэмигрантов из Маньчжурии в Шанхай, Тяньцзинь и на юг Китая. Некоторая часть эмигрантов стала активно сотрудничать с японскими властями, причем отношение к ним в эмигрантской среде было, как правило, весьма сдержанным. С приходом японцев начала выходить новая ежедневная газета на русском языке под названием «Харбинское время». Ее редактором-издателем был японец. Большинство рядовых эмигрантов старалось держаться нейтрально и избегало тесных контактов с японской военной и гражданской администрацией. Один из белых эмигрантов некто Е.В. Саблин отмечал в своей книге, что «японцы учитывают эти различные настроения среди русских. Они допускают сочувствующих им русских на службу в войсках и в учреждениях нового маньчжурского государства, однако и там их держат лишь на низших ступенях. По отношению к русским, кажушимся им недостаточно надежными, принимаются систематические меры. Русские, занимающие сколько-нибудь выдающееся положение в Маньчжурии, а также крупные торговцы, более или менее независимые люди из интеллигенции вытесняются из Маньчжурии и Восточной Монголии под различными благовидными предложениями и вынуждаются перебираться в города Китая, где их встречают в общем довольно сочувственно». Вся политическая и общественная жизнь российской колонии в Маньчжоу-го по большей части оставалась под жестким контролем

японских властей, создавших ряд идеологических организаций, подчиняющих себе буквально все стороны ее эмигрантского существования. Одной из таких организаций было общество «Сехэуай». Как было отмечено в приказе командующего Квантунской армией генерала К. Уэда в марте 1937 года, это объединение стало «организацией, родившейся одновременно с основанием Маньчжоу-го как государственный орган. Это общество является единственной идеологической, культурной, политической и практической организацией, которая, охраняя дух и идеалы основания государства, воспитывает народ к воплощению государственных идей Маньчжоу-го».

15 августа 1937 года, по случаю начала японо-китайской войны, штаб этой русской эмигрантской организации организовал в Харбине Всенародное собрание протеста против «вероломного нападения китайских властей в Северном Китае», в котором было представлено 69 организаций всех национальностей Маньчжоу-го, в том числе и российские эмигрантские. Для практической работы среди белой эмиграции в Кио-Ва-Кай был создан Особый отдел с русскими сотрудниками, который занялся внедрением идей общества в эмигрантские массы. В 1936 году первые русские эмигранты вступили в члены Кио-Ва-Кай. В 1939 г. для работы с русской молодежью, чему японское командование придавало особое значение, учреждается Российская эмигрантская организация молодежи Кио-Ва. В июле 1940 года, при поддержке японской администрации, были открыты Высшие курсы под названием Кио-Ва-Кай для русской молодежи. Для воспитания русских юношей и девушек в антикоминтерновском духе, в мае 1941 года японской администрацией был торжественно открыт в Харбине «Дом молодежи», затем были созданы русские отряды Кио-Ва-Кай. Главным направлением работы Кио-Ва-Кай была и оставалась так называемая антикоммунистическая деятельность. В декабре 1936 года в маньчжурской прессе была опубликована «Декларация Кио-Ва-Кай о борьбе с Коминтерном», согласно

которой проводились регулярные мероприятия: конкурсы на лучшие антикоммунистические лозунги и плакаты, разнообразные собрания протеста против деятельности Коминтерна в Восточном полушарии, недели публичного разоблачения коммунизма и прочий, как сказали бы сегодня, «политический пиар». Японская военная миссия в Харбине была твердо убеждена в том, что перед белой эмиграцией стоят особые задачи, которые она должна решать только через организацию Кио-Ва-Кай. Что же это были за задачи, и каким виделось их решение японским хозяевам русской эмигрантской общественности? Во-первых, политический характер российской эмиграции определялся ее антикоммунистической платформой, а во-вторых, историческая миссия этой эмиграции в Восточной Азии заключалась в «установлении духовной и действительной связи между ее народами и народами Великой Восточно-Азиатской сферы совместного процветания и благополучия». Однако, несмотря на все декларативные усилия японских властей придать им привлекательность, эти идеи находили слабую поддержку среди российского населения Маньчжурии. Об этом ярко свидетельствуют не только воспоминания современников той поры, но и сам факт того, что должности во всех этих многочисленных организациях, созданных японцами, занимали одни и те же, приехавшие обыкновенному среднему эмигранту лица лица: функционеры БРЭМ, фашистской партии, Дальневосточного союза казаков, генералы В.А. Кислицын, А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, К.В. Родзаевский. 9 ноября 1936 г. в Тяньцзине на особом собрании руководителей русских белогвардейских организаций было решено создать эмигрантский антикоммунистический союз — Российский сектор мирового антикоммунистического фронта. Председателем его был избран есаул Е.Н. Пасухин, не засветившийся в политическом «пиаре» ранее и, по общему убеждению, честный человек «из народа». 9 октября 1938 года энтузиастами эмиграции был создан уже Центральный антикоммунистический комитет. Во главе его

стал все тот же Е.Н. Пастухин, а некие С.К. Караваев и Н.М. Губанов оказались его заместителями. В Пекине отдел ЦАК возглавлял генерал Розанов, а в Шанхае работал сын генерала Д.Л. Хорвата — Д.Д. Хорват. В 1939 году, при участии японцев, был проведен съезд представителей антикоммунистических комитетов, на котором было решено создать для русских эмигрантов Дальневосточный институт, позднее переименованный в Восточно-Азиатский институт. На втором съезде ЦАК, проходившем в 1940 году, была изменена система регистрации эмигрантов. Таким образом, если до 1940 года белоэмигрантами считались те, кто состоял на учете при БРЭМ, где все они делились на политических, аполитичных и антикоммунистов, то с 1940 года эти же лица и вновь прибывшие уже делились активистами БРЭМ на экзаменующихся, пассивных и активных антикоммунистов. ЦАК имел свой орден — «Возрождение Азии» в виде овала, в середине которого на темно-золотисто-зеленом фоне эмали белый меч пронзает красную звезду. Вступление в мировую войну Японии, ознаменовавшееся ее нападением на американскую военно-морскую базу Перл Харбор в декабре 1941 года, изменило многое в жизни русской эмиграции. Для иностранцев, в том числе и русских, наступили тяжелые времена. Японские оккупационные власти ужесточили административный и политический контроль над проживавшими европейцами и американцами, создавали всевозможные препоны для их экономической деятельности, усилили идеологическое давление на шанхайскую прессу. Начало Великой Отечественной войны совпало с заявлением двух эмигрантских организаций — «Союза монархистов» и «Союза русских военных инвалидов в Шанхае» о своей готовности сражаться на стороне Германии. После того, как русские эмигранты разделились на «пораженцев» и «оборонцев», причем последних, желавших победы Советского Союза, было значительно больше. Немалую роль в появлении в Шанхае значительного числа симпатизирующих СССР людей сыграл «Союз возвращения на Родину», действовав-

ший в Шанхае с конца тридцатых годов. Откровенно про- советская газета «Родина», сменившая с лета 1941 года свое название на более нейтральное — «Новая жизнь», активно пропагандировала советский образ жизни. Газета стреми- лась оказать значительное влияние на умы эмиграции, осо- бенно в ее последний период, когда в Шанхае наметился рост желающих вернуться в СССР. В 1943 г. одним из первых, после неоднократных просьб, получил советское граждан- ство А.Н.Вертинский и после четверти века скитаний вер- нулся на родину. Надо признать, что с началом Второй ми- ровой войны в среде русской белой эмиграции на Дальнем Востоке произошел традиционный для всей русской эмиг- рации в целом раскол. Самые «правые» из эмигрантов, осо- бенно активно боровшиеся все эти годы с советской влас- тью и наиболее враждебно настроенные к СССР руководи- тели эмигрантских организаций, созданных японцами, таких как БРЭМ и его филиалы, приветствовали начало войны и желали выступления Японии на Дальнем Востоке. Их рука- ми японское командование создавало малочисленные рус- ские военные отряды для участия в планировавшейся вой- не с СССР. Первый такой отряд был сформирован в 1937 году, располагался он недалеко от Харбина. Во главе стоял японский полковник Асано. Отряд так и называли «Асано», а тех, кто служил в нем, — асановцами. С 1944 года самурай Асано «пошел на повышение» и с достоинством отбыл в Харбин. Его сменил русский полковник Смирнов, его заместителем стал майор Михайлов, из забайкальских казаков. Ну, а тех, кто служил в отряде, по сложившейся тра- диции продолжали называть «асановцами». Каждый призыв в отряд состоял из 45—50 новобранцев, прибывавших с во- сточной стороны железнодорожной ветки КВЖД. Чуть мень- ше прибывало в отряд из Хайлара и Трехречья. Еще нака- нуне войны, в 1938 году этот отряд использовался японца- ми в боях с корейскими партизанами, а годом позже, в 1939 году, в составе 250 человек участвовал в боях против Советской армии на реке Халхин-Гол. Второй русский от-

ряд был сформирован в Хайларе, накануне начала Великой Отечественной войны в 1941. Отряд возглавил полковник из забайкальских казаков, И.А. Пешков, известный своими зверствами в Трехречье в 1932 году. Уже в ходе Второй мировой, в самом конце 1943 года, отряд Асано был наконец развернут в «Российские воинские отряды» армии Маньчжоу-го, состоявшей из регулярных частей кавалерии, пехоты и отдельных иррегулярных казачьих частей. При Российских воинских отрядах белыми эмигрантами было открыто двухлетнее военное училище, выпускникам которого предоставлялась последующая возможность службы в Квантунской армии. Руководство Союза казаков по заданию японской армии сформировало собственные казачьи части, состоявшие из 5 полков, двух дивизионов и одной отдельной сотни, входивших в так называемый Захинганский корпус. В это же время в эмигрантской среде даже бывших кадровых военных Русской армии исподволь стали появляться и «оборонческие» настроения. Русское население Харбина часто с большим трудом получало правдивую информацию о положении дел на советско-германском фронте, так как за слушание передач советских радиостанций русские люди бесследно исчезали в застенках японской военной разведки. И все же русское население пыталось принимать коротковолновое радио с помощью разных нехитрых инженерных приспособлений. В феврале 1945 года советскими пропагандистами из Хабаровска было организовано вещание на Харбин и Маньчжурию квазиподпольной эмигрантской радиостанции, находившейся якобы в Харбине. В ее передачах, кстати, принимал активное участие известный советский писатель, автор монументального произведения о неистребимом большевистском бронепоезде «14—69», сам бывший эмигрант, Всеволод Иванов, прямо-таки с комсомольским не по возрасту азартом взявшийся за новое для себя дело радиокomentатора. Сведения об относительно реальном положении дел на фронте поступали к русским эмигрантам и от тех советских людей, которые служили в

штате советского Генерального консульства и странной категории «не выехавших советских граждан». Из Харбина эта информация текла дальше, вдоль по линии КВЖД. Эмигрантская пресса в Маньчжурии, естественно, находилась под жесточайшим контролем японской военной цензуры. Дело порой доходило до курьезов, когда знаменитый эмигрантский «Рубеж» вплоть до 25 июля 1945 года помещал статьи о победах японской армии. Последний из номеров «Рубежа», вышедший в августе 1945 года содержал статьи, написанные в лучших традициях советского агитпропа о выполнении «великих задач, стоящих перед Квантунской армией и правительством Маньчжоу-го». Высшее руководство БРЭМ в конце июля 1945 года, охватила паника. Последний начальник БРЭМ генерал-майор Л.Ф. Власьевский подписал свой последний приказ 4 августа 1945 года, назначив временно исполняющим обязанности начальника Главного бюро некоего М.А. Матковского. Сам Матковский успел лишь выпустить два распоряжения по штату БРЭМ, а 18 августа 1945 года неожиданно для всех выступил с публичным, покаянным обращением к генеральному консулу СССР в Харбине. В этом документе он выразился вполне в советском духе вдохновенным тоном записного советского борзописца, просил руководство СССР предоставить проживающим в Маньчжурии «бывшим российским подданным, по формальному признаку именуемым российскими эмигрантами... возможность трудиться — во имя тех высоких принципов, за которые наш народ выстоял и победил». Для того, чтобы придать своей деятельности наиболее нейтральный в глазах Советов вид, Матковский подчеркивал, что «лично с самого основания Бюро выполнял обязанности одного из высших руководителей Бюро эмиграции и считает, что по объективной справедливости должен нести ответственность за те или иные действия российских эмигрантов». На основании чего он просил советское правительство «дать ему возможность понести полную ответственность по всей строгости законов СССР и освободить от таковой всех

остальных российских эмигрантов». В отличие от Матковского, дождавшегося в Харбине прихода Красной армии, другие лидеры дальневосточной эмиграции, такие, как генерал Семенов, идеолог русского фашизма Константин Родзаевский, Бакшеев, и сам генерал Власьевский, пытались спастись из Китая бегством но были арестованы при участии вездесущих органов СМЕРШ. Как всегда, «компетентные органы» проявили и в этот раз неплохое знание тонкостей маньчжурской географии и топонимики ее отдаленных уголков. Г.М. Семенов был пойман и арестован в Дальнем, а «главный фашист» К.В. Родзаевский — в Чанчуне. Говоря о рядовых эмигрантах, можно с уверенностью сказать, что большинство из них искренне приветствовало приход Красной армии в Маньчжурию, не особенно заглядывая в собственное будущее. Советское генеральное консульство создало в Харбине штаб обороны под руководством своего сотрудника Н.В. Дрожжина, в который входило до 3 тысяч русских. Из них лишь 240 были советскими гражданами, а все остальные 2760 — русскими эмигрантами. Русская молодежь в Харбине разоружила японские воинские части Маньчжоу-го и поставила перед собой задачу сохранить в неприкосновенности все городские жизненно-важные коммуникации до прихода советских войск. По многим воспоминаниям участников тех бурных событий русские жители Маньчжурии оказывали всевозможное содействие советским солдатам. Это было и в крупных городах — Харбине, Чанчуне, Мукдене, Дальнем и на множестве маленьких станций КВЖД. За это, после окончания Второй мировой войны, согласно указам Президиума Верховного Совета СССР определенной части эмигрантов было предоставлено право получения советского гражданства. Это право получали лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи, а также, лица, утратившие по каким-то уважительным причинам советское гражданство, и их дети. В первую очередь это право распространялось на эмигрантов, которые в описываемое время проживали в Мань-

журии, в провинции Синьцзян, в Шанхае и Тяньцзине. Однако и здесь советская власть не смогла проявить достаточно благородства к «бывшим» и «белым». Массовый исход эмигрантов из Шанхая произошел сразу после окончания Второй мировой войны. К концу 40-х годов в Шанхае оставалось всего не больше нескольких сотен русских, что лишь невольно подтверждало печальную истину о том, что «русскому Шанхаю, культурному центру Дальнего Востока пришел конец». Жизнь российской колонии в Шанхае в 30-е — начале 40-х годов имела как много общего, так и существенные различия с положением русских эмигрантов в Маньчжу-дго. Здесь существовало множество благотворительных, профессиональных, молодежных, творческих обществ и союзов, способствовавших адаптации русских людей к жизни в новых обстоятельствах. Как и в Маньчжурии, русские шанхайцы прилагали серьезные усилия для сохранения национальных традиций и воспитания молодежи в национальном духе. Некоторое улучшение материального положения эмигрантов привело к значительной активизации их культурной жизни, что является еще одним доказательством важной роли культуры в истории российского зарубежья в целом. В то же время, оккупация Шанхая японцами в 1937 г. не принесла таких серьезных изменений в жизнь русской колонии города, как это было в Северо-Восточном Китае. Японские власти до конца 1941 года не пытались подчинить русских шанхайцев своему контролю. Приход Советской армии в Маньчжурию в августе 1945 года положил начало последнему периоду в истории белой эмиграции в Китае. Дальневосточная эмиграция, как и европейская, после окончания Второй мировой войны разделилась на два лагеря. Один — объединял людей, испытывавших глубокую симпатию к советскому народу и считавших СССР, своей настоящей родиной, другой составляли так и не смилившиеся с советской властью эмигранты. Большинству из них удалось благополучно выехать летом и осенью 1945 года за пределы Китая. Кто-то отправился попытать счастья в США,

кто-то избрал для своего дальнейшего пребывания Австралию или Латинскую Америку. Что касается представителей первого лагеря, то, вдохновленные победой Советского Союза, они стали выступать за свое скорейшее возвращение на родину. По высказываниям очевидцев, приведенным в своем исследовании г-жой Абловой, даже «постаревшие эмигранты уговаривали своих детей, родившихся в Шанхае и даже не говорящих по-русски, «вернуться домой». Что же касается молодежи, то она почти поголовно стремилась в СССР. Речь шла о «поколении внуков тех, кто строил КВЖД, и детей тех, кто позднее трудился там, кончал в первых выпусках Харбинский политехнический, составляя, по сути, собой Харбин тридцатых годов... дети, родившиеся там... не мыслили не уехать!» Вскоре такая возможность была предоставлена всем желающим. Ряд Указов Президиума Верховного Совета СССР 1946—1948 годов, говоривших о праве получения советского гражданства бывшими подданными Российской империи, а также лицами, по тем или иным причинам ранее утратившими советское гражданство, открыл дорогу на родину десяткам тысяч человек из Франции и Китая, США и Бельгии, Югославии и Канады. Впрочем, нужно признать, что далеко не все из дальневосточных эмигрантов возвратились в СССР по своему желанию. Особенно много таких «возвращенцев поневоле» было из Маньчжурии, так как сразу же после вступления сюда Красной армии советская военная администрация и органы СМЕРШ начали аресты активных деятелей эмиграции, известных своими антисоветскими делами и убеждениями. Очевидцы утверждают, что «репрессии начались буквально с первых же дней или даже часов появления советских войск... Были разгромлены редакции крупнейших русских газет «Харбинское время» и «Заря», журнал «Рубеж». Именно тогда были арестованы и интернированы в СССР вожди белой эмиграции генералы Г.М. Семенов, Л.Ф. Власьевский, А.П. Бакшеев, фашисты К.В. Родзаевский, Б.Н. Шепунов, Л.П. Охотин, И.А. Михайлов, князь Н.А. Ухтомский. Судьба этих

людей в СССР общеизвестна: в конце августа 1946 г. в отношении этих восьми человек в Москве состоялся судебный процесс, в результате которого атаман Семенов был приговорен к повешению, Власьевский, Бакшеев, Родзаевский, Шепунов, Михайлов — к расстрелу, Охотин, бывший охранник Родзаевского и князь Ухтомский, известный журналист соответственно — к 20 и 15 годам лагерей, где оба и умерли. Стало очевидным, что освобождение Харбина советской армией принесло трагические последствия для многих представителей эмигрантской творческой интеллигенции. Тогда же, в 1945 г. в Харбине были арестованы талантливые поэты Арсений Несмелов, погибший в одном из пересылочных лагерей в 1945 году, Алексей Ачаир, он же А.А.Грызлов, отсидевший десять лет в советских местах заключения. Едва спасся от ареста широко известный за пределами Дальнего Востока писатель и ученый-натуралист Н.А. Байков, уничтоживший накануне прихода советской армии весь свой литературный архив. С большим трудом в марте 1956 г. Байковым удалось выбраться в Австралию. Поток людей, «забранных в сорок пятом, когда вошла Армия» охватил собой десятки тысяч судеб. Общеизвестно, что многие русские люди были вывезены в СССР насильно, ибо «по восточной и западной веткам КВЖД, а также ЮМЖД подчистую забрали всех, кто в 1935 г. отказался добровольно вернуться на родину». В 1945 году брали всех разом. Сюда входили люди, классифицированные СМЕРШевцами как «бывшие» «колчаковцы», «каппелевцы» или «семеновцы»; русские молодые люди, имевшие глупость служить в отряде Асано; старожилы КВЖД или служащие дороги, взятые «за связь с БРЭМ». Последние пострадали совершенно безвинно. Семьи многих «забранных» оставались в Харбине, некоторые работали на той же дороге, и только в середине 50-х годов все же вернулись в СССР. Судьба некоторых добровольно возвратившихся оказалась горестной. Во второй половине 1945 года — начале 1946 в Китае работала большая группа работников государственных архивов советско-

го Дальнего Востока и НКВД. На основании вывезенных ими в СССР эмигрантских фондов были составлены различные списки бывших эмигрантов, возбуждены дела на особо заметных людей. И сейчас часть этих дел находится на положении документов специального хранения в ГАХК. Так как большая часть возвращавшихся в СССР людей проходила через особо учрежденные для этой цели фильтрационные лагеря, то благодаря лагерным спискам многие из прибывавших в них временно людей получили различные сроки заключения, как например, писатели Б. Юльский и А. Хейдок. Исход белых русских из Шанхая, Тяньцзиня, Циндао и других городов Китая был продиктован соображениями эмоционального, часто ностальгического характера, выразившихся в безоглядном возвращении в СССР — у одних, и неприятием победившей в Китае коммунистической идеологии — у других. Сочувственно настроенные к СССР русские, в количестве примерно 4 тыс. человек, уезжали из Шанхая пятью группами на протяжении августа-ноября 1947 года. К осени 1948 в Шанхае оставалось около 8 тыс. эмигрантов. Над многими из них время было безвластно. Прожитые годы ничему, казалось, не научили их. И они не желали замечать реальности нового дня, так и оставшись убежденными антикоммунистами. Другим эмигрантам, из числа желающих все же въехать в СССР, советскими загранучреждениями было просто отказано в получении советского гражданства. Возвращение на родину для многих эмигрантов оказалось делом не столь простым. Советское правительство разрешало въезд в СССР далеко не всем желающим. Так, 7 тыс. (!) русских шанхайцев в 1947 г. было отказано в разрешении вернуться на родину. Даже получившие советское гражданство не сразу могли вернуться в Советский Союз. Е. Таскина вспоминает: «В Харбине после событий 1945 года еще свыше 10 лет оставались жить и работать десятки тысяч русских людей, взявших советское гражданство». Часть этих людей покинули Шанхай буквально в последние минуты перед приходом национальной ар-

мии Китая. Они покинули страну, перебравшись, кто как мог на филиппинский остров Тубабао, откуда постепенно начался отток русских вынужденных переселенцев в другие страны мира. В январе 1949 года около 3 тыс. русских из Циндао были вывезены на двух американских военных кораблях благодаря хлопотам В.П. Камкина, главы местной русской колонии в Циндао. В наши дни семья Камкиных владеет известной в США русской книготорговой фирмой «Виктор Камкин». 4 мая 1949 г. отбыл на Филиппины архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович) со своей паствой и всем клиром. К лету 1954 г. в Шанхае оставалось не более 200 русских эмигрантов. Совместная советско-китайская эксплуатация КЧЖД в 1946—1948 гг., как указывает Л. Чугуевский, сыграла роль своеобразной отдушины, в условиях которой «местные» сограждане на какой-то сравнительно небольшой срок получили возможность довольно сносного существования. Новое руководство КЧЖД поручило заместителю Управляющего дорогой инженер-полковнику Ожигову восстановить преподавание на русском языке в Харбинском политехническом институте и открыть двери института для русской и китайской молодежи. Ожиговым были вновь открыты инженерно-строительный, электро-механический, химический, горный, инженерно-экономический и восточно-экономический факультеты. Учебные программы и планы факультетов были приближены к похожим, некогда составлявшим учебный план российского Императорского Дальневосточного университета. Для китайской молодежи были открыты двухгодичные подготовительные курсы, дававшие достаточные знания языка и математики для слушания лекций на русском языке. На курсах преподавали квалифицированные преподаватели из числа русских эмигрантов. Так, заведующим кафедрой китайского языка восточно-экономического факультета крупный русский ученый И.Г. Баранов, известный современным студентам, изучающим восточные языки, как автор классического русско-китайского словаря. Обучение в институте было бесплатным,

ибо он состоял на бюджете КЧЖД. Последняя массовая волна возвращения русских из Маньчжурии пришлось на середину 50-х годов, сразу после объявления советским правительством в 1954 года призыва о возвращении в СССР молодежи для участия в освоении целины. Большинство возвратившихся из Харбина молодых людей смогли вернуться в СССР, лишь пройдя целинные земли Казахстана в пятьдесят четвертом, когда «открылась такая, и только такая, дверь на Родину». За энтузиастами возвращения двинулись на целину даже их родители, хотя возраст для того был не всегда для того подходящий. Много эмигрантов вернулись в Советский Союз вообще без особых проблем, как, например, Н. Ильина, Ф. Дмитриева, Л. Хаиндрава. По-видимому, каждый из возвратившихся в СССР заплатил своей мерой за это право и мера эта была у всех разная. Подписание Заключительного протокола 31 декабря 1952 года привело к серьезным изменениям в жизни российских эмигрантов в Маньчжурии. Для русских служащих дороги наступили трудные времена: началось массовое увольнение их с КЧЖД, а также и из вспомогательных предприятий и учреждений железной дороги. Закрывались русские школы и гимназии, Харбинский политехнический институт был передан китайским властям. В институт стали приходить новые китайские кадры — чтобы заменить русских преподавателей. Новое китайское руководство института ввело смешанное китайско-русское обучение с постепенным переходом преподавания предметов на китайском языке. Практически во всех учреждениях Харбина происходили увольнения русских служащих с предложением возвращаться в СССР по призыву Москвы. Многие русские жители Харбина, не желавшие ехать в Советский Союз, предпочли дальнейшую эмиграцию — в Австралию, США, Канаду, в виду отсутствия в Китае будущего для них, их детей и внуков. В то же время в Маньчжурии все же было немало людей, совсем не хотевших никуда уезжать. Так, в Харбине оставались люди, в основном, бездетные или несемейные, а в Трехречье бы-

товали владельцы крепких крестьянских хозяйств, староверы. Однако и они к концу 1950-х годов практически все были вытеснены китайскими властями за пределы страны вне зависимости от их желания. Русские жители Трехречья вообще были насильственно выселены китайскими властями за границу в течение 1955—1956 годов. Большинство из них уехали в Советский Союз, немногие смогли добраться до Австралии. Хинганские староверы, после предложения китайских властей о переселении в один из безлесных районов Северной Барги, всей колонией в конце 1949 года отбыли в Латинскую Америку. В начале 1960-х гг. они переехали на Аляску, где основали свое село Никольское. Уже к началу 60-х годов почти все русское население Харбина и Маньчжурии уехало. Подписание Заключительного протокола о передаче КВЖД предопределило массовый исход бывших российских граждан из Китая и поставило точку в истории русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Этим исходом завершилась последняя страница истории Китайско-Восточной железной дороги, построенной Россией к 1903 году в малонаселенной и экономически неразвитой Маньчжурии. Дорога дала ощутимую динамику развития промышленности края, превратившей Дунбэй к середине XX века в один из развитых индустриальных районов Китайской Республики. С этого времени — начала 1953 года КЧЖД является важной железнодорожной магистралью Китая, но перестает играть роль в международных отношениях на Дальнем Востоке как инструмент региональной политики СССР, и как объект соперничества ведущих стран мира. Всего несколько сот русских жителей вопреки всему оставшихся в Китае, стали свидетелями ужасов китайской «культурной революции». Согласно проведенной в 1982 г. в КНР переписи населения здесь проживало 2933 русских, из них в Синьцзян-Уйгурском автономном крае — 2262 человека (для сравнения, в 1957 г. их было 9700), в провинции Хэйлунцзян — около 100 человек, во внутренней Монголии —

несколько десятков человек, и немногие — в Пекине, Шанхае и других городах.

Согласно китайской статистике, в начале 1990-х гг. в Харбине проживало около 20 человек русских, почти все они были уже преклонного возраста, хотя с удивлением китайские статистики отмечали, что несколько русских, в том числе подростков, живет в Трехречье. Таким образом, последний период в истории российской эмиграции в Китае продолжался с августа 1945 года до рубежа 1950—1960-х годов. Основное содержание этого этапа — массовый исход белых русских из Китая. Причем, если выезд эмигрантов из Шанхая и других городов Китая продолжался недолго (конец 1940-х годов), то исход русских из Маньчжурии растянулся на 15 лет и завершился только накануне «культурной революции». Подводя итог нашему повествованию об историческом явлении русской белой эмиграции на Дальнем Востоке, нельзя не отметить отличительную особенность дальневосточного зарубежья. В Европе, США, Канаде, Австралии, Латинской Америке потомки российской эмиграции так называемой «первой волны», несмотря на все процессы адаптации и ассимиляции, продолжают или хотя бы пытаются сохранять традиции своих отцов и дедов. В Китае, кроме памятников русской материальной культуры, которые, кстати, китайские власти не перестают последовательно уничтожать и поныне, не осталось практически ничего из всего многообразия русской жизни, существовавшей здесь более половины века. В то же время на родине многие из вернувшихся достигли больших успехов, особенно на ниве науки, в области искусства и литературы. Широкой популярностью и любовью до сих пор пользуются имена А.Н. Вертинского и О. Лундстрема, известны книги и статьи Н. Ильиной, А. Хейдока, Л. Кравченко, Б. Юльского, Л. Хаиндравы. В среде российских синологов хорошо известны имена крупных ученых русского зарубежья на Дальнем Востоке — Г.В. Мелихова, В.С. Таскина, Е.П. Таскиной, В.С. Старикова, А.Г. Малявкина и др. В наши дни в России

активно действует ассоциация «Харбин», выросшая из созданной еще в советское время Ассоциации друзей Харбинского политехнического института и имеющая отделения в Москве, Новосибирске, Саратове, Сыктывкаре. Такого же рода Объединения существуют в Австралии, Польше и Израиле. Издаваемые этими организациями в России и за рубежом периодические издания информационного, историко-публицистического и мемуарного характера имеют очень большое значение для сохранения истории российской эмиграции в Маньчжурии. В связи с этим необходимо назвать еще одну особую черту российской эмиграции в Северо-Восточном Китае. Преобладающему большинству людей, проводивших детство и юность в Харбине и на линии, свойственна ностальгия по «малой родине» в Маньчжурии, щемящее чувство тоски по ушедшему навсегда «русскому» Харбину.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Если жизнь русской эмиграции в Европе и Америке довольно хорошо изучена и представлена во многих работах современных исследователей эмигрантской жизни, то зоны дальнего рассеяния русских еще ждут своего открытия. География расселения людей так или иначе связанных с Белым движением, их детей и далеких потомков, невозможно описать бегло. Так неповторимо и богато их жизненное наследие, столь причудливы и уникальны жизненные пути эмигрантов, покинувших свою несчастливую родину. Нужда и бедствия гнали русских людей из обширных российских пределов не одно десятилетие после злополучного октября 1917 года. Не остановило бегство и принятие законов, уже сточавших выезд людей за границу, ни жестокости по отношению к отчаявшимся беглецам, пытавшимся пересечь государственную границу в направлении от СССР, ни бегство из зон советской оккупации, также сопряженное с риском, ни отчаянные эскапады дипломатов, матросов, работников торгпредства и даже вчерашних палачей- чекистов... Бегство в неопределенность Европы и других континентов с неопределенным будущим казалось лучше пребывания в советских условиях, пусть даже и на свободе. Еще долго после окончания войны, русские эмигранты, живущие в разных европейских странах, предпочитали оставаться на насиженных местах, отказаться от гражданства страны проживания и ждать падения коммунистической власти в СССР. Многие из белых эмигрантов, спасаясь от СМЕРШа и МГБ,

оказались рассеянными по свету, добравшись до самых отдаленных уголков земного шара, о которых в иные годы большинство из них не могли и помыслить. Волею обстоятельств, люди, оказавшиеся на других континентах, продолжали свою жизнь, стремясь сохранить русскую культуру и усовершенствовать окружающую их иностранную жизнь. И особенно остро переживалась разлука с домом в дальних диковинных странах, куда судьба забросила русского человека. И потому в песках Сахары и под пальмами Бельгийского Конго, русский человек старался приспособить под себя окружавшую его экзотическую жизнь. А профессия военного помогала обустроить свой быт и наладить жизнь Бог весть, в каких «медвежьих углах» планеты. Русская Православная церковь не отставала от своих рассеянных по всему мировому пространству чад, стараясь, чем возможно, поддерживать их дух. Трудно представить, но 23 октября 1927 года на север Африканского континента, в марокканский Рабат приехал иеромонах с русского Севера, из Валаамского монастыря о. Варсонофий (Толстухин), и уже через два дня организовал первое собрание своей приходской общины, поведав им о том, как намерен скрепить узы российских изгнанников с утраченным ими Отечеством. Со временем его стараниями было учреждено «Общество Православная Церковь в Марокко». Первое время, за неимением храма, богослужения совершались в разных местах, но в самом начале 1928 года русским эмигрантам удалось получить пустующий барак от щедрот французской колониальной администрации. В феврале того же года русские прихожане, объединив усилия, устроили в нем церковь, которую 8 апреля освятили в честь Светлого Христова Воскресения. Через некоторое время православному приходу в Рабате удалось приобрести и немного земли. Таинство освящения храма в 1932 году прошло на волне большого эмоционального подъема прихожан и клира, обретших свой духовный угол на выжженной солнцем марокканской земле. Русские съехались в Рабат со всех городов, чтобы побывать на православной службе. Храм, созданный общими усилиями всей марокканской русской

эмиграции, сделался в те дни главным центром всей русской жизни на Севере Африки. В городке Хурибге управление завода по добыче фосфатов передало русским здание католической церкви. В нем приходскими активистами был устроен православный Троицкий храм. В этом простом деревянном храме во время службы могло вместиться 150 человек.

19 октября 1930 года о. Варсонофий освятил церковь, и жизнь прихожан потекла своим чередом. Храм стоял на каменном фундаменте, в нем был мозаичный пол. Над железной крышей возносилась звонница с двумя колоколами, гудевшими под неистово- синим марокканском небом. А над нею, казалось, плыл в раскаленном марокканском воздухе большой голубой купол. По куполу золотой россыпью художник разбросал звезды, а венчал его блестящий восьмиконечный крест, видимый всякому, проезжающему эти места, еще издалека. Администрация завода предоставила о. Варсонофию и небольшую квартиру при храме, положив ему 500 франков ежемесячного пособия. Первым настоятелем храма стал иеромонах о. Авраамий (Терешкевич). Богослужения в храме городка Касабланки совершались два раза в месяц. Первоначально русские эмигранты, за неимением храма, шли на службы, проходившие на частных квартирах, а чуть позже, по межконфессиональному согласованию, православная службы совершалась в помещении местного протестантского храма. Случалось, что православные богослужения шли в помещении «Русского клуба», пока, наконец, они не были перенесены в специально снятый для этой цели частный дом.

26 марта 1944 года старостой местного храма был избран русский военный эмигрант, адмирал А.И. Русин, исправно исполнявшим свой долг и ведавшим помимо всего прочего и приходской казной. В послевоенные времена регулярно совершались православные службы и в Танжере. При марокканских храмах клириками проводились уроки Закона Божия, ими же устраивались благотворительные вечера и тра-

диционные русские чаепития для прихожан и их семей. А в другой французской колонии того времени, Алжире, помещение для церкви было найдено в пристройке к англиканской церкви. И все же самой оживленной была приходская жизнь в тунисском порту Бизерте, где первоначально оказались шесть тысяч русских моряков и членов их семей, прибывших туда в 1920 году. Там служило 13 священников. Протопресвитером флота, пришедшего в Бизерту, был назначен протоиерей Г.А. Спасский, он же и основал в Бизерте приход, о чем подробно мы рассказывали во второй главе. Однако в течение долгого времени, задолго до того, как усилиями русских эмигрантов был обустроен храм в крепости, богослужения совершались на одном из кораблей пришедшей Русской эскадры. С течением времени корабельная церковь была перенесена в частную квартиру, при ней стараниями военных моряков и судовых священников сразу были организованы воскресная и общеобразовательная школы. В 1937 году, получив разрешение колониального муниципалитета, русская православная община начала возведение храма-памятника кораблям Русской эскадры, освященного в 1938 году в честь св. Александра Невского. Церковной заветой храма стал Андреевский флаг, названия кораблей Русской эскадры увековечили в надписях на мраморных таблицах, расположенных на стенах в храме. В столице Туниса также возникла православная община, которую возглавил протоиерей К.Михайловский. После войны в Рабате о. Варсонофий выразил желание перейти в Московскую Патриархию, многие русские получили здесь советские паспорта. Однако еще в 1946 году в Касабланке начались хлопоты о получении священника из Парижа. Но митрополит Владимир не нашел подходящей кандидатуры, и в качестве выхода предложил княгине В.В. Урусовой, бывшей начальнице поезда Красного Креста императрицы Александры Федоровны, обратиться с соответствующей просьбой к главе Русской Зарубежной церкви митрополиту Анастасию (Грибановскому). В 1947 году в Марокко прибыли две многочисленные

партии перемещенных лиц, состоявших из 1000 человек. Они осели в Касабланке и ее пригороде Бурназеле. Приехавшие перемещенные люди, навидевшиеся ужасов коммунизма в Европе, не задумываясь, присоединились к Зарубежной церкви, ибо хорошо успели понять конформистский характер сергианства, выступавшего в коалиции с советской властью. Неожиданно для большинства русских эмигрантов, в 1948 году в Рабате общее годовое собрание прихожан приняло решение остаться в Московской Патриархии. В Касабланке же был принят новый устав прихода, и разделение русской колонии в Марокко окончательно закрепилось. К январю 1949 года были созданы Троицкий храм — он размещался в одном из бараков Бурназеля — и домовая церковь во имя Державной Божией Матери в Марракеше, приписанные к приходу в Касабланке. К приходу в Касабланке был приписан также храм во имя св. Пророка Даниила в Танжере, построенный на средства бывшего английского консула в России. В 1950 году было начато возведение каменного Успенского храма в Касабланке, который был освящен в Татьянин день в 1958 году. По инициативе протоиерея М.Зноско-Боровского был выстроен склеп-часовня на собственном участке христианского кладбища. Деятельность русской эмигрантской общины и клира была очень разнообразна. В 1949—1958 годах церковный хор дал более 50 концертов, большинство из них — на благотворительные нужды различных организаций, а также для больных и стариков. С концертами часто выступал и детский хор. Церковные службы совершались также в летних детских лагерях. В 1948 году сформировался «Свято-Сергиевский Благотворительный Фонд», в Касабланке выходил «Приходской листок». В 1949 году торжественно праздновался Пушкинский юбилей, затем стали проводиться «Дни русской культуры», отмечалось столетие со дня смерти Н.В. Гоголя, устраивались духовные вечера. В 1951 году в Тунис для управления приходами Северной Африки был назначен архиепископ Пантелеймон (Рудык). В конце 1952 года его сменил епископ

Нафанаил (Львов), а 17 декабря 1954 года администратором в Северной Африке был назначен сам протоиерей о. Михаил (Зноско-Боровский). В Тунисе в 1953 году православному приходу, насчитывавшему после войны 250 человек, удалось приобрести участок для постройки храма и приходского дома. Храм во имя Воскресения Христова был освящен в 1955 году архиепископом Западно-Европейским о. Иоанном (Максимовичем) и епископом Женевским Леонтием (Барташевичем). Им сослужил настоятель храма иеромонах о. Митрофан (Едлинский-Мануйлов). В приходском доме размещался зал для собраний, библиотека и читальня, комната для престарелых лиц. Около 30 стариков были перевезены и устроены в старческий дом во Франции. После получения странами Северной Африки независимости начался массовый отъезд оттуда европейцев. Церковная жизнь русских общин стала быстро угасать. Был закрыт Троицкий храм в Бурназеле. К 1968 году церковь в Марракеше существовала только благодаря стараниям и заботам К.Ф. Абазиной, которая исполняла обязанности псаломщика и певца. В Тунисе осталось всего 48 прихожан, в Бизерте — 6, в Алжире — 12. Протоиерей о. Константин (Леус) в Касабланке к 1968 году был единственным священником Зарубежной церкви на всю Северную Африку. В изданном в конце 1987 года Архиерейским Синодом справочнике упоминаются только четыре церкви в Африке: в Касабланке, Тунисе, Бизерте и Алжире, которые все непосредственно подчинялись Председателю Архиерейского Синода. Ни в одной из них не было настоятеля. Изредка их навещало духовенство Александрийской Патриархии. Церковь в Касабланке обслуживалась священниками о. Павлом (Пуарье) и о. Николаем (Семеновым). В 1947 году в Марокко в Московскую Патриархию перешли архимандрит Варсонофий и игумен, а впоследствии и архимандрит Митрофан (Ярославцев), ставший настоятелем храма в Рабате после кончины архимандрита Варсонофия. Некоторое время в приходе служил о. Василий Солнышкин, который организовал выпуск приходского

бюллетеня. Много сделал для прихода архимандрит Владимир (Балин), до принятия монашества он долгое время работал в доме Антуана де Сент-Экзюпери. При нем началось обновление храма, церковной утвари, облачений, расширились связи с православными других национальностей. О. Владимира стали приглашать для совершения треб осевшие поблизости православные греки, сербы, румыны. Усилились его экуменические контакты с католиками и протестантами. Но к этому времени и в Рабате число прихожан стало уменьшаться. Архимандрита Владимира сменил протоиерей Александр Беликов, до священства служившим профессором философии в Белградском университете. В 1972 году Воскресенский приход был передан в непосредственное ведение председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, в Рабат был направлен из СССР протоиерей по фамилии Захаров. С тех пор настоятели командировались Отделом внешних церковных сношений РПЦ. В 1975 году храм и церковный домик были капитально отремонтированы. Ежегодно устраивалась экуменическая неделя. В 1974 году экуменическую молитву возглавлял коптский епископ Пахомий. Сестры из католического монастыря в Тазерте, расположенного на границе с пустыней Сахарой, написали для храма два образа преподобных — Серафима Саровского и Сергия Радонежского. В течение года настоятель храма устраивал несколько конференций, на которых делались сообщения о богословии и литургической жизни Русской Церкви, показывались диапозитивы и прослушивались церковные песнопения. В Танжере неоднократно совершались литургии, за которыми молились, кроме православных, католики, копты, англикане, протестанты. В 1965, 1976, 1977 годах небольшие группы паломников приезжали в СССР. 12—13 ноября 1977 года приход посетил митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов), бывший в те времена Патриаршим Экзархом Западной Европы и председателем Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и

межцерковных сношений. В 1997 году торжественно отмечалось 70-летие прихода. В Александрии после перехода церкви св. Александра Невского к Московской Патриархии оставшимся прихожанам Александрийский Патриарх Христофор II предложил посещать греческую церковь св. Стефана в предместье Зизикии. Прибывшей вскоре в Александрию великой княгине Милице Николаевне с сыном князем Романом Петровичем и его семьей удалось получить разрешение на открытие прихода. Она выписала из Италии своего духовника иеромонаха Зосиму, и в 1947 году в наемном помещении открылась церковь. В 1954 году в отдельной вилле устроили церковь и приходской дом. Но 24 сентября 1961 года храм закрыли, а все имущество отправили в церковь в Гелиополисе (Каир). Церковь в Гелиополисе построили в 1957 году на земле Русского Каирского Благотворительного Общества в Гелиополисе. Окончательно церковь была переведена в собственное здание в 1958 году. Наладившуюся жизнь Александро-Невской церкви вскоре нарушила начавшаяся арабо-израильская война. В августе 1948 года о. Алексей был арестован и заключен в крепость Ком Эль Дик, расположенной в Александрии. Новым настоятелем стал архимандрит Николай (Прозоров). Русский храм в Александрии неоднократно посещали и служили в нем Александрийские патриархи и другие видные иерархи Александрийской церкви. В 1990 году А.А. Ширинская-Манштейн, старейшина русской эмигрантской общины в Тунисе, обратилась к Патриарху Московскому и всея Руси Пимену с просьбой направить в Тунис какого-нибудь священника из России. Настоятелем храмов в Тунисе был назначен священник о. Димитрий (Нецветаев). 3 июня 1992 года он приехал в Тунис и уже на следующий день совершил литургию в Воскресенском храме. Через несколько дней в храме начались реставрационные работы. 13 сентября 1992 года, после окончания внутреннего ремонта, был освящен престол Воскресенского храма. В наши дни приход в Тунисе окормляет духовно не только русских, но и проживающих здесь болгар,

сербов, румын, палестинцев. В дни праздников богослужения в храмах Туниса и Бизерты совершает митрополит Карфагенский Ириней (Александрийский Патриархат). Сама Анастасия Алесандровна Ширинская — дочь командира эсминца «Жаркий» — более 70 лет жила в Тунисе, отказываясь от паспорта этой страны. Все это время Анастасия Александровна была хранительницей памяти о русских моряках, бросивших свой последний якорь в Тунисе в далеком 1920 году. Дочь капитана русского императорского флота дождалась того дня, когда над кораблями российского флота снова взвились Андреевские стяги. Анастасия Александровна родилась в 1912 г. в России. Ее отец, офицер флота Александр Манштейн служил на Балтийском флоте. Семья переезжала из порта в порт, а летом возвращалась в родовое поместье Рубежное в Донбассе. Но 1917 год перевернул и жизнь страны в целом, и жизнь маленькой Анастасии в частности. 25 октября 1917 года Анастасия вместе с матерью покинула Петроград — как оказалось, навсегда. Семья Манштейн вернулась на Украину в родное Рубежное, которое ей уже не принадлежало. В стране полыхала Гражданская война. Летом 1919 г. Добровольческая армия завладела Крымом и всем Югом России. Началось восстановление Черноморского флота. Александр Манштейн перевез семью в Новороссийск, а затем в Севастополь. Осенью 1919 г. Белая армия начала отступать. Это отступление закончилось через год беспрецедентной эвакуацией Крыма, когда практически за три дня на 126 судов погрузили около 150 тысяч человек: все воинские части, их семьи, часть гражданского населения крымских портов — Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи. Те, кто пережил эти дни, на всю жизнь запомнили, как тысячи людей грузились днем и ночью под траурный звон колоколов, при красном свете пожаров. Это печальное зрелище стало последним воспоминанием маленькой Анастасии о России. 1 ноября 1920 г. эскадренный миноносец «Жаркий», которым командовал старший лейтенант А.А. Манштейн, взял курс на Константинополь, а потом в

составе Русской эскадры — на Бизерту в Тунисе. Как известно, в середине февраля 1921 года, когда в Бизерту прибыла русская эскадра, состоявшая из 33 кораблей, на них оказалось 5800 русских беженцев. Эти люди и образовали первую русскую общину в Тунисе. Анастасии было всего восемь лет, когда она попала в Тунис, но тогда она и не могла представить, что эта североафриканская страна станет ее второй родиной, а Бизерта — родным городом, где пройдет ее детство и юность, где родятся и вырастут ее дети и состарятся родители. Когда в 1925 году Франция признала большевиков, французской колониальной администрацией было велено русским морякам спустить Андреевский флаг и уйти с кораблей. Продолжалась невеселая эмигрантская жизнь. Блестящие флотские офицеры строили дороги в пустыне, а их жены пошли работать в богатые местные семьи, кто гувернанткой, а кто и прачкой. Тоска по родине, африканский климат и убогие условия быта и существования постепенно делали свое дело. Русский угол на европейском кладбище расширялся год от года. Многие эмигранты уехали в Европу и Америку в поисках лучшей доли, стали гражданами других стран. Анастасия Ширинская рассказывает: «Я решила ждать, пока у меня будет русское гражданство, так как я русская и имею право быть русской... Мы потеряли самое главное, мы потеряли свою Родину, а у меня, у большинства, осталось это чувство, что Родину они понесли в себе и должны ее нести». Из всех сил Ширинская стремилась сохранить память о русской эскадре и ее моряках. На свои скромные средства и средства немногих русских тунисцев она ухаживала за могилами, ремонтировала церковь. Сегодня Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская — последняя из «белых» русских, которые пришли с флотом в Бизерту. Прожив жизнь вдалеке от России, она никогда с ней не расставалась. По свидетельствам бывших у нее интервью корреспондентов, Анастасия Александровна говорит на прекрасном русском языке, великолепно знает русскую историю и культуру. В ее доме в Бизерте про-

стая, но очень «русская» атмосфера. Мебель, предметы, книги — все русское, Тунис начинается у нее за окном. И Анастасия Александровна остается сегодня сердцем и душой русской диаспоры, хранительницей русских традиций на земле Туниса. Совсем недавно А.А.Манштейн-Ширинская опубликовала книгу своих воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка», которая почти одновременно вышла по-русски и по-французски. Это одновременно и семейная хроника, и хроника послереволюционной России, а главное — рассказ о трагической судьбе русского флота, который нашел свой последний причал у берегов Туниса, и судьбах тех людей, которые пытались его спасти. «Я хорошо знала многих из них. Вся моя жизнь прошла с ними в Бизерте», — пишет Ширинская. Шли годы. Русская диаспора редела: кто-то уезжал, те, кто оставался, старели... В дом к Анастасии Александровне приносили книги, фотографии, документы. Люди почему-то верили, что она сохранит это духовное богатство. И Анастасия Александровна сохранила. Книга Анастасии Александровны своего рода дань памяти русским морякам, свидетельство их мужества и жизненной стойкости. Это выражение любви автора к России и благодарности Тунису. Наконец, после семидесяти с лишним лет жизни на чужбине без гражданства, Анастасия Александровна Ширинская получила российский паспорт. За последние годы она четырежды побывала в России. Произошли изменения и в Бизерте. Патриарх Алексей Второй направил сюда православного священника, а на старом кладбище установлен памятник морякам российской эскадры. День рождения Анастасии Александровны становится праздником для всей российской колонии в Тунисе. Она работает над новым изданием своей книги воспоминаний. Нужно сказать, что в начале 1920-х годов русские приходы открывались и в Египте. В Александрии последний русский императорский консул А.М. Петров, проживавший в тех местах в 1920-е годы, лично хлопотал об устройстве русского храма в пригороде Сиди-Бишре. Делом это было непростым, ибо в самом начале 1920-х

годов русские дипломаты в Египте были лишены политического иммунитета, так называемых «капитуляционных прав», дававших иностранным резидентам на территории этой страны статус экстерриториальности. Еще в годы Первой мировой войны консулу Петрову пришлось прилагать немалые усилия для организации приема и размещения российских военнослужащих, которые, в соответствии с договоренностями между странами Антанты, больными и ранеными прибывали в Александрию с близлежащих театров войны. Мест в госпиталях и больницах не хватало, приходилось изыскивать новые возможности для их размещения в Александрии. Умершие от ран в госпиталях города были похоронены на кладбище Шатби в центре Александрии при значительной организационной поддержке Петрова. С весны 1920 года русская колония Александрии значительно расширилась из-за притока сюда военных и гражданских лиц, случившегося по причине эвакуации Русской армии барона Врангеля с Крымского полуострова. В Египте она составила более 2000 человек. Александрия, как и в целом Египет, в то время переживала не лучшие свои времена: экономическую стагнацию, рост инфляции, безработицы, дороговизны, с одной стороны, с другой — политический кризис в результате подъема арабского национально-освободительного движения. Многие российские эмигранты стремились трудоустроиться во второй столице Египта, что было почти невозможно по причине вышеуказанных трудностей. Кроме того, в каждом русском англо-египетские власти видели потенциального большевистского агитатора. Петрову и его ближайшему окружению приходилось в этих крайне тяжелых условиях помогать значительно возросшей русской общине города. Это потом возникла относительно четкая структура российской колонии с различными социальными организациями, наличие которых было необходимо для ее более или менее нормального существования. Постепенно, его стараниями, появились Русское культурно-просветительское общество. Оно издавало в Александрии журнал «На

чужбине» и газету «Эмигрант». Возникли Офицерское собрание, Общество русских инвалидов и увечных воинов. Появились Русский кружок любителей сценического искусства, Общество русских студентов, спортивное общество «Энергия» с футбольной и другими командами, игравшими на первенство Александрии, и т.д. При Русской церкви, по свидетельству современников, сложился «прекрасный хор», состоявший из бывших чинов Русской армии барона Врангеля. До возникновения упомянутых общественных образований главную тяжесть забот по «жизнеобеспечению» русской колонии в Александрии несло само консульство во главе с Петровым, являвшееся не только центром общественной жизни соотечественников, но и на первых порах учредителем недостающих звеньев общественной системы самообеспечения русских эмигрантов. Оно являлось, по существу, организатором их включения в социально-экономическую жизнь египетского общества. К примеру, там хорошо действовало «Общество дешевого кредита» для русских беженцев, оно выдавало своим членам ссуды на различные коммерческие и деловые предприятия. Председателем этого общества, как и многих других, стал Петров. Перенять это новшество захотели и другие русские колонии в египетской столице и Порт-Саиде. Трудными временами для русских эмигрантов в Северной Африке оказались Вторая мировая война и нападение фашистской Германии на Советский Союз. С волнением следили они за ходом сражений на полях России и Европы, в большинстве своем, желая победы Красной армии над Германией. «Египетские россияне» принимали посильное участие в различных фондах и мероприятиях по сбору материальных средств, для оказания любой помощи своим соотечественникам в СССР. И здесь Петров был в первых рядах, являясь активистом создания фондов содействия советскому народу в тяжелые для него времена. После окончания войны Александр Михайлович Петров прожил всего лишь более года в Александрии. Он был похоронен на греческом кладбище в Шатби, где покоится прах по-

давляющего большинства русских александрийцев, неподалеку от могилы двух Анастасий — его матери и дочери.

Все дело было в том, что когда в 1920-е годы Советскую Россию уже начали постепенно признавать на Западе, власти многих государств демонстративно стремились отстраниться от прежних российских дипломатов, тем не менее, даже после революции, продолжавших исправно исполнять свои обязанности. Одним из таких подвижников был российский генеральный консул в Египте Алексей Александрович Смирнов. Он, как и его сослуживец Петров, и многие другие русские дипломаты, некогда представлявшие императорское, а затем Временное правительство, единогласно не признали Советскую Россию и Совнарком, по-прежнему подчинялись белоэмигрантскому кабинету министров в Париже. А в те времена, 8 октября 1923 года англо-египетские власти вообще практически выбросили русских дипломатов на улицу, перестав выплачивать пособия, принудили напрямую подчиняться египетским законам, быть подсудным египетским судам, находиться под надзором египетских квартальных шейхов. И все же Смирнов не прекращал своей подвижнической работы. Материальное и психологическое состояние россиян в Египте значительно ухудшилось именно с 6 октября 1923 года, когда «англо-египетский» кабинет, по выражению Смирнова, отказал в легитимности российскому дипломатическому представительству. Чтобы изменить ситуацию, генеральный консул Смирнов обращался и к английским колониальным властям, и к послам других европейских держав, и к русским эмигрантским кругам в Париже, а также в международные организации и к правительству США. Увы, дипломатическое агентство постепенно превращается в Русскую миссию, затем в Общество русского гражданина, а позднее — просто в Русский клуб. Численность русской колонии в Египте конца 1920-х годов не превышала 600 человек. Поэтому и «англо-египетский» кабинет в Каире изменил свою позицию по отношению к русским эмигрантам. И бывший генеральный консул империи

стал директором александрийского Русского бюро, организованного англо-египетскими властями при Департаменте общественной безопасности Министерства внутренних дел в 1926 году. Находясь таким образом на египетской службе, он имел возможность официально оказывать помощь своим соотечественникам. Основная задача этого бюро состояла в выдаче им видов на жительство в Египте и справок из консульских архивов, а также выполнении некоторых нотариальных обязанностей. Бюро не имело права касаться вопросов «личного статуса» и юридической защиты русских эмигрантов в Египте. Поэтому, наряду с «официальной» помощью эмигрантам, Петров оказывал им всяческое личное содействие, используя свой огромный авторитет и дружеские связи в Александрийском дипломатическом сообществе. При том он всегда действовал энергично, касалось ли это, скажем, подготовки к устройению персональной выставки И.Я. Билибина, состоявшейся уже после смерти его старшего соратника Смирнова, в январе 1925 года, имевшей огромный успех в Александрии. Русский генеральный консул жил и работал в Александрии. Смирнов скончался 18 февраля 1924 года в столичном районе Абдин в своей квартире на улице Шейх Абу Сабаа, 14. Его отпевали в православном храме Святого Константина и Святой Елены в каирском районе Булак. Похоронили бывшего генерального консула 20 февраля 1924 года на православном кладбище «Святой Георгий» в Старом Каире. По воле Смирнова на его могиле был поставлен весьма скромный памятник, без указания, кем был покойный. Ветры истории, которые занесли его сюда, давно отшумели, и посмертным уделом славного русского дипломата могло бы стать забвение. Но, по сведениям современного африканиста А. Бовкало, Алексею Александровичу Смирнову не было суждено долгое забвение. Недавно на его могиле в присутствии представителей посольства РФ, египетской общественности и журналистов состоялось открытие нового надгробия дипломату. К синему каирскому небу вознесся белоснежный мраморный восьмиконечный

православный крест. Заупокойную службу отслужил представитель Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Александрийском и всея Африки протоиерей о. Дмитрий (Нецветаев). В завещании Смирнов написал: «...Я абсолютно не возражаю, если мой прах навсегда оставят в Египте». Ведь трудами покойного Смирнова был внесен значительный вклад в развитие культуры в Египте и популяризации русского искусства. Была осуществлена установка памятника работы российского скульптора Б.О. Ключезя-Фродмана «Невеста Нила» в городском саду «Нузха». Его участие в судьбе своих соотечественников позволяло им не только выжить на чужбине, но и внести весомый вклад в культурную жизнь Александрии и Египта. В 1922 году русская церковь в Александрии была перенесена в здание бывшего русского консульства. В сентябре 1934 года Русское благотворительное общество соорудило железобетонный склеп, в котором было захоронено более ста русских. В пригороде Каира, Гелиополисе, в 1922 году беженцами в наемном помещении был основан Свято-Николаевский храм. Первым его настоятелем стал протоиерей С.Т. Неделька. В Каире русских хоронили на кладбище монастыря св. Георгия, в старом городе, на земле, отведенной Патриархом Мелетием II. В 1938 году над братским склепом была выстроена часовня. В связи с русским рассеянием, на африканском континенте возникли и существовали и другие очаги русской культуры. Существовали русские православные общины и в Южной Африке. Центром церковной жизни здесь стал город Йоханнесбург. Первая часовня была устроена на квартире русского миссионера архимандрита Алексия (Чернай), а в 1961 году арендован дом, в котором начала работать Свято-Владимирская церковь. О. Алексей обслуживал также сербскую общину, которая материально помогала церкви. Приход объединял всех православных в Южной Африке. В Кейптауне богослужения совершались в предоставленной англичанами часовне в приюте для мальчиков. Уполномоченные общины были также в Дурбане (провинция

Наталь), Солсбери (Родезия), Найроби (Кения), а также в Лоренцо-Маркише (Мозамбик). До 1959—1960-х годов русские православные общины существовали в Элизабетвиле, Леопольдвиле, Киву, Кальвези и Браззавиле (Конго). В 1960-х годах число прихожан в Южной Африке значительно сократилось. 29 декабря 1998 года определением Св. Синода был учрежден приход на территории Южно-Африканской Республики. Настоятелем его был назначен протоиерей Сергей Рассказовский, в 2000 году его сменил иеромонах Филарет (Булеков). Под Йоханнесбургом уже строится русская церковь во имя преп. Сергия Радонежского.

После окончания Второй мировой войны, с началом так называемой «второй волны» эмиграции, в Бразилию стали прибывать перемещенные лица. За 1947—1951 годы в эту страну переехали 6,4 тысячи русских и украинцев. Среди них особенно много было детей и женщин с Дальнего Востока, из Китая, потерявших мужей. Русская церковь оказывала этим людям посильную помощь в обустройстве, по мере возможности облегчала процесс адаптации. Девочек бесплатно определяли в учебные заведения, для мальчиков был открыт интернат Святого Владимира в г. Иту, расположенный в 100 км от Сан-Паулу. Именно там местные отцы-иезуиты предоставили помещение, а промышленники и предприниматели пожертвовали оборудование и денежные средства. С целью обратить людей в лоно церкви и помочь словом божьим вновь обращенным предлагали специально изданные молитвенники (молитвословы), в которых параллельно с церковно-славянскими текстами помещались переводы всех молитв на русский язык с объяснениями. С прибытием в Латинскую Америку новых беженцев расширилась деятельность Бразильской епархии, увеличилось количество приходов и священнослужителей. По ходатайству владыки Феодосия Епархиальный Синод направил из Европы новых священников. Сам Феодосий был возведен в сан архиепископа. Находясь в католической стране, русской православ-

ной миссии удавалось жить в согласии с представителями других конфессий. В 1952 году первый викарный католический епископ Бразилии преподнес в дар храму Св. Мученицы Зинаиды статую Спасителя, несущего крест, с надписью «Возрождение России явится результатом ее страданий». В свою очередь, представители русской православной церкви преподнесли католической церкви икону Божьей Матери. Архиепископ Феодосий как ценитель научного знания, преимущественно богословского, объединил вокруг себя лучших общественных и церковных деятелей русской эмиграции в Бразилии, которые проявляли заботу о твердости веры, благочестии и сохранении православных традиций и обрядов русского народа. Кроме центрального органа Бразильской епархии «Сим победиши» в послевоенный период начали выходить и другие издания православного содержания — «Вера и верность», «Владимирский листок», «Дружеское слово». В 1953—1954 годах под председательством архиепископа Феодосия прошли I и II съезды Бразильской епархии с участием мирян, а также высокопреосвященного Иоасафа, архиепископа Буэнос-Айресского и Аргентинского, владыки Антония, преосвященного епископа Лос-Анджелесского. Долгий путь служения церкви высокопреосвященнейшего Феодосия во многом определял духовное состояние русской эмиграции в Бразилии. Высшая церковная власть отметила достоинства владыки Феодосия выдачей благословенных грамот, а в 1950 г. он был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. Благодаря служителям, подобным отцу Феодосию, церковь сумела занять достойное место в интеллектуальной жизни эмиграции, способствовала сохранению культурных и национальных традиций русского зарубежья в странах Латинской Америки. Открытием новых приходов, строительством храмов православная церковь помогала русской диаспоре за рубежом пройти сложный путь адаптации и вживания в инокультурную среду. В 20-х годах белая эмиграция сильно увеличила русские общины в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Русские

военные, не нашедшие в Галлиполи и на Балканах работу, поехали вслед за староверами в далекие провинции. Случалось, что русских военных эмигрантов причудливо дувшие ветры перемен заносили даже в забытую Богом Амазонию. Европейские кризисы и в тридцатых годах побудили «белую эмиграцию», не нашедшую себе применения в Европе, искать своей доли в Бразилии. В Бразилии в эти же годы были построены русские православные церкви. В крупнейших городах организовались большие русские колонии. После Второй мировой войны из Европы и Китая (Харбин Кульджа) прибыло в Бразилию около сорока тысяч эмигрантов, но для многих страна оказалась перевалочным пунктом для переселения в США, Канаду, Австралию. Русская эмиграция в Бразилии в пятидесятых годах превышала сто-тысячный рубеж. К восьмидесятым годам она значительно сократилась — до десяти тысяч человек. В 1926 году, другая группа иммигрировала из России по маршруту Балтийского моря, пройдя главным образом через Эстонию и более к северу — через Финляндию. В те времена иммиграция в Бразилию поощрялась местным правительством, так как штат Сан-Паулу предоставлял льготы на приезд крестьян и людей, привыкших к тяжелым полевым работам. Недовольные и преследуемые в своей родной стране, эти группы не усомнились скрыть свои знания и культуру для того, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью и таким образом убежать от коммунизма. За период 1949—1965 гг. прибыло в Бразилию около 25 тысяч русских иммигрантов, беженцев от китайской революции. Большинство из них были детьми русских эмигрантов прибывших в Китай, убегая от коммунистической революции в России по окончании Первой мировой войны. Бразилия великодушно приняла эту новую группу иммигрантов. В те времена, было принято говорить о «русских беженцах», т.к. они приезжали сюда по политическим и религиозным причинам. Некоторые из них не ужились в Бразилии и, воспользовавшись гостеприимством, поехали в другие страны, главным обра-

зом в США, Канаду и Австралию. Дети эмигрантов получили высшее образование в местных университетах. Таким образом, трудом, умом и сбережениями достигли хорошего социального и экономического уровня. Новое поколение детей иммигрантов, обучаясь в местных школах и университетах, полностью интегрировалось в жизнь Бразилии. Но, одновременно, начало терять родной язык т.к. у работавших родителей не было времени для их обучению, а уроки русского языка, истории и литературы сосредоточились в маленьких частных школах при православных церквях. В 1930 году, они построили там свою собственную церковь: Свято-Троицкий храм в регионе Вила-Алпина. В 1935 году по приезду епископа Феодосия была основана Православная Епархия со штаб-квартирой на улице Тамандарэ, где был построен Свято-Николаевский собор. Были также построены еще несколько православных храмов в г. Сан-Паулу и в других регионах Бразилии (в городах Рио-де-Жанейро, Порту-Алегри, Гойания и Санта-Роза). Русские иммигранты принадлежат патриархату «Русской Православной Церкви в Изгнании», со штаб-квартирой в Нью-Йорке. В настоящее время идут попытки основания в Бразилии православной церкви принадлежащей Московскому Патриархату. Со временем, существующие первоначально русские газеты и типография, закрылись, ввиду того, что из нового поколения мало осталось тех, кто еще читает и пишет по-русски. В отношении грамотности, староверы в штатах Парана, Мату-Гроссу и Гойас, показали себя более организованными общинами. Они успешно занимаются сельскохозяйственными работами, но их дети сохраняют язык, вероисповедание, традиции и обычаи своих родителей. Их дети также учатся в школах и университетах страны, но умеют говорить, писать и читать на родном языке. Самая крупная русская колония, находящаяся в г. Сан-Паулу, построила три больших и хорошо оснащенных старческих домов для русских стариков. За долгий период в русской колонии создавались культурные общества, более или менее важные и с разными перио-

дами существования. Группа русских народных танцев и песен «Калинка» созданная в 70-х годах бывшими учениками институтов Св. Владимира и Св. Ольги, группа «Калинка», за период своего сравнительно короткого существования выступала с большим успехом в разных фольклорных фестивалях, а также и по ТВ.

Исторически сложилось, что некоторое время в Бразилии существовала военная диктатура. С присущей этой форме правления страной репрессиями и «охотой за коммунистами». Как это часто случалось с представителями латиноамериканских стран, там зачастую слово «русский» воспринималось как «коммунист». Это привело к прекращению деятельности группы после 4-х летнего, успешного существования.

В Австралии, напротив, в городах концентрировалась в основном интеллигентская и полунинтеллигентская русская публика: инженеры, врачи, священнослужители и т.д. Но помимо этих трех центров русские были разбросаны практически по всем штатам и территории Австралии, основная их масса расселилась в штате Квинслэнд. Большинство из них было занято в сельском хозяйстве или работой в тяжелых и вредных отраслях производства: рубка тростника, добыча меди, сбор хлопка. Удаленность Австралии от Европы — основной арены политической борьбы 20-х годов — и в связи с этим известная трудность поддержания контактов с единомышленниками привели к тому, что долгое время политизация местных русских эмигрантов была минимальной. Так, в 20-е годы в их среде не было ни политических организаций, ни даже серьезной поддержки основных русских политических течений. Кроме того, политическая апатия была вызвана вполне объективными причинами: основной состав русской диаспоры являлся рабоче-крестьянским по происхождению (особенно рабочая эмиграция). Эти люди были далеки от политики. Скорее, даже симпатии многих из них были на стороне Советов. Недаром, при полном параличе белоэмигрантской политической жизни, в Сиднее

процветал местный русский коммунистический клуб, который периодически устраивал лекции и диспуты и вел активную пропаганду. Положение изменилось после того, как в 1932 году в русскую диаспору Австралии влилась струя беженцев из Китая.

Они привнесли в размеренную и тихую жизнь русских австралийцев весь пафос своих политических симпатий и антипатий. Уже в середине 1930-х годов в Австралии образовывается Союз служивших в русской армии и флоте, Русский военный союз и другие группировки, преимущественно монархического толка. Как известно, религиозная устремленность русских эмигрантов «первой волны» была необычайно сильна. Куда бы ни заносила судьба россиян, везде возникали православные храмы, велась духовно-просветительская работа, совершались регулярные богослужения. В меньшей степени вышеприведенная характеристика относится к русским австралийцам. Разобщенность, постоянная забота о хлебе насущном, более низкий интеллектуальный уровень эмигрантов по сравнению с Европой — все это нашло крайне негативное отражение в религиозно-духовной жизни русской колонии. Так, несмотря на отчаянные усилия отдельных подвижников, таких, например, как священники отец Иннокентий Серышев, ни в одном из трех крупных центров расселения российской диаспоры вплоть до начала 30-х годов не было возведено ни одного православного храма. Положение меняется в лучшую сторону лишь в середине 30-х годов. Так, в Сиднее, благодаря усилиям и средствам русского мецената И.Репина, был куплен коттедж на Robertson road, который предназначался для временных богослужений. К сожалению, сорвался проект строительства большой православной церкви в Паддингтоне ввиду разногласий между приходским советом и меценатом. Однако, несмотря на улучшение материальных условий существования, моральный климат в среде православных приходов остался по-прежнему весьма тяжелым. Взаимные распри постоянно раскалывали церковные общины. Долгое вре-

мя русские австралийцы не издавали ни одной газеты или журнала. Однако начало 30-х годов привнесло оживление в издательскую деятельность. И здесь пальма первенства принадлежит отцу Иннокентию. Заботясь о поддержании духовных сил русских эмигрантов, об их образовании, он развил активную просветительскую деятельность, выпустив на свои деньги ряд машинописных журналов. Значительная их часть имела научно-популярный характер. Прожив почти полвека в Азии, отец Иннокентий стал известным ученым-ориенталистом. Поэтому журналы «Азия» и «Австралазия» он посвятил почти исключительно изучению языков, обычаев, флоры, фауны стран Азии, Австралии и Океании. Статьи (в своем большинстве его собственные или перепечатки из иностранных журналов) иллюстрировались оригинальными рисунками или цветными фотографиями из австралийских туристических проспектов. Общественно-политические материалы практически отсутствовали. Единственным исключением являлись редкие статьи о жизни русских в Австралии. В отдельных номерах отец Иннокентий развивал мысль о создании русского эмигрантского государства на безлюдных островах Тихого океана. Другой важной теме, а именно религиозному воспитанию и просвещению русских беженцев, отец Иннокентий посвятил два журнала — «Церковный колокол» и «Церковь и наука». Последний, выходивший вплоть до ноября 1939 года, издавался типографским способом. Журнал выходил с соответствующим полиграфическим оформлением. В середине 30-х годов увидел свет новый журнал — «Путь эмигранта», опять под редакцией отца Иннокентия, освещавший уже исключительно жизнь россиян в Австралии. Другим крупным представителем русской прессы в Австралии следует считать Ю.А. Давыденкова. Первый его журнал, «Сиднейский колокол», вышел в количестве 17 номеров в период с 1932—1935 гг. «Сиднейский колокол» имел подзаголовок, который свидетельствовал о его предназначении: «Вестник русской жизни Сиднея». Еще один, издававшийся при участии Давыден-

кова журнал под названием «Русский в Австралии» выходил при содействии все того же русского мецената И.Репина. Издание печаталось типографским способом, и над его содержанием трудились даровитые редакторы. Впрочем, век его оказался недолгим. После выхода в свет десятого номера журнал прекратил существование из-за разногласий между издателем-меценатом и редакцией. Однако в августе 1950 года журнал был возвращен к жизни и продолжал издаваться уже под эгидой Русского центрального благотворительного комитета. У этого издания было приложение под названием «Вестник народно-монархического движения». Кроме того, к журналу выходило и другое приложение «Страницы Общества любителей русской военной старины». С течением времени издание «Русский в Австралии» заняло ведущее положение среди периодической печати в сообществе русских эмигрантов. Что касается книжной продукции, то ее издание велось на континенте крайне слабо и нерегулярно. По сведениям исследователя Шатилова, до самой середины 30-х годов в Австралии практически не существовало русского издательского дела. Только потом появилось издательство и типография «Ориенто» и издательская компания Г.С. Григорьева. Однако в основном они выполняли работу по заказам, поступавшим от издателей из Шанхая, Сиднея, Харбина и даже Финляндии. Из чисто русских книг, изданных для русских эмигрантов в Австралии, следует, прежде всего, отметить две. Первая, выпущенная в Сиднее в 1937 году усилиями пушкинского общества, носила название «А.С. Пушкин» и посвящалась столетию со дня смерти великого поэта. Книга содержала портрет поэта и помещенные краткие статьи. Вторым заметным австралийским изданием оказался сборник местного Свято-Владимирского общества, приуроченный к 950-летию принятия православия на Руси. Культурная жизнь русских эмигрантов в 1920-е годы прошлого века не отличалась разнообразием. Единственным их развлечением того времени были немногочисленные собрания прихожан и так называемые «Русские клу-

бы». Атмосфера там мало чем отличалась от заунывных портовых кабаков. Основными составляющими досуга русских эмигрантов были «карты, вино, табак». Монотонная жизнь русской эмиграции время от времени нарушалась гастролями русских артистов. В 1923 году в Сидней приехала и дала несколько концертов известная певица-сопрано Лидия Липковская. Тогда же там дебютировал ученик знаменитого скрипача Леопольда Ауэра — Михаил Добринский. В 1926 году в Австралию заглянули с гастролями Анна Павлова и Федор Шаляпин, а также всемирно известный парижский хор донских казаков под руководством неувядающего Сергея Жарова. Любопытно, что несколько человек из хора предпочли остаться на «зеленом континенте», решив заняться там привычным для казаков земледелием. Оставшиеся поющие казаки основали первый церковный хор в Сиднее, регентом хора стал — П.И. Гольев. Русско-австралийский «мир искусства» пополнился за счет нескольких человек из другого знаменитого «платовского» казачьего хора, гастролеровавшего в 1937 году в Австралии. Русское Библиотечное дело также не получило там должного развития. Недолго в Брисбене и Сиднее существовало несколько русских библиотек, однако, ввиду недостатка материальных средств и низкой активности русских читателей, они оказались закрытыми, или, в лучшем случае, владели жалкое существование. Более других повезло так называемой «Интеллектуальной библиотеке «Ориенто» отца Иннокентия в Сиднее. В ее фондах хранилась беллетристика, книги по философии, богословию, различным отраслям знания, теософии и оккультизму. В 1930-е годы, наряду с общей активизацией эмигрантской жизни в Австралии, стало развиваться и библиотечное дело. В тот же период появляется в Сиднее и русский книжный магазин «Книголюб» (предлагал «большой выбор подержанных и новых книг» по вполне доступным ценам). Эмигранты, прибывшие в Австралию из Харбина, вдохнули новую жизнь и в духовное объединение австралийской русской диаспоры. Известно, что в Сиднее в июле

1937 года Русский военный союз организовал грандиозный вечерний бал-концерт. В том же году в Австралии впервые состоялось празднование «Дня русской культуры». Оно было специально приурочено ко дню рождения А.С. Пушкина. В иных странах русского расселения подобный «День русской культуры» традиционно отмечался еще с начала 20-х годов. В 1930-е годы Австралию посещали с гастрольями деятели русского искусства. В 1935—1940 годах в ходе турне здесь выступили известные балетные труппы. Среди них были «Балет де Рюс», «Конвент Гарден Балет» и другие, в составе которых зрители увидели Михаила Фокина, Антона Долина, Сергея Лифаря. Некоторые из артистов по окончании турне приняли решение остаться в Австралии. Одна из балерин — Раиса Кузнецова — основала здесь в 1940 г. балетную школу, оказавшую значительное влияние на становление австралийского балета. Рассматривая жизнь русских эмигрантов 1920—30-х годов прошлого века, можно отметить, что в отличие от русских людей в Европе, Америке, Китае, их географическое и политическое положение не располагало к развитию в изгнании русской национальной культуры. Свидетельством тому является отсутствие или же крайне слабая степень организации русской общины в Австралии тех лет. В этом сказались и центробежные тенденции, характерные для австралийского уклада жизни, специфика социального состава русской диаспоры, местные географические условия. Лишь в послевоенный период, с притоком новых русских эмигрантов из Европы и Китая, удалось наладить более или менее полноценную жизнь русской колонии. В Европе жизнь военной эмиграции тем временем постепенно шла на убыль. Уже в 50-е и 60-е годы прошлого века каждую неделю русские полковые объединения хоронили старых или более молодых офицеров и генералов. Участникам печальных церемоний запомнились простые гробы своих боевых товарищей, покрытые российским трехцветным флагом. На гробах по пути до могилы лежали фуражки «цветных полков». Иногда вместо фуражки возла-

гались гвардейская кавалергардская или кирасирская каска, гусарский кивер, если таковые находились, скрещенные палашом или изящной саблей. Погребение русских воинских чинов проводилось при выносе полкового штандарта или знамени, если эти предметы разделили изгнание своих однополчан. Когда в 50-х годах немыслимо было себе представить возвращения России на ее исторический путь, то полковое Объединение Лейб-гренадер решило передать свое знамя наиболее близким боевым единомышленникам — английским гвардейским гренадерам в Лондон. Это знамя хранилось с почетом в лондонских гвардейских казармах Wellington barracks.

Одним из британских жестов «доброй воли», и в целях сохранения в воинской части, «Преображенского марша», герцогом Эинбургским Филиппом, был издан указ для английской конной гвардии исполнять этот марш при официальных церемониях.

24 июня 2004 года радио «Маяк» озвучило в эфире краткое сообщение: «24 июня в Букингемском дворце в рамках государственного визита президента России Владимира Путина в Великобританию состоялась торжественная церемония передачи знамени императорского Лейб-гвардии гренадерского полка Музею российской гвардии, который работает в Государственном Эрмитаже в Петербурге. Церемония передачи прошла при участии британского гвардейского гренадерского полка и военных представителей России...» В документе на передачу этого знамени зафиксировано, что это знамя должно вернуться в Россию тогда, когда не будет власти большевиков, когда изменится политический строй в стране. И первым условием стояло обязательство в том, что-либо оно должно быть возвращено в возрожденную или восстановленную воинскую часть, то есть Лейб-гвардии гренадерский полк, которого, как известно, нет, либо может быть передано в Музей гвардии. Передача полковой реликвии Путину была с возмущением отмечена классиком российской исторической мысли С.В. Волковым в его статье

«Кошунство». Историк-исследователь приводит в своей статье некоторые детали, связанные с этой исторической реликвией и историей ее путешествия в Великобританию. «Следует пояснить, как оно туда попало. Абсолютное большинство офицеров полка в годы Гражданской войны сражались с большевиками в рядах белых армий, причем лейб-гренадерам удалось спасти и свое полковое знамя, и в начале 1918 г. 18 офицеров полка во главе с командиром полковником Н.Н. Дорошевичем именно под этим своим знаменем участвовали в легендарном 1-м Кубанском («Ледяном») походе. В дальнейшем с прибытием в армию и других офицеров (их было несколько десятков), Лейб-гвардии Гренадерский полк (как и другие гвардейские полки), был возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 лейб-гренадеры составляли батальон в 1-м Свободно Гвардейском полку, с октября 1919 — в Свободном полку 2-й Гвардейской Пехотной дивизии, а в Русской армии ген. Врангеля — роту во 2-м батальоне Свободного Гвардейского Пехотного полка. В борьбе с большевиками погибли 24 офицера полка (не считая расстрелянных в ходе красного террора). В эмиграции полковое объединение в начале 30-х годов насчитывало до ста человек, в том числе, около 50 офицеров, но они постепенно вымирали. И в конце 50-х годов последние офицеры полка, предчувствуя свой скорый уход в иной мир, постановили передать полковое знамя на почетное хранение Гренадерскому полку Британской Королевской Гвардии — своему союзнику по Первой мировой войне. В соответствии с условием, оговоренным при передаче этой военной реликвии, знамя должно было оставаться на хранении в полку до времени-избавления России от коммунизма и прихода к власти в России русского национального правительства, должного возродить подлинную российскую армию и Лейб-гвардии Гренадерский полк. До сих пор это условие незыблемо выполнялось. И вот теперь в угоду сиюминутным политическим интересам Тони Блэра, к позору британской короны и офицеров английской гвардии оно было кошунственно

нарушено: представителем «национального правительства России» был признан... нынешний президент РФ! Но к англичанам отношение, тем не менее, было не однозначное (о причинах можно и так догадаться) и на предложение одного из их гвардейских полков одно полковое объединение старой русской Гвардии в Париже почти единодушно отказалось в начале 1980-х гг. передать сохраненные регалии». Исторически справедливым было бы помещение штандартов и знамен в одноименные полковые храмы. Так, например, знамя Преображенского полка хранилось в Спасо-Преображенском храме в Петербурге. Спасо-Преображенский собор построен в 1828 г. по проекту архитектора В.П.Стасова. Спасо-Преображенский собор в прошлом являлся собором Лейб-гвардии Преображенского полка — первого русского гвардейского полка. Он расположен рядом с Литейным проспектом — местом, где издавна располагались казармы преображенцев. В 1918 г. собор стал приходским храмом. Знамена, орудия и военные трофеи были изъяты и переданы в Артиллерийский музей. С 1950 года они отчего-то находятся в Эрмитаже. Хотя сам собор никогда не закрывали, большинство святынь храма и ценные иконы были изъяты безбожной большевистской властью еще в 20-е годы. Хотя в наши дни общий интерьер собора сохраняет тот вид, который он имел во времена Стасова. Музей гвардии был образован в Петербурге в 2000 году. Для этого музея его сотрудники получили некоторое количество экспонатов еще в том же 2000 году. Эти экспонаты были переданы музею, когда в город приезжали потомки русских гвардейцев на празднование 300-летия российской императорской гвардии. Кроме того, уже в 2004 году музей получил два замечательных дара — архив, который был передан в Париже Ольгой Борисовной Левшиной, и штандарт Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, который был получен из Соединенных Штатов Америки. Ушедшие в лучший мир гвардейцы оставили после себя немало предметов своего быта и боевых реликвий, переживших своих владельцев. Уже в на-

чале 60-х годов стало редкостью, когда покойника одевали в военную форму. По некоторым свидетельствам, последний подобный случай был зафиксирован в 1962-м году, когда хоронили генерала-от-кавалерии Шатилова. В 1989-м году лейб-казаки проводили в последний путь полковника Б.Ф. Дубенцева. Прощание с господином полковником проходило под звуки полкового марша — «свадебного» марша Мендельсона, присвоенного лейб-казацкому полку по приказу Государя императора Александра Второго, имевшего возможность как-то наблюдать атаку лейб-казаков на турецкие позиции. Передают, что Государь сказал тогда окружавшим его чинам, что казаки идут в бой, как на свадьбу. Эти его слова возымели немедленное действие. Лейб-казацким полковым маршем стал марш Мендельсона. Во время отпевания Дубенцева, над его гробом возносился шатер из алых пик, поддерживающих георгиевский штандарт 1875-го года. На самом гробу под трехцветным флагом лежали кивер с белоснежным султаном, обнаженный клыч и все русские и французские ордена покойного, который в 1940-м году отличился в боях на севере Франции. Со временем, старшее поколение военных эмигрантов осознало, что процесс пополнения своих рядов не должен иссякнуть и что следует очень тщательно рассмотреть возможность пополнения рядов полковых объединений и союзов путем привлечения молодых людей, прием которых в эти организации не противоречил бы правилам принятия в полк. В первую очередь, еще в середине прошлого века в полковые объединения стали принимать юнкеров, окончивших военно-учебное заведение в эмиграции. Затем, в 70-е и 80-е подошла очередь молодых, достойных подрастающих родственников старых офицеров полка и теперь очередь дошла до их внуков. В редких случаях в полковые объединения принимались лица, оказавшие исключительные услуги полковому объединению. Дело дошло до того, что когда некоторые полковые объединения Гвардии исчезали, то стали поступать в правление Общегвардейского Объединения официальные рапорты от оди-

ноких потомков старых офицеров с просьбой дать им разрешение носить полковой знак, что обычно рассматривается комиссией, которая выносит свое решение без права его оспаривать. Священнослужителям и военным разрешается этот знак носить в полном размере на военной форме, обычно иностранной, так как многие потомки русских гвардейских офицеров — военнослужащие иностранных армий, или на рясе. Гвардейцы, как известно, оставили на чужбине не только свои могилы. Они стремились сохранить среди молодого поколения высокие идеи служения самой Гвардии подлинной России. Умели они это делать своим красивым и простым языком — «есть вещи, которые можно делать, а есть такие, которые — нельзя!». Для этого они всегда оставались верными своим «календарным датам» гвардейских праздников и скорбных годовщин, стараясь оставить после себя и такие памятные предметы, как медаль, отчеканенная в парижском монетном дворе в 1950 году по случаю 250-летия Российской императорской Гвардии. По старой традиции, личный пример офицера оставался главным способом передачи этики и правил поведения. Например, в 1940-м году, Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка полковник Сафонов, командуя эскадроном французской конницы, сумел вывести его из окружения под огнем немецких танков и довести его целым до юга Франции, за это Сафонов был награжден орденом Почетного легиона. Такой эпизод не мог не служить примером доблести для всех тех молодых людей русской эмиграции, кто выполнял свой долг в боевой обстановке иностранной армии.

В те, ушедшие от нас в Историю времена, гвардейцы любили говорить в ответ на упрёки в их стремлении к перфекционизму в жизни и на службе: «с нас требуется больше, потому что если поведем себя неправильно, то непременно отметят, что мы — русские, да еще потомки старой Гвардии».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ВСПЛЕСК «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

«...И скоро улетит — во незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра».

Федор Иванович Тютчев

Вот уже восемьдесят с небольшим лет, как окончились активные боевые действия на территории СССР, и шестьдесят лет с той поры, когда вместе с частями и обозами отступавшего вермахта на Запад потянулись бойцы «весеннего похода». Отстремели выстрелы на границах, косившие отважную НТСовскую молодежь, с риском для жизни пробиравшуюся за «железный занавес» сеять светлые демократические идеи и принципы в советских умах. Закрылись отделения РОВС и помещение Общества Галлиполийцев в Париже, и тихо ветшают полковые музеи в парижских пригородах. Вокруг идет новая, совсем непохожая на былые времена жизнь. И сегодняшние потомки красных комиссаров прогуливаются с экскурсоводом по аллеям муниципального некрополя Сент-Женевьев де Буа среди замерших, как на параде, ровных и четких плат с именами дроздовцев, марковцев или кадет. История не примирила два лагеря — Белый и Красный, и по сей день, в изменившейся форме, они продолжают существовать по обе стороны бывшего «занавеса», только кажется, что Белый лагерь, изначально основанный на принципах чести, невольно уступает современной необратимости перекрасившихся большевиков. Исползволь, шаг за шагом, отдавая в их руки свои знамена,

архивы и реликвии. Оказалось, что и церковная обособленность эмиграции первой волны, постепенно оказывается под угрозой поглощения ее «неосергианством», идущим с Востока. Уходят в лучший мир последние из последних Белых воинов, и очень скоро их имена будут принадлежать лишь Истории. Их не успели даже толком порасспросить нелюбопытные бывшие советские граждане, хлынувшие потоком в Европу и другие части мира после «перестройки». И только некоторые журналисты из профессионального и практического интереса опубликовали редкие интервью, хоть немного приблизившие этих людей к их современникам. Печально, что у большинства журналистов не хватило ни образования, ни эрудиции затронуть события, свидетелями которых были интервьюируемые ими эмигранты, которые зачастую шли чуть дальше тривиальных расспросов о семьях и бытовой стороне жизни, чуть приправленных историческими курьезами. С детьми и внуками тех, кто когда-то сошелся в страшной схватке с большевизмом, еще можно и должно встречаться и говорить, что и делается некоторыми исторически ориентированными журналистами, однако и таких встреч и бесед в прессе появляется, увы, немного. Будучи, по-видимому, профессиональными историками, создатели и авторы казачьего журнала «Станица», порадовали недавно любителей старины, хорошим интервью с внуком знаменитого казачьего генерала-от-кавалерии Петра Николаевича Краснова. Он уже в наши дни оказался в самом эпицентре левой либеральной травли за свое участие в подавлении марксистского бунта, ввергнувшего Чили в пучину экономического хаоса свыше тридцати лет тому назад. Особо стоит сказать о судьбе этого потомка казненного большевиками генерал-майора Семена Краснова, ныне бригадном генерале чилийской армии Мигель Краснове-Марченко. Судьба удивительным образом доверила Мигелю Краснову продолжать дело, за которое отдали свои жизни его отец, дядя и троюродный дед — Красновы, а также дед по материнской линии, кубанский казак, также выданный в Линце и погибший

в сталинских лагерях. Продолжать и на поле боя, с оружием в руках, и в тюрьме, куда его упорно пытается засадить нынешнее, «левое» правительство его страны. Михаил Семенович Краснов родился 15 февраля 1946 года в австрийском Тироле. Пока в Москве его отца допрашивали следователи НКВД, а затем и казнили в казематах Лубянки, его матери с маленьким сыном удалось укрыться в августе 1948 года за океаном, в Чили. Безусловно, в выборе жизненного пути Михаила-Мигеля определяющую роль сыграла наследственность и, не в последнюю очередь, рассказы его собственной матери. В 1963 году он поступает в чилийскую Военную Школу, которую и заканчивает через 4 года в звании младшего лейтенанта пехоты. В 1973 году, когда чилийским военным удалось предотвратить превращение своего отечества в марксистское государство, Михаил Краснов служил в звании лейтенанта. В 1974 году, пройдя курс в американской Военной Школе в Панаме, лейтенант Краснов по праву занял первое место по уровню подготовки в группе из 65 офицеров различных южноамериканских государств. По возвращении в Чили лейтенант Михаил Краснов прикомандировывается к чилийскому Управлению национальной разведки — органу безопасности, созданному чилийской военной хунтой с целью борьбы против подрывных левых групп, развивших бурную деятельность в стране с 1964 года. Ко времени военного переворота 1973 года, когда армия вынужденно отстранила от власти заведшее страну в глубочайший кризис и на грань гражданской войны левое правительство под председательством Сальвадора Альенде, в Чили имелся свой «интернационал», в котором насчитывалось несколько десятков тысяч вооруженных формирований левых радикалов, некоторые из которых прибыли и с Кубы. Их оружием стали тогда террор и запугивание мирного населения. История показала — во всех государствах, где к власти тем или иным способом пришли коммунисты, события развивались по одному сценарию: жестокий террор против идейных противников, а потом и против своих же, установ-

ление режимов подавления прав и свобод человека и последующая разруха в экономике. Совершенно очевидно, что молодому офицеру было понятно, к чему приведет страну диктатура левых партий и либеральные демократы. В ходе операции по уничтожению одной из террористических групп радикальных левых повстанцев в ноябре 1975 года Мигель Краснов был награжден национальной медалью «За мужество», являющейся самой высокой наградой вооруженных сил Чили. Любопытно, но эту награду до того момента не присуждали в стране уже 100 лет. В последующие годы, после трехлетнего обучения в чилийской Военной Академии и присвоения ему в 1980 году звания майора, Мигель Краснов возвращается в Военную Школу в качестве командира Кадетского батальона. Одновременно, получив звание доцента, он преподает «Тактики и операции» и «Теории информации» в национальной Военной Академии еще несколько лет. В 1982 году последовало его назначение в Ставку Командующего армией Чили. После окончания курсов Генерального Штаба Армии в Бразилии Краснов, уже в чине подполковника, служит в Ставке V чилийской дивизии, расквартированной в Пунта-Аренас. В феврале 1986 года он был прикомандирован в ставку Генерального Штаба Армии в Сантьяго. В конце 1986 года подполковник Краснов становится заместителем директора Военной Школы. Ему поручено командование 8-м пехотным полком под названием Тисарел. После присвоения 1 августа 1989 г. звания полковника М. Краснов назначается командиром военного гарнизона Темуко, где размещается его полк. В феврале 1991 года Краснова ждет новое назначение, начальником штаба IV дивизии. После этого полковник Краснов возвращается в Сантьяго на службу в Управление армейской подготовки, находящееся в подчинении Ставки Генерального Штаба. Несколько месяцев спустя, ему было присвоено звание бригадного генерала армии Чили. В 1995 году генерал Краснов был награжден Военной Звездой чилийских Вооруженных Сил, Большой Звездой за воинские заслуги и Звездой Сла-

вы за заслуги перед Генеральным Штабом. В 2000 году к власти в его стране пришли так называемые «левые силы». Они развязали в Чили кампанию по дискредитации многих высших офицеров чилийской армии, участвовавших в военном перевороте 1973—1974 годов. Генерал Краснов вышел в отставку и стал директором военной гостиницы. Верховный Суд Чили в итоге освободил от открытого судебного преследования по причине преклонного возраста и слабого здоровья бывшего главу государства генерала Аугусто Пиночета. Не сумев формально применить к Пиночету мер наказания, чилийские демократы решили обратить свой взор на соратников бывшего президента страны. Одним из них, хотя и в очень отдаленной мере (в той, что отделяет лейтенанта от генерала в любой армии мира) оказался ныне бригадный генерал армии Чили Мигель Краснов. Он был арестован и летом 2001 года над ним начался суд. Сейчас его судят именно за участие в так называемом «военном перевороте» 1973 года. Современные либералы мстительно припомнили Краснову его патриотизм и принципиальную антикоммунистическую позицию. Хотя очевидно, что в той или иной степени участниками тех событий были десятки тысяч чилийских военных — и убежденных сторонников Пиночета, и просто выполнявших приказы, пусть даже занимавших в 70-х годах незначительные должности вроде тогдашнего лейтенанта Краснова. Сравнительно недавно, летом 2002 года, в Сантьяго завершился судебный процесс над группой отставных высокопоставленных чилийских военных, включая бывшего начальника разведки сухопутных сил Чили. Они были признаны виновными в гибели в 1982 году одного из профсоюзных лидеров и приговорены к длительным срокам заключения, некоторые из них — пожизненно. Сегодня суд над генералом Красновым — очевидный политический процесс. Он в чем-то повторяет суд 1946 года над белыми генералами, по решению которого был казнен отец Михаила Семеновича Краснова. Чилийский судья по фамилии Гусман, рассматривает дело Краснова-младшего. К со-

жалению, в Россию информация из Чили доходит крайне скупо, да и возможности связаться с генералом Мигелем Красновым у вездесущих журналистов не имеется, поскольку подследственный содержится в городской гарнизонной тюрьме Сантьяго. В одном из своих писем на волю, уже находясь под следствием, генерал Краснов писал: «На данный момент ситуация кажется мне довольно сложной из-за несправедливости и влияния политических причин... Мы живем при нынешнем правительстве с теми же лицами, что привели Чили к катастрофе в 70-х годах. Надеюсь, что смогу сохранить твердость во время судебных процедур, — это дает мне право называть себя «Красновым» и «казаком»! Кроме того, абсолютно верю в Божью справедливость!..» Ситуация для Краснова в наши дни является довольно затруднительной еще и по той причине, что чилийские либеральные демократы, как оказалось, не одиноки в своем настойчивом стремлении упрятать за решетку как можно больше из тех офицеров, что почти 30 лет назад предотвратили превращение Чили в очередное большевистское государство. В октябре 2001 года французский следователь Ле Луар выдал 15 международных ордеров на арест чилийских офицеров — связанных, по его убеждению, с исчезновением в Чили в 70-е годы четырех французских граждан. Непосредственно генерала Краснова касается некое «дело» члена левой группировки МИР, французского студенческого лидера Альфонса Шанфро, арестованного чилийской полицией летом 1974 года.

По сведениям органов французской юстиции, задержанный французский гражданин подвергался пыткам, в том числе и при участии лейтенанта Краснова. Французская печать и следователь, по мнению самого Краснова, довольно пристрастны и забывают упомянуть, что французский подданный Шанфро был вовсе не невинной жертвой полицейского произвола, а участником одной из самых жестоких преступных организаций, действовавших в Чили тридцать лет назад. Организация Шанфро была повинна, в свою очередь,

в терроре и гибели многих мирных чилийцев. В 1992 году в Чили уже состоялся один суд, в котором участвовал Краснов. Тогда генерал был признан совершенно непричастным к кончине задержанного террориста, и тогда детали этого дела были подробным образом освещены чилийскими газетами.

В одном из своих последних открытых писем, обращенных к общественности, Михаил Семенович сообщил, что новое обращение к этому полузабытому делу является ничем иным, как очередным шагом «в попытке дискредитации чилийского военного правительства, с типичной марксистской тактикой, основанной на искажении правды, фальсификации истории и умалчивании тех ужасов, что творили как раз левые». Далее Краснов продолжает: «... Заметьте, что в сообщаемой об этом деле французской газете «Ле Монд» не раскрыта истинная личность этого террориста, ничего не говорится о его собственной деятельности в то время, не указан тот простой факт, что это дело уже рассматривалось в Чили, и было окончательно прекращено...» Мнения по делу М. Краснова, которому чилийское правосудие практически все последние годы пытается без особого успеха вменить в вину один и тот же эпизод, в самой Чили весьма разнятся, что хорошо характеризуется нижеприведенной выдержкой из статьи: «Наши судьи никак не могут понять, что гражданин Чили Краснов, имея горький опыт расстрелянной семьи, не может быть сторонником марксизма. Я спрашиваю, сколько еще судьи моей страны будут нарушать чилийское законодательство, в котором определяется погашение уголовной ответственности за давностью или амнистия в отношении военнослужащих, которые обязаны были бороться с вооруженными повстанцами? Допустим, наши судьи четко выполняют вышеупомянутое положение. А как же тогда марксисты, обвиняемые даже в многочисленных преступлениях? Почему тогда судьи отказываются возбуждать уголовные дела в этих случаях, ссылаясь на закон о погашении уголовной ответственности за давностью лет?..

Когда, наконец, в нашем обществе наступит равенство перед законом, уважение к государственным институтам и к историческому прошлому, к праву нового поколения строить новое будущее, свободное от реваншизма событий тридцатилетней давности?...» Примечательно, что российских дипломатов и корреспондентов средств массовой информации, аккредитованных по всей Латинской Америке, судьба казака и ныне опального чилийского генерала не заинтересовала. Только «Независимая газета» решилась в сентябре 2001 года напечатать некоторый материал, да еще в июле 2003 года «Известия» рассказала про чилийского генерала Краснова, старательно придерживаясь политически корректных выражений. Не обратили внимания на происходящее за океаном и подавляющее большинство «казацких» организаций России — и им не до далекого чилийского казака, пусть даже родственника знаменитого донского атамана и писателя. Если они и были знакомы с деталями и обстоятельствами этого дела, то справедливо рассудили, что это дело сугубо внутренне, связанное с чилийской внутренней политикой и к современной жизни казачьей имеющее самое отдаленное отношение. К тому же, усилиями многолетней советской пропаганды к личностям Красновых население нашей страны до сих пор относится весьма неоднозначно. Преобладают мнения, что Красновы были верными германскими марионетками, а к таким личностям, пусть даже имевшим благие намерения борьбы с интернационалом, исторически, уважения в русском народе не было. И что это за борцы с коммунизмом, — думал иной обыватель, — которых содержат на деньги геополитических противников российского государства, выступавших заодно с теми, кто учинил на территории СССР беспрецедентный по своему масштабу геноцид против коренного населения в годы оккупации? Именно потому отношение большинства современников к жизненным коллизиям далекого чилийского генерала, прямого потомка Красновых, можно назвать весьма сдержанным. Но даже те редкие публикации вызвали очевидный

интерес читателей. Многим хотелось больше узнать о жизни М.С. Краснова-Марченко. Всех своих далеких сторонников в России генерал Краснов просил поблагодарить: «Передайте, пожалуйста, мою искреннюю благодарность всем людям, которые за меня заступаются. Пусть все знают, что я казак и горжусь всем тем, что я в жизни сделал в звании офицера чилийских сухопутных сил!» Учитывая интерес читателей, журналисты «Станицы» попросили Михаила Семеновича снова ответить на ряд вопросов — текст этого своеобразного интервью, полученного из гарнизонной тюрьмы Сантьяго, которое автор решил привести полностью.

— *Господин генерал, Вы живете вдали от России, у Вас до сих пор не было возможности посетить места, где родились Ваши предки. Но Вы — сын известного белого офицера. Какой у Вас сложился образ Советской России? Как Вы представляете себе современную Россию?*

— Из моего семейного опыта образ СССР всегда был и остается более чем унылый. Особенно из-за трагических последствий для человечества в результате принятия и распространения марксистской философии, насаждаемой большевиками с 1917 года. Эта утопическая философия лжи, террора и смерти для всех поработенных коммунистическим режимом народов. Конечно, мое личное мнение в целом может быть субъективным, поскольку я не жил в этой стране. Находясь вдали от России, я приветствовал совершенствование инфраструктуры, технологические, научные открытия, достижения в военной и космической сферах. Но у меня всегда были глубокие сомнения — улучшило ли все это жизнь русского народа, принесло ли все это ему больше свободы, больше благосостояния? У нас в Чили есть свой опыт, когда страной правили марксисты (здесь я полностью объективен). И пагубные последствия этого правления лишь подтверждают высказанные мною сомнения. Я твердо уверен, что ни одна идеология, базирующаяся на рабстве, терроре, преступлении, насилии, лжи и угнетении, не может быть выгодна простому человеку. Такая идеология неизбеж-

но будет приговорена к исчезновению из умов и сердец тех людей, которые страдали от ее последствий. Она будет стерта с лица земли, как произошло сейчас с идеологией марксизма-ленинизма, главной опорой и распространителем которой был СССР. Что касается нынешней России, то в моем представлении это другое государство, хотя здесь меня тоже могут упрекнуть в субъективности. Хотя и издалека, но я чувствую воздух свободы и столкновение с историей, такое показательное в своих различных проявлениях, возвращение возможности не скрывать свою православную веру, возрождение русских традиций, перспективу лучшего будущего. У русских людей сегодня появилось чувство свободы благодаря нынешним руководителям страны.

Все это позволяет предполагать, что времена для России поменялись на лучшие, хотя неизбежно и очень много трудностей. Однако если Россия сама нашла силы избавиться от темного семидесятилетнего прошлого, то будущее у нее, безусловно, есть!..

— *Вам хотелось бы побывать в станице Правоторовская, своими глазами посмотреть на родные для Вашего отца места?*

— Правоторовская... Это название переполняет меня глубокими и родными чувствами. Недавно я получил письмо от казаков этой станицы, оно сильно меня тронуло. В письме они рассказали мне о семье Красновых — как они жили, как оставили родной дом после революции и что им пришлось пережить. Я смог узнать больше о своем отце, когда он был маленьким, о его родителях. Это все замечательно. Моя самая заветная мечта — побывать на земле, где жили основатели рода, чья кровь течет в моих жилах. Уверен, что еще осуществляю эту мечту! Тем более что мои жена и дети полностью разделяют со мной это особое и глубокое чувство. Пока еще не знаю, когда. Вы знаете, что существуют определенные «трудности», мешающие мне выполнить задуманное прямо сейчас.

— *История семьи Красновых в какой-то мере олицетворяет собой историю донского казачества. Когда вы были*

ребенком, рассказывала ли Вам мать, родственники какую-нибудь семейную легенду, историю? Есть ли у Вас какие-нибудь семейные реликвии или памятные вещи, оставшиеся от отца или Вашего деда Петра Николаевича?

— Мне жаль, что в современной России еще немного людей, которые бы в достаточной степени осознавали близость к такой важной части общенационального наследия, как российское казачество. Может быть, это наказание. Но я все же надеюсь, что 70 лет сокрытия правдивой истории не смогли совсем вычеркнуть из памяти и сердец народа то огромное влияние, которое оказали казаки на характер и душу русского человека.

Во время моего семейного воспитания мне рассказывали в основном реальные события, которые заставляли меня гордиться своими предками. Мы с мамой и бабушкой приехали в радушную и красивую страну Чили, имея с собой только самое необходимое — одежду, в которую были одеты, несколько бережно хранящихся фотографий моего отца, троюродного дедушки Петра Николаевича, родителей матери и две-три иконы. Уже по прошествии времени мне удалось собрать больше сведений и памятных вещей о своем отце. Это и фотографии, и копии медалей, книги.

— *Насколько хорошо Вы знаете русский язык — можете ли читать Пушкина, Достоевского или Толстого в оригинале, знакомы с произведениями Михаила Шолохова, где показана судьба донских казаков? Имеете ли Вы представление о современной русской литературе?*

— По-русски я говорю очень хорошо. Читаю несколько медленно, пишу с определенной трудностью, из-за отсутствия необходимой практики. Так что могу читать в оригинале всех перечисленных Вами писателей. Произведения Шолохова мне неизвестны — по крайней мере, они не появлялись в этих широтах до настоящего времени. Кстати, известны ли в России книги такого писателя, как Петр Николаевич Краснов, — и, в частности, «От Двуглавого Орла к Красному Знамени»?

— Эта книга Петра Николаевича уже переиздана в России, как и ряд других его произведений. Кстати, было бы интересно поближе познакомиться с Вашей семьей. В честь кого Вы назвали своих детей? Интересуются ли они историей, чтобы лучше понять происходящее в России? Есть ли у них желание больше узнать о своих семейных корнях?

— Спасибо за вопрос! Я всегда с особым удовольствием говорю о своей семье. У меня за спиной уже 32 года счастливой супружеской жизни. У нас с женой трое детей: мальчик и две девочки. Моя первая и единственная супруга — дочь испанцев, обосновавшихся в Чили. Среди прочих ее достоинств (таких как, например, владение живописью) главное то, что она самолично взяла на себя воспитание в наших детях уважения и любви к моим предкам и всему, что с ними связано. Она учила их нашим традициям, образу жизни, привила им интерес ко всему, что связано с Россией. Мои дети гордятся тем, что носят фамилию Краснов! Старшей дочери 30 лет, она преподаватель начальных классов, замужем, имеет ребенка — моего старшего внука, которому сейчас уже пять лет. Среднему сыну 29 лет, он капитан бронетанковых войск Вооруженных сил Чили, холост. Кроме того, он владеет специальностью переводчика и преподавателя верховой езды. Как наездник он участвовал в различных международных и национальных соревнованиях. Младшей дочери 28 лет, она администратор предприятия, также окончила языковые курсы, замужем, имеет восьмимесячного сына. Дети — основной смысл моего существования и та сила, что помогает в личных и профессиональных делах. Они, как и я, мечтают побывать на земле, где родились их предки.

Вообще хочу сказать, что нашей семье свойственен жизненный оптимизм, что бы с нами ни случилось, какие бы испытания ни выпадали нам.

— Вам, конечно, известны события 1945 года в Австрии, когда Великобритания выдала НКВД десятки тысяч казаков...

— Да, я знаю достаточно деталей той трагедии. Я считаю это самым отвратительным преступлением, совершенным в конце Второй мировой войны! Причем виновники случившегося до сих пор стараются хранить в тайне факт позорной выдачи.

Семью Красновых передали советчикам в Лиенце. По предательским договорам и политическому сговору союзников сотни тысяч казаков были предательски переданы англичанами Советскому Союзу. Целые семьи казаков тогда предпочли самоубийство, чтобы не быть депортированными в СССР. Подавляющее большинство тех, кто все-таки доехал в Союз живым, были убиты или умерли в Сибири, а их тела бесследно исчезли.

Среди убитых были и атаман генерал-лейтенант П.Н. Краснов и мой отец, генерал-майор С.Н. Краснов, почти все казачье руководство. Случившееся я расцениваю как настоящий холокост, поскольку, помимо их возможной вины, была еще одна цель, которую преследовал Сталин, — уничтожение казаков, целой части народа, в которой нашли свое яркое выражение традиции России. В отношении этой трагедии я не таю злобу, лишь испытываю глубокое чувство боли. Умерли мужественные воины со своими принципами, ценностями и верой. Но они умерли с осознанием того, что сражались за правое и достойное дело! Их дела и поступки рассудит время, но, я верю, их жертвы были не напрасны!

— Как известно, русские белые офицеры, а затем и их потомки сыграли важную роль в построении национальных вооруженных сил в Латинской Америке — в частности, в Парагвае, Венесуэле, Чили... Что Вы знаете об этом?

— По правде говоря, мне неизвестно ничего об очень уж важной роли, которую играли русские белые офицеры и их потомки в построении национальных вооруженных сил других стран. По крайней мере, в Чили я такого не слышал. Что же касается завоевания доверия русскими эмигрантами, то, по крайней мере, здесь, в Чили, все они в основном благодарны за ту возможность, которую им предоставила эта

замечательная страна, чтобы заново начать свою жизнь. Эту благодарность они выразили своей полной интеграцией в чилийское общество, внося замечательный вклад в виде своих особых профессиональных знаний в различных областях жизни — но сохраняя в то же время русские традиции и оставаясь русскими людьми. Что касается лично меня, то для меня высокая честь служить в Вооруженных силах Чили в качестве офицера. После более чем 30-летней профессиональной и относительно нормальной службы я, к моему сожалению, не стал генералом, подав прошение об отставке в звании лишь бригадного генерала. Истинные причины, по которым я не стал генералом, объяснять не мне.

— *Бывают ли у Вас моменты или какие-то случаи, когда Вы чувствуете настоящую гордость за то, что Вы русский? Или, возможно, иногда испытываете чувство стыда за Россию и за русских людей?*

— Мне кажется, что из предыдущих ответов это более чем ясно. Гордость всегда. Если еще припомнить, что я природный казак, то можно понять, что это не просто чувство, а именно гордость, исходящая из глубины души. Чувство стыда за то, что я русский... Никогда!

— *Вы следите за развитием событий в современной России? Что Вы думаете о перестройке, Михаиле Горбачеве, Борисе Ельцине, Владимире Путине?*

— Сразу хотел бы Вас просить не относиться слишком серьезно к моему ответу, он может быть не вполне объективным. Находясь вдали от страны, не зная событий в деталях, сложно судить о внутренней обстановке в такое непростое и важное для нее время. Тем не менее, я, конечно, имею свое мнение, поскольку всегда с большим вниманием слежу за развитием событий в нынешней России. Независимо ни от чего, все три упомянутых Вами человека — выдающиеся личности российской истории, со своими особыми качествами и возможными недостатками. Думаю, что три президента России олицетворяют собой возрождение нации

и законные надежды русского народа быть свободными, быть личностями, думать о лучшем будущем и оставить своим детям достойное наследство, сделав их жизнь лучше по сравнению с той, какой жили они. Каждый из этих людей внес свой неоценимый вклад в развитие России. Признаюсь, однако, что мне ближе Владимир Путин. Он больше всего производит на меня впечатление своим характером, твердостью убеждений, умом, политическими способностями и точным определением места России на мировой арене — и, прежде всего, в свете интересов и амбиций основных развитых государств. Пусть Бог освещает ему путь во благо и во имя величия России.

— *Есть ли какой-нибудь военачальник прошлого, который бы пользовался у Вас наибольшим уважением, в том числе, может быть, участники Второй мировой войны?*

— Я испытываю самое большое уважение ко всем казакам и их семьям, которые храбро боролись за свои идеалы. Особо упомяну генерал-лейтенанта Гельмута фон Паннвица, походного атамана казачьих войск. Кроме того, выделяю маршала Жукова и генерала Паттона. На местном, не менее важном для меня уровне — это офицеры и солдаты Вооруженных сил Чили, которые в прошлом веке выиграли две войны против стран-союзников благодаря храбрости, убеждению и патриотизму солдат. Победы сопровождают чилийскую армию всегда, когда она сражается за свободу и суверенитет своей страны. Вы знаете, какой у нее девиз? «Армия победителей, но не побежденных». Этот девиз существует на протяжении всего существования чилийской нации, и он — сущая правда.

— *Как Вы оцениваете нынешнее состояние Вооруженных Сил Российской Федерации?*

— Думаю, что они переживают непростые времена адаптации и реорганизации, вытекающие из глобальных процессов, переживаемых сегодня всей Россией. Детально, разумеется, с состоянием российской армии я не знаком.

— Давайте вернемся в 70-е годы, к событиям, оказавшим самое серьезное влияние на всю Вашу жизнь — и в том числе на Ваше сегодняшнее нелегкое положение. Что Вы думаете сегодня относительно событий, которые имели место в Чили в 1973 году? В России многие еще полагают, что переворот, разрушивший режим Сальвадора Альенде, направлялся ЦРУ. Действительно ли было много жертв среди гражданского населения, а многие люди бесследно исчезли?

— Ни переворот, ни ЦРУ, ничего подобного. Вмешательство военных в политическое правление Чили изначально было вызвано недееспособностью левого правительства, анархией, насилием, голодом, преступлениями и систематическим нарушением основных прав граждан Чили. Все происходившее тогда было организовано марксистом Альенде с помощью его друзей из СССР, Кубы, стран Восточной Европы и «Движения неприсоединения», при участии наивных людей внутри страны (которых, к счастью, было не так уж много). Я обращаю Ваше внимание на то, что в Чили имела место настоящая *интервенция* сторонних сил! И не было «военного переворота». Все законно учрежденные институты власти, законодательной и судебной в том числе, еще до 11 сентября 1973 года подали в отставку, заявив, что правительство коммуниста Альенде потерпело крах, и указали на незаконность дальнейшего его правления. После этого указанные выше институты были возглавлены неким господином Алвином (позже, после демократической передачи власти военным правительством, он стал первым гражданским президентом Чили), который серьезно замыслил военное вмешательство с помощью вооруженных сил. Только они, обладая моральной силой всей нации, были способны противостоять происходящей катастрофе. Только они были способны предотвратить гражданскую войну, которая предательски готовилась самим марксистским правительством — для завоевания тотальной власти и последующего насильственного навязывания трагической «диктатуры про-

летариата». В подтверждение этого достаточно почитать чилийскую прессу того времени. Естественно, что хорошо проплаченная пропаганда коммунистического мира, возглавляемая самим СССР, была призвана скрыть реальность и исказить реальные причины происходящего. О чем можно говорить, если нас называли «фашистами», что, конечно, неприемлемо! Вам случайно не знакомо открытое письмо, посланное экс-президентом республики Чили доном Эдуардо Монтальва, демократом от христианской партии, итальянцу Мариано Румору, который к тому времени был главой этого международного движения? В нем полно описаны события того времени. ЦРУ? Безусловно, эта организация не могла упустить возможности поучаствовать в этом деле. Но если даже и так, то ее участие было не столь значительно, как утверждают порой. Вооруженные силы и чилийский Орден действовали сознательно, руководствуясь чувством патриотизма, — и без какой бы то ни было помощи извне. Вообще, на эту тему я мог бы написать целую книгу, но думаю, что для нашей беседы сказанного уже вполне достаточно. К вышесказанному добавлю, что в настоящее время в Чили по корыстным и безнравственным причинам те события правдиво не освещаются — и, что логично, не признается вина во всем случившемся левых. А все «демократы» и «правозащитники», кто должен быть максимально «политически корректным», только извратили историческую правду того печального и зловещего для Чили времени. Да, Вы правы — было насилие, были и невинные жертвы, в том числе и множество военных погибло в те годы. Но будем помнить, что огромное число невинных людей пало под пулями экстремистов, стремящихся вооруженным путем захватить власть. Только в ответ на их преступления на улицы вышли юноши в военной форме, солдаты и офицеры, чтобы защитить свободу своей родной страны и гражданские права своего народа. Затем уже возникла насущная необходимость бороться с подпольным, преступным и неистовым терроризмом, представленным наихудшим типом экстреми-

стов, которые существовали не только в Чили, но и во всей Латинской Америке. Именно они, тщательно подготовленные задолго до военного вмешательства 11 сентября 1973 года, при содействии и поддержке коммуниста Альенде, проникли в страну для реализации так называемой «революции», для захвата власти военным путем. К тому моменту в стране уже находилось около 10 тысяч кубинцев, не считая примерно такого же количества экстремистов из других стран. Они имели оружие завидного качества, превосходившее в несколько раз то, что стояло на вооружении в национальных войсках и находилось у чилийского Ордена. Это оружие было нелегально завезено в страну с помощью тогдашних властей. Вооружение (автоматы Калашникова, гранатометы, гранаты, боеприпасы, пулеметы, взрывчатые вещества и др.) и продовольственное снабжение поступали в основном из Советского Союза. Борьба с этими террористами сегодня и называется «нарушениями прав человека», которые будто бы совершались нашими военными. Лицемерная и циничная идея «правозащитников» — очернить бесспорный успех правительства, возглавляемого генералом Аугусто Пиночетом. Успех на всех уровнях управления нацией, успех, который до сих пор продолжает оставаться примером для многих стран мира. Это очернение — дело рук тех неудачников, которые делают из политики доходный бизнес, вместо того чтобы быть честными служителями народа. Именно с целью очернения периода чрезвычайно успешного правления военных они «поступают по справедливости», используя судебную власть для преследования всех военных, которые в той или иной степени принимали участие в борьбе с преступными элементами и террористами. Эти «правозащитники» говорят о «пропавших без вести», об убитых жестоким образом людях. Однако в большинстве преступлений — по крайней мере тех, в которых обвиняют меня лично, — отсутствуют какие-либо документальные свидетельства, либо они подложные. Даже если и были различного рода злоупотребления, то они были

порождены исключительно безответственным поведением и беспрецедентными нарушениями со стороны самих марксистов, совершаемыми против незащищенных людей, противостоящих силовому навязыванию чуждой политической доктрины. Сегодня сотни военнослужащих, в том числе и меня, притесняют, унижают, абсолютно незаконно и несправедливо заводят на них дела, лишают свободы. Между тем существуют законы, распространяющиеся на всех граждан Чили, о погашении уголовной ответственности, к которой эти военнослужащие были привлечены по истечении 15 лет с момента заведения уголовного дела. Кроме того, существует закон об амнистии, под который попадают все возможные преступления, совершенные с сентября 1973 года по 1978 год. Эти законы помогли избежать ответственности более чем трем тысячам террористов, но почему-то не были применены в установленном законом порядке в отношении обвиняемых военнослужащих. Ответ на последний Ваш вопрос оказался, может быть, очень длинным — но вопрос вынуждал к описанию некоторых деталей. Должна восторжествовать историческая справедливость — ради моих предков, ради семьи, ради моей чести, чтобы гордо нести звание солдата вооруженных сил этой страны, звание казака по рождению. После того как мы стали свидетелями ошеломляющих последствий террористических актов в Москве, на Ближнем Востоке, в США, Колумбии и других странах, где ежедневно зверски убивают сотни невинных людей, — представьте после этого, какой была бы Чили сегодня, если бы восторжествовала та злосчастная идея, что пытались осуществить марксисты Альенде? Смогли бы мы в нашей маленькой стране избежать того, что, к сожалению, переживает сейчас Россия после десятилетий разрушительного правления коммунистов? Я благодарю Бога за то, что в Чили (по крайней мере, пока) удалось избежать подобных последствий. Удалось благодаря усилиям и постоянству убеждений боровшихся вместе вооруженных сил страны и тогдашнего чилийского Ордена.

— *Как все же то, о чем Вы сейчас говорите, коснулось сегодня лично Вас?*

— Я ничего не знаю о существовании приказов высшего руководства или других причин, вследствие которых бы люди бесследно исчезали. Что касается лично меня, то я в звании лейтенанта в 1974 году был назначен верховным командованием Вооруженных сил Чили руководить национальной службой разведки. С середины 1974 года до конца 1976 года я боролся против настоящих террористов, не прячась и не скрывая своего лица, что соответствовало нашей моральной и профессиональной этике, которую мы четко и строго соблюдали. За это меня теперь незаконно лишили свободы почти на год, не предоставив никаких доказательств моей вины, основываясь только на предположениях и подозрениях. При этом дело практически с теми же самыми обвинениями, касающимися событий 30-летней давности, уже рассматривалось раньше главным военным прокурором Чили (по судебной иерархии стоящим выше нынешних моих судей), и я уже был оправдан! То, что сегодня происходит, — это проявление грубого реваншизма. Личности с сомнительными моральными качествами и, кроме того, связанные с террористами той эпохи, занимают сегодня высокие посты в подобии демократического правительства Чили. Нет никакого сомнения, повторяю, что эти люди бесстыдно оказывают давление на нашу судебную власть для достижения своих целей. Вместо того чтобы выполнять свои непосредственные обязанности, они в очередной раз акцентируют внимание народа на самой ужасной за все время существования страны трагедии семидесятых годов.

— *Как Вы оцениваете роль генерала Пиночета? Во время президентства Ельцина он вроде бы хотел приехать в Россию, но в итоге такая поездка не состоялась. Почему? Каково на сегодняшний день состояние его здоровья?*

— Исходя из воспитания и уважения к высшему руководству, в Вооруженных силах Чили не принято высказы-

вать свое мнение о наших бывших руководителях. Однако в этом, особом случае я отмечу — генерал дон Аугусто Пиночет Угарте был военным, возглавившим наиболее важный и удачный политический процесс за всю чилийскую историю XX века. Мне, по правде говоря, не известно равным счетом ничего, что связано с его, как Вы говорите, предполагавшимся визитом в Россию, я не имею сведений о его политических планах. Ну и, поскольку я сейчас нахожусь в заключении, у меня нет информации о состоянии здоровья генерала Пиночета. Надеюсь, что оно превосходно.

— *Можно ли рассчитывать на то, что в скором времени Вас выпустят на свободу? Каковы Ваши планы на будущее?*

— Полагаю, что причины моего нынешнего ареста я уже изложил. Единственное, что хотел бы добавить: благодаря удивительно эмоциональной поддержке моей семьи мой моральный дух остается твердым и крепким. Кроме того, необходимо отметить любезную и благородную поддержку огромного числа моих друзей и людей, которых я даже не знаю. Удивительно все то, что со мной, Красновым в третьем поколении, случилось! Ведь мне выпало противостоять врагу, причиняющему боль громадному большинству человечества, тому же врагу, с которым довелось сражаться моим родителям. И очень хочется верить, что я буду последним из Красновых, кто вынужден будет ему противостоять, что враг этот будет наконец побежден. Пока же, исходя из того, как сегодня обстоят дела в Чили, честно говоря, не знаю, как скоро (или нескоро) меня освободят. Но, независимо от этого, я не поколебался ни одной секунды в своей абсолютной вере в то, что справедливость восторжествует. Также не откажусь от своих убеждений, из-за которых принимал участие во внутренней жестокой борьбе, развязанной нашим противником.

Планы на будущее? На данный момент это только мечты. Однако буду стараться — и лучше раньше, чем позже —

реализовать свою главную мечту, о которой говорил в самом начале: побывать на земле, где жили и умерли мои предки. Потому что я благодарен им за то, что я такой, какой я есть. И, я надеюсь, если Бог даст мне силы, мужество, терпение и жизнь, — я обязательно осуществлю свою мечту!

— *Есть ли сегодня смысл в примирении белых и красных? Как бы Вы отнеслись к сооружению в Москве или Петербурге монумента в память всех жертв Гражданской войны в России?*

— Как бы хорошо я ни относился к самой идее сооружения подобного памятника, будет он или нет — не главное. Важнее, чтобы была воля к поиску путей примирения, без каких-либо исключений. Это прекрасно, если сможет произойти духовное объединение, уйдет злость и, в конце концов, в душе у россиян наступит мир и покой. Но белых и красных уже не примирить.

— *Ваше превосходительство, сегодня у Вас есть возможность обратиться к соотечественникам в России...*

— Хочу выразить самые искренние чувства благодарности всем россиянам за память о казаках Красновых. Я также очень признателен всем тем в России — а их немало! — кто относится ко мне как к своему соотечественнику. Это не перестает приятно удивлять меня и вдохновлять. Хотя физически и духовно я пустил корни в Чили, сердце мое всегда начинает учащенно биться, когда представляю или вижу во сне любимую и далекую Родину — Россию.

Дети русской эмиграции и дальние потомки Дома Романовых, за редкими исключениями, в последние пятьдесят лет после окончания Второй мировой войны, вели жизнь, невероятно далекую от прямой политической борьбы. Потомки «Николаевичей» и «Кирилловичей», разбавленные потомками Романовых от мorganатических браков в настоящее время уже далеко не молоды, вовлечены в коммерцию и, по большей части, политическую жизнь государств, в которых они проживают. Мы хотели бы рассмотреть несколь-

ко личностей современных потомков Романовых, так или иначе ведущих некоторое подобие публичной жизни, однако, по вполне объективным причинам, не заявляющих своих прав на престол. Так, князь Николай Романов, родившийся на юге Франции, в приморском курортном городке Антибе в 1922 году, в семье князя Романа Петровича Романова и графини Прасковьи Шереметевой. После революции его семейная ветвь бежала в Ялту, а позднее была отправлена оттуда за границу на борту английского эсминца «Мальборо». Николай Романович Романов считается историком, энциклопедистом и библиографом. Проживает в Италии. Его жена происходит из старинного итальянского графского рода Делла Гаральдеска. Николай Романович Романов имеет от этого брака трех дочерей. Как иронически писала о нем «Независимая газета», он «хотел бы носить одежду от «русских мастеров», но за неимением таковой на Западе обходится костюмами от Кардена». Николай Романович считает именно себя главой современного дома Романовых, хотя бы потому, что объективно он является «старейшиной» рода. При этом сам он утверждает, что восстановление монархии в России вряд ли возможно на данном историческом отрезке, который проходит в наши дни Россия. Борьба князя Николая Романовича с семейством Леониды Георгиевны является для него своего рода *point d'honneur*, но не обладает в его понимании определенной исторической перспективой. Претензии «Кирилловичей» на престол князь Николай Романов называет «смешными» по известным историческим причинам.

Другой потомок Романовых по линии великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, Романов Андрей Андреевич родился 21 января 1923 года. Он является праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии, а также потомком Александра III по женской младшей линии. Андрей Андреевич — сын князя Андрея Александровича Романова (1897—1981) от морга-

натического брака с Елизаветой Фабрициевной Руффо. Елизавета Руффо была дочерью герцога дона Фабрицио Руффо и княгини Наталии Александровны Мещерской. Андрей Андреевич приходится младшим братом Михаилу Андреевичу Романову. И двоюродным братом Михаилу Федоровичу Романову. На сегодняшний день князь Андрей Романов женат третьим браком на некоей Инес Сторер. Первым браком он был женат на Елене Константиновне Дурневой, вторым — на Кетлин Норрис. Имеет троих сыновей: старший Алексей (1953) — от первого брака, младшие Петр (1961) и Андрей (1963) — от второго. Законных прав на российский престол у него, разумеется, нет, так как сам он происходит от морганатического брака. С точки зрения соборных монархистов, князь Андрей Андреевич может быть рассмотрен Земским собором в качестве кандидата на престол, так как происходит от Николая I по мужской линии. А вот еще один потомок, князь Дмитрий Романович Романов, который родился 17 мая 1926 года во Франции и также является праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии и правнуком великого князя Николая Николаевича-старшего (1831—1891). Дмитрий Романович — внук великого князя Петра Николаевича (1864—1931) и черногорской принцессы Милицы и сын Романа Петровича Романова (1896—1978) от брака с графиней Прасковьей Шереметевой.

В 1936 г. вместе с родителями Дмитрий Романович переехал в Италию, где в те времена королевой была Елена. Она, родная сестра Милицы Черногорской, приходилась его отцу родной теткой. Незадолго до освобождения Рима англо-американскими союзниками Дмитрий Романович даже скрывался, так как немцы в превентивных целях решили арестовать всех родственников итальянского короля. После проведения общенародного референдума в Италии о будущем монархии, решившим, что ее время истекло, Дмитрий Романович, следуя за отрекшимся итальянским королем Виктором-Эммануилом и его супругой, отбыл в Северную

Африку, а именно в Египет. В Александрии Дмитрий Романович работал на автомобильном заводе Форда простым механиком, а позже продвинулся до поста торгового представителя, продавая малолитражные автомобили египетской публике. После свержения египетского короля Фарука и начала очередных гонений на проживавших в стране европейцев Дмитрий Романович уехал из Египта и вернулся в демократическую Италию. Там он проработал секретарем начальника частной судовой компании. В 1953 году по линии «Интуриста» впервые побывал в СССР и увидел своими глазами родину своих предков. Будучи в отпуске в Дании, Дмитрий Романович познакомился там со своей будущей первой женой, и через год венчался с ней, переехал в Копенгаген, где зажил жизнью обыкновенного западного клерка и более 30 лет проработал банковским служащим. С 1973 года вошел в семейное Объединение членов Дома Романовых, которое в 1989 году возглавил его старший брат, Николай Романович Романов.

В июне 1992 года князь Дмитрий Романович стал одним из основателей и председателем учрежденного «Фонда Романовых для России». В 1993—1995 годы целых пять раз приезжал в Россию, а в июле 1998 года присутствовал в Санкт-Петербурге на похоронах останков, принадлежащих якобы Николаю II и его семьи. Князь Дмитрий Романович является, по его собственным словам, противником реставрации монархии, обосновывая это тем, что в России «должен быть демократически избираемый президент». Долгое время мысли о политике почтеннейший Дмитрий Романович сочетает с коллекционированием орденов и медалей. Им написано и издано на английском языке несколько книг о государственных наградах, наиболее близких ему по родственным соображениям — черногорских, болгарских и греческих. Время от времени Дмитрий Романович возвращается к работе над книгой о сербских и югославских наградах, а еще мечтает написать книгу о старых российских и совет-

ских орденах и медалях. Не обойдены его вниманием и награды «постсоветской» России. Дмитрий Романович женат вторым браком на датской переводчице с английским именем Доррит Ревентроу. Венчался с ней он в июле 1993 г. в православном соборе в Костроме, в котором некогда венчался на царство сам Михаил Федорович Романов. Детей у этой пары нет. Его старший родственник, Михаил Андреевич Романов, появившийся на свет 19 июля 1920 года тоже является праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии, потомком Александра III по женской младшей линии и сыном князя Андрея Александровича Романова. Живет князь Михаил Андреевич в настоящее время в Австралии. В 1953 году он женился на Эстер Бланш, но уже в следующем году развелся с нею и женился на Элизабет Шерли. Детей у них нет. Права Михаила Андреевича так же, как Андрея Андреевича и Михаила Федоровича, сомнительны. Именно потому, что их прабабка, мать великого князя Александра великая княгиня Ольга Федоровна, принцесса Баденская, супруга великого князя Михаила Михайловича имела родственные связи с представителями династии еврейских финансистов из Карлсруэ. Известно, что, по мнению графа Сергея Витте, нашедшему отражение в его мемуарах, именно по этой причине детей великой княгини Ольги Федоровны, так называемых «Михайловичей» — Николая, Михаила, Георгия, Александра и Сергея недолгоблизил российский император Александр III. «...К детям великого князя Михаила Николаевича император Александр III относился уже не так благосклонно; к жене великого князя, великой княгине Ольге Федоровне, император также относился не вполне благосклонно, вероятно потому, что, во-первых, великая княгиня Ольга Федоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ. Этот еврейский тип, а по-

жалуй, и еврейский характер в значительной степени перешел и к некоторым из ее детей. Однажды император Александр III, обратясь ко мне, говорит: — Вы вчера видели детей ...зонов (Император произнес одну еврейскую фамилию). Я не понял, о каких детях с еврейским именем он мне говорит. После мне объяснили, что он мне говорил о некоторых из Михайловичей». ¹¹⁸

Еще один родственник современных Романовых, Михаил Федорович Романов, родился 4 мая 1924 года. Он является праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии и Александра III по женской линии, правнуком великого князя Михаила Николаевича, и внуком великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны. Его отец, сын великого князя Федора Александровича (1898—1968) и великой княгини Ирины Павловны (1903), дочери великого князя Павла Александровича от морганатического брака с Ольгой Валериановной Палей. Михаил Федорович проживает в Париже. В 1958 года он женился на даме по имени Хельга Стауффенбергер. У него есть сын Михаил Михайлович, родившийся в Париже в 1959 году и внучка Татьяна Михайловна 1986 года рождения. До недавнего времени жил и здравствовал Никита Никитич Романов, который родился 13 мая 1923 года и был праправнуком царя Николая I по мужской младшей линии, правнуком великого князя Михаила Николаевича (1832—1909), и внуком великого князя Александра Михайловича (1866—1933). Отец Никиты Никитича, Никита Александрович Романов (1900—1974) был женат на графине Марии Илларионовне Воронцовой-Дашковой, родившейся в 1903 году. Местом обитания Никиты Никитича был Нью-Йорк. В 1979 году Никита Никитич стал Вице-председателем созданного им Объединения членов Дома Романовых, председателем которого ныне является князь Николай Романович Романов. Несколько раз князь Никита Никитич посещал Россию, побывал в Крыму, посетил имение своего деда в Крыму, в месте Ай-Тодор. Его младший брат Алек-

сандр Никитич Романов, 1929 года рождения, живет теперь в США. Он женат на Жанет Шонвальд (Анне Михайловне в православии) 1933 года рождения. Есть в списке потомков Романовых, живущих в настоящее время за рубежом, и еще одна колоритная фигура — Павел Дмитриевич Романов (Ильинский), натурализованный американец Paul R. Ilyisnki. Родился сей славный муж 27 января 1928 года. Он является правнуком царя Александра II, внуком его пятого сына — великого князя Павла Александровича, расстрелянного большевиками в Петропавловской крепости в январе 1919 года — и принцессы Александры Греческой, сыном великого князя Дмитрия Павловича (1891—1942). Великий князь Дмитрий Павлович в США был женат морганатическим браком на принявшей православие американке Анне (Одри) Эмери (1904—1971), которая родила ему сына Павла (Поля).

В 1937 году они развелись, Анна была потом замужем вторым браком за грузинским князем, проживавшим долгие годы в эмиграции Дмитрием Георгадзе. Великий князь Дмитрий Павлович умер в Швейцарии в разгар Второй мировой войны. Его сын Павел Дмитриевич имеет чин полковника морской пехоты США, находясь ныне в отставке. Он является членом муниципального совета города Палм-Бич во Флориде и одно время был даже мэром этого городка. Пол Ильински — член Республиканской партии США и одновременно масон высокого градуса посвящения в ложе Великий Восток Франции. Павел Дмитриевич женат вторым браком на принявшей православие американке Анжелике Кауфман. До этого он был женат на американке Мэри-Ивлин Пренс, с которой у него есть дети — Дмитрий 1954 года рождения, Михаил — 1960, Пола 1956, Анна 1959. Имеет семерых внуков от браков своих полностью ассимилированных в США детей. Есть в этом списке романовских потомков за границей и столь экзотические персоналии как Эмих-Кирилл Лейнинген, седьмой князь Лейнингенский родившийся в 1926 году в Германии. Сын Фридриха-Карла, шестого князя Лейнингенского и великой княгини Марии

Кирилловны Романовой — дочери великого князя Кирилла Владимировича, провозгласившего себя в 1924 г. «Императором Кириллом I». Его отец, германский морской офицер, погиб от голода в советском плену в лагере под Саранском в августе 1946 года, а мать умерла от сердечного приступа 27 октября 1951 года в Мадриде. В детстве Эмих-Кирилл был членом столь популярной одно время в Германии организации Гитлерюгенд. У воспитанника этой общественной юношеской организации есть и два младших ныне здравствующих брата — Карл-Владимир 1928 года рождения и Фридрих-Вильгельм 1938 года рождения, а также три сестры — Кира-Мелита 1930 года рождения, Маргарита — 1932 и Матильда — 1936. Эмих-Кирилл состоит в отдаленном родстве с болгарским королевским домом. И также с сербской династией Карагеоргиевичей. По мнению «кирилловцев», этот колоритный персонаж и его многочисленные германские родственники стоит «первым в очереди» на российский престол после великого князя Георгия Михайловича, права на который у юноши были всегда весьма сомнительны. Соответственно, в случае бездетной смерти Георгия и пресечения старшей линии Кирилловичей, Эмих-Кирилл Лейнинген или его сыновья унаследуют права на престол — при условии перехода в православие.

А вот и еще один претендент на российский престол. Это сравнительно молодой Майкл, принц Кентский, родившийся в 1942 году и формально являющийся прапраправнуком Николая I и двоюродным братом ныне здравствующей королевы Великобритании Елизаветы II. Внук английского короля Георга V, младший сын Георга, герцога Кентского, (1902—1942) и принцессы Марины (1906—1968), дочери греческого королевича Николая (1872—1938) и великой княжны Елены Владимировны (1882—1957), сестры великого князя Кирилла Владимировича. По линии своего деда Николая Греческого, сына великой княжны Ольги Константиновны (1851—1926), — праправнук второго сына русского императора Николая I, великого князя Константина Нико-

лаевича Романова (1827—1892). По линии своей бабки Елены Владимировны — праправнук русского императора Александра II. Соответственно, приходится троюродным братом великой княгине Марии Владимировне. В английской линии престолонаследования занимал первоначально 8-е место. Его отец Георг, герцог Кентский, был младшим братом королей Эдуарда VIII и Георга VI, но, женившись на католичке, утратил права на престол — согласно закону от 1701 г.

Жена Майкла Кентского — ранее разведенная австрийская баронесса Мария Кристина фон Рейбниц, отец которой в 1933 г. состоял в нацистской партии и дослужился до звания штурмбанфюрера СС. Теоретически принц Майкл Кентский сохраняет права на русский престол — при условии перехода в православие. Он окончил военное училище, где выучил русский язык, получил профессию военного переводчика. Служил в штабе военной разведки. Вышел в отставку в звании майора. Неудачно пытался заняться бизнесом. Затем сделал два телевизионных фильма — о королеве Виктории, и ее супруге Альберте и о Николае II и царице Александре. После 1992 года Майкл Кентский неоднократно бывал в России. В авантюрно-приключенческом романе Фредерика Форсайта «Икона», вышедшего в 1997 году, Майкл Кентский фигурирует как кандидат на престол, приглашенный в Россию для ее спасения от диктатуры. Майкл Кентский — масон, по некоторым данным, глава Великой ложи Востока.

Члены Дома Романовых, проживающие в результате эмиграции в разных странах мира и объединенные в «Ассоциацию Дома Романовых», отрицательно относятся к претензиям потомков «Кирилловичей» на некое особенное положение в эмиграции и права на российский престол. Русские монархические публицисты и, в частности, Михаил Викторович Назаров, считает, что так называемый «великий князь Георгий Михайлович», единственный сын принца Франца-Вильгельма Прусского и княгини Марии Владими-

ровны, является членом династии Гогенцоллернов и никакого отношения к Романовым не имеет. Те, кто в России и за границей интересуется историей России и Дома Романовых, постоянно вводились в заблуждение матерью Георга и членами его семьи. В результате чего ребенок с 1991 г. позиционировался в качестве «великого князя Георгия Михайловича Романова». Семья Романовых сегодня разделена на четыре ветви, идущие от императора Николая Первого, скончавшегося в 1855 году. Следовательно, княгиня Мария Владимировна по такому закону не может являться главой Дома, а ее сын, принц Георг Прусский никак не может являться «наследником российского престола». Титул «великого князя» или «великой княгини» по «Статусу о престолонаследии» не может носить сегодня ни один член семьи Романовых. Только сын или дочь монарха или внук или правнучка по мужской линии, являющиеся наследниками монарха, имеют на это право. Таких лиц в живых сегодня нет. Это как раз тот случай, который имел место с недавно почившим в бозе князем Владимиром Кирилловичем. Последним великим князем был умерший в 1956 году великий князь Андрей Владимирович, а последней великой княгиней была Великая княгиня Ольга Александровна Куликовская, урожденная Романова, скончавшаяся в 1960 году. Настойчивые попытки Марии Владимировны получить от правительства России специальный статус на церемонии захоронения останков трагически погибшей царской семьи в результате злодеяния в Екатеринбурге были весьма заметны ее родственникам за границей. В октябре 1995 года после одного особенно наглого заявления Марии Владимировны средства массовой информации России потомки Романовых отmorganатических браков за границей решили, что настало время разъяснить позицию членов Дома Романовых. Было передано «Заявление» на имя президента Бориса Ельцина, а также многим министрам и ответственным членам правительства России. Копия «Заявления» была также передана Патриарху Московскому и всея Руси, и также ряду извест-

ных общественных деятелей России, Европы и США. От правительства Российской Федерации был получен удовлетворительный ответ со всеми уверениями, что на предстоящей церемонии все члены Дома Романовых будут приняты одинаково. В то время мэр города Петербурга Анатолий Собчак также передал другим потомкам Романовых за границей свои заверения специальным письмом. Интерес к истории прошлого нашей страны и интерес к истории Дома Романовых — очень положительный факт. Период, когда в России на престоле была династия Романовых, должен изучаться, его нужно анализировать, чтобы понять, что было положительного и какие ошибки были сделаны во время этого правления, чтобы их не повторять в будущем, однако потомки Романовых дали понять российскому руководству накануне участия в символическом захоронении останков, по утверждению, принадлежащих царской семье, что если на церемонии особый статус будет предоставлен княгине Марии Владимировне и ее сыну принцу Георгу Прусскому, то все члены Дома Романовых в знак протеста откажутся принять участие в пародии на традиционную церемонию.

Члены Дома — князья Романовы, которые на протяжении всей своей жизни в эмиграции хранили горячую любовь к своей стране и сохраняли семейные традиции, чьи матери принадлежали к историческим семьям России, а некоторые из князей сегодня являются правнуками великой княгини Ксении, не могут быть проигнорированы. Если все же это произойдет, то Россия воздаст почести только наследникам Кирилла Владимировича, единственного великого князя и близкого родственника императора двоюродного брата, столь явно предавшего его в марте 1917 года. Кирилл Владимирович был человеком, который нацепил красный революционный бант и повел чинов Гвардейского экипажа в Таврический дворец предлагать свои услуги Временному правительству. Это был человек, который приложил все усилия, чтобы заставить Николая Второго подписать отречение. Если это не предательство, то что такое предательство? —

и поныне задаются вопросом потомки Дома Романовых. Московские сторонники Марии Владимировны, внучки Кирилла, видят в ней, ошибочно, исторический символ династии Романовых. На самом деле она является очень неподходящим символом романовской семьи, являющейся скорее символом предательства России. Странно оказывать особые почести принцу Георгу Прусскому, праправнуку кайзера Вильгельма Второго, который объявил войну России. Как известно, это была война, которая стала ключевым актом, толкнувшим Россию к национальной катастрофе. За эту государственную измену Кирилл был бы лишен вообще всех прав и отдан под суд — если бы легитимная власть сохранилась. Поскольку расчеты Кирилла получить трон от масонов не оправдались, вскоре он письменно отказался от претензий на престол, присоединившись к отказу брата царя и переложив само будущее монархии на усмотрение избираемого народом Учредительного собрания. После всего этого его провозглашение себя в 1924 г. императором в эмиграции было самозванством, что так и расценили вдовствующая императрица-мать и все главные эмигрантские инстанции: Русская Зарубежная Церковь, Высший Монархический Совет и Русский Общевоинский Союз генерала Врангеля. Лишь позже первоиерарх Зарубежной Церкви, не знавший о секретном лишении семьи Кирилла прав престолонаследия, и, руководствуясь необходимостью объединения эмиграции, положил почин признанию его, и затем его сына «Главой Дома Романовых», но не все связывали это с правом на престол, рассматривая этот титул лишь как внутреннее дело семьи Романовых. Потомки Кирилла не имеют права на титул великих князей, ибо он не передается далее внуков Императора. Кроме того, брак кн. Владимира Кирилловича с разведенной госпожой Кирби, урожденной княгине Багратион-Мухранской, не одобрили даже его сторонники-архиереи, поэтому пришлось венчаться не в русской, а в греческой церкви в Швейцарии, прячась от русской общественности. Кроме того, еще до революции 1917 года Багратион-

Мухранские считались неравнородными из-за брака с князем Багратион-Мухранским, а княжна Татьяна Константиновна была вынуждена в 1911 г. подписать отречение от своих прав на престол. Владимир был последним мужским потомком в этой линии. Его дочь Мария вышла замуж за прусского принца, и их сын Георгий, таким образом, согласно ст. 133 причисляется по отцу к династии Гогенцоллернов. В зарубежных справочниках он таковым и указан. Михаил Назаров отмечает поразительное стремление этой ветви сесть на русский трон при помощи любых антирусских сил, даже ценою измены Православию, так как Кирилл обещал Ватикану унию! Это стремление не иссякло и по сей день, поскольку Кирилловичи согласны на декоративную монархию, считая, что таинство Помазания на царство, по выражению Владимира Кирилловича — «просто форма... совместимая с любой политической системой». В том числе с нынешней системой. Так, в Рождественском обращении 2000 г. «Государыня Мария» все еще пытается убедить «дорогих соотечественников», что «только правильное развитие демократических институтов» позволит «достичь желанных целей... Я в любых условиях старалась всеми силами способствовать развитию демократического сознания россиян»... По сведениям Михаила Назарова, в 1974 году на III Всезарубежном Соборе лишь два архиерея из 13 поддерживали Владимира Кирилловича как престолонаследника. Поэтому фотографии 1970—1980 годов, где Кирилловичи изображены рядом с архиереями, вовсе не означают «признания прав» их, а к кресту в конце богослужения может подойти каждый. Наконец последние — обширный клан «Михайловичей» потомков великого князя Александра Михайловича и его жены, его собственной двоюродной племянницы великой княгини Ксении Александровны, дочери Александра III. На сегодня потомки этих двух лиц Императорского Дома насчитывают 17 мужских представителей рожденных от мorganатических браков, но о них слишком мало известно и потому их культивируют как наиболее достойных,

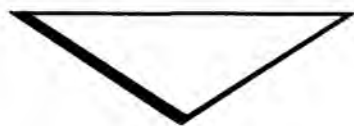

так как они не борются за корону. Едва ли большинство из них чувствуют в себе способность и призвание к роли монарха. Необходимо, как они считают, выбрать новую династию. Но в этом случае они попадают в некий логический тупик, так как не понятен критерий выбора новой династии. По меткому замечанию Михаила Назарова, аристократии в России нет, «советское» (номенклатура и олигархи) и «осовеченное» (потомки аристократии, проживавшие в СССР) дворянство нельзя отнести к аристократии, иностранных принцев призывать они не желают, иначе это означает во многом схожесть позиций с легитимистами, которые неизбежно будут вынуждены предлагать императора из «варягов».

Это еще связано с тем, что мужских потомков Дома Романовых, рожденных от законных и династических браках с правом престолонаследия нет. Поэтому и наследство должно перейти в женские линии, которые в большинстве своем, в настоящее время, представляют германские владетельные и царственные дома. Именно поэтому они активно выступают за упразднение или мораторий в отношении тех статей династического права Российской Империи, которые недвусмысленно запрещают потомкам членов Императорского Дома, рожденным от неравнородных браков, наследовать Престол. Упразднение статей 36 и 188 Основных Законов Империи неизбежно повлечет обретение прав на престол для мужских потомков великих князей Петра Николаевича и Александра Михайловича, но лишит права иностранных принцев, которые на сегодня имеют преимущество только в силу этих статей. К сожалению, защитники этой точки зрения забывают, что Петр III был рожден от неправославного отца герцога Карла — Фридриха Гольштейн-Готторпского, но это не помешало внуку лютеранина Государю Павлу Петровичу стать одним из самых почитаемых монархов.

Можно сказать, что история подвела черту под героическим и прекрасным временем первой волны русской эмиг-

рации и военной эмиграции в частности. Сегодняшняя ее жизнь остановилась и обрела форму реликвий, исторических трудов и воспоминаний. Понемногу они приходят к современному читателю и исследователям, становясь нашим общим русским наследием. Дай Бог, восстановиться исторической справедливости, а русским героям обрести заслуженное место в общей Русской Истории, от которой они, несмотря на километры и расстояния, никогда отделимы не были.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карпов Н.В. «Крым — Галлиполи — Балканы», М. «Русский путь», 2002. С. 17.

² Валентинов А.А. «Крымская эпопея» // Сборник «Белый Крым». Изд. РГГУ, М. 2003. С. 399.

³ Берг, фон В. «Последние гардемарины», Изд. Военно-морского союза, Париж, 1931. С. 127.

⁴ Тимофеевский К. «На крейсере «Генерал Корнилов» в сборнике «Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма», М. Центрполиграф, 2003. С. 543.

⁵ Валентинов А.А. «Крымская эпопея» // Сборник «Белый Крым». Изд. РГГУ, М. 2003. С. 402.

⁶ Слащев Я.А. «Крым в 1920 году», М., Изд. РГГУ. С. 248.

⁷ Карпов Н.Д. «Крым—Галлиполи—Балканы», М. «Русский путь», 2002. С. 18.

⁸ Федоров Г. «Путешествие без сентиментов» // Сборник «Константинополь—Галлиполи», М. Изд. РГГУ, 2003. С. 185.

⁹ Давац В., Львов Н. // Сборник «Русская армия на чужбине», М. Центрполиграф, 2003. С. 56—57.

¹⁰ Ишеев П. «Осколки прошлого» // Сборник «Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма», М. Центрполиграф. С. 552.

¹¹ Карпов Н.Д. «Крым—Галлиполи—Балканы», М., «Русский путь». С. 21—22.

¹² Калинин И.М. «Под знаменем Врангеля» // Сборник «Казачий исход» серии «Белое Дело», М. Изд. РГГУ, 2003. С. 245.

¹³ Калинин И.М. «Под знаменем Врангеля» // Сборник «Казачий исход» серии «Белое Дело», М., Изд. РГГУ, 2003. С. 246—247.

¹⁴ Достовалов Е.И. «Записки» // Сборнике «Константинополь—Галлиполи» серии «Белое Дело», М., Изд. РГГУ. С. 218—219.

¹⁵ Павлов В.Е. «Марковцы в Галлиполи» // Сборник «Русская армия на чужбине», М., Центрполиграф. С. 144.

¹⁶ Белый В.И. «Галлиполи» // Сборник «Кирасиры Его Величества». Глава «Жизнь за рубежом», Париж, 1944. С. 350.

¹⁷ Указ. соч. С. 350—351.

¹⁸ Левитов М. «Корниловцы в Галлиполи» // Сборник «Русская армия на чужбине», М., Центрполиграф, 2003. С. 160.

¹⁹ Указ. соч. С. 153.

²⁰ Карпов Н.Д. «Крым—Галлиполи—Балканы», М. «Русский путь», 2002. С. 50.

²¹ Матасов В. «Конноартиллеристы в Галлиполи» // Сборник «Русская армия на чужбине», М., Центрполиграф, 2003. С. 227.

²² Федоров Г. «Путешествие без сентиментов» // Сборник «Константинополь—Галлиполи» серии «Белое Дело», М., изд. РГГУ, 2003. С. 219.

²³ Чебышев Н.Н. «Близкая Даль» // Сборник «Константинополь—Галлиполи» серии «Белое Дело», М., изд. РГГУ, 2003. С. 140.

- ²⁴ Указ. соч. С. 125.
- ²⁵ *Матасов В.* «Конноартиллеристы в Галлиполи» // Сборник «Русская армия на чужбине», М., Центрполиграф, 2003. С. 229—230.
- ²⁶ Указ. соч. С. 229.
- ²⁷ Указ. соч. С. 231.
- ²⁸ Указ. соч. С. 231.
- ²⁹ *Витковский В.К.* «Константинопольский поход. Галлиполи. 1921 год» // Сборник «Русская армия на чужбине», М., Центрполиграф, 2003. С. 139.
- ³⁰ *Шатилов П.Н.* «Расселение армии по Балканским странам» // Сборник «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф, 2003. С. 78.
- ³¹ Указ. соч. С. 83.
- ³² Указ. соч. С. 86.
- ³³ Указ. соч. С. 88.
- ³⁴ Указ. соч. С. 91.
- ³⁵ Указ. соч. С. 93.
- ³⁶ Указ. соч. С. 93.
- ³⁷ Указ. соч. С. 96.
- ³⁸ Указ. соч. С. 96.
- ³⁹ Указ. соч. С. 97.
- ⁴⁰ *Чебышев Н.Н.* «Близкая даль» // Сборник «Константинополь—Галлиполи», М., изд. РГГУ, 2003. С. 71.
- ⁴¹ Указ. соч. С. 72.
- ⁴² *Шатилов П.Н.* «Расселение армии по Балканским странам» // Сборник «Русская армия в изгнании». М. Центрполиграф, 2003. С. 110.

⁴³ Указ. соч. С. 108.

⁴⁴ *Каратеев М.Д.* «Белогвардейцы на Балканах» // Сборник «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф. С. 135.

⁴⁵ Указ. соч. С. 136.

⁴⁶ Указ. соч. С. 161.

⁴⁷ *Витковский В.К.* «Пребывание русской армии в Болгарии и коммунистическое движение в 1922—1923 гг.» // Сборник «Русская армия в изгнании», М. Центрполиграф. С. 119.

⁴⁸ Указ. соч. С. 121.

⁴⁹ *Каратеев М.Д.* «Белогвардейцы на Балканах» // Сборник «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф. С. 189.

⁵⁰ Указ. соч. С. 189.

⁵¹ *Прянишников Б.В.* «Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции», М., «Яуза», 2004. С. 62.

⁵² Указ. соч. С. 63.

⁵³ *Судоплатов П.А.* «Разведка и Кремль», М. ТОО «Гей», 1996. С. 39.

⁵⁴ *Сталь фон Гольштейн А.И.* «Генерал Кутепов и Великий князь Николай Николаевич» в сборнике «Генерал А.П. Кутепов», Минск, изд. «Харвест» 2004. С. 287.

⁵⁵ Указ. соч. С. 290.

⁵⁶ *Шатилов П.Н.* «Расселение армии по балканским странам» в сборнике «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф, 2003. С. 115.

⁵⁷ *Карпов Н.Д.* «Крым — Галлиполи—Балканы», М, «Русский путь», 2003. С. 132.

⁵⁸ Указ. соч. С. 126.

⁵⁹ Указ. соч. С. 126.

⁶⁰ *Соллогуб А.А.* «Русская православная церковь за границей 1918 — 1968», издательство Русской Духовной миссии, Нью-Йорк, 1968. С. 35.

⁶¹ Указ. соч. С. 35.

⁶² *Вострышев М.И.* «Патриарх Тихон», в серии ЖЗЛ, М. «Молодая гвардия», 1995. С. 30.

⁶³ Указ. соч. С. 230.

⁶⁴ Указ. соч. С. 255.

⁶⁵ *Соллогуб А.А.* «Русская православная церковь за границей 1918 — 1968», издательство Русской Духовной миссии, Нью-Йорк, 1968. С. 36.

⁶⁶ *Вострышев М.И.* «Патриарх Тихон», в серии ЖЗЛ, М. «Молодая гвардия», 1995. С. 291.

⁶⁷ *Прянишников Б.В.* «Незримая паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции», М. «Яуза», 2004. С. 64.

⁶⁸ Указ. соч. С. 67.

⁶⁹ *Берестовский В.В.* «Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра — Тирана 10—26 декабря 1924 года» в сборнике «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф, 2003. С. 280.

⁷⁰ *Берг фон В.Ф.* «Последние гардемаринь», Париж, изд. Военно-морского союза 1931. С. 144.

⁷¹ Указ. соч. С. 151—152.

⁷² Указ. соч. С. 164.

⁷³ Указ. соч. С. 180.

⁷⁴ *Волков С.В.* «Трагедия русского офицерства», М. Центрполиграф, 2002. С. 386.

⁷⁵ Указ. соч. С. 386.

⁷⁶ Карпов Н.Д. «Крым—Галлиполи—Балканы», М. «Русский путь», 2002. С. 77.

⁷⁷ Сладов Я.А. «Крым в 1920 году» // Сборник «Белый Крым», М., изд. РГГУ, 2003. С. 251.

⁷⁸ Оболенский В.А. «Крым при Деникине» // Сборник «Белое Дело», изд. РГГУ, М., 2003. С. 63—64.

⁷⁹ Волков С.В. «Трагедия русского офицерства», М., Центрполиграф, 2002. С. 391.

⁸⁰ Указ. соч. С. 392.

⁸¹ Указ. соч. С. 391.

⁸² Указ. соч. С. 392.

⁸³ Указ. соч. С. 392.

⁸⁴ Указ. соч. С. 392.

⁸⁵ Указ. соч. С. 393.

⁸⁶ Указ. соч. С. 394.

⁸⁷ Розеншильд-Паулин В.А. // Сборник «Кирасиры Его Величества, Париж, «Возрождение», 1944. С. 354.

⁸⁸ Указ. соч. С. 354.

⁸⁹ Указ. соч. С. 359.

⁹⁰ Указ. соч. С. 360.

⁹¹ Трубецкой С. «Генерал Кутепов как общественный деятель» // Сборник «Генерал А.П. Кутепов», Минск, «Харвест», 2003. С. 313.

⁹² Указ. соч. С. 315.

⁹³ Указ. соч. С. 315.

⁹⁴ Ипполитов Г.М. «Деникин» // Серия «ЖЗЛ», М., «Молодая гвардия», 2000. С. 460.

⁹⁵ Униовский В. «Сталинский поджигатель» // Газета «Парижский вестник» № 39, 1943. С. 3.

⁹⁶ Бибиков В. «История Кавалергардов», Париж, 1992. С. 23.

⁹⁷ Прянишников Б.В. «Незримая Паутина. ОГПУ—НКВД против Белой эмиграции», М., «Яуза», 2004. С. 249.

⁹⁸ Указ. соч. С. 490—491.

⁹⁹ Указ. соч. С. 492.

¹⁰⁰ Указ. соч. С. 492.

¹⁰¹ Керманов Н.П. «Русский Парагвай» // Сборник «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф, 2003. С. 439.

¹⁰² Указ. соч. С. 446.

¹⁰³ Стогов Н.Н. «Парагвай и русские офицеры» // Сборник «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф, 2003. С. 448.

¹⁰⁴ Указ. соч. С. 450.

¹⁰⁵ Указ. соч. С. 454.

¹⁰⁶ Казаки из Парагвая «В Парагвае», «Родимый Край», № 44, Париж, январь—февраль 1963. С. 30.

¹⁰⁷ Залесский К.А. «Кто был кто в третьем рейхе», М., Астрель, АСТ, 2002. С. 38.

¹⁰⁸ Указ. соч. С. 38.

¹⁰⁹ Стефановский М.И. «Корниловцы в Русском корпусе» // Сборник «Русская армия в изгнании», М., Центрполиграф, 2003. С. 353.

¹¹⁰ Указ. соч. С. 355.

¹¹¹ Опубликовано под псевдонимом «Новый офицер» в № 41 (июль—август 1963) журнале «Родимый Край», Париж. С. 32—33.

¹¹² Указ. соч. С. 34.

¹¹³ *Солженицын А.И.* «Архипелаг Гулаг». Часть 5, гл. 1., М., «Советский писатель—Новый Мир», 1989. С. 31.

¹¹⁴ *Астахов И., Аверкиев А. и др.* «К сведению казачьей общественности» // Журнал «Родимый край», Париж, июль—август 1962 года. С. 35.

¹¹⁵ *Краснов Н.Н.* «Незабываемое 1945—1956», Изд. «Книж. маг. Р.М. Васильева», Нью-Йорк. С. 36.

¹¹⁶ Указ. соч. С. 38.

¹¹⁷ *Ганусовский Б.К., Науменко В.Г.* // Сборник «Великое предательство», СПб, «Нева», 2003. С. 396.

¹¹⁸ *Витте С.Ю.* «Воспоминания» // Сборник «Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма», СПб, издательство «Пушкинского фонда», 2001. С. 295—296.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая.

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ ГАЛЛИПОЛИ В 1920—1921 ГОДАХ	3
--	---

Глава вторая.

ПУТИ РУССКОЙ АРМИИ НА БАЛКАНАХ, В АФРИКЕ И СССР. 1920-е ГОДЫ	47
---	----

Глава третья.

БЕЛЫЕ ИЗГАННИКИ ВО ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ, БЕЛЬГИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. 1928 — 1939 ГОДЫ	93
---	----

Глава четвертая

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ДУХОВЕНСТВО В 1928—1941 ГОДАХ	142
--	-----

Глава пятая

БЕЛОЕ ДЕЛО НА СЛУЖБЕ ГЕРМАНИИ В 1941—1945 ГОДАХ	186
--	-----

Глава шестая

ЭХО БЕЛОЙ БОРЬБЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	228
--	-----

Глава седьмая

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ	275
--	-----

Глава восьмая

ПОСЛЕДНИЙ ВСПЛЕСК «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»	306
--	-----

ПРИМЕЧАНИЯ	342
------------------	-----

Гончаренко О.Г.

Г65 Белоземгранты между звездой и свастикой / О.Г. Гончаренко. — М. : Вече, 2005. — 352 с. : ил. — (Военные тайны XX века)

ISBN 5-9533-0578-8

«Когда суда, наполненные до отказа отступившими войсками и невероятным количеством беженцев и войск Русской армии, были уже в море, среди покидавших Отечество свое едва ли нашелся хоть кто-нибудь, чье сердце не дрогнуло бы при виде удалявшихся родных берегов. Неоднократно повторявшийся у многих мемуаристов мотив тоски и полной безнадёжности сквозил во всех разговорах и беседах, ведущихся на кораблях». Какова дальнейшая судьба эмигрантов? Пути Русской армии на Балканах, белые изгнанники во Франции, Испании, Бельгии и на Дальнем Востоке, Белое дело на службе нацистской Германии, последние десятилетия русской военной эмиграции — обо всем этом читайте в новой книге историка Белого движения Олега Гончаренко.

ББК 63,3(2)61